

Родная № 2(20)' 2012 **ЛАДОГА**

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»;

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

*Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Ясенева В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — начальник Управления международных связей аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заместитель председателя Совета ассоциации российских дипломатов.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помощник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ Валерий Леонидович (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — княгиня, вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ

«РОДНОЙ ЛАДОГЕ» — 5 ЛЕТ! <i>Избранные поздравления, поступившие в редакцию журнала</i>	5

ПОЭЗИЯ

«Мы будем петь: Христос Воскрес!» <i>Стихи поэтов России</i>	15
Николай Зиновьев	51
Олег Чупров	54
Геннадий Верещагин	116
Владимир Марухин	120
Евгений Юшин	185
Валентина Ефимовская	190
Вадим Терёхин	252
Валентин Семёнов	255
Андрей Ребров	317

Русский ПАЛОМНИК

Николай Бурляев. В паломничество за Благодатным огнем.....	22

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Александр Дугин. Великое время. <i>Русская Пасха</i>	25
Николай Скотов. Погружение во тьму или Путеводные огни. <i>Русская классика сегодня</i>	271

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Наталья Нарочницкая. «...Встать на позиции тех, кто стоял к Поясу Богородицы...»	28

ТРАДИЦИЯ

Василий Белов. Весна. <i>Очерк о народной эстетике</i>	34

ЛЕСТВИЦА

Владимир Крупин. «И ударили на Пасху колокола!»	38

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Жак-Жан Сарраф. Форпост Православия на Ближнем Востоке	45
Борис Ключников. Мультикультурализм размывает атлантическое единство.....	85
Елена Гуськова. Косовский театр дипломатических действий и Россия.....	106

Наша СТРАТЕГИЯ

Евгений Примаков. Взгляд в будущее из прошедшего. <i>О тенденциях 2011 года, влияющих на путь России в будущее</i>	57

Точка ЗРЕНИЯ

Валентин Фалин. Путешествие в прошлое или Изотопы истины	66
Михаил Леонтьев. О текущей политической ситуации в России и не только.....	77
Евгений Титков. «Историю мы выбрасывать не можем». О сталинском повороте к Церкви	149
Сергей Кургиян. Три цвета времени или Перестройка-2. <i>Экспресс-анализ митинга, состоявшегося 10 декабря 2011 года в Москве на Болотной площади</i> ..	244
Николай Дорошенко. «Самый последний глоток воды» или «Кого рядом с Пушкиным на книжную полку поставишь?»	293

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Леонид Ивашов. Жаркая работа департамента «С». <i>Климатическое оружие: блеф или реальность?</i>	100

История и современность

Никита Михалков. Вершить конкретное русское дело	123
Валерий Ганичев. Рубежи истории — рубежи России. <i>Посвящается</i> <i>Году российской истории</i>	143
Андрей Сахаров. «Не уступая Наполеону». Александр I и Наполеон Бонапарт. <i>К 200-летию Бородинского сражения</i>	178
Юрий Помпеев. Они забвенья не простят. <i>Патриотический этюд</i>	239

ПРОЗА

Дмитрий Rogozin. Банка с недоноском. <i>Из повести «Барон Жолток»</i>	127
Нина Школьников. Лебедь белый, лебедь черный	233

Тени России

Илья Глазунов. Император и Поэт	138
Станислав Куняев. Сергей Куняев. «...И читал стихи Императрице». <i>Есенин в Царском Селе</i>	264

ДОСЛЕДСТВИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). «...Остается одна Россия» <i>К 200-летию изгнания войск Наполеона</i> <i>с Земли Русской</i>	157

Пути познания

Митрополит Калужский и Боровский Климент. Религиозное осмысление личного жизненного пути Константина Леонтьева	194

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	197

ЛЕГЕНДЫ

Ольга Куликовская-Романова. «Россия объединяет всех в любовь!». <i>К 400-летию Династии Романовых</i>	203

Русские СУДЬБЫ

Татьяна Доронина. Вопреки времени. <i>Из дневника актрисы</i>	209

Великая провинция

Валентин Распутин. Планета Сибирь. <i>Публикация посвящается</i> <i>75-летию великого русского писателя</i>	216

БЕСЕДА

Философия выбора Юрия Бондарева. Валерий Сдобняков <i>беседует</i> <i>с Юрием Бондаревым</i>	225
Глеб Горбовский. «Стихи пишу постоянно, это суть моей жизни...» <i>Интервью с Г. Я. Горбовским</i>	260

Северная столица

Сергей Некрасов. «Лица день заветный...»	278

Вопросы образования

Александр Корольков. Пушкин о полупросвещении и модернизация образования	284

Критика, литературоведение

Лиляна Булатович-Медич. Золотое перо Новицы Джурича	289

Петербургский писатель

Ольга Сокурова. Дети Победы на литературном фронте	303

ЮБИЛЕЙ

«РОДНОЙ ЛАДОГЕ» — 5 ЛЕТ!

*Избранные
поздравления,
поступившие
в редакцию журнала*

* * *

Для всех, кто любит наше Отечество — Великую Россию — большая радость, что журнал «Родная Ладога» выходит вот уже пять лет. Само слово «Ладога» для меня значит очень много, как в моей личной жизни, так и в нашей бескрайней многовековой истории. С Ладогой связано имя великого славянского князя Рюрика, внука новгородского князя Гостомысла. Как правило, сегодня об истории русского народа пишут враги, а в Вашем журнале мы можем читать объективные, научные, исторически правильные заключения разных авторов, которых объединяют любовь и желание познать историю нашей великой Родины. Спасибо Вам!

*Илья Глазунов,
Народный художник России*

* * *

Уважаемые члены редакции журнала «Родная Ладога», поздравляем вас с первой юбилейной датой вашего славного литературного издания, способствующего национальному возрождению, восстановлению исторических связей, возвращению страны на путь закономерного самобытного развития. Ваш известный стране журнал является необходимым звеном культурной жизни современной России, связанным с вековой классической традицией Северной столицы. Успехов и Божией помощи во всех ваших добрых делах и начинаниях.

*Н. П. Бурляев,
Народный артист России,
президент Международного
Кинофорума «Золотой Витязь»*

* * *

Поздравляю санкт-петербургский журнал «Родная Ладога» с первым юбилеем. Желаю журналу жизни долгой, дай Бог ему всегда быть нужным читателям.

*Татьяна Доронина,
Народная артистка СССР,
художественный руководитель Московского
художественного академического театра им. М. Горького*

Федеральная служба охраны Российской Федерации
Центр по связям с прессой и общественностью

**Обращение ФСО России
к читателям журнала «Родная Ладога»**

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать читателей журнала.

Федеральная служба охраны Российской Федерации от всей души поздравляет журнал «Родная Ладога» с пятилетним юбилеем.

В последнее время появляется много новых печатных изданий, но ваш журнал на фоне массового «глянца», несомненно, являет собой пример качественной, высокохудожественной журналистики, которая не может не восприниматься с живым интересом заинтересованной читательской аудиторией.

Ваш издательский проект весьма актуален. На страницах журнала получают освещение не только жизнь и деятельность нашего современного общества, но и события прошлых лет, яркие страницы отечественной истории.

Большой интерес у читателей вызывают художественные публикации в вашем журнале. В них наиболее зримо воплотилось возрождение лучших принципов и исторических традиций, характерных для российских литературных изданий.

Убежден, что пристальный интерес к вашему журналу у читателей никогда не будет ослабевать.

Пользуясь случаем, благодарим коллектив редакции за отличную высокопрофессиональную творческую работу, уверены в дальнейших успехах вашего проекта.

*Советник директора
Федеральной службы охраны Российской Федерации
С. В. Девятов*

**АССОЦИАЦИЯ
РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ**

119200, г. Москва,
Смоленско-Сенная площадь, д. 32/34
МИД РФ
тел. 244-32-80
факс: 244-32-85

№ 15 от 14.02.2012г.

Членам Редакционного Совета и
Редакционной Коллегии культурно-
просветительского и литературно-
художественного журнала «Родная
Ладога»

Уважаемые друзья,

Члены Совета Ассоциации российских дипломатов сердечно поздравляют Вас, всех сотрудников журнала со славным юбилеем – 5-летием со дня выхода первого номера Вашего журнала.

За этот весьма небольшой срок Ваш журнал смог завоевать симпатии и уважение большой армии читателей во всех концах нашей Родины и занял достойное место среди российских изданий, прежде всего, своей ярко выраженной патриотической направленностью.

Приятно отметить что, как насыщенность его материалами и фактами культурно-просветительского и литературно-художественного плана, так и проявившаяся особенно в последние годы тенденция к широкому и многоплановому освещению вопросов истории, актуальных проблем внутренней и внешней политики России и международной жизни, обогатили журнал новым, еще более интересным содержанием.

Отрадно, что вы привлекаете к активному участию в освещении этих проблем на страницах вашего журнала известных российских политиков, опытных дипломатов – членов нашей Ассоциации, а также регулярно публикуете произведения поэтов Смоленки.

Со своей стороны нацелены на дельнейшее сотрудничество с Вашим журналом и рассчитываем на то, что оно будет плодотворно развиваться и расширяться.

С искренними пожеланиями дальнейших творческих успехов,

С уважением,

Председатель Совета АРД

П.С.Акопов

ФОНД
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ

127051 Москва. Россия. Ул. Трубная, д. 21/11 Тел./факс: +7 495
7898087

Web: www.perspektivy.info E-mail: info@perspektivy.info

Фонд исторической перспективы поздравляет Санкт-петербургский литературно-художественный и культурно-просветительский журнал «Родная Ладога» с юбилеем!

Мы с большим удовлетворением отмечаем ваши успехи в деле укрепления духовно-нравственного потенциала народа России. Ваш журнал создавался и формировался во времена, когда нападкам подвергались основы нашего бытия, наша история и культура в целом. Это время оставило неизгладимые следы в российском обществе. И в те тяжелые годы, и в наши дни вы не устаете пропагандировать традиционные культурные и национальные ценности, способствующие сохранению русского культурного кода. Для людей старшего поколения вы являетесь отдушиной, а для молодого поколения – ориентиром на честный труд на благо Отечества.

Радуетесь вашим успехам и рассматриваем вас как наших верных партнеров в нелегком труде, направленном на возрождение России.

Желаем сил и Божьей помощи в вашем благородном деле!

С уважением,

Президент
Фонда исторической перспективы

Н.А.Нарочницкая

* * *

С берегов Волги на берега Невы шлем самые искренние поздравления нашему другу и соратнику — журналу «Родная Ладога». Пять лет — это только начало большого пути. Но и за этот срок сделано очень многое. Уверены, что еще большее будет сделано вами впереди.

*От коллектива журнала «Вертикаль. XXI век»,
главный редактор Валерий Сдобняков, Нижний Новгород*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ШЕСТОГО СОЗЫВА

ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

1 марта 2012 г.

№ _____

Членам редакционной коллегии
журнала «Родная Ладога»

Поздравляю литературно-художественный журнал «Родная Ладога» с 5-летием!

Для современного издания это возраст, когда без сомнения можно говорить о достижениях не только литературного плана, но и просветительского характера, о положительной роли журнала в культурной и даже политической жизни страны.

Желаем здоровья, вдохновения, успехов всем создателям журнала, несущего радость уму и свет сердцу.

С глубоким уважением,

Депутат Государственной Думы
Федерального собрания
генерал армии

М.А.Моисеев

* * *

Дорогие друзья и коллеги, от имени Межрегионального общественного фонда «Родное пепелище» позвольте поздравить вас с пятилетием вашей деятельности на поле неувядаемой русской словесности! На наш взгляд, журнал имеет свое неповторимое, совершенно отличное от других журналов «лицо», глубоко содержателен, интересен и в хорошем смысле этого слова полезен. Со страниц журнала говорит вся Россия — и это замечательно, потому что отвечает присущему нам духу соборности. Мы с вами!

*Председатель фонда «Родное пепелище»,
протоиерей Владимир Чугунов*

Общероссийская общественная организация
ПРАВЛЕНИЕ

119146, МОСКВА, Комсомольский проспект, 13

т. 8-499-255-77-76

**В редакцию журнала «Родная Ладога»,
главному редактору Андрею Реброву**

Дорогие Андрей Борисович и Валентина Валентиновна!

Правление Союза писателей России поздравляет коллектив редакции, редакционный совет, авторов и читателей журнала «Родная Ладога» с первым юбилеем — 5-летием со дня выхода первого номера.

За эти пять лет журнал стал одним из самых интересных, духовно насыщенных изданий. И что очень важно — журнал выходит регулярно, что в наше время является тоже большой заслугой редакции, учредителей и добрых благотворителей.

Мы поддерживаем курс журнала на защиту духовно-нравственного наследия России, исторических традиций и норм общественной жизни. Поддерживаем православную направленность идеологии журнала.

Мы рады, что в «Родной Ладоге» публикуются многие и многие члены Союза писателей России, которые работают в национально-патриотической русской традиции. Начиная с Валентина Григорьевича Распутина, Юрия Васильевича Бондарева, Василия Ивановича Белова, Владимира Николаевича Крупина, за пять лет в «Родной Ладоге» напечатаны произведения многих и многих наших писателей. И не только из Москвы и Санкт-Петербурга, публикуются писатели из Самары, Кургана, Вологды, Краснодарского края — да со всей России.

Название у журнала замечательное. Ладога испокон веков своей природной мощью, своей победной историей давала пример величия, постоянства, целостности, державности. Ладога ассоциируется у нас и с древней нашей столицей, и с рождением русского флота, и с нашей великой древней культурой, и с Дорогой жизни в Ленинградскую блокаду.

Теперь Ладога достойно ассоциируется у нас и с прекрасным, сильным журналом.

Успехов вам, дорогие друзья, на творческом и государственническом, патриотическом поприще.

Правление Союза писателей России

* * *

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляем вас с пятилетним юбилеем вашего замечательного коллектива! Пусть в предстоящее время с вами пребудут вдохновение, деятельная любовь к Родине, верность идее возрождения России. Пусть ваш коллектив остается сообществом единомышленников и друзей. Здоровья вам и вашим семьям на долгие годы и процветания вашей деятельности на Благо Отечества!

*Л. Г. Ивашов,
Президент Академии геополитических проблем*

* * *

С детства и отрочества я очень любил песню «Родная Ладога», мы ее всегда-всегда пели. Духоподъемные слова «метели», «штормы», «Дорога жизни» наполняли нас мужеством и гордостью за свое Отечество. И журнал с таким хорошим названием пролагает тоже Дорогу жизни, но уже на новом, духовном, уровне. Журнал необыкновенно нужен, очень полезен для современного состояния России. В нем анализ происходящих событий дается с единственно верной точки зрения — с православной. Поэзия и проза в журнале несут на себе печать таланта авторов и любовь к России. Срок 5 лет — это, по нынешним временам — целая эпоха.

Желаю сотрудникам «Родной Ладоги» прежнего мужества, энергии и понимания необходимости журнала для Отечества. Для меня большая честь быть в числе авторов этого славного издания.

Владимир Крутин

* * *

Поздравляю «Родную Ладогу» с 5-летием. Желаю творческих успехов замечательному современному журналу, который собирает лучшие творческие силы и публикует произведения писателей, продолжающих традиции Великой русской литературы.

Василий Белов

* * *

Поздравляю «Ладогу» с первым своим юбилеем! Слава Богу, что наша «младшая дочка» начинает уверенно ходить по бурелому русской литературной жизни. Обещаю подкармливать младенца новыми своими «литературными продуктами», по возможности экологически чистыми.

*Станислав Куняев,
главный редактор журнала «Наш современник»*

Московское городское отделение
Общероссийской общественной организации
ветеранов Вооруженных Сил
Российской Федерации
**Комитет ветеранов ВС РФ
г. Москвы**

125009, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 9, стр. 7
Телефон/факс: (495) 629-77-75
email: komitet_veteranov@mail.ru
www.komitet-veteranov-msk.ru

Исх. № от «6» 03 2012 г.

Редакционной
коллегии журнала
«Родная Ладога»

Поздравляем «Родную Ладогу» с 5-летним юбилеем! Мы рады, что на протяжении пяти лет журнал смог не только зарекомендовать себя как одно из авторитетных и интересных современных изданий, но и удержать высокий профессиональный уровень публикаций лучших представителей российской прозы, поэзии и публицистики. Рады сотрудничеству, основанному на нашей обоюдной неиссякаемой любви к России.

С уважением,
*Председатель Комитета ветеранов ВС РФ г. Москвы,
Член Координационного совета «Общероссийского
народного фронта» в городе Москве,
Профессор Академии военных наук,
Лауреат премии им. А.В. Суворова,*

генерал-майор

Голобородов А.Ф.

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального
образования «АРЗАМАССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. А. П. ГАЙДАРА»
(ФГБОУ ВПО «АГПИ»; АГПИ)

В редакцию журнала
«Родная Ладога»

ул. К. Маркса, 36 г. Арзамас
Нижегородской обл., 607220 тел.-факс:
(83147) 4-15-53 e-mail: agpi@nts.ru

на №

от

Уважаемые Андрей Борисович и Валентина Валентиновна!

От лица всего коллектива Арзамасского госпединститута сердечно поздравляю вас с юбилеем культурно-просветительского и литературно-художественного журнала «Родная Ладога».

В настоящее время ваш журнал действительно является жемчужиной в литературном пространстве нашей страны, это ее гордость, сила и надежное будущее. «Родная Ладога» позволяет более глубоко проникнуть в мир русской литературы, с философских позиций проанализировать ряд проблем, приобщиться к русской православной культуре. Авторы ряда произведений, опубликованных в журнале, являются не только великолепными литераторами, но и педагогами по призванию, просвещающими умы и ограждающими души наших детей от растления.

Коллектив сотрудников журнала — это коллектив подвижников, занимающихся укреплением духовного, интеллектуального и культурного потенциалов нашей страны, предоставляющих своим читателям возможность анализировать с разных позиций сложные проблемы бытия, духовно развиваться. Они сгорают, порой, физически, но то добро, которое они несут в мир, будет жить вечно в памяти нашего народа.

Отрадно осознавать, что вот уже на протяжении многих лет Арзамасский пединститут имеет возможность сотрудничать с журналом «Родная Ладога». Благодаря такому взаимодействию мы вносим весомый вклад в обучение и воспитание молодежи, в расширение их кругозора, в приобщение к литературным шедеврам современности, в становление истинных патриотов своей страны, бережно относящихся к культурному наследию своего народа, способных отстаивать честь и укреплять мощь России.

В связи с юбилеем мы желаем вашему коллективу дальнейшего процветания, оптимизма, достойных побед и наград, надежных друзей, соратников по духу. Уверены, что ваш труд во благо достойного развития нашей страны по достоинству будет оценен соотечественниками.

*Ректор АГПИ, доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
Член Высшего Творческого совета Союза писателей России
Е. П. Титков*

* * *

Я от души поздравляю редакцию журнала «Родная Ладога» с 5-летним юбилеем. Я чувствую себя чрезвычайно счастливой, так как благодаря вам в моей жизни открылась новая страничка — возможность сотрудничества со столь замечательным периодическим изданием как ваш журнал. Материалы, написанные замечательными авторами и известными личностями, которые вы публикуете на страницах журнала, обогащают и вдохновляют нас, знакомят нас с духовной жизнью в России, укрепляют чувство патриотизма, я уверена, у читателей не только в России, но и за границей.

Мне, живущей в Австралии, особенно ощутима значимость этого издания. Несомненная исключительность журнала в том, что он является как бы мостом, соединяющим русских людей, живущих в России, и нас, живущих вдали от своей исторической родины. Наша любовь к России крепнет благодаря знакомству с вашим духовно- и культурно просветительным журналом.

Ко всему вышесказанному мне еще хочется добавить, что для меня большая честь сотрудничать с редакцией журнала и делиться скромными рассказами о нашей зарубежной жизни.

Желаю редакции и всем работникам журнала дальнейших успехов и процветания. Бог в помощь!

*С любовью, Галина Кучина,
писатель, Австралия*

* * *

5 лет — казалось бы, малый срок — для литературно-художественного и общественно-политического издания в наше время не так уж мал. В наше время, когда за три дня, по выражению В. В. Розанова, могут «слинять» целые вековые государства, пятилетняя деятельность «Родной Ладоги» представляет собой отрадное явление культурной жизни Санкт-Петербурга и всей России. Тем более заметна «Родная Ладога», когда большинство «толстых» отечественных изданий явно клонится в сторону либерализма. Это касается как западнических, так и, вроде бы, патриотических изданий. Чтобы противостоять соблазну пустой свободы — свободы от Бога, Родины и самого себя — нужно твердо стоять за правое дело. Вот такое «стояние за правду» и есть главное достоинство «Родной Ладоги». Это несомненная заслуга главного редактора Андрея Реброва и всей редколлегии журнала. Есть еще порох в пороховницах! Мои поздравления замечательному петербургскому журналу!

*Александр Казин,
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой
искусствознания Санкт-Петербургского университета кино и телевидения,
старший научный сотрудник Российского института истории искусств*

ПОЭЗИЯ

**Протоиерей
Андрей ЛОГВИНОВ
(Кострома)**

* * *

«МЫ БУДЕМ ПЕТЬ: ХРИСТОС ВОСКРЕС!»

Стихи поэтов России

Россия — черница
На первой седмице поста.
Взмывает, как птица,
Святая ее красота.

Как в пору молитв
Меняется русский народ!
Припав на колени —
Он в рост богатырский встает.

Канон покаянный
Хотя бы на вечер, на миг,
В душе окаянной
Меняет личину на лик.

Вседневною быта
Слетает с нее шелуха.
Слезам омыта,
Она первоначально тиха.

Как будто бы оптом
Собрали мучительный грех —
И погран он, втопан
В чернеющий мартовский снег.

Все — братья и сестры!
Все в звездах церковных свечей!
В посту даже воздух
Живительней всяких речей.

**Сергей ХОМУТОВ
(Рыбинск)**

* * *

За Чистым четвергом,
со строгой чистотою
Явившимся тебе
прозреньем неземным,
Придет особый свет,
над нынешней тщетою,
Ты обретишь себя
совсем иначе с ним.

Перехлестнула путь
    непроходимость смуты,
Истерзанных ночей,
    рассветов ледяных,
Когда в тебя летят
    и сквозь тебя минуты,
Как пули бьют и бьют,
    и не уйти от них.

И некого судить,
    ты сам судим и грешен,
Оправдан лишь одним —
    что каяться умел,

И до сих пор любил,
    и на любви замешан
Твой каждый новый срок
    среди насущных дел.

Как завтра на тебя
    своим прищуром глянет —
Не в том сегодня суть,
    помысли о другом:
Что главное — все то,
    чем жизнь еще предстанет,
Случится только там —
    за Чистым четвергом.

Юрий ПЕРМИНОВ (Омск)

* * *

Сшитые мамой из ситца
шторки раздвину...

    Пора
доброе света — гнездится,
тихий, в поселке с утра.
Нынче не хмуро ни здесь, ни
в городе — тоже родном...

В окна рассветные песни
птицы вдыхают — потом
хватит их, чтобы согреться
в самую скорбную стынь...

...Так проступает на сердце
лик Иисуса. Аминь.

Виктор СМЕРНОВ (Смоленск)

* * *

От вербной дымящейся почки,
От зорь, что бросают в озноб,
Меня отлучили от почвы —
Жить бросили в каменный гроб!
Прощай, земледельца порода,
Округа отцов, матерей.
Но отнятая природа
Вдруг в песне воскресла моей!
И яблонька сердца касается,
От вьюги весенней бела.

И верба такая красавица,
Какой никогда не была!
И светится память любовью,
Судьбу не корю, не крою.
И глажу я камень ладонью
Так нежно, как вишни кору.
И камень поет безголосо.
И слышу я: корнями рвет
Железную крышу береза —
И прямо мне в сердце растет!

Алла ЛИНЕВА (Липецк)

* * *

Как пышно майское убранство.
Не зря всю ночь лилась вода:
Умылось сонное пространство,
Дома, деревья, провода.

Я в школу сына проводила
И наблюдала из окна:
Дымилось в небесах кадило,
Дышала свежестью весна.

Геннадий ПОПОВ (Орел)

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

А. Я.

Простим природе раннюю промозглость,
Тревожный крик души в полночный час...
Так близкие, покуда любят нас,
Прощают нам характер или возраст.

На вербах почки чуть зазеленели...
Еще пути в полях не размело.
Молчи, молчи...
Последние метели,
Как лебеди, ложатся на крыло.

Их тень прозрачна, сущность невесома...
Осели за туманами снега.
Погода, словно женщина спросонок,
Капризна, своенравна и строга.

Холодная весенним ожиданьем...
Оставим речь за дерзость суеты.
Пусть трепетно закроет губы дланью
Благоговейной, страстной немоты.

Легко в лесу, слегка заиндевелом,
У таинства охранной тишины...
И только снег без края — в мире белом.
И все слова — неточны и грешны.

Сергей ФИЛАТОВ (Бийск)

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вся жизнь моя — строка (не путайте со «строчкой»)
Чего-то не успел, чего-то не сумел...
Пробел. Еще пробел. И впору ставить точку.
Но где-то в тишине, но где-то в глубине...

Надеяться и ждать. И верить (корень — вера).
А вдруг. Сейчас. Вот-вот.
Вот-вот... Сейчас... А вдруг...
Проклонится на свет апрельский, словно верба,
Пусть не строка. Пусть звук... Вначале будет звук.

Виной всему предел. Вернее — нет предела,
Конца и края нет. И края края нет.
И храм, и вербы, и... грядущий понедельник.
И где-то в тишине, и где-то в глубине...

Валентина ТЕЛЕГИНА (Пермь)

ВЕРБНАЯ НЕДЕЛЯ

От земли до неба — тишина.
Тишиной душа напоена.
Тишиной душа защищена
И молитвою освящена.

Даль за перелесками ясна,
Чистая, зовущая, сквозная,
И над ней — от края и до края —
Молодого неба глубина.

Вербочки торжественно-тихи,
В чуткой дреме веточки ольхи,
Молятся рябинка и сосна.
В Божьем мире — Божья тишина.

Наполняюсь радостью весенней,
Таинством душа напоена.
Пред лицом Христова Воскресенья
От земли до неба — тишина...

Татьяна ЕГОРОВА (Санкт-Петербург)

* * *

Пасхальный звон плывет с небес,
Летит над лесом гул весенний.
Мы будем петь: Христос воскрес! —
От Пасхи и до Вознесенья.

Скворцы приветствуют весну,
На ветках лопаются почки.
Березок тонких белизну
Прикрыли легкие сорочки.

Блестит травы зеленый пух,
Старинный парк расцвел до срока.
И уловляет чуткий слух
Грозы, еще далекой, рокот.

Вот стрелы молний, как салют,
Сверкнули; дождь пошел танцую.

А дети радостно бегут
И ловят дождевые струи.

Омылся влагой Божий мир,
Господню благодать приемля.
И солнце — золотой потир —
Улыбкой озарило землю.

Валентин СОРОЧКИН (Брянск)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Приумножает пашня плод,
Что умер, падши ниц со стебля.
Жизнь разумеет свой черед,
Восстав из пепла.

И солнце благостно, и плоть
Чиста, очистившись от стужи.
Не оставляй, храни, Господь,
Наш мир и души.

Незрим среди листвы и трав,
Ты — здесь — как свет, как вешний ветер,
Своею смертью смерть поправ —
Высок и светел.

И дольний прах, что скрыт во мгле,
Восходит отзвуками речи
Навстречу солнцу и земле:
«Христос воскрес!..»

Василий КОЗЛОВ (Иркутск)

ВОСКРЕСЕНИЕ

Пред храмом замер крестный ход,
Как год, как век назад,
И в ожидании народ
Застыл у древних врат.

И золотые купола
Из мрака смотрят в нас.
И так торжественно светла
Открытость ясных глаз.

Христос Воскрес! Христос Воскрес! —
Взлетает до небес,
Но и с восторженных небес
Гремит: Христос Воскрес!

Ударил колокол с небес.
И чудо из чудес:
— Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Воистину Воскрес!

Юрий ЛОЩИЦ (Москва)

В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ

Пасхальный этюд

Снег сойдет.
Вдруг лесные поляны
нам гербарий зимы обнажат.
Не сгорев, не истлев, не увянув,
все в зеленом,
травы лежат.
Что за папоротник!
Эко диво!
Каждый лист разглажен к тому ж.

Я-то думал:
не перенесли вы
этих вьюг хриплогорлых и стуж.
Сколько жизни
в распластанной плоти!
Дрожь в любом различаю листе.
И, под песнь о воскресшем Христе,
вы
один
за одним
встаете.

Протоиерей Владимир ГОФМАН (Нижний Новгород)

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Какая ночь! И тишина повсюду.
И благовест торжественный окрест.
Земля притихла в ожиданье чуда...
Христос Воскрес!

За окоем
с улыбкою печальной,
и посылал, покуда не исчез,
любовь и мир
земле многострадальной...

А в небесах, в густой полночной сини,
где полный лик луны смертельно бел,
над грустными равнинами России
пресветлый ангел медленно летел

Христос Воскрес!
Воистину Воскрес!

Александр СУВОРОВ (Сыктывкар)

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Ночь над храмом — словно сон святого.
Ловит вечной бездной, не дыша,
Каждое молитвенное слово.
К тайне Воскресения Христова
Прикоснись, очистившись, душа.

Прикоснись к небесной благодати
И до самых слез ее вдохни.
Не о славе думай, не о злате.
Где-то там, на жизненном закате,
Ждут тебя Пасхальные огни.

Не исчезнет жизнь твоя, не канет,
Прахом не рассыплется, как плоть.
Тьмой глаза твои не затуманит,
И тебе воскреснуть час настанет,
Смертью смерть с молитвой побороть.

Господи! Как ночь Твоя бескрайна!
Знаю, не откроется вовек
Ни святым прозреньем, ни случайно
Воскресения Христова тайна,
Ибо недостоин человек.

Но огни Пасхальные, как свечи,
Не погаснут в душах христиан.
Слышу, слышу ангельские речи
О великом счастье вечной встречи.
Ночь над храмом — Божий океан.

Евгений СЕМИЧЕВ (Новокуйбышевск)

* * *

На крестный престол, на небесный простор
Господь расстелил полотенце.
Два ангела в небе ведут разговор.
Услышать их может лишь сердце.

Когда Млечный путь упирается в грудь,
Сердца открываются чуду.
Друг другу они говорят: «Не забудь!»
И вторят в ответ: «Не забуду!»

И свет не вечерний Звезды вновь и вновь
Простор озаряет небесный.
И все, что вложили мы в слово — Любовь,
И есть Млечный путь этот крестный.

Русский ПАЛОМНИК

Николай БУРЛЯЕВ ПАЛОМНИЧЕСТВО ЗА БЛАГОДАТНЫМ ОГНЕМ

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 году в Москве. Закончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Шукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине, Оберхаузене, Сан-Франциско, Акапулько др. Создатель и бессменный Президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь». Председатель Международного Объединения Кинематографистов Славянских и Православных Народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 года. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Фонд Андрея Первозванного оказал мне честь паломничества в Иерусалим, чтобы впервые присутствовать при чудесном таинстве нисхождения Благодатного огня.

Рано утром 25 апреля, подъехав к зданию Фонда, я увидел подле автобуса много родных лиц: Валентин Григорьевич Распутин, Владимир Николаевич Крутин, в аэропорту с радостью встретил руководителя нашей делегации Владимира Ивановича Якунина, тогдашнего министра культуры А. С. Соколова, старых знакомых из Государственной Думы и Совета Федерации. Всего летит 120 человек.

И началось наше незабываемое паломничество...

Едва приземлившись в Тель-Авиве, на автобусах двинулись в Иерусалим и, не заезжая в гостиницу, с 10 до 22 часов, в темпе бегунов на очень длинные дистанции посетили все основные святые места Иерусалима. К ночи, не чувствуя ног, добрались до отеля.

На следующий день в 7.00 — подъем, завтрак и по автобусам. Инструктаж бывалых паломников настраивал на самый боевой лад. Предупреждали, что такого количества паломников в Иерусалиме никогда не было. Обещались всевозможные испытания: и то, что кто-то может не попасть в Храм Гроба Господня, и то, что любого могут вытолкать прикладами прочь, невзирая на чины и достоинства, что всем надо держаться друг за друга... Вспомнился эпизод из «Иванова детства», когда капитан Холин перед переходом линии фронта требует всех участников похода попрыгать — «не звякает ли в карманах, и не шваркают ли в них спички». Страха не было, была уверенность, что мы все преодолеем.

Каждому выдали по цветастой косыночке на шею, для опознавания нашей группы и к ней какую-то карточку с надписями на иврите, которую я, сочтя знаком производителя товара, оставил в автобусе. Потом оказалось, что я оставил в автобусе — пропуск в Храм Гроба Господня.

И мы пошли... Вернее побежали по старому городу, как конвоируемые пленные: «шаг влево, шаг вправо — расстрел». Отстал — пропал! И все же было радостно: со всех сторон слышалась только русская речь. Со всех улиц и переулочков толпами валили православные, ведомые батюшками с крестами. 100 000 паломников прибыли нынче в Иерусалим воспринять Благодатный огонь. Из них 50 000 русских!

Перед первым же контролем всех заставили приготовить пропуска, а моего пропуска — нет! Сообщил об этом идущим рядом. Те лишь пожали плечами. Первый заслон одолел, так как полицейские запутались с проверкой пропусков, и я просочился, как прослойка в пироге между двумя собратями. Перед вторым кордоном, как манну небесную, наш красноярский коллега вручил мне пропуск (у него по счастливой случайности оказалось два!). Перед третьим кордоном нас разделили: В. И. Якунина с несколькими сотоварищами повели одним путем, а нас оставшихся — другим. Оказалось, что нас привели в тупик. Путь закрыт. Крики: «поворачивайте обратно!» Бежим по каменным улочкам обратно. Давка, крики израильской полицейской девицы: «Назад, стрелять буду!»

Вот и двери Храма Гроба Господня. Идущие впереди просачиваются внутрь. Передо мною двери начинают закрывать. Что-то кричу, толкаюсь и все-таки прорываюсь внутрь. Двери закрывают прямо за мною, отрубив часть наших собратей. Несусь по свободному патриаршему проходу едва ли не до самых заветных Дверей Гроба Господня. Ищу наших. Понимаю, что наше место не здесь. Возвращаюсь назад, и нас втискивают в ограждение отведенного нам пространства, рассчитанного человек на 40, нас же — около 100, не считая просочившихся с нами украинцев, молдован, грузин и прочих православных. Цепляюсь за перекладину парапета, занимая передовое место у патриаршего прохода. И начинается великое стояние. С 10 до 14 часов. В непередаваемой духоте — 40 градусов по Цельсию. Пот течет по шее и лицу. Трудно вытащить из сумки бутылку с водой и камеру, чтобы запечатлеть происходящее. Меня пытаются оттеснить, но я держусь за перекладину ограждения — изо всех сил. Рядом ухватила за ту же перекладину пожилая хохлушка. Ее, как лишнюю, пытается вытеснить, обороняя меня, приятель из Государственной Думы. Но бабуса не сдается! Оглядываюсь, ищу глазами — где Распутин? Не вижу его. (Уже потом узнал, что он был придавлен к стене и ему, 70-летнему сибиряку, было еще тяжелее). Кто-то упал в обморок, кому-то несут воду.

Напротив нас, за аналогичным ограждением — такое же по метражу, как и наше, но почему-то пустующее пространство. Но вот и в него вгоняют сотню греков. Тех, кто не втиснулся, выпихивают прочь. Грек в рясе, следящий за порядком, кричит по-английски нашей сотне: «Не давите!» Шепчу ему на ухо, как это нужно говорить по-русски, он повторяет: «Не давите! Не давите!» — довольный улыбается — контакт налажен! Но вот его место, прямо передо мною занимает здоровенный молодой араб в грязной красной майке. Его спина, как мартеновская печь впаялась в меня, поддавая излишнего жара. Смиренно молчу, терплю, но не выдерживает мой сосед сле-

ва, сотрудник аппарата Правительства РФ. Вступаясь за меня, он толкает араба и требует, чтобы тот отошел. Но он непоколебим, как скала. Вход в Кулуквию запечатали огромной печатью. По проходу движутся оседлавшие друг друга молодцы с барабанами в руках и дикими воплями. Так проходит четыре часа!

Смирненно взирая на этот «Содом», успев помолиться всего раза три за все время стояния, я то и дело думал об одном: разве мы, грешники, спресованные у Гроба Господня, как сельди в раскаленной бочке, толкающие друг друга и ругающиеся, достойны того, чтобы Господь ниспослал нам Благодатное Чудо, простил нас и поверил нам еще раз?.. А снизойдет ли в этот раз Огонь?..

Наконец, в 14 часов, прямо мимо меня прошел со свитою Патриарх. С моего места плохо виден вход в Кулуквию. Кто-то сообщает о том, что Патриарх совершил Крестный Ход, его обыскали и впустили ко Гробу Господню. Прошло всего 12–15 минут, и единый выдох шквалом пронесся по двенадцатитысячному собору христиан: из Кулуквии вышел Патриарх со свечами, слепящими несказанным белым огненным светом. Благодатный Огонь вновь послан человечеству. Нам дарован еще год жизни. Спустя несколько секунд я поджёг свои пучки свеч у кого-то из собратьев.

И несказанная радость, восторг охватили и меня грешного. Признаюсь, что я не видел никаких чудес вокруг: ни световых всполохов (разве что вспышки фотокамер), ни нисходящую огненную росу... Но я ощущал всем сердцем, что Чудо — свершилось. Благодатный огонь снизошел. Вокруг всеобщее ликование. Всеобщее братство во Христе, во Благодати Божией.

Как было наказано — немедленно двинулись к выходу, побежали по старому городу к автобусу. Огненное море плескалось вокруг. Тысячи людей несли полыхающие свечи и фонарики, которые они должны разнести по всему миру. Все, как и мы, торопились в аэропорт к своим рейсам, взлетающим из Тель-Авива один за другим.

В самолете В. И. Якунин заглянул в наш салон и протянул мне восковой шарик от Печати с Гроба Господня. А в аэропорту нам вручали специальные лампы «летучая мышь» с благодатным огнем. Взял две, и не напрасно. В автобусе обнаружил, что у В. Г. Распутина лампы нет. С радостью дал ему одну, он с благодарностью принял.

Тронулись в центр Москвы. По всему пути следования мерцали благодатные огоньки. Их мерцание сливалось в светоносные ручейки и реки: православные бережно несли огонь в свои жилища. Около полуночи добрались до Храма Христа Спасителя. Протиснулся со своей лампой внутрь. Вижу — в ложе стоят два руководителя России: В. В. Путин и Д. Н. Медведев. Оба, как положено православным — крестятся. Видеть это было радостно для сердца. Ведь если это искренне, то значит еще не все потеряно для Руси.

Александр ДУГИН

ВЕЛИКОЕ ВРЕМЯ

Русская Пасха

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 году в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог (доктор политических наук), социолог (профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, руководитель Центра консервативных исследований Социологического факультета МГУ), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

Сейчас удивительное время. Особый ритм, который сбивает обычное, вовлекает в иное. На Страстной неделе каждый день не простой, но великий. Великий понедельник, Великий вторник, Великая среда, Великий четверг, Великий пяток, Великая суббота... А в Светлое Воскресение Христово солнце пляшет на небе, православное наше солнце, и как пляшет... Каждый из Великих дней — больше года, больше века, больше вечности. Он вбирает в себя таинство, которое длится всегда, которое было всегда, которое свершилось в истории когда-то, и все время осветилось, разрослось, рухнуло в вечность, и времени, обычного времени больше не стало... Только Великое время...

В этом Великом времени все перестает иметь свои привычные границы — и подвиг, и предательство, и милость, и жестокость, и страдание, и восторг, и верность, и жалость, и родственное, и дружеское, и безразличное — все проникается судьбой Божества, озаряется новым светом, православным светом, великим светом... Страстная неделя — резюме мировой истории, краткое содержание бытия, путь человека, экономия великого сострадания Божия. Далеко за пределы реальности уходят нити этой недели.

За семь волшебных и страшных, страстных и сосредоточенных дней переживаем мы историю всей реальности... Сколь прекрасна, выскока, ужасна и восхитительна вера наша, древняя вера, вечная, чистая и спасительная, нет ее краше, слаще, светлее...

А за Пасхой — новое чудо, новое время, сплошная седмица. Православие утверждает вещь для рационального сознания совершенно абсурдную: эта неделя — Светлая Седмица — есть не неделя, а один

сплошной день, день Светлого Воскресения Христова. Ночь теперь не ночь, вечер не вечер, сон не сон, постов среды и пятка нет, только радость, восторг и праздник —

Христос Воскресе!

Воистину Воскресе!

Смертию на смерть наступи и гробным живот дарова...

«Гробные», «живущие во гробах» — это о нас, о нас с вами. Тела наши, дела наши, мысли и чувства наши — все это «гробное». Мир, не просветленный Христом, укрывающийся от него, ускользающий, не доверяющий, не открытый ему сердцем, не горящий — холодный, будто залитый дождем, — это гробный мир, и живут в нем гробные... И им (т. е. нам), гробным, отверзаются новое небо и новая земля, выбираются они на поверхность из нижних этажей мрака и уныния и смотрят на лучи преевечного света. И удивляются в сердце своем: такого мы никогда не видели.

Мы встречаем Христа, Спаса нашего, мы отверзаем сердца и уста и выпускаем в тусклые сумерки души сладость пакибытия.

Воистину Воскресе! И это неотменимо и навечно, и врата ада попораны, и враги сокрушены, и победа нам необоримая дарована.

Воистину! Воистину!

Случилось.

Вера Христова — русская вера. Мне возразят: Православие — Вселенская Церковь, открыта она для всего человечества. Отождествлять ее с русскими — значит сужать ее значение, низводить до статуса национальной религии. Есть такое понятие «ересь филетизма», то есть «любовь к своему народу». Для врагов Православия — особенно из числа западных христиан — это центральный аргумент как против Византии, так и против Руси. К сожалению, поддался на это — довольно поздно впрочем, в 1872-м — и Константинопольский патриарх, глава Фанара. Но что нам они, отменившие священный юлианский календарь, сдающие основы Православия на потребу униатам?.. Что они нам, друзья?..

Где же здесь низведение? Где сужение? Разве русский человек не открыт четырем ветрам? Разве он не распят в пространстве, истекая кровью, страдая за других, беря на себя ношу и тяжесть странной и страшной истории мира? Разве русский человек — это не Вселенная? Не вся скорбящая, жмущаяся, вопиющая, роскошная реальность мира? Разве вены его не реки? А кости его не холмы? А плечи его не отроги гор? А глаза его не солнце и луна? А дыханье его не ветра земли? Разве русский человек только человек и все? Никак не все, он много, много больше... Он великоросс, «великий русский», больший, чем просто русский, чем он сам... Он радуется, и грустит, и крестится, и подносит к иерею розового щекастого младенца своего прямо к чаше, прямо к Богу, и не запрещает Бог прикладываться, и не удаляет трясущегося, кривоплечего, убогого, плачущего, женщину в черном платке, потерявшую дочь, и безусого юношу, обретшего любовь, смущенного случайно зашедшего и привычного нарядного служку, всех русских вмещает Бог, и русские — вослед — вмещают в себя всех, тесно и покладисто нежно и настойчиво, и пропадают все народы в русском и не узнают более себя, миг — и нету никого, только русские, и лишь солнце пляшет над ними, русское наше солнце...

Пляшет... Великие дни — русские дни, и Светлая Седмица — русская седмица.

Упоительный народ, последний и первый, растерянный и собранный, уведенный тайной мечтой за далекие горы, зарывшийся в черные отверстия земли, непонятный никому и ничему, тщательно ищущий безымянного и неосязаемого, умирающий, преданный народ, гробный и вновь воскресающий, снова и снова неизменно проходящий подземными глубинными тропами и голубиной белизной взметающийся в прозрачные воздуха красного прохладного утра...

В русской Пасхе воскресает природа мира, наша природа, мать-пустыня, роскошная, как барыня, как дева, как вселенский острый болезненный уют. Страдайте с нами, умирайте с нами, убивайте с нами, пойте с нами, идите с нами, исчезайте в нас, спогребайтесь с нами, поститесь с нами, повергайтесь с нами ниц, пропадайте с нами, любите с нами, ненавидьте с нами, чтобы с нами воскреснуть, чтобы войти в Русскую Пасху, в великую Пасху Христову.

То, что русские — великий народ — это аксиома, она не может быть доказана, так как не требует доказательств. Подлинное величие не унижает других, не делает их мельче. Как воскресение не убивает, не попирает их, но спасает. Настоящее величие возвеличивает все, к чему прикасается. В нем нет ненависти, в нем только восторг, радость, веселие и любовь. Это пляшущее величие.

Я читал недавно книгу **Эвлея Челеби**, турецкого путешественника по Крыму. Он сообщает: «В начале мира Всевышний, всемогуществом своим праотца Адама из глины сотворяя, подобие татарина ему придал». У мелкого националиста (не татарина) это вызовет раздражение. У рационалиста — презрительную усмешку. У великоросса это вызывает чувство большой и искренней радости. Вот здорово! Хитрый турок догадался! Первый человек, конечно же, был русский человек. Но это отнюдь не значит, что он не был татарин, евреем, армянином, персом или японцем. В логике Великих Времен, где дни больше, чем века, семь равно одному, иная арифметика. Молодец татарин, если он тянется к великому, хочет сораспяться миру, стать больше, чем он есть, значит, это не просто татарин — это русский национальный татарин, настоящий первочеловек, понятный нам в своей загадочности, конкретный в своем ускользающем величии... Хороший татарин, одним словом, родом из Вечной Руси.

Не надо делать из нашего духовного праздника назидательное наставление. Но нечего и скрывать — сегодня наш Праздник, наш восторг, сегодня поднимаемся мы и расправляем плечи, и поднимаем руки, и целуем друг друга, и обнимаем мир, и Вселенная просветляется нами, с нами, для нас, ведь Вселенная тоже русская, должна быть русской, она нам, и не только нам, нужна именно русской, восставшей из ада современности, покинувшей гроб... И пусть врагу останутся лишь пелены.

«Что с мертвыми ищите источника живота?» Его там нет. Воскрес тридневен и мир совоскресил.

Светися, светися, Новый Иерусалиме! Мы точно знаем теперь то сладкое избранное место, где соберутся народы встречать Тебя. Крепко сердечно знаем.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

**Наталья
НАРОЧНИЦКАЯ**

**«...ВСТАТЬ
НА ПОЗИЦИИ ТЕХ,
КТО СТОЯЛ
К ПОЯСУ
БОГОРОДИЦЫ...»**

Политические события конца 2011 — первой четверти 2012 года показывают, насколько прав был русский философ П. Е. Астафьев, отметив в качестве одного из самых печальных и тяжелых состояний нации, когда она, не имея идеалов и положительных целей, не может четко сформулировать, чего она хочет, но точно знает, чего больше не хочет, в чем разочарована.

Такой исторический момент мы наблюдаем сегодня. И это состояние массового агрессивного пессимизма, жажды абстрактного ниспровергательства, в сущности необоснованного, очень опасно, потому что им могут воспользоваться самые разные недоброжелатели.

Ощущение усталости общества от фальши надо было давно заметить властям и отказаться от исчерпавшей себя даже для интересов власти партийно-политической структуры. Причина массового раздражения не столько в фальсификациях, которые стали поводом массовых протестов, ибо они на порядки меньше, чем в 90-е, когда общество с ними мирилось! Причина вообще не в выборах, которые пришлось на этот период.

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, эксперт в области международных отношений и внешней политики России, специалист по США и Германии. В 1982–1989 годах работала в Секретариате ООН в Нью-Йорке. В 2004–2007 годах — депутат, заместитель председателя Комитета по международным делам Государственной Думы Российской Федерации IV созыва. С 2004 года — учредитель и президент Фонда исторической перспективы. С 2008 года возглавляет парижское отделение российского некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества». Н. А. Нарочницкая является членом Попечительского совета Фонда «Русский мир», Совета Императорского православного палестинского общества. **Живет в Москве.**

Это итог сугубо рационалистической концепции развития общества, которое духовно и нравственно оскудело до опасного предела. Повсеместно упадок нравов, опошление культуры, поведения. Это не просто огрубение нации — это процесс, который размывает основополагающие моральные, этические, нравственные нормы, составляющие основу социальной ткани, в которой личность осознает себя как часть поступательного движения своего Отечества.

Общество атомизируется, а отдельная личность лишена ценностных ориентиров. Традиционные ценности объявлены необязательными, о них поколение «модернизаторов» вообще никогда не вспоминает! Ибо они-де не дают ответ на вызовы современности. Остается жизнь как источник наслаждений, равнодушные ко всему, что не касается тебя лично, понятие Отечества девальвируется, родина там, где меньше налоги, а история родной страны — предмет саркастических комиксов, людям внушают не гордость, а стыд за свою страну, — нигде в мире с этим не приходится сталкиваться!

Но очевиден и неизбежный итог: даже достижение материального благополучия и «успеха» у подавляющего числа граждан не приносит удовлетворения. Напротив, у многих из тех, кто обрел существенные материальные блага, а не только у «неуспешных», растет раздражение, недовольство окружающим миром, властью, самим собой, обществом. Что же удивляться, что и успешные, и неуспешные перестают отождествлять себя с Россией и готовы покинуть ее... Недовольны все, и все недовольны всем и всеми, хотя в 90-е годы было куда хуже, да и обмана было даже больше! Но больше было надежд на то, что это было временно! Но в отсутствие ясных ориентиров преобладающим настроением совершенно разных слоев стало сегодня иррациональное тотальное отрицание.

Общество переживает состояние массового маниакально-агрессивного обличительства. С одной стороны, нарастает социальный пессимизм, разочарование в демократических институтах. С другой стороны, под влиянием как лево-коммунистической, так и западнической нигилистической пропаганды нарастают радикальные настроения — вновь «сокрушить всё до основания». В этой группе парадоксально оказались вместе как воинствующие либералы-западники, открыто презирующие всю русскую историю, так и ностальгирующие чуть ли не по сталинским временам. Но радикалов объединяет лишь жажда ниспровергать, и злобная яростная грубая полемика в Интернете последнего периода вызывает глубокую грусть.

На голом отрицании никогда не рождается созидательная цель, которая бы объединила общество, и такой протест бесплоден и ведет к разрушению и упадку, которым всегда пользуются враждебные силы. Какими бы искренними побуждениями ни руководствовались пришедшие на митинги люди, дивиденды от их протеста однозначно в нынешней ситуации получают лишь те, внутри страны и за рубежом, для которых кость в горле — это начатый нами в новом веке самостоятельный путь.

Перед нами задача пробудить положительную энергию, выявить, сформулировать созидательные мотивы, способные объединить людей во имя достижения подлинной исторической цели. Ибо человек вообще, и тем более русский человек всегда жил «не хлебом единым». Без подлинного смысла жизни бесплодны любые попытки эффективного экономического и социального прорыва, модернизации, социальной гармонии.

Попробуем встать на позиции тех, кто стоял к Поясу Богородицы... Их было в десять раз больше, чем на всех протестных акциях вместе взятых, хотя среди поклонявшихся Святыне были и протестовавшие против «нечестных выборов». У нас есть претензии к власти и политикам, к фальшивой парламентской партийной системе, но они все же более глубокие, чем у идеологов, пытающихся приватизировать «болотный импульс».

Наше историческое задание заключается в том, чтобы, не поддаваясь эмоциям, оценить историческую суть происходящего и то, куда политические вихри нас могут увести, сформулировать некое задание на будущее. На одном отрицании, тем более на пафосе ниспровержения, не вырастет плод, а попутчики никогда не станут соратниками, ибо нет цели, которая бы объединила ради созидания.

Все же власть, кажется, всерьез озаботилась настроениями людей. Как выражаются дипломаты, это вселяет даже некоторый «осторожный оптимизм». Судя по программным документам, власть озаботилась именно тем «заданием», которое она почувствовала со стороны не вечно «презирающей» «несистемной» оппозиции, а от основной части общества, подлинно болеющей за будущее место России в мире, за судьбу русского народа. Эта наша часть общества тоже весьма и весьма по разным вопросам радикально настроена и жаждет, требует серьезных перемен. Но это протест созидательный. Мы хотим серьезной коррекции курса, мы хотим не назад в 90-е, куда хотят вернуть страну лидеры «Болотной» (а именно они и «приватизируют» неизбежно весь протест!), а мы хотим вперед, нам надо еще резче повернуть руль, а не останавливаться на полпути.

Надо, наконец, в XXI веке двигаться в сторону подлинно христианского социального государства. Идея справедливости была в течение веков узурпирована антихристианским учением, но она вытекает из 25 главы Евангелия от Матфея, и это заповедь социальной ответственности государства — сильного, в отношении слабых.

Коррупция, которая присутствует во всем мире, у нас вышла из пропорций, которые может «переварить» здоровое государство, и это стало национальной проблемой, торпедирующей и все благие начинания самой власти, и развитие экономики и социума. Избавление от коррупции — это процесс долгий. В 60-е годы во Франции коррупционность достигла такого масштаба, что ни один вопрос не решался без «связей» и ведомственных договоренностей. Как утверждают французские эксперты, около 30 лет системных верных мер потребовалось для сведения коррупции к явлению частного порядка. Для нас — это слишком долго. Для России ближайшие 10 лет должны стать решающими. Государство должно создать благоприятные условия для зарождающихся в обществе позитивных процессов, а не чинить препятствия. А для человека православного важно поступать не только не нарушая закона, но и порядочно, благородно.

Конечно, нам нужна модернизация. Но разве модернизация — это простое финансирование каких-либо лабораторий, отдельных центров? Разве не было у нас раньше многих лабораторий вроде «Сколково»? Модернизация — это понятие широкое, тем более применительно к России, где в 50-ти километрах от столицы целые поселки еще живут с водонапорной колонкой в условиях бездорожья, с печным отоплением. Россия огромна и многоукладна, центры производства и потребления далеко разнесены, перевозка

любых товаров очень не скоро окупает вложения, критически необходимый для выживания отопительный сезон велик как нигде, глубокое промерзание почвы, неведомое Европе, многократно удорожает фундамент и коммуникации для любого строительства и производства. Высокотехнологичное производство, при котором снижается удельный вес природных условий, пока не занимает главного места в нашей экономике, поскольку развитие регионов требует пройти не постиндустриальную, а прединдустриальную стадию — дороги и коммуникации.

Модернизация — это и обеспечение современным бытом и социально-культурной инфраструктурой всей русской глубинки. Наличие канализации, а не качество сантехники (хоть из «золота» как в «рублевских» дворцах) подтверждает, что страна находится на современном цивилизационном уровне. Если же в домах нет внутреннего зимнего водоснабжения и современного отопления, то это отставание в модернизации на 50—100 лет. Модернизация начнется тогда, когда в провинции раздастся шум строек, когда в каждый дом войдут газ и водопровод, а в малых городах и селах появятся асфальтированные улицы.

Именно исконно русские области сегодня являют собой зияющий упрек государству — до чего можно довести свое родовое гнездо, откуда «есть, пошла русская земля», где испокон веков реализовывал себя средний — не гений, а обычный средний русский человек! Тот, что на четверки окончил школу, техникум, скромный вуз и стал инженером, технологом, квалифицированным рабочим, местным учителем, местным врачом, преподавателем, офицером армии... Его профессии сейчас в упадке из-за сохраняемой гайдаровской структуры экономики, а цветут оборотный капитал и торговля завозными товарами. Поэтому и происходит люмпенизация основной массы русского населения, ибо бывший инженер беднее продавца сигарет.

С 2007 года вынашиваю идею подъема и развития старинных русских малых городов Центральной России, например Козельска, о котором школьные учебники рассказывают как о русской твердыне времен татаро-монгольского ига. Это же наша живая история: Оптина Пустынь — центр духовных исканий русских людей, духовный очаг современности; Таруса — символ драматической судьбы русской интеллигенции в XX веке; Жуков — родина маршала Г. К. Жукова; Обнинск — центр русской науки; Малоярославец — город, где была окончательно сломлена гордыня Наполеона.

Например, в Калуге, центре Калужской области, много высших учебных заведений. У этой территории сильные научные традиции, там работали Константин Леонтьев, Циолковский. Но сегодня любой области, региону необходим перечень образовательных заведений для воспроизводства нужных профессий и производство для сохранения социальной структуры.

Людам, живущим в малых городах, надо, прежде всего, дать работу, а для этого в свою очередь надо использовать современные средства связи — мобильные телефоны и Интернет, ибо уже давно в условиях огромной России можно работать дистанционно, приезжая в контору всего пару раз в неделю, чтобы получить и сдать задания. Такой подход выгоден не только экономией времени, но и снижением экологической нагрузки на атмосферу от транспортных выбросов... Значит, в любом небольшом старинном русском городе можно создать проект, который обеспечит части его жителей возможность работать, не выходя из дома, а интеллектуалам реализовать себя, не перебираясь в большие города.

Я считаю, что без развития российской глубинки невозможно реализовать никакие «новые» концепции развития. Задача «догнать» какие-то развитые страны или подражательная «догоняющая» модернизация, которую продолжают проповедовать российские западники, — все это неэффективные устаревшие теории якобы «единого для всех» пути развития. Философ-социолог В. Г. Федотова суммирует последние выводы мировой науки о модернизации и ссылается на крупнейшего ее представителя американского ученого Айзенштадта: настало время национальных проектов модернизации, сегодня не капитализм западного типа перемалывает национальные культуры, а наоборот, национальные культуры перемалывают западный наднациональный капитализм и берут из него только то, что нанизывается на рычаги, свойственные конкретной национальной культуре.

России необходимо развивать малые города, создавать между ними паутинки экономических, социальных и культурных связей, коммуницировать их пространства. Необходима дальнейшая индустриализация страны, развитие производства с востребованием квалифицированного труда, который приезжие дворники не смогут выполнять. Это автоматически поднимет статус русского народа без всякого акцента на национальности. Здесь уже не помогут чуждые нам кланово-родовые связи пришельцев, которые в торговле и при коррупции делают их более конкурентоспособными. Восстановление производительной экономики — это стимул к возрождению исторической и социальной энергии роли русского народа как стержневого народа русской истории и территории.

В историческом плане территориальность, территориальное сознание возникли раньше государственности, недаром русские князья всегда клялись Русской землей, хотя единого государства в современном понимании еще не было. Объединение в нацию, создание русской нации произошло после Куликовской битвы, когда на поле брани пришли тверичи, галичане, костромичи, москвичи, суздальцы, смоленцы, а ушли русские люди, именно русские, объединившиеся ради сохранения культурно-генетического кода исторической нации. Этот фактор обязательно надо учитывать при реализации любых экономических проектов.

Надо заниматься проблемами русского народа. Мы не против кого-то, мы за русский народ. Мы хотим сохранить его культурно-исторический генетический код как код самоценной этнической и национальной общности — основателя и стержня российской государственности.

В гражданско-политическом плане мы, конечно, россияне. Россияне — неплохое слово, но оно всего лишь определяет гражданство и связанные с ним экономические, налоговые и гражданско-юридические аспекты. Но нацию и культуру рождает только национальный культурно-исторический код. Именно он делает нацию субъектом, двигателем истории! Мы — русские, и не запрещайте нам так себя называть! Мы дали имя нашему Отечеству — России, мы дошли от Буга до Тихого океана и привлекли в свой исторический проект другие народы! Не хороните нас преждевременно! Как сказал Иван Ильин — «русский народ не растерял своего призвания и своих сил, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!»

Не будет русских — не будет России. Сохранит себя русский народ, восстановит свою историческую энергию — расцветут вместе и другие народы, связавшие с нами свою судьбу и сохраняющие ей верность! Об этом

никогда нельзя забывать, иначе нашей стране грозит деградация. Мы всегда считали русскими тех, кто сохраняет в себе чувство сопричастности к культурно-философским и историческим аспектам русского гражданского бытия. Никакого насилия над личностью быть не может, но все-таки государство — это сиюминутный преходящий политический институт, созданный нашими грешными руками («нечего на зеркало пенять» нам, пока сами себя не приведем в порядок!). Но Отечество — это дар Божий, вселенская историческая и метафизическая сущность, отражающаяся в особом территориальном аспекте самосознания.

В этом национальном задании первым инструментом должно стать нравственное воспитание как неотъемлемая часть образования. Никакими арестами никогда не искоренить коррупции, если с младенчества ребенок не будет засыпать, переживая о том, что солгал или взял чужое... В обществе, утратившем понятие стыда и греха, порядок не может поддерживать и полицейский — он сам порождение такого общества. Не может быть смысла жизни в достижении успеха, если он измеряется чисто материальными критериями, а не способностью пройти испытания, не потеряв честь, любовь, не украв, не слукавив. Честные выборы могут быть в честном обществе, где честь, долг, вера, Отечество, любовь и дружба дороже не то что успеха, а дороже жизни! Человек должен ощущать страх перед Богом и людьми за несправедный поступок, а наказание и общественное порицание за это должно быть неизбежным, тогда сохранится грань между добром и злом.

Но сейчас время не теорий, а действий. Все, что мы могли сказать и написать, мы сделали уже в 90-е годы. Это пройденный этап. Сегодня нужны реальные, пусть малые, но дела, которые помогут людям самоорганизоваться для решения их проблем, иногда даже в области воссоздания духовно-культурной среды обитания.

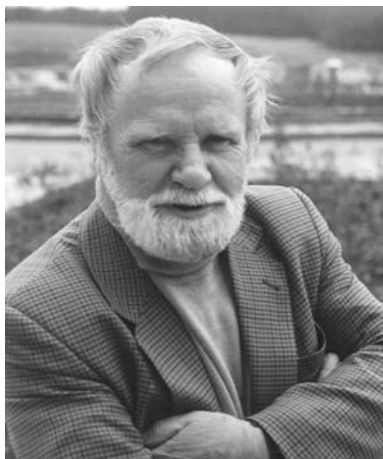
В людях, прежде всего, нужно поддержать веру и уверенность в том, что их ожидания не будут игнорированы. Совсем недавно у подавляющего большинства было полное ощущение, что наше государство, начиная с 2000 года, последовательно постепенно возрождается — и это многого стоит. Были восстановлены честь и достоинство на международной арене, особенно после Мюнхенской речи Путина, которая поставила жирную точку в дискуссиях с Западом.

Для восстановления и развития этих ощущений нам нужна национальная стратегия, нужна энергия солидарности и суверенитет духа. Прежде всего, нужно осознание элитой, финансовой и политической, всей социально-активной частью общества того, что мы должны быть сопричастны нашей многовековой истории и будущему, мы должны из народонаселения стать нацией — единым преемственно живущим организмом, в котором в момент исторического вызова возобладает ощущение общности над всеми частными разногласиями.

Основной массе людей, которая всегда нутром чувствует, где правда, а где ложь, важно поверить в то, что наше государство имеет свою, национальную модернизационную, укорененную в традициях и ценностях стратегию развития. Если такой уверенности не будет, то все разочарования нанижутся на одну нить, и это окажется для страны опасно и трагично.

Нельзя этого в очередной раз допустить! Нам нужна Россия, не встроенная в чей-то исторический проект, а нам нужна наша Россия, отвечающая нашим чаяниям.

ТРАДИЦИЯ

Василий БЕЛОВ

ВЕСНА

*Очерк
о народной эстетике*

Василий Иванович Белов — родился в 1932 году в деревне Тимонихе Вологодской области. Учился в школе ФЗО, работал столяром, электромонтером, окончил Литинститут. Признанием его заслуг стало присуждение Гос. премии СССР, Гос. премии РФ в области литературы и искусства, награждение орденами: Трудового Красного Знамени, Ленина, «За заслуги перед Отечеством» и Преподобного Сергия Радонежского. Близ своей деревни Тимонихи он восстановил разрушенную церковь Успения. Собственноручно настилал полы, сделал по всем канонам престол, иконостас. В течение трех лет вкладывал свои сбережения в восстановительные работы. И сейчас в церкви открыт приход. **Живет в Вологде**, но часто и подолгу бывает в родной Тимонихе.

Когда-то все на Руси начиналось с весны. Даже Новый год. Христианские святцы легко ужились с приметами языческого календаря, чуть не на каждый день имелась своя поговорка:

6 марта — Тимофей-весновей.

12 марта — Прокоп — увяз в сугроб.

13 марта — Василий-капельник.

14 марта — Евдокия — замочи подол.

Говорили, что ежели Евдокия напоит курицу, то Никола (22 мая) накормит корову¹. Приметы, рожденные многовековым опытом общения с природой, всегда определенны и лишены какого-либо мистицизма. Например, если прилетели ласточки, надо не мешкая сеять горох.

Неясны, расплывчаты границы между четырьмя временами года у нас на Севере. Но нигде нет и такого контраста, такой разницы между зимой и летом, как у нас.

Весна занимала в году место между первой каплей и первым громом.

17 марта — Герасим-грачевник.

30 марта — Алексей — с гор вода.

4 апреля — Василий-солнечник.

9 апреля — Матрена-настовица.

14 апреля — Марья — зажги снега, заиграй овражки.

28 апреля — Мартын-лисогон.

29 апреля — Ирина — урви берега.

В крестьянском труде после Масленицы нет перерывов. Одно вытекает из другого, только успевай поворачиваться. (Может, поэтому и говорят: круглый год.) И все же весной приходят к людям свои особые радости. В поле, в лесу, на гумне, в

¹ Даты приводятся по новому стилю. Подробности о народном календаре см. в книге Ив. Полуянова «Месяцеслов». Архангельск, 1979.

доме, в хлеву — везде ежедневно появляется что-нибудь новое, присущее одной лишь весне и забытое за год. А как приятно встречать старых добрых знакомцев! Вот к самым баням подошла светлая талая вода — вытаскивай лодку, разогревай пахучую густую смолу. Заодно просмолишь сапоги и заменишь ими тяжелые, надоевшие за зиму валенки. Вот прилетел первый грач, со дня на день жди и скворцов. Никуда не денешься, надо ставить скворечники — ребячью радость. А то вдруг вытаяла в огороде потерянная зимой рукавица... И вспомнишь декабрьский зимник, по которому ехал с кряжами для новой бани.

Кстати, не больно-то раздумывай о том, что было. Было да прошло. Надо, пока не пала дорога, вывезти из лесу последнее сено, да хвою на подстилку скоту, да дров-сушняку, да собрать по пути капканы, на лыжах пройдя по большому и малому путику.

И вот лошадь, пофыркивая, трусит поутру от деревни. На возу с полдюжины вершей, чтобы не тащить потом натоделью. (Вот-вот объявится щучий нерест: надо пропешать в озере выхода и поставить ловушки.) Обрато — с возом сена или хвои. Пока лошадь отдыхает и хрустит зеленым сенцом, пока солнце не растопит голубой наст, успевай сходить в чащу присмотреть и пометить деревья для рубки под сок. Еще набрать сосновой смолы — просила бабушка для приготовления лекарства. Хозяйка намек сделала: наломать бы сосновых лапок на помело. Тоже надо. Долго ли? Минутное дело, а вспомнить приятно, и срубить по дороге шалаш тоже требуется: как раз токуют тетерева... Еще нарубить березовых веток для гуменных метелок. И только потом, когда лошадь направится к дому и запискивают гужи, можно и подремать на возу либо затянуть песню про какого-нибудь Ваньку-ключника...

Весной старухи и бабы белят по насту холсты. Вытаскивают из погребов и перебирают семенную и пищевую картошку, заодно угощают деток сочными, словно только что с грядки, репами и морковью.

Проветривают шубы и всякую одежду, развешивая ее на припеках, потому что моль боится солнышка. Девки продолжают прясть на беседах, мужики и парни усиленно плотничают. Ремонтируют хозяйственный инвентарь: сбрую, телеги, бороны. Вьют веревки, спихивают с кровель снег.

Пускаются в ход тысячи извечных примет, люди гадают, какая будет весна и чего ожидать от лета.

У многих коровы уже отелились к этому времени. Другие ждут с часу на час. Хозяйка-большуха даже ночью ходит проведывать хлев. Дети тоже ждут не дождутся, им уже надоело без молока. И вдруг однажды утром в избе за печью объявилось, запостукивало копытцами. Большие глаза, мокрые губы. Шерстка шелковая. Гладить ходят все по очереди. Первые дни молоко, вернее молозиво, только теленочку, потом, если великий пост уже кончился, хлебают все. Молоко в крестьянских семьях не пили, как теперь, а хлебали ложками, с хлебом вприкуску либо с киселем, с толокном, с ягодами.

Скотина после долгого зимнего стояния в душном темном хлеву по-человечески радуется весне. Просится на воздух, на солнышко. И когда коров ненадолго выпускают во двор, иная подпрыгивает от радости.

Между тем стало совсем тепло, дороги пали. Начали освобождаться от снега поля и луга. Старики поглядывают на небо, прислушиваются сами к себе: какова весна? Затяжная и холодная или короткая и теплая? Не упус-

тить бы посевной срок. Тот, кто расстался с трехполкой и вводит культурный севооборот, утром по ледяному черепку уже рассеял клевер.

С тревогою в сердце люди ходят смотреть озимь: не вымокла ли, каково пересилила зиму? Ведь матушка-рожь, говорится в пословице, кормит всех сплошь. И скотину, и птицу, и крестьянскую семью.

Все это ладно, но когда же сеять? Иной торопыга, не успела еще ройда¹ выйти, поехал пахать. Обрадовался, свистит погонялкой. Выкидает семена в холодную землю — глядишь, уже с осени ребятишки пошли по миру. Другой не подготовился вовремя: то семян не запас, то у лошади сбил плечо. Этому тоже неурожай.

В хорошей деревне мало таких чудачков...

Все готово, но когда все-таки выезжать?

В шутку или всерьез, не поймешь, но в народе говорили так: «Выйди в поле и сядь на землю голой задницей. Сразу узнаешь, пора сеять или погодить требуется».

Но вот самый опытный, самый рачительный хлебопашец выволок соху и запряг поутру кобылу. И все ринулись в поле как по команде...

Заскрипели гужи, пропахшие дегтем, сошники запохрустывали мелкими камушками. В небе, над полем, заливаются жаворонки. Пахари посвистывают, подают лошадям команды: «Прямо! Прямо!» Или на завороте: «А что, забыла за зиму, где право, где лево?»

И лошадь, конфузливо махая хвостом, поворачивает туда, куда надо.

Вообще на севе у пахаря и коня должно быть полное взаимопонимание. Если начнут скандалить — ничего не получится. Хороший крестьянин пашет без погонялки, лошадь свою не материт, не ругает. Действует на нее лаской, уговорами, а иногда стыдит ее, как человека. Норовистый конь не годится на пашне.

А борозда за тобой идет да идет, и грачи тотчас садятся в нее, тюкают носами в родимую землю.

(Автор считает своим долгом не только упомянуть имена некоторых людей, откликнувшихся на журнальную публикацию «Очерков»², но и привести здесь, хотя бы и отрывочно, их высказывания по поводу интересующей нас темы. Алексей Михайлович Кренделев из Харькова пишет, например, что «главным рычагом, поднимающим человека на его человеческое место, всегда был труд. Так вот, труд крестьянина в этом отношении был особенно благотворен. Ведь крестьянский труд и крестьянский быт так переплетены, так тесно слиты, что часто и разделить их нельзя. В такой пронизанной трудом среде не могла прорасти человеческая гниль: она или изгонялась, или изолировалась настолько, что не могла дать вредных ростков. Так получалось самооздоровление крестьянской массы. Жизнь крестьян русской деревни, особенно дореволюционной, наша литература, в том числе и художественная, иногда изображала примитивной, бессодержательной: мол, мужики — это тупые, глупейшие существа. Но в моем представлении — а я помню и дореволюционную деревню — люди деревни выглядят совсем по-другому. Конечно, глупые бывают везде, бывают даже с дипломами. Но я убежден,

¹ Ройда — мерзлота.

² Наш современник, 1979, № 10, 12; 1980, № 3; 1981, № 1, 5, 6, 7.

что тупые и глупые среди крестьян встречались не чаще, чем в любом другом сословии. В крестьянах времен моего детства было много наивности и, следовательно, правдивости. Они имели житейскую мудрость, но мало имели житейской хитрости, характерной для торгово-чиновничьего сословия. Я не знаю другого примера, где бы работа совершалась с таким старанием и любовью, как работа крестьянина в поле. Пашня, посев, жатва — все превращалось в какое-то священнодействие»).

Это она, земля, кормит и поит, одевает и нежит. Голубит в свое время цветами, обвеваает прохладой, осушая с тебя пот усталости. Она же возьмет тебя в себя и обымет, и упокоит навеки, когда придет крайний твой срок... А пока черная борозда идет и идет полосой. Пласт к пласту ложится на поле. И твой отец, или сын, или жена, или сестра уже запрягают другую лошадь, чтобы боронить, ровнять эту весеннюю землю.

А дед или бабка уже насыпают в лукошко белого крупного семенного овса. Вот не спеша идет полосой вечный сеятель, машет рукой из стороны в сторону. Шаг, второй — и золотой дождь летит из горсти. Отскочив от лукошка, зерна ложатся на свежую землю. Сеятель бормочет про себя какое-то извечное заклинание: то ли поет, то ли молится.

В сосняке, рядом, ребяташки зажгли костер. Девицы, собирая сморчки-подснежники, поют «Веснянку». Земля подсыхает, требуется тотчас забросить семена.

Обычно после овса сеяли лен — одну, самое большее две полосы, затем горох и ячмень.

Была такая примета: надо встать под березу и взглянуть на солнце. Если уже можно сквозь крону смотреть не щурясь, то продолжать сев бесполезно. Только семена зря выкидаешь. Если листва не больше копейки и солнце легко пробивается сквозь нее, то день-два еще можно сеять.

После сева обязательно топят баню. Досталось за эту неделю и людям, и лошадям: мужик отпаривается, конь отстается.

А вот и первая травка.

Первый выгон скотины на пастбище — событие не хуже других. Пастух в этот день кум королю...

Трава растет стремительно. Живая. В лесу, если день теплый, к вечеру иные стебли вытягиваются на вершок от земли.

Глядишь, пора и огороды сажать... Плюют семена овощей в рассадники. Женщина наберет в рот заранее намоченных семян капусты или брюквы и форскнет что есть силы. Семена ровно разлетаются по рассаднику. На ночь укрывают рассадник холщовой подстилкой или даже шубами, если старики посушили заморозок и если кошка жметя к теплой заслонке.

Огород городить — тоже очень важное дело, без огорода скотина за лето все вытравит. У хороших хозяев кол можжевельный, жердь осиновая, вица еловая — изгороди нет износу. У ленивого она из чего придется, потому и приходится городить каждую весну.

Весна кончается с первым теплым дождем и первым раскатыстым громом. Услышав гром, девушки должны кувырнуться через голову, чтобы поясница не болела во время жнитва. Причем надо успеть кувырнуться, пока гром не затих. Хоть в луже, хоть на лужке, хоть в будничном сарафане, хоть в праздничном, все равно кувыркайся. Смех, возгласы и восторженный девичий визг не затихают вместе с грозой.

Владимир КРУПИН

«И УДАРИЛИ НА ПАСХУ КОЛОКОЛА!»

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

*Разбужу царя в Москве,
Утешу старца в келье,
Дитя в колыбели,
Мертвеца в земле.*

*По воздуху летает,
к себе призывает.*

Загадки о колоколе

Наша любимая Россия необъятна и непостижима. Когда в Калининградской области заканчивают вечернюю службу, на Камчатке звонят к утренней. Тут вечер, там утро, и это все в одно и то же время. Но это для нас есть время, а у Господа его нет, Он в вечности. У Господа все враз — и наше прошлое, и летящее настоящее, и будущее. Ведь и у нас не было понятия времени до грехопадения. По своей вине мы стали смертны. Не вразумились ни потопом, ни разрушением Вавилонской башни, ни огнями Содомы и Гоморры. Но велика любовь Отца Небесного к Своим творениям — Единородный Сын Божий взшел на Крест, взял на себя наши грехи и открыл дорогу к возвращению в вечность. Это главная Божия милость — возможность спасения души. Но душу без Церкви Христовой спасти невозможно. А что такое Церковь? Это молитва. А кто зовет к молитве? Колокола. И как представить Россию без колокольного звона? Это невозможно, это все равно, что небо без солнышка. Не случайно же памятник Тысячелетия Крещения Руси в Великом Новгороде сделан в форме колокола.

А нечистая сила боялась колокольного звона. Все в России знали пословицу: «Ехал бес в Ростов, да испугался крестов», то есть знаменитых ростовских церквей. А пуще того, испугался колокольного звона знаменитой звонницы Успенского собора в Ростовском кремле. Высокая, на четыре сквозные арки, и в

каждой свой набор колоколов. Когда колокола благовестили на Пасху и другие праздники, ликовали сердца, хорошели лица, высветлялись души.

Обезголосели наши храмы после революции. Редко-редко прорывался их голос по большим праздникам. Но даже и это досаждало бесам, и в 1930-м году колокольный звон был полностью запрещен. До слез, до боли сердечной доводят страшные кадры документальной хроники — разрушение храмов. Как от фашистской бомбежки оседают стены храмов, взрывается прах и пыль. Но особенно невыносимо видеть, как с колоколен свергаются колокола, беспомощно переворачиваются в воздухе, ударяются о землю, издают последний стон и разламываются на куски.

И все это запредельное варварство преподносилось как исполнение воли народа. Составлялись от имени трудящихся (все, конечно, подтасовывалось) петиции, что колокольный звон мешает отдыхать трудящимся очередной пятилетки или же препятствует выздоровлению. Так, в Свято-Даниловом монастыре была больница и больные якобы жаловались, что им от колокольного звона становится плохо. И замолчали колокола, и что же? Больные стали умирать гораздо дружнее, чем до этого.

Уже в наше время ученые доказали то, что православные давно знали — колокола не только не мешают здоровью человека, а улучшают и оберегают его. Частота колебания колокольных звуков смертельна для различных микробов. История хранит сведения, когда напасти холеры, чумы, сибирской язвы обходили те города, села, приходы, где исправно звонили колокола.

Да что говорить, сказано поэтом: «Чем ужасней бешенство стихий, тем слышней набат на колокольнях».

Как можно без колоколов, как? Вот ночь, метель, буря, как же в такой завихрухе не сбиться с пути? Батюшка посылает звонаря или сам поднимается на колокольню и звонит, звонит, посылая путникам и ездокам сигнал о спасении. Этот звон, как маяк для моряков в штормовую погоду.

Вот старинная и навсегда верная пословица о благовесте: «Первый звон — с постели вон, второй звон — из дому вон, третий звон — в церкви поклон».

У нас в селе была бесстрашная старуха, задолго до тысячелетия Крещения Руси требовала открытия храма, который занял дом культуры.

— Какая культура? — кричала она секретарю райкома, — бесы пляшут, это культура? Верни звон! Вон, у петуха голова во сколь раз меньше твоей, а понимает больше тебя: встало солнышко, поет.

В конце восьмидесятых служба возобновилась. И какие у нас были колокола? Та же женщина где-то разузнала, что можно использовать большие газовые баллоны. Да, их звук был и глуховат, и резок, но они, как могли, помогали людям жить с Богом в душе. И тогда же начали собирать копеечки на покупку колоколов. И насобирали! И люди отдавали их на колокола гораздо охотнее, нежели на другое. Истосковалась душа по небесным звукам.

И ударили на Пасху колокола! Звенели, выговаривали: «Все идите в гости к нам, в гости к нам!». Или старинное: «Тень-тень, потетень, выше

города плетень, а на том плетне петух-лепетун». Эта загадка-скороговорка как раз о колоколе.

Вернулись и свадебные звоны, и звоны ко встрече архиерея, и, конечно, печально-редкие звоны прощания. Но как раз они помогали легче переносить скорбь утраты.

А пасхальным звонам-трезвонам предшествовали звоны великопостные. Да что говорить! А четкие звоны четверговой службы «Двенадцать Евангелий». И теперь вновь возвращается понимание слов из русской классической литературы: «Мы опоздали, уже звонили к “Достойно есть”».

В письмах монаха Сергия Святогорца описывается прибытие на Святую Гору Афон русских колоколов: «Греки не знали такого дива... Когда загудели колокола в стройных русских тонах и металлическая игра их отозвалась в далеком эхе и мелодических замирающих звуках по скатам прибрежных холмов и соседних гор, греки были вне себя от радости и удивления».

Но это воспоминание из первой половины XIX века. А потом была уже грустная «колокольная» история. О ней рассказал писатель-эмигрант Владимир Маевский в книге об Афоне, вышедшей в Париже в 1950-м году:

«Где-то внизу, за неподвижными силуэтами кипарисов и каштанов, внезапно раздался удар колокола. Удар настолько гулкий и мощный, что порожденный им звук как бы сразу наполнил собою всю окрестность. Колокол, породивший этот звук, был, несомненно, настоящим богатырем среди ему подобных, подлинным великаном, столь близким русскому сердцу. Ухнув впервые, он вслед за первым ударом послал в пространство второй, за вторым — третий. А затем все последующие удары стали сливаться в одну сочную мелодию чудесной колокольной музыки. Рождаясь где-то очень далеко внизу, эта музыка, тотчас же нарастая, невидимыми волнами возносилась вверх, разливалась по всей Святой Горе и затем постепенно и тихо таяла в просторах Эгейского моря. Очарование, меня окружавшее, увеличилось вдвое. Теперь я слышал не только едва уловимое монашеское пение, доносившееся из полутемного храма. Теперь с ним чудесно соединялась и эта новая, могуче-прекрасная мелодия, порожденная металлом невидимого колокола-гиганта, так властно напоявшего меня о иных, ему подобных, колоколах, оставшихся где-то далеко, на столь милой, великой и столь многострадальной родине».

Да, это был русский колокол, но он был пленен греческими властями и отдан греческому монастырю, хотя был послан в дар русским монахам из России. Но с нами на Афоне не считались. У нас не было Патриарха, только Синод. А тут война, тут революция. Еще диво-дивное, Божия милость в том, что выжило русское присутствие на Афоне. И поныне Святую Гору оглашают русские колокола.

Как же я был счастлив увидеть в Андреевском скиту колокола — дар Афону вятских купцов Бакулевых, моих земляков. Время, разрушающее скалы, дома, денежные и государственные системы ничего не смогло сделать с искусным литьем, узорами и надписями. Но главное — сохранилась чистота звука.

А еще из афонских колокольных звонов вспоминаются маленькие колокольчики. Это их трели оглашают в темноте ночи коридоры монастырских

гостиниц. Зазвенели они, значит, сейчас ударит колокол. Они похожи на валдайские поддужные колокольчики. Те говорят о дороге, и эти, монастырские, тоже. Здесь, в монастыре, они озвучивают путь к Богу.

Высоким слогом говорит митрополит Илларион в «Слове о Законе и Благодати» о приходе веры Православной в Русскую землю:

*Во единое время вся земля наша восславила Христа
Со Отцом и со Святым Духом.
Тогда начал мрак идольский от нас отходить,
Зори благовестия явились,
Тьма бесовская погибла,
Слово Евангельское землю осветило.
Капища разрушались, церкви возводились,
Идолы сокрушались, а иконы святых являлись,
Бесы убежали — Крест грады освятил.
Апостольская труба и Евангельский гром
Всю Русь огласили,
Фимиами, Богу воскуряемый, очистил воздух.*

Апостольская труба и Евангельский гром — это, в том числе, и о колокольном звоне.

Историки приводят факты, когда колокола в тяжелые годы нашествия врагов снимали с колоколен и переплавляли на пушки. Но пора говорить и о том факте, что, бывало, и пушки переплавляли на колокола. То есть исполнялось евангельское: перекуем мечи на орала (плуги).

И учебники истории искусств не должны обходить показ значения колокольного звона в искусстве. Как слушать оперу Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за Царя» без финального триумфального колокольного торжества? А незабываемая симфония Петра Ильича Чайковского «1812-й год». И симфония Сергея Васильевича Рахманинова «Колокола». Нет числа таким примерам.

В специальной литературе можно найти множество сведений о производстве колоколов, о сплавах металла, о том, как и в какой пропорции составляются медь и олово, и сколько нужно для улучшения звучания добавить серебра, но разве думаешь об этом, когда ударяет колокол и рука сама взлетает ко лбу для крестного знамения.

ТРИ ИСТОРИИ О КОЛОКОЛАХ

Первая: Как человека, меня тянет в места детства, а как гражданина, в места, где свершались великие события моего Отечества. А уж что говорить о величии Херсонеса, откуда от апостола Первозванного Андрея и от равноапостольного Великого князя Владимира пошло по Руси сияние христианства. Первый раз я был там в 1965 году, а потом уже в восьмидесятые. Херсонес был в развалинах. Все валили на войну, но восстанавливать храм не хотели. Шли раскопки. Висящий на перекладине колокол

был безъязыким, хотя уже одно его присутствие украшало и оживотворяло берег. Ведь это не просто место крещения святого князя Владимира, тут тысячам людей было явлено Божие чудо. В русско-французскую (она же и русско-английская) войну святитель Московский и Херсонский Иннокентий служил закладной молебен у места крещения. Вражеская эскадра подошла и прямой наводкой обстреливала собравшихся моряков, солдат, жителей Севастополя. А закладка храма — это не пять минут. Это проскомидия, литургия, водосвятный молебен и собственно закладной. Самое малое, часа четыре. А пушки бьют, а снаряды рвутся. А люди молятся. И ни один из снарядов не попал! Ни один!

А потом цивилизованные французы украли русский колокол в Херсонесе и увезли в

Париж, в собор Парижской Богоматери, в тот, где по периметру его стоят изображения нечистой силы.

Предание говорит, что колокол там молчал, ибо католики иначе звонят в колокола, он у них там весь раскачивается, то есть большее ударяет в меньшее, не как у нас, раскачивается только язык, вызывая к звучанию стенки колокола.

Спустя годы русский корабль ошвартовался в Марселе. Моряки поехали в Париж, а там пошли не по кабакам, быстро, как любят говорить о них, а, чисто по-русскому уважению к культуре чужой страны, посетили главный собор Франции. Глядят — колокол. «Братцы, это же наш. Братцы, да он же из Херсонеса!» И, недолго думая, моряки, никого не спрашивая, ибо возвращали уворованное, сняли колокол, наняли лошадей и увезли в Марсель. А там на корабль и на родину.

Печально было на раскопках. Опавшие листья тихо отзывались мелким каплям дождя, остатки мозаики светились под ногами. Вот и крещальня. Вся она была завалена ветками, бутылками, банками, пробками, всякой пластмассой. Нашел фанерку, стал чистить. Вдруг раздались звуки колокола, но какие-то неровные, странные. Поднялся, увидел, что это мальчишки бросают камешки в колокол. Он отзывался, как бы даже говорил с ними. Увидев меня, они убежали, может, подумали, что я охранник, или еще что. А один, самый маленький, мальчик, не убежал. Он все не мог добросить свои камешки до колокола. Я приподнял мальчика на руки и он, наконец,

попал. Я же нашел длинную палочку и с ее помощью огласил берег призывом к молитве. Так мне казалось. Уж очень было скорбно тогда — разруха и запустение.

Но вот же — вознесся храм, звучат в согласье с небесами его колокола.

История вторая. Она из Смутного времени, и она описана многократно. Просто напомним. В Угличе прервалась монархическая цепь, был убит наследник престола царевич Димитрий. Неслыханное дело. Толпа самосудом растерзала убийц. Церковный колокол возвещал о страшном событии. А комиссия Годунова приговорила: сослать угличский колокол в Тобольск. И жители Углича на себе повлекли его в Сибирь. Как это понять, как представить? Колокол вначале били плетьюми, вырвали язык. Сделали специальные дроги, впряглись в оглобли и повлекли ... на долгие-долгие дни, недели, месяцы.

И вот это особенно дивно сейчас, что колокол, если он, как человек, несет наказание, то является живым, мыслящим, способным самостоятельно совершать поступки. А тогда это никого не удивляло. Это как Крест Господень — Он не вещество, а существо.

История третья. Она произошла на Святой Земле. Начальник Русской Духовной миссии архимандрит Антонин Капустин свершил великое дело — над Елеонской горой, над всем Иерусалимом поднялась колокольная — Русская свеча. И представить без нее Святую Землю невозможно. Именно здесь вознесся в отверстое небо Иисус Христос, отсюда началось апостольское оглашение земель и народов, именно здесь начались последние времена. И с конца XIX века возвещает о них русский Елеонский колокол.

Привезли колокол по морю и по суше из далекой Руси. Доставили на корабле в Яффу, перегрузили на берег, а дальше начался многодневный подвиг — в телегу с колоколом (есть снимки) впряглись паломники. За великую честь считали они тащить непомерную тяжесть. Вязли колеса в песке, застревали в камнях. И был случай, который поразил и потряс иностранцев — одну паломницу сильно придавило колоколом, повредило внутренности, и она умерла. У нее сияло лицо, она радостно говорила всем, что Господь удостоил ее великого счастья — потрудиться во славу Его и пойти к Нему из Святой Земли.

* * *

История же снятия, увоза и возврата колоколов Свято-Данилова монастыря тоже широко известна. Московские предания сохранили выражение «Даниловские малиновые звоны». Вся страна радовалась их возвращению. Будто из долгого плена, из чуждедальной сторонushки вернулись родные до боли глашатаи молитвы. Москвичи шли в монастырь, когда колокола стояли еще на подставках на земле, чтобы хотя бы прикоснуться к ним, погладить, постучать костяшками пальцев и услышать слабый, приветливый отклик.

Нет, не смогли они звучать за океаном так, как у нас. Воздух не тот, облака не те, не те молитвы. А пытались. И даже приглашали специалиста по колоколам Константина Сараджева. Именно он, в начале 30-х, в разгар борьбы с колокольным звоном, предлагал оборудовать «музыкальную коло-

кольню», обещая, что на ней будет до ста различных звонов. Может быть, большевики избавлялись от Сараджева. Но и американцам не понравился мастер, не тот у него был «имидж». И одевается кое-как, и среди ночи может заиграть на пианино, а уж как грубо обращается с металлом колоколов. И напильником пилит, и молотком по зубилу лупит. А вначале заставляет греметь самый большой колокол. Говорит, что под него звучание подстраивает. Да так круглые сутки.

Нерадивые студенты стали сваливать отставание в учебе на звон колоколов. Пресса писала о гражданских правах учащихся. И что? И заболел мастер, и вернулся в Россию. А в России ожидало известие: колокольный звон окончательно запрещен. Как такое вынести? Всего в сорок два года раб Божий Константин Сараджев скончался. Как гимн колокольному звону звучат слова из его сохранившейся в отрывках рукописи: «Сила природных звучаний в их сложнейших сочетаниях не сравнима ни в какой мере ни с одним из инструментов — только колокол в своей звуковой атмосфере может выразить хотя бы часть величественности и мощи, которая будет доступна человеческому слуху в будущем. Будет! Я в этом совершенно уверен. Только в нашем веке я одинок...».

Тончайшие нюансы органной музыки, классика — все подвластно симфоническому богатству колокольного звона. И все же главное в колоколах — их ведущая роль в помощи молитве. В 60-е, когда все храмы Золотого кольца были переделаны под музеи и рестораны, иностранцам демонстрировались колокольные звоны Суздаля и Ростова Великого. Даже, помню, была такая пластинка — крохотный гибкий кружок с записанными звонами. Достать его было невозможно. К прискорбию, делали пластинку, конечно, для иностранцев.

Но вот и мы дождались. И радостно говорил в том же Суздале знаменитый звонарь Павел Павлович Павлов: «Хватит нам только туристов тешить, пора и Богу служить». Но и туристов, и тогда и доселе, поражает проникающая до сердца мощь благовеста. И пасхальные трезвоны-перезвоны, когда на колокольню поднимаются и стар и млад, и всем разрешено Бога славить. А уж как Павел Павлович на Пасху ударял-выговаривал: «Барыня, барыня, барыня — сударыня!»

Дивный цветок — скромный колокольчик. Голубенький, как небо, он качается на нитке стебля, напоминая о том колоколе, которому дал форму. Такое ощущение, что колокол растет лицом к земле, а корни его в небесах. Именно оттуда он приносит надмирные звуки для спасения души.

Между небесами и землей плывет над Россией спасающий, очищающий колокольный звон. Помогает подняться от суеты дня, от житейских забот, обратиться к грядущей вечности. Но ее надо заслужить.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Жак-Жан САРРАФ ФОРПОСТ ПРАВОСЛАВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Жак-Жан САРРАФ, ливанский бизнесмен, политический и общественный деятель. Православный христианин. Родился в г. Триполи, втором по величине после столицы городе Ливанской республики. Получил образование в Ливане и Бельгии. Президент «Малиа холдинг», группы компаний, занимающихся производством лекарств, косметических препаратов, строительством гражданских объектов. Является **Почетным консулом России в Северном Ливане**, сопредседатель Российско-ливанского делового совета и президент Общества ливано-русской дружбы. Награжден российским орденом «Дружбы» и орденами Русской Православной Церкви и Церкви Великой Антиохии и всего Востока. **Живет в Ливане.**

Город Триполи, где я родился, находится на севере Ливана, небольшого арабского государства на восточном побережье Средиземного моря. Название этого города переводится с греческого языка как «три города». Когда-то в древности, три города — Тир, Сидон и Арад, объединились в военно-торговый союз и построили новую столицу город Триполи. Кстати, к моему Триполи часто добавляют слово «восточный», поскольку в Северной Африке есть тоже город Триполи, «западный», столица арабского государства Ливии.

В Триполи мой дом, много родственников и друзей и моя работа в качестве Почетного консула Российской Федерации. Поэтому один-два раза в неделю я бываю в этом городе, принимаю посетителей и гостей. Родная земля дает мне силы и подпитывает энергией, чтобы выполнять многочисленные обязанности, которых у меня действительно сверх меры — и по бизнесу и по общественной работе.

Шоссе на север Ливана идет вдоль побережья, минуя исторические города Жбейль (Библос) и Батрун. Сразу за туннелем перед городом Шекка на высокой горе находится православный монастырь Нурия или монастырь Богоматери—Светоподательницы. Здесь когда-то находился маяк и отсюда происходит это название.

Монастырь Нурия известен еще и тем, что в 1943 году митрополит гор Ливанских Илья Карам молился в этом монастыре за победу Советского Союза над фашистской Германией, вероломно напавшей на Советский Союз в 1941 году. И случилось ему видение Богоматери, которая просила митрополита сообщить Иосифу Сталину, руководителю Советского Союза и Коммуни-

тической партии, кстати, учившегося в молодости в православной духовной семинарии, о том, что победа над фашистской Германией будет обеспечена, если он, Сталин, выпустит из тюрем священников и откроет храмы, а также отправит на Сталинградский фронт Казанскую икону Божьей матери. Илья Карам написал письмо Сталину, последний выпустил священников и открыл храмы, а Казанская икона Божьей Матери были отправлена самолетом в осажденный Сталинград. Послушался Сталин ливанского митрополита или какие-либо другие причины побудили его изменить свое отношение к Русской Православной Церкви точно неизвестно, но эта история послужила основой для нескольких телефильмов, книг и публицистических статей. Илья Карам в декабре 1947 года посетил Москву и Ленинград, был обласкан руководством СССР и щедро одарен церковными орденами, многочисленными иконами и церковной утварью.

Сразу за г. Шека на берегу моря находится небольшой православный монастырь, где настоятельница матушка Екатерина рассказала мне о том, что в Первую мировую войну засевшие в монастыре турецкие солдаты обстреляли показавшееся на горизонте судно. Им оказался русский военный корабль, открывший ответный огонь из пушек. Монастырь был разрушен и простоял в развалинах несколько десятков лет. В начале 90-х годов прошлого века церковь, несколько зданий монастыря и небольшие водоемы для выпарки соли из морской воды были восстановлены, расписана церковь художниками из Русской Православной Церкви За границей, а ярославский город Углич подарил в 1997 году монастырю колокол, звон которого разносится окрест каждое воскресенье. Содействие в получении этого ценного дара оказал проф. Олег Пересыпкин, бывший в то время послом Российской Федерации в Ливане. Сейчас в монастыре работают детский сад и начальная школа для детей с задержкой в физическом и умственном развитии. Мне известно несколько семей, которые привозят детей рано утром из г. Триполи из окрестных деревень и забирают вечером. Матушка Екатерина очень гордится выпавшей на нее долей обихаживать этих несчастных детей, полагая, что это христианское послушание скорее от Бога, чем от людей.

Если позволяет время, то сразу после монастыря я сворачиваю вправо и поднимаюсь на крутую гору, плоская макушка которой покрыта рощей гигантских зонтиков средиземноморских сосен. Еще несколько минут, и я останавливаюсь перед массивными воротами монастыря Баламанд, основанного Клервоским католическим монашеским орденом. Этот орден был создан в 1098 году во французском монастыре Цистериум близ Дижона. В XII веке он был реорганизован аббатом св. Бернаром и его послушники стали называться бернардинцами. Наибольшего влияния орден достиг в XII–XIII веках: только в Европе по моим сведениям он имел 700 мужских и женских монастырей.

По своему монашескому уставу бернардинцам запрещалось выезжать в Палестину в паломнические поездки по святым местам христианства, поскольку там даже в условиях господства крестоносцев не было условий для религиозной жизни. Король созданного крестоносцами Иерусалимского королевства Бодуэн предложил построить монастырь близ Иерусалима, однако св. Бернар отказался от этого проекта.

Неудача Второго крестового похода в Палестину побудила престарелого аббата Клервоского смягчить свою позицию, о чем свидетельствуют его

письма к римскому папе Евгению III в 1149 году и 1152 году опубликованные в материалах Баламандского монастыря. Через пять лет 11 мая 1157 года был принят Акт о создании мужского монастыря Св. Девы Марии Бельмонской, что стало официальной датой его основания. Название монастыря писалось и произносилось по-разному — Бомон, Биамон, Валмонт, Бельмент, что, в общем, обозначает одно — «Красивая гора».

Главным зданием в монастыре Баламанд естественно является церковь, ориентированная на северо-восток. Вход в церковь сделан в середине здания. Тем самым здание делится на две равные половины. По традиции в первой половине ближе к алтарю молились монахи, входившие через специальный вход рядом с алтарем, а в остальной части прихожане. Церковь довольно велика и могла бы вместить 250—300 человек, что говорит о многочисленной монашеской братии и христианской общины.

Монастырская колокольня поднимается над зданием церкви всего на 5—6 метров. Небольшой колокол виден с четырех сторон и приводится в движение длинной веревкой, сброшенной во внутренний двор монастыря. Эта колокольня похожа на небольшой маяк, чем на звонницу знаменитого монастыря, и этому есть свое объяснение. Сооружение колокольни церквей, расположенных в прибрежных районах, было обязательным и только из камня, поскольку сильные ветра на побережье могли повредить эти сооружения. Как я полагаю, небольшая колокольня монастыря Баламанд, расположенного по прямой линии примерно в 5 км от побережья, служила еще и маяком для средневековых мореплавателей.

В центральном дворике монастыря устроен колодец и растет красивый большой кипарис. В колодце есть вода. Об этом свидетельствует небольшой насос и тянущийся от него шланг в монастырский сад. Справа от главного входа, запираемого тяжелыми деревянными воротами с большими коваными гвоздями, пологий спуск ведет в центральный дворик. Здесь находится продолговатое здание, которое археологи считают монастырской трапезной, превращенной в конюшню. Сложная политическая ситуация, по-видимому, вынудила монахов пойти на превращение трапезной в конюшню. Сейчас эта конюшня с низким сводчатым потолком превращена в концертный зал, где в центре на небольшом возвышении стоит дорогой рояль. Мои друзья и я лично можем утверждать, что этот зал имеет хорошую акустику, объясняемую скорее всего, местным золотистым известняком, которым выложены стены, пол и потолок.

Имя Баламанд носит не только знаменитый монастырь, но и общеобразовательный православный университет. Восстановление монастыря и создание университета все ливанцы связывают с именем нынешнего православного Патриарха Антиохийской Церкви Игнатия IV Хазима, избранного на престол 8 июля 1979 года. По церковному протоколу Игнатий IV занимает третье место после патриархов Константинопольского и Александрийского, а его полный титул звучит следующим образом — Его Блаженство Патриарх Великой Антиохии, Сирии, Киликии, Иверии, Месопотамии и всего Востока. Город Антиохия сегодня находится на территории Турции и зовется Антакия, а резиденция Антиохийских патриархов с XIV века находится в сирийской столице Дамаске. Киликия — область на юге Турции, где в прошлом проживало много христиан, а Иверия — это древнее название нынешней Грузии. В 457 году грузинская Церковь стала независимой

от матери — Церкви Антиохийской, но в титуле Антиохийского патриарха сохранилось название Иверии.

Отношения Русской Православной Церкви и Антиохийской Церкви отличаются особой теплотой и доверительностью. И это не случайно. Половина святых, которых почитает Русская Православная Церковь, являются богословами Антиохийской Церкви: например, Св. Георгий-Победоносец, ставший в России символом воинской доблести, совершил свой подвиг в окрестностях ливанской столицы Бейрут, то есть на канонической территории Антиохийской Церкви. Таинство крещения на Руси при Великом князе Владимире было осуществлено с помощью греческих священников, а первым киевским митрополитом стал Михаил Сирин, то есть «сириец», ученик Антиохийского Патриарха Иоанна. Михаил Сирин прибыл в Киев с шестью епископами и впоследствии крестил жителей Новгорода и Ростова Великого, что на Ярославской земле. Более того, по просьбе русского Царя Федора Антиохийский Патриарх Иоаким V, приехавший в Москву в 1586 году, стал хлопотать об установлении Патриаршества в России. Эти хлопоты увенчались успехом и в 1588 году в Москву прибыл Константинопольский Патриарх Иеремия, которому подчинялся митрополит Московский Иов, с соборным определением об открытии Патриаршества в России. Это важное событие в истории России произошло 26 января 1589 года: Царь Федор Иоанович из трех кандидатов выбрал митрополита Иова, который стал первым Патриархом Московским и всея Руси.

Русская Православная Церковь с пониманием отнеслась к трудностям Антиохийской Церкви, работавшей в регионе с преимущественно мусульманским населением, и разрешала антиохийцам собирать пожертвования на своей канонической территории, а с 1908 года. принимала за казенный счет сирийцев и ливанцев в свои учебные заведения при условии рекомендации Антиохийского патриарха. Было движение и в обратном направлении: представители Русской Православной Церкви учились в Теологическом институте им. Иоанна Дамаскина, являющимся частью университета Баламанда, в 1899 году случилось важное событие в истории Антиохийской Церкви: патриарший престол при поддержке России занял араб по национальности митрополит Мелетий. До этого все православные антиохийские патриархи были этническими греками и вся служба и церковная переписка велись на новогреческом языке. Сегодня традиция избрания арабов на Патриарший Престол сохраняется и нынешний 166-й по счету Патриарх Антиохийский Игнатий IV Хазим родился в Сирии 1921 году, стал епископом в 1961 году, а 2 июля 1979 года был избран патриархом и 9 июля того же года состоялась торжественная церемония его интронизации. Поэтому Антиохийскую Церковь справедливо называют «арабской Православной Церковью», где служба идет на арабском языке и по арабским богословским книгам.

13–15 ноября 2011 года по приглашению Патриарха Игнатия IV г. Дамаск и г. Бейрут посетил Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Глава Русской Православной Церкви неоднократно бывал в Сирии и Ливане, но в качестве Патриарха Его Святейшество Кирилл посетил каноническую территорию Антиохийской Церкви впервые. Визит Патриарха Кирилла происходил в период важных и трагических событий на Ближнем Востоке и в Сирии в частности. Я имел честь встречать Патриарха Кирилла и принимать участие в тех беседах, которые он вел на терри-

тории Ливана. Патриарх Кирилл посетил университет Баламанд, выступил с лекцией перед студентами и провел очень важную встречу с патриархами других христианских конфессий, на которой были осуждены притеснения христиан со стороны радикальных мусульман во время «арабских революций».

Здесь уместно отметить, что христиане на Ближнем Востоке являются коренными жителями этого региона. Они не эмигранты, как алжирцы во Франции, турки в Германии или пакистанцы в Англии. Мы, христиане Ближнего Востока, как и мусульмане, будучи коренными жителями этого региона, должны пользоваться равными с представителями других религий правами и привилегиями.

Университет Баламанд, где сегодня обучается около трех тысяч студентов, является частным высшим учебным заведением. В университете работают находящиеся в г. Бейруте Ливанская академия изящных искусств «ALBA» со Школой дизайна, уже упомянутый Теологический институт им. Св. Иоанна Дамаскина, факультет искусств и социальных дисциплин с Институтом истории, археологии и наследия ближневосточной цивилизации и Центром христианско-мусульманского диалога, инженерный факультет с Центром по изучению региональных экологических проблем, факультет здравоохранения с отделением повышения квалификации, медицинский факультет, факультет бизнеса и управления с Центром по подготовке специалистов по туризму и гостиничному делу. Английский язык является рабочим в учебном процессе, а на французском языке читают лекции в ALBA и некоторых других отделениях. Новогреческий язык обязателен для студентов Теологического института, а арабский язык преподается на всех факультетах в рамках обязательного изучения арабской литературы и культурного наследия.

Частному университету выжить в настоящее время довольно сложно. Этому помогает Ассоциация выпускников университета Баламанд и Фонд поддержки университета Баламанд в США, Канаде и Европе, где проживает большая колония этнических ливанцев православного вероисповедания, среди которых немало состоятельных людей. Паства Антиохийского патриарха, насчитывающая около 8 млн человек, также жертвует значительные средства на развитие университета.

Ливанский бизнесмен Исам Фарес, Почетный доктор Дипломатической академии МИД России, построил на свои средства форум — крытый внутренний дворик, где общаются студенты во время перерывов. Мусульманские бизнесмены Ливана также не обходят вниманием университет, демонстрируя тем самым свою толерантность и религиозную терпимость. Покойный премьер-министр Рафик аль-Харири выделил деньги на строительство спортивного зала, где азартные студенты играют в волейбол и баскетбол.

Деятельность частного учебного заведения во многом зависит от его руководства. Официально университет Баламанд работает под покровительством Патриарха Игнатия IV, основавшего его в 1998 году. Университет имеет своего президента, которым уже много лет является проф. Эли Салем, работавший в свое время министром иностранных дел Ливана. Именно проф. Эли Салем получил в январе 2003 года в Храме Христа Спасителя в Москве премию Международного фонда единства православных народов, которой был награжден православный университет Баламанд. В своем

выступлении профессор Эли Салем сказал, что в университете Баламанд создается кафедра русского языка им. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Университет в 1993 году подписал Протокол о сотрудничестве с Дипломатической академией МИД России и, как я понимаю, одной из областей сотрудничества может стать изучение русского языка и славянской цивилизации. Я, как Почетный консул России в Северном Ливане — а Баламанд находится в моем консульском округе, и как руководитель Общества ливано-русской дружбы, приложу усилия для активизации сотрудничества между университетом Баламанд и Дипломатической академией МИД России. В этом я вижу не только свою служебную обязанность, но и священный долг православного араба, с большим уважением относящегося к России и Русской Православной Церкви.

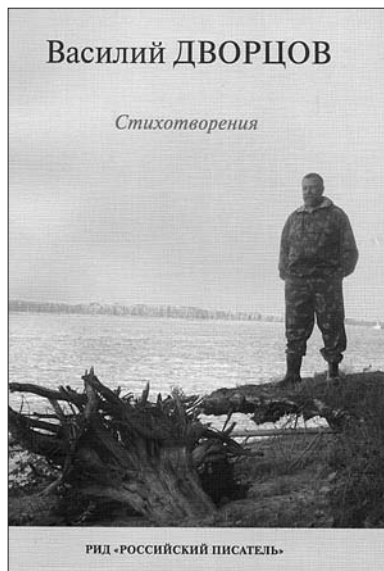
ВЫШЛА КНИГА

Василий Дворцов. Стихотворения. Серия: Современная русская поэзия. — М.: Редакционно-издательский дом «Русский писатель». 2011. — 104 с.

Истинного знатока русской литературы уже давно ничем не удивишь. В смещении великорусской и малорусской языковых стихий ему был явлен волшебный Гоголь, который, в свою очередь, восхищался — как уже самой вышею — русской речью Пушкина; а еще и срединная Русь влилась в нашу литературу сказочно народной, но не пестрой, как на ярмарке, а бери выше — горней! — полнотою красок Лескова. В двадцатом же веке Рязань явила Есенина, Смоленск — Твардовского, Вологда — Рубцова... И все это все это было ожидаемо, все это было по росту нашей великой Российской Империи, поскольку вышло в самых древних колыбелях нашей русской цивилизации. А Василий Дворцов — из Сибири, из того проходного российского двора, сквозь который такие главные персоны Империи, как казачий атаман Ермак или основатель русской Аляски купец Шелехов, шли, мечтательно видя перед собой куда более дальние дали... Вот и читая Василия Дворцова, я вынужден отдавать себе отчет в том, что не только природными кладовыми, но и своей духовной полнотою в наше неурочное время спасает Россию Сибирь. Самое удивительно то, что Василий Дворцов — известный современный прозаик. Даже при нынешнем пренебрежении к русской литературе его, как прозаика, уже не задвинешь в темный угол. Его уже знают, его уже читатели ищут и в нынешних информационных потемках. Но если проза поэта Есенина интересна лишь тем, что ее написал гениальный поэт, то стихи крупнейшего современного прозаика Василия Дворцова вполне самодостаточны, они могут стать в первый ряд современной русской поэзии. Чтобы не смущать читателя своими восторгami, скажу просто: стихи прозаика Василия Дворцова — это результат его богатейшей художественной оснастки, его внутренней, личностной и изобразительной свободы. Василий Дворцов не просто художник, а и умнейший собеседник, способный даже и в лирике озвучить те смысловые пространства, которые в нас обречены не только на немоту, но и на слепоту.

Да, талантливейший прозаик Василий Дворцов всего лишь нетерпеливо бросил мне, читателю, горсть сверкающих поэтических слов, но в них я узнаю так же и вечные, как созвездия в небе, силуэты собственных житейских волнений и опытов. И — именно этого мне достаточно.

Николай ДОРОШЕНКО

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

«НЕ ОСЕНИВ СЕБЯ КРЕСТОМ, ТЫ НЕ ПИШИ СТИХОВ, ПОЭТ»

Новые стихи

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 году. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. университета. Автор девяти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре.**

* * *

Родную землю тащат из-под ног.
Упал я и в родимую вцепился...
Задумчиво на это смотрит Бог,
А люди говорят: «Опять напился».

* * *

«Быть иль не быть?» —
звучит убого.
Такой вопрос, он не от Бога.
Такой вопрос от князя мира,
Соблазнившего Шекспира.

НИТЬ МОЛЧАНИЯ

Споткнусь о собственную тень
И, не сдержавшись, прокляну
И наступивший новый день,
И нищую свою страну,
И свой беспомощный народ,
Уже привыкший жить под пыткой,
И — всё. И наглухо свой рот
Я сам зашью суровой ниткой.

Но все же верю в день, когда
Победоносным гулом труб
Все огласятся города
Земли моей, то навсегда
Я нитку выдерну из губ.

* * *

О, как горланят петухи!
И небо ярко-сине!
А что не просится в стихи,
Не втискивай насильно.

— Зачем, поэт, ты режешь взгляд
Над пьяницею в луже?

— Да потому, что он мне брат...
И брат родной к тому же.

* * *

*Памяти
двоюродного брата Сергея*

Бог не издал еще закона,
Чтоб сатана утратил власть
По одному нас из загона
Хватать и сразу прямо в пасть.

СОСЕД

Он теперь не в силах пить помногу,
Он у нас большой оригинал,
Говорит: «Семью свою и ногу
Я по пьянке где-то потерял».

И в глазах давнишнюю тревогу
Вдруг сменяет бешеная грусть, —

«Выхожу один я на дорогу»
Он тогда читает наизусть.

И читает так, что дрожь по коже,
Глядя на него во все глаза,
Вижу: по щеке небритой — Боже! —
Лермонтова катится слеза.

* * *

С первым эшелонам
Покидают нас
Муза с Аполлоном.
Что же? В добрый час.

Вы ведь сами видели
Страх на лицах их.

С ангелом-хранителем
Я продолжу стих.

Он не испугается
Нечисти любой.
С ним, как полагается,
Щит, меч и Любовь.

ПРОСТОЕ ПРАВИЛО

Такое мнение бытует:
Поэт лишь пишет, Бог диктует.
Но есть другая сторона:
Стихи диктует сатана,
И так порой скрывает ложь,
Что чьи стихи — не разберешь.

Спасенье в правиле простом,
Которому две тыщи лет:
Не осенив себя крестом,
Ты не пиши стихов, Поэт.

ЗАВЕТ СЫНУ

Пусть твой путь пройдет по рытвинам,
Это, сын мой, ничего.
Бойся только одного:
Трещин на щите молитвенном.

В жизни страшные есть вещи —
Сам поймешь с течением лет.
Но страшнее и зловещей
Этих трещин в жизни нет.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Полвека прожил, подытожил,
И чуть не выросли рога:
Я столько лет грехи лишь множил,
Считай, работал на врага.

И с изощренностью поэта
Я оправдал себя, как смог.
Простил себе и то, и это.
Вопрос в другом: простит ли Бог?

ВОТ-ВОТ

Столько зла мир сотворил,
Столько мы уже наврали,
Что архангел Михаил
Воздух в легкие набрал, и

Звук трубы вот-вот раздастся.
И кому спастись удастся,
А кому — наоборот,
Сможем мы узнать вот-вот.

* * *

Забывши о своем родстве,
Иль помня, но совсем немного,
Душа сияет в торжестве,
А тело корчится убого.

Такую вот себе картину
Рисую каждый день, друзья.
Иначе жизни сей рутину
Преодолеть никак нельзя.

* * *

Ночь созвездья развесила,
Чудно, что не говори!
Отчего же вам не весело,
Современники мои?

Свет луны по всей округе:
На дороге, на стерне...
А не весело вам, други,
Оттого же, что и мне.

* * *

*И полною грудью поется,
Когда уже не о чем петь.*

Георгий ИВАНОВ

Довольно кричать и артачиться
И верить несбыточным снам.
Пусть всем вам, друзья мои, плачется,
Ведь петь уже не о чем нам.

Упреки и даже угрозы
Услышу за эти слова.
— Ты — нытик, Россия жива!
— Но мне-то виднее сквозь слезы...

ВЫШАА КНИГА

Сергей Коновалов. Я вернулся. Роман /
Союз писателей России. — М.: Информаци-
онно-издательская продюсерская компания
«ИХТИОС», 2011. — 368 с.

Эта книга о любви, о подвиге, о духовном прорыве, о преодолении человеком смерти. Герой романа Сергея Коновалова являет собой продолжение галереи подлинных литературных героев книг «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке», книги Владислава Титова «Всем смертям назло»... Эта книга о работе солдата-воина, который исполняет свой долг перед Отечеством безоглядно.

Она нужна всем, но особенно тем, кто поднимает себя из безверия, бессилия, отрешенности от мира.

ПОЭЗИЯ

Олег ЧУПРОВ

«РОДИНЫ НЕТ ДРУГОЙ, МЫСЛИ О НЕЙ ЧИСТЫ»

Олег Акимович Чупров — родился в 1939 году в селе Усть-Цильма Республики Коми. Окончил литературный институт им. А. М. Горького, работал на радио, в газетах. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А. И. Фатьянова, А. А. Прокофьева и других. Награжден Почетным дипломом Законодательного Собрания «За выдающийся вклад в культуру г. Санкт-Петербурга и создание текста Гимна города». Академик Петровской академии наук и искусств. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

***

Путь к Благодати не напрасен...
И Светлой Пасхой храним,
Я в храм иду...

А он — прекрасен,
И ясен небосвод над ним!
Но в сердце боль
ударит глухо,
И щеки вдруг окрасит стыд,
Когда на паперти старуха
Ребенком
брошенным
стоит...

ПУШКИНСКОЕ НЕБО

Вл. Кострову

Опять напомнила душа,
Что живы не единым хлебом...
Медвяным воздухом дыша,
Взлетаю
В Пушкинское небо!

Прошли над Соротью века,
И песня иволги все тише...
Но рядом — радуги строка
Сверкнула,
Как Послание свыше!

Не канет в Лету
Дивный свет,
Струящийся от неба к полю.
И Богом избранный Поэт
Дарует нам покой и волю!

Вскипает золотом заря,
И под державным омофором,
Всевышнего благодаря,
Сплотимся
Пушкинским дозором!

России путь необъясним,
Неведомо куда несется...
Она воскреснет —
Только с ним,
Святой поэзией спасется!

Нет крепче этих кровных уз,
В победу веры не теряю...
В Михайловском,
Под сенью Муз,
Вслед за поэтом повторяю:
«Друзья, прекрасен наш союз!»

ЖАВОРОНОК

Ветер детства
Взьерошил мне волосы...
С первой ноты певца узнаю.
На серебряной ниточке голоса
Крепко держит он душу мою!

В звонком горлышке
Звука нет лишнего,
И оркестры ему ни к чему...
Как бесценную милость Всевышнего,
Песню жаворонка приму!

Не под силу орлу или соколу —
Так внезапно, на радость другим,
Взмыть в зенит,
Чтоб простору высокому
Исполнять удивительный гимн!

И душа оживает усталая
И вбирает в себя небосвод...
Не в Кремлевском дворце —
Птаха малая
На ладони у Бога поет!

* * *

В печке трещат дрова,
В печке поет огонь.
Слышу его слова:
«Родины нет другой!»
Родины нет иной,
Мысли о ней чисты.
Кто же всему виной,
Что потерялся ты?
Ветер, как из пращи,
В окна наотмашь бьет!
За морем не ищи,
То, что в тебе живет.

Тусклый свет декабря
Канул давно во тьму...
Печку топлю не зря —
Стало теплей в дому!
Значит, не вышел весь,
Не оборвалась нить.
Значит, еще я — есть!
Рано меня хоронить...
Снова шепчет огонь:
«Рад, что вернулся ты...»
Родины нет другой,
Мысли о ней чисты.

ПОДУШКА

И вдруг войдет,
Присядет рядом,
Посмотрит долгим, странным взглядом.
И, зябко кутаясь в платок,
Не сгорбленная, не седая,
Еще такая молодая,
Мне молча скажет: «Спи, сынок...»

К ее руке прижмусь щекою,
А сердцем — к вечному покою
Который там, среди берез...
И засыпаю я послушно,
И просыпаюсь...
А подушка —
Вся мокрая от чих-то слез.

* * *

Ничего он у Бога не просит,
Деловой, пробивной и крутой!
На груди, как на выставке носит
Крест массивный, литой, золотой!

Но однажды, сквозь сон полупьяный,
Вдруг припомнит, всего лишь на миг,
Что у матери — крест деревянный
От дождя и от ветра поник...

***

На предназначенной орбите
Выдерживай любой удар!
И на судьбу
Не будь в обиде —
Все принимай, как Божий дар.
Ведь если ты рожден поэтом,
Твое призвание во мгле —

Достать до неба, но при этом
Стоять надежно на земле.
Не мельтешить, не суетиться,
С достоинством
Свой крест нести!
И, наконец, с природой слиться,
Покой желанный обрести...

ДУША

В эту ночь, у судьбы на краю,
Я бессмертную душу свою
Попросил, чтоб со мной посидела...
И увидел, что вся посидела!

Лишь под утро поведать успел:
Песню главную так и не спел.
Неприкаянно как-то, нескладно
Доживаю свой век... Ну и ладно!

А такою была молодой —
Как заря над весенней водой!
Вот сижу в тишине и немею,
И в глаза заглянуть ей не смею.

Объясни, что случилось со мной?
Но душа повернулась спиной.
То ли плачет, а то ли смеется...
Что еще ей теперь остается!

✱   ✱   ✱

Листва редеет золотая,
И все грустней
Осенний сад...
Жар-птица счастья,
                улетая,
Отводит виновато взгляд.
Пустынно на моей дороге,
Лишь тень мелькнула в вышине.
Все чаще думаю о Боге.
А он, наверно, обо мне...
В прозрачной дымке
                облещает
Моя последняя листва...

Но, облетая,
                    обретает
Исповедальные права!
В заветном слове отразится,
Аукнет в чьей-нибудь груди.
И все-таки прошу:
            «Жар-птица, —
Не покидай!
            Чуть погоди...»
Лист календарный отрываю —
Очередной —
В ночной тиши,
И осторожно открываю
Окно
В осенний сад души...

Наша СТРАТЕГИЯ

Евгений ПРИМАКОВ

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ ИЗ ПРОШЕДШЕГО¹

*О тенденциях 2011
года, влияющих на путь
России в будущее*

Евгений Максимович Примаков — родился в 1929 г. в Киеве. В 1953 г. окончил Московский институт востоковедения, а в 1956 г. — аспирантуру МГУ. Доктор экономических наук, профессор, академик РАН. В 1985–1989 гг. — директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Был Председателем Верховного Совета СССР. 1991–1996 гг. — директор Службы внешней разведки России. 1996–1998 гг. — министр иностранных дел РФ, затем Председатель Правительства РФ. С 2001 г. президент Торгово-промышленной палаты РФ. С 2011 г. председатель директоров федерального сетевого оператора «НИС ГЛОНАСС». Писатель, лауреат многих российских и иностранных премий и наград. **Живет в Москве.**

Наиболее значимым произошедшим событием следует в первую очередь считать провозглашенный государством курс на модернизацию. Ни у кого из руководителей страны нет сомнений, что модернизация должна охватывать все сферы жизни общества. Особую роль должна сыграть модернизация в области экономики.

Постиндустриализация или реиндустриализация? В 2011 году курс на модернизацию экономики России оставался неопределенным. Многими экономическая модернизация видится как процесс, который позволит нашей стране скопировать нынешнюю ситуацию на Западе. Если речь идет о достижении западных стандартов в уровне жизни, в технико-технологических инновациях, согласен: нужно и нам быть на этом уровне.

Но при таком правильном понимании ряд экспертов считает, что перед Россией стоит задача попасть в постиндустриальный мир, в котором уже находятся развитые западные страны. Причем постиндустриальный мир рассматривается чуть ли не как универсальный переход к новому глобальному разделению труда: в развитых странах концентрируется своеобразная «фабрика мыслей» — знания, наука, выход на передовые технологии, также сфера услуг, а производство все больше оседает в развивающихся странах Азии и Латинской Америки. Для перехода России в такой «постиндустриальный рай» достаточно, дескать, развить, с одной стороны, ряд прорывных технологий, например с западной помощью в специально отстраиваемом

¹Статья на основе ежегодного доклада в «Меркурий-клубе», сделанного 13.01.2012 и частично опубликованного в «Российской газете», печатается в сокращении.

«Сколково», а с другой — демократические институты. Но как быть с тем, что нынешняя Россия имеет слабую, неконкурентоспособную промышленность, особенно машиностроение? Пройденный нами путь с момента распада Советского Союза обернулся огромными потерями в промышленности.

Думаю, что слова Владимира Путина о неизбежности реиндустриализации нашей страны можно считать альтернативой «прыжку» России в постиндустриальный мир. Однако важно развернуть идею реиндустриализации в продуманную промышленную политику, в «дорожную карту» движения к новой промышленной базе России на основе высших мировых технологических достижений. Международное разделение труда вполне реальный процесс, но наша страна не должна, не может быть абсолютно зависимой от импорта продукции современной промышленности.

Не только масштабного, но зависимости даже от единичного импорта для того, например, чтобы сохранить Россию в качестве космической державы. Заместитель руководителя «Роскосмоса» Анатолий Шилов рассказал, почему некоторые из первых аппаратов ГЛОНАСС М, по его словам, «начали сыпаться».

Остро проявилась необходимость замены одной из деталей, которую раньше во всем мире выпускали только на двух предприятиях — в России и в США. Российское предприятие их перестало производить и одновременно выяснилось, что у нас нет возможности купить необходимые электронные компоненты за рубежом. Как сказал Анатолий Шилов, «повезло, что удалось еще найти специалистов, которые смогли восстановить оборудование и производство». А если бы не повезло? Руководитель «Роскосмоса» Владимир Поповкин охарактеризовал положение дел во всей отрасли как кризис, что выразилось в отсутствии ее модернизации и недостатке специалистов. И это относится к космической отрасли, которой мы гордимся и уделяем ей особое внимание. А что говорить о других отраслях?

Кстати, один из наших видных экономистов Владислав Иноземцев, который еще недавно был сторонником превосходства постиндустриального мира, 14 декабря 2011 года в журнале «Россия в глобальной политике» написал: «Разумеется, мир изменился — но, как показывают события последних лет, не настолько, чтобы списать как негодные устоявшиеся хозяйственные закономерности. Мир XXI века останется миром обновленного, но индустриального строя».

Этот справедливый вывод, естественно, несколько не умаляет важности изучения при новой индустриализации России опыта развитых стран, добившихся больших успехов в освоении научно-технического прогресса. При этом, однако, нельзя абстрагироваться от наших собственных достижений в советский период. Маловероятно, что принесет успех, например, заимствование американского опыта по превращению университетов в центральное звено развития науки. В России существует (что вызывало и вызывает, не побоюсь этого слова, зависть у многих американских и других зарубежных ученых) уникальная по своим возможностям Академия наук с ее многочисленными научными центрами и институтами. Вот что нужно развивать в первую очередь.

Чтобы провести новую индустриализацию такой огромной, самой большой в мире по территории страны, нужна новая экономическая модель. И речь идет не только о том, чтобы слезть с сырьевой иглы, развить на

инновационной основе промышленность, сельское хозяйство. Нужно решительно выкорчевать те пережитки 1990-х годов, которые проросли и в сегодняшнюю Россию.

Основное зло. Оно сказывается по сей день в сращивании государственных служащих, в том числе высоких рангов, с бизнесом. Это открывает широкий простор для коррупции, которая разъедает всю страну. Вместе с тем такое сращивание образует почву для неверия властям всё возрастающего числа российских граждан. Для борьбы с этим злом предпринимаются меры: госслужащие теперь декларируют информацию о своих доходах и покидают советы директоров компаний. Но куда больший эффект имело бы обязательное декларирование крупных расходов государственных служащих и менеджеров госкомпаний. Об этом не раз говорилось с высоких трибун, но акцент не сделан на важнейшем направлении решения столь актуальной проблемы — необходимости ратифицировать без всяких изъятий Конвенцию ООН против коррупции. Речь идет о нератифицированной 20-й статье Конвенции. В этой статье определяется понятие «незаконного обогащения», которое как раз и должно рассматриваться как разница между задекларированными доходами и расходами. Ратификация 20-й статьи Конвенции ООН позволит поставить серьезную преграду на пути разгула коррупции среди лиц, занимающих должности во всех государственных сферах — федеральных, региональных и муниципальных.

В целом далеко не в полную силу используются те инструменты контроля, которыми мы располагаем. Слаб парламентский контроль за исполнительной властью. Отсутствуют жесткие механизмы применения санкций по заключениям Счетной палаты. Нет обязательного расследования по выступлениям СМИ о сращивании госслужащих с бизнесом — либо самих, либо через своих родных и близких.

Владимир Путин 19 декабря минувшего года показал «во всей красе» положение, сложившееся после трех лет реформы РАО ЕЭС. Руководство многих компаний монопольно контролирует энергетику целого региона, создавая через родственников фирмы поставщиков, подрядчиков, сбытовые компании. Зачастую они регистрируются на подставных лиц, а принадлежат тому, кто входит в совет директоров генерирующей компании. В ряде регионов электроэнергетика полностью подконтрольна одному из местных руководителей. Осуществляются подозрительные операции с использованием офшорных зон. Нужно сказать, что коррупционные схемы широко действуют не только в энергетике.

Поспешные отставки лиц, несущих прямую ответственность за широкое проникновение коррупции в экономику, обоснованны. Обоснованно и заведение ряда уголовных дел. Главное, однако, в том, чтобы искоренить сами коррупционные схемы, а серьезного продвижения здесь пока не началось.

Владимир Путин сделал немало для того, чтобы продолжением так называемых реформ 90-х годов не стал приход олигархов к власти. В настоящее время предстоит не менее важная работа против монополий в экономике, повсюду внедряемых крупными предпринимательскими структурами. Владимир Путин назвал приоритетной задачей на предстоящий период также «вывод национальной экономики из офшорной тени». Без решения этих двух задач трудно представить себе не только модернизацию российской экономики, но и будущее страны.

Опять о роли государства. Следует сказать, что много справедливой критики за последнее время звучит в адрес государственных компаний. Все они без исключения, очевидно, нуждаются в масштабной антикоррупционной проверке. Но такая критика не должна обобщаться в виде вывода либералов о необходимости ухода государства из экономической жизни страны.

Между тем реиндустриализация невозможна, если победит линия на вытеснение государства из экономики.

Мы уже прожили 20 лет с момента отказа от директивного планирования. Возврата к прошлому нет и быть не может. Справедлив вывод и о том, что Россия не строит госкапитализм. Но все это не идентично тому, что государству нет места в экономике — ни как ее регулятору наряду с рынком, ни в качестве собственника части средств производства. А именно с такими требованиями продолжали выступать в 2011 году наши либералы. Допустим чисто гипотетически, что их позиция восторжествует. Сможем ли мы в таком случае радикально изменить структуру российской экономики? Двадцатилетний опыт показывает, что рынок сам не решает эту задачу. Сможем ли мы переадресовать рынку осуществление новой индустриализации страны? Думаю, что очень немногие эксперты готовы положительно ответить на этот вопрос.

Конечно, нельзя исключать приватизацию госсобственности. Но критерием ее необходимости должен быть уровень эффективности производства при том или ином собственнике. Осуществляя приватизацию, следует, очевидно, учитывать, особенно в данный момент, интересы не только безопасности, но и реиндустриализации России. Множество случаев, когда приватизированные предприятия в погоне за сиюминутной выгодой меняют профиль, оставляя вакуум в производстве необходимой стране продукции. Известно и то, как приватизация, сопровождаемая неоправданным дроблением, болезненно ударяет по интересам российских потребителей.

Сохранение роли государства в экономике полностью совместимо с «разгрузкой» государственных полномочий. Существуют два направления такой «разгрузки». Первое — передача излишних государственных функций на общественный уровень. Следовало бы возродить во всем объеме административную реформу, которая тихо скончалась еще задолго до 2011 года. Сокращение отдельных избыточных государственных функций от случая к случаю не решает эту проблему.

Второе направление — передача ряда государственных полномочий по горизонтали: с федерального на региональный и с регионального на муниципальный уровень. Это возможно только в том случае, если делегирование полномочий произойдет одновременно с обеспечением тех, кто их получает, необходимыми доходными источниками. Без всякого преувеличения можно прийти к выводу, что таким путем произойдет новое наполнение федеральной системы в России. Этот процесс, который следует осуществить вновь избранному Президенту и новому руководителю правительства, ни в коем случае не должен повторять ситуацию 1990-х годов, когда к административным образованиям Российской Федерации был обращен лозунг «Берите столько суверенитета, сколько сможете!» В результате последовавших после этого напряженных переговоров руководители национальных республик убирали из своего законодательства все, что противоречило общероссий-

ским Конституции и закону. Хорошо, что тогда победил разум. Сегодня серьезную опасность представляет провозглашенная готовность сопроводить столь необходимую экономическую децентрализацию даже дифференциацией правовых режимов на общероссийском поле.

Хотел бы подчеркнуть, что разностороннее участие государства в экономической жизни отнюдь не противоречит, во всяком случае, не должно противоречить интересам частного предпринимательства. Более того, государство, используя политику в области налогов, пошлин, целенаправленные кредиты, строительство инфраструктуры, другие рычаги, должно обеспечить лучшие условия для развития частного сектора. Особое значение при этом имеет поддержка малого и среднего предпринимательства. Акцент на развитие таких структур необходим и для роста занятости населения, и для нейтрализации стремления крупного бизнеса к насаждению монополий, и для создания сильного среднего класса — именно сильного, благополучного, патристического, большинство которого не поддержит разрушительную «цветную революцию».

Роль государства в экономической жизни важна и для того, чтобы сократить резкое различие населения по доходам. Разрыв между 10% самой богатой и 10% самой бедной частью населения России превышает показатели развитых западных стран в 2–3 раза. Расстояние между двумя этими полюсами не сократилось в 2011 году. В этом заложена угроза социальной стабильности в стране.

Перераспределительная функция государства должна выражаться и в дифференциации налогов в зависимости от доходов. До сих пор не пойму, почему мы принадлежим к тем немногим странам, у которых нет прогрессивного налогообложения. Разговоры о том, что отказ от плоского налога вызовет уход в тень большого числа крупных предпринимателей, не состоятельны. Необязательно и закручивать прогрессивное налогообложение до уровня, при котором могут пострадать квалифицированные специалисты. Да, крупные предприниматели, естественно, не должны превращаться в изгоев. Я категорически против того, чтобы бизнесменов зачисляли в категорию олигархов только потому, что они крупные. Но это отнюдь не снимает острой необходимости продумать и осуществить меры социальной консолидации общества.

Мир, в котором мы живем. Он невероятно сложен. Экономическая турбулентность, террористическая активность, угроза распространения оружия массового поражения, выступления против авторитарных режимов, приводящие подчас к смуте, хаосу, применение силы со стороны НАТО в стремлении навязать угодные Западу порядки в той или иной стране, тлеющие региональные конфликты, готовые вспыхнуть пожарами, — все это сегодняшний мир. Переплетение экономик различных стран, интеграционные процессы, мировой научно-технический прогресс — все это тоже сегодняшний мир. Остановлюсь не на описании хорошо известных событий, а на том, какие уроки из них следовало бы извлечь нам, нашему государству.

Первое. Тяжести и сложности выхода из глобального кризиса очевидны, но этот выход отнюдь не закупорен. Беспочвенны разговоры о наступающей рецессии в центре мирового хозяйства — в США. По оценкам и прогнозу ИМЭМО, которые зарекомендовали себя как надежные, в Соединенных Штатах темпы роста ВВП в 2011 году превысили 2,2 % и в 2012 году бу-

дут увеличиваться. Нереалистичны выводы и о резком ослаблении доллара, чуть ли не расстающегося с миссией общемирового платежного средства. На этом фоне вызывают вопрос призывы к созданию резервной валюты в виде рубля и превращению Москвы в международный финансовый центр, когда доля России в мировой экономике остается на прежнем уровне — 3,7 %, а ее вклад в прирост мирового ВВП составил в минувшем году 0,15 %. Дело, несомненно, идет к образованию региональных резервных валют, но путь к этой цели очень долгий и весьма трудный. И, очевидно, он начнется не с России.

Мы часто говорим об объединении БРИК. Иногда эта аббревиатура расширяется. Входящие в БРИК страны объединены более быстрыми темпами развития экономики. Однако и здесь пока Россия намного отстает: в 2010 году ВВП Китая возрос на 10,3 %, Индии — на 10,1 %, Бразилии — на 7,5 %. Все это намного больше, чем у России. В 2011 году тенденция в целом сохранилась, несмотря на то, что Россия увеличила объем ВВП.

Второе. Не намерен делать пессимистических прогнозов по поводу кризиса в Европе. Дело, конечно, серьезное, потому что в ряде стран — членов ЕС, призванных стать донорами для погашения долгов других государств, не все согласны с этим — кто открыто, кто в душе. А в государствах-реципиентах кипит народное возмущение против продиктованного Брюсселем сокращения бюджетных расходов в социальной сфере. Выход из кризиса намечился в виде развития наднациональных структур, способных контролировать бюджетную политику государств Европейского Союза. Не все готовы к этому, но несомненные трудности не приведут к краху ЕС или даже еврозоны — интеграция в Европе уже пустила глубокие корни. Какие уроки следует извлечь нам из кризиса в Евросоюзе?

Одним из наших завоеваний 2011 года стало создание Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана. Проложен путь к общему экономическому пространству, обеспечивающему свободу передвижения в пределах этих стран, капиталов, рабочей силы, услуг. Соответствующие документы уже подписаны, и есть серьезное основание считать, что они будут исполнены. Получила развитие идея Евразийского экономического союза, предполагается, что он должен заработать уже в 2015 году.

Уроки кризиса в ЕС должны послужить тому, чтобы достигнутый интеграционный успех не стал кратковременным. Очевидно, контрпродуктивно топиться с расширением трехстороннего российско-белорусско-казахстанского объединения, которое является базой Евразийского экономического союза. Очевидно и другое: в развитии интеграционного процесса на постсоветском пространстве не обойтись без наднациональных структур, в пользу которых должна отойти часть суверенитета государств — участников интеграционного объединения — без этой неизбежности интеграция застрянет лишь на начальном этапе. И еще один, как представляется, важный вывод: разноскоростная экономическая интеграция не противоречит потребности широкого охвата стран СНГ военным сотрудничеством, развития Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Характерно, что при всех неудачах в продвижении экономической интеграции страны Европейского Союза с небольшим исключением входят в военный союз — НАТО.

Третье. Произошел локальный тектонический сдвиг в регионе Ближнего Востока. «Арабская весна» привела к свержению президентов Туниса,

Египта, уходу со своего поста президента Йемена, находившихся десятилетиями у власти, расшатала другие авторитарные режимы в арабских странах. События еще развиваются и куда они приведут, покажет время. Но уже сегодня проступают некоторые их особенности, которые выходят за региональные рамки.

Во время «арабской весны» проявилось в полной мере влияние на политическую жизнь таких достижений современной цивилизации, как Интернет, мобильные телефоны, телевидение. Они становятся практическими инструментами организации людей, недовольных тем или иным режимом. Другая особенность: даже не будучи первоначальными лидерами сил, потребовавших перемен, исламские круги продолжают быть одним из основных элементов политического поля в странах с мусульманским населением. Вместе с тем усиливается тенденция к расхождению между сторонниками умеренного ислама, признающими светский характер государства, и исламистами-радикалами. Очевидно, Россия не только по геополитическим, но и по внутренним соображениям заинтересована в контактах и сотрудничестве с умеренными исламскими силами. Учитывая растущую долю мусульман в мировом населении и их миграционные потоки в различные государства немусульманского мира, это направление в нашей политике должно быть отнюдь не второстепенным.

«Арабская весна» началась с того, что убрала с руководящих постов ряд лиц, на которые опирались США и их европейские союзники. Ответная реакция не заставила себя ждать. Воспользовавшись событиями, США вместе с союзниками по НАТО приступили к свержению не устраивавших их арабских режимов. Категорически не согласен с теми политологами, которые зачислили в категорию «арабской весны» все арабские страны, охваченные антирежимными демонстрациями. В Сирии и Ливии демонстрации сразу же переросли в подталкиваемое извне вооруженное сопротивление властям.

Схема, использованная НАТО для свержения Каддафи, представляет собой особо опасный прецедент: принимается аморфная резолюция Совета Безопасности ООН для легализации вооруженного вмешательства с целью поддержки одной из сторон в гражданской войне, вспыхнувшей в суверенной стране. События в Ливии, уверен, будут строго учитываться теми, кто вырабатывает внешнюю политику России. Наша страна уже заняла позицию против повторения ливийской операции НАТО в Сирии. Россия и Китай, которые не наложили вето на резолюцию по Ливии, не позволили себя обмануть во второй раз тем, кто уверял в необходимости этой резолюции якобы для защиты мирных жителей от авиации Каддафи.

Уже год льется кровь в Сирии и бушуют страсти вокруг этой страны. «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи». Исходя из философской значимости этих строк Сергея Есенина, через год после начала событий в Сирии можно лучше разглядеть их сущность по ряду направлений.

— Оппозиция режиму Башара Асада включает в себя, несомненно, и людей, требующих демократизации власти. Но основная ее часть — исламисты, причем радикального толка. Доказательством могут служить не только демонстрации, проходящие под религиозными лозунгами. Весьма характерно, что сторону оппозиции сирийскому режиму безоговорочно приняла «Аль-Каида». Напомню, та самая «Аль-Каида», что взяла на себя ответственность за

террористические акты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, которые привели к более чем трем тысячам жертв мирного американского населения. «Аль-Каида» не одинока в выражении своих симпатий. Иорданские «братья-мусульмане» тоже объявили «джихад», то есть войну сегодняшнему сирийскому режиму. Госсекретарь США Хиллари Клинтон обвинила Россию и Китай, стремящихся не допустить разрастания вооруженных столкновений в Сирии, в «позорной позиции». А что можно сказать о позиции США, которые в борьбе за свержение конституционно избранного президента Сирии очутились в одной лодке с самыми заядлыми террористами, против которых, казалось, была объявлена «непримиримая» борьба Вашингтона?

— Хиллари Клинтон сделала свое заявление на недавно прошедшей в Тунисе встрече «Группы друзей Сирии». Россия и Китай не приняли в ней участие, так как можно было заранее предположить, что на этой встрече, где солировала госсекретарь США, будет подтверждена односторонняя поддержка врагов сирийского режима. Это однозначно не ведет и не может привести к прекращению кровопролития в Сирии. Более того, «друзья Сирии» договариваются об открытой поставке вооружения сирийской оппозиции. Скрытое снабжение сирийских боевиков оружием происходило, судя по всему, с самого начала антирежимных демонстраций в стране. Во всяком случае, в Ливии и Сирии в отличие от других стран так называемой «арабской весны» произошли вооруженные действия боевиков с самого начала антирежимных демонстраций. Председатель комитета начальников штабов генерал Демпси в интервью CNN сказал: «Думаю, слишком рано принимать решение о вооружении оппозиционного движения в Сирии. Пусть хоть кто-нибудь попробует четко объяснить мне, что представляет собой оппозиционное движение в Сирии в данный момент». Может быть, в ответ на эти сомнения генерала госсекретарь США в интервью ВВС отметила «сложность ситуации в регионе», где, как она признала, действует и «Аль-Каида». Хиллари Клинтон — это важно подчеркнуть — признала и другое: военное вмешательство, против чего, по ее словам, существует сильное неприятие в самой Сирии и вне ее, «возможно, ускорит начало гражданской войны».

Последует ли за этим признанием отказ от действий, которые способствуют гражданской войне в Сирии — вот в чем вопрос?

— Вашингтон делает ставку на смену нынешнего режима в Сирии главным образом с целью изоляции Ирана. Это осуществляется, когда, по всей видимости, большая часть сирийского населения не присоединилась к вооруженной оппозиции, о чем свидетельствует недавно проведенный референдум по новой сирийской конституции. Демократический характер этих изменений очевиден. Речь идет о прекращении монополии на власть правящей ныне партии Баас и о сокращении срока пребывания у власти избираемого президента страны. Что очень важно, явка на референдум, несмотря на призывы оппозиционных сил его бойкотировать, была весьма высока. Казалось бы, вырисовывается платформа для переговоров сирийского руководства с оппозицией, но США и поддерживающие их страны требуют предварительного ухода Башара Асада. Их не волнует, кто неизбежно придет к власти, если им удастся осуществить свой замысел. Не волнует их и неизбежная в таком случае резкая дестабилизация обстановки в Сирии, перспектива расширения кровопролития в этой стране. Неужели ничему не учат уроки Ирака, Афганистана, наконец, Ливии?

Четвертое. При изменениях, которые действительно произошли в политике США при Обаме, нет оснований считать, что уже достигнута новая эра в российско-американских отношениях. Став президентом, Барак Обама не пошел по пути, проложенному его предшественником Бушем-младшим. Сказались субъективные качества нового американского лидера, но в еще большей степени дали о себе знать объективные обстоятельства. Зашла в тупик политика однополярного гегемонизма США, произошло ослабление их связей с союзниками, бесперспективными оказались военные операции в Ираке, Афганистане, а они стоили огромных финансовых средств, все труднее совместимых с требованиями устойчивой экономики. Отступление Обамы от линии его предшественника позволило улучшить отношения России с Соединенными Штатами. Но вскоре стали проступать наружу такие, к сожалению, традиционные черты американской политики, которые затрудняют продвижение этого процесса. К тому же для такого продвижения не лучшим временем был 2011 год — предвыборный не только в России, но и в США. Все это не означает, конечно, реальности прогноза новой «холодной войны» или в лучшем случае замораживания отношений, от которых слишком много зависит для всего мира.

Для того чтобы не допустить такого пессимистического сценария, нужны не только признание равноправия России со стороны Вашингтона, но и активные целенаправленные действия с нашей стороны.

ВЫШЛА КНИГА

Сергей Хомутов. Осенняя музыка. Рыбинск: Медиапрост, 2010. — 200 с.

Новая книга Сергея Хомутова «Осенняя музыка» включает в себя стихи, наиболее близкие нынешнему временному и возрастному ощущению автора, вошедшего в литературу более сорока лет назад. Поэтому три раздела книги содержат как произведения, проверенные временем, так и, в большинстве своем, родившиеся в новом веке, когда уже можно более четко определить свой взгляд на прошлое и настоящее. Поскольку «Осенняя музыка» — книга лирики, в ней на первый план выходят душевные переживания автора, а не быстро изменяющиеся факты повседневности. Главное — не просто отразить, важнее осмыслить, — вот поэтический принцип Сергея Хомутова.

Точка ЗРЕНИЯ

Валентин ФАЛИН ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ или ИЗОТОПЫ ИСТИНЫ

Валентин Михайлович Фалин. Дипломат, политический и общественный деятель, писатель; родился в 1926 г. в Ленинграде; в 1950 г. окончил МГИМО, доктор исторических наук. С 1950 г. — сотрудник Советской Контрольной Комиссии в Германии; 1952—1958 — работал в Комитете информации при МИД СССР; 1971—1978 — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ; 1983—1986 — обозреватель газеты «Известия»; с 1986 г. — председатель правления АПН. Был избран секретарем ЦК, одновременно с 1991 г. был председателем комиссии ЦК КПСС по проблемам международной политики; избирался народным депутатом СССР (1989—1991); лауреат Гос. премии СССР. **Живет в Москве.**

Надеюсь, большинство признает, что далеко не все беды, постигшие человечество, суть кара небесная. Несравненно чаще ситуации с фаталистическим подтекстом — быть или не быть — порождались не солнечными затмениями, но затмениями рассудка у самих землян. Русь — Россия — Советский Союз, конечно, не исключение.

Не суровый климат единый формировал характер и обычаи россиян, их приверженность к общинному складу жизни. Свыше 600 из 1000 лет, уже отпущенных нашему Отечеству, оно отбивалось от внешних врагов, отстаивало право на самостояние. Смуты и междоусобицы, сплошь и рядом высевавшиеся извне, не в счет. Честным исследователям не разминуться с этой неопровержимой данностью, не разомкнуть «событий причинность» (Р. Рождественский). И каждодневно сталкиваясь с подделками, с историей под заказ, надобно помнить — облыжные и изощренные наезды на правду есть прием в клонировании общественного сознания. Без пестования низменных атавизмов сложнее подбирать исполнителей поныне актуальных доктрин изничтожения неугодных.

Кто же мы, выдающие себя за хомо сапиенс, что мы, зачем мы? С античных времен над сей головоломкой бились мудрейшие из мудрых. Справедливость, находили Аристотель и Цицерон, «высшая из добродетелей». Они же вместе с тем подчеркивали, что «нет ничего худшего, чем вооруженная несправедливость». Без справедливости, согласимся, немыслимы элементарное добрососедство, реализация свобод и прав человека, коим не присягает разве что ленивый.

К чему подобные экскурсы в опыт прошлого, изрядно обветшавший под напором так называемого прогресса? Для циников, что правят

миром, заглядывают в чековые книжки гораздо чаще, чем в Книгу бытия, мутная водица — родимая стихия. В ней проще ловится рыбка большая и малая. Нуворишам звон злата раскатистей, когда подкрепляется лязгом стали. Для них опыт — прошлогодний снег. Будущее? Журавль в небе. Им подай все яства немедленно и враз. Блеск научных открытий и технических новинок гипнотизирует. Предостережения предков не в прок — «кто двигается вперед в науках, но отстает в нравственности, тот больше идет назад, чем вперед» (Аристотель). Не раз обжегшись на горячем, казалось, стоило бы хоть изредка дуть на холодное и не повторять «самую губительную ошибку, согласно П. Шелли, которая когда-либо была сделана в мире, — отделять политическую науку от нравственной». XX век достиг в этом падении дна.

Прежде чем поучать остальных, следует научиться вещать правду самому себе. И о себе самом. Берлин — Вена — Лондон, взяв курс на развязывание конфликта, столкнувшего народы в пучину Первой мировой, загода подрумывали замышленное злодейство. Вильгельм II и его рейхсканцлер Бетманн-Гольвег поучали австрийских сообщников Франца-Иосифа и Фердинанда (пока тот был жив): дойди до рукопашной — вина всецело должна пасть на Россию. Э. Грей, глава британского Форин офиса, стравливал «четверку» — Германию, Австро-Венгрию, Сербию и Россию в расчете погреться у чужого камелька. Сэр Эдуард не чурался подстав и подлогов в намерении отвалить Францию от выполнения ею союзнических обязательств перед Петербургом.

«Демократы» сулят рассекретить ключевые документы Второй мировой войны к 2045 г. Блажен, кто верует. «Вашингтон за свою внешнюю политику не извиняется» — заокеанские претенденты в мировые поводыри не желают отречься от этой догмы. И если праправнуки «отцов демократии» в туманном Альбионе продлевают, как случилось недавно, на очередные 30 лет тайну убийства при участии британских агентов А. С. Грибоедова — о причастности Лондона к удушению Петра III и Павла I вообще молчок — вряд ли стоит ждать сенсационных саморазоблачений в канун столетия формального окончания Второй мировой.

Пожалуй, уместно упомянуть в данном контексте о подзабытой попытке «спасти честь, справедливость и будущность Европы», предпринимавшейся не без участия англичан в 1814 г. Тогда они столкнулись с Бурбонами и Габсбургами в том, чтобы не только лишить Россию — победительницу Наполеона — заслуженных лавров. Делегаты трех держав 22 декабря 1814 г. подписали конвенцию, по которой каждая из участниц альянса отстегивала по 150 000 воинов для выдворения Российской Империи восвояси. В сонм «спасителей» намеревались ввести Оттоманскую порту (она могла бы произвести «полезную диверсию» против России), а также Швецию.

Обедню испортил Наполеон, бежавший с Эльбы и водворившийся в Париже. Без русского солдата опять стало не обойтись. И тайное опять стало явным. Заполучив оригинал конвенции, Александр I прилюдно срамить двурушников не стал. Возможно, зря. Альянс рухнул, но его замысел не замшел. Крымская война 1853–1856 гг. Нападение Японии в обнимку с Лондоном на Россию в 1904 г. Превращение Балкан в пороховую бочку. Первая мировая война. Рассечение Советской России на «сферы действий». Подготовка почвы под Вторую мировую. «Холодная война».

Не нужно ни томографов, ни растрового микроскопа, чтобы установить — общим знаменателем, если угодно, стержнем перечисленных и непоименованных знаковых событий XIX—XX вв. была русофобия. Под сенью Венского конгресса (август 1814 — июнь 1815 гг.) затачивалась секира, направленная против России. Точно так же в августе 1943 г. радители «чести, справедливости и будущности Европы» условливались, как сговором с «нацистскими генералами» отблагодарить советского союзника за его подвиги на поле брани. Помощь вермахта пришлась бы очень кстати в сдерживании рвавшихся на запад «русских варваров». Вашингтон и Лондон нисколько не заботило, во что народам обойдется хваленый англосаксонский «альтруизм».

Ниспровергатели исторической правды разнятся по крутизне виражей в обход истории. Что касается Второй мировой войны, здесь высвечиваются две крайности. Одни привязывают дату ее начала к нападению Германии на Польшу, как если бы до 1 сентября 1939 г. самурайский меч не нарубил около 20 млн китайцев, итальянцы не отравили ядовитыми газами свыше 500 тыс. абиссинцев, а на Пиренейском полуострове не полегло порядка 1,5 млн испанцев. Естественно, в зачет не попадает аннексия Австрии, распятие на свастике Чехословакии, захват Италией Албании. В джентльменской компании неприлично вспоминать о предоплатах третьему рейху за будущий восточный поход.

Радикалы-ревизионисты не мелочатся. По их версии, земная ось скривилась после смены социального вектора в России. Большевики зажгли пламя «гражданской войны в Европе», длившейся до 1945 г. — таковы сентенции видного немецкого историка Э. Нольте. Его подправил президент США Б. Клинтон. Мировая война, в его исчислении, завершилась лишь с крушением «советского тоталитаризма». Вашингтонский лидер невольно подтвердил вывод доблестного защитника Родины и всемирно признанного кинорежиссера Григория Чухрая:

«Вторая мировая война только на первый взгляд была войной антигитлеровской коалиции против германского фашизма, по существу она была задумана и осуществлена как война капиталистического Запада против Советского Союза»¹.

Деваться некуда. История изобилует парадоксами, перелицовыванием прошлого, заимствованиями из него, оспаривая китайское поверье — нет ничего ближе, чем сегодня, и дальше, чем вчера. Много опасней, однако, как подмечал Клаузевиц, бояться бед сегодняшних больше, чем бед завтрашних. Словно в воду глядел военный теоретик. Пустышный технический сбой, ротозейство клерка, политический прокол чреват нынче ядерным смерчем. Пространство и время спрессованы запредельно. Глобализация смыслов — пригодные для отсидки закоулки. Все нации и все дворцы и хаты повязаны одной судьбой.

Придется все-таки признать, что опыт — положительный и отрицательный — достояние всего человечества. А для тех, кто занят систематизацией артефактов, пробным камнем в определении пригодности на роль летописцев и просветителей призвана стать клятва Гиппократа: «Не навреди». Единственное средство для поддержания духовного здоровья человека и

---

¹ Чухрай Г. Моя война. М., 2001. С. 273.

человечества — правда. Только она, правда, вся правда и ничего, кроме правды, должна быть руководством к действию. Все конфликты истекшего столетия, все губительные провалы — производные от подтасовок и лжи, от особо опасного идеоадаптированного суррогата.

Перестройка вошла в разряд предосудительных понятий. Почему? Она ведь так ошеломительно, вдохновляюще стартовала. Вряд ли кто усомнится, что на приглашение придать социализму «человеческое лицо» положительно откликнулись девять десятых граждан СССР, не меньше трех четвертей партийцев. Располагая таким тылом, сменившие старцев новые руководители могли горы свернуть. Если бы...

Прежде чем выметать сор из покосившегося дома, предстояло вычислить от вздора головы самих архитекторов перестройки. Как иначе можно вникнуть в анамнез хвори и назначить верное курсовое лечение? По наитию нельзя реформировать даже артель. В делах державных знахарство и верхоглядство абсолютно нетерпимы. Требовалось проинвентаризировать весь послеоктябрьский период, сформулировать строго выверенную, взаимоувязанную во всех частях программу конкретных мер, позволявших вернуть страну на твердь земную. Не хлесткие лозунги из колоды «революция в революции», не набившее оскомину «устранение недостатков достижений» и никак не клич «ввяжемся в бой, потом осмотримся». Надлежало назвать вещи именами собственными. С ноября 1917 г. мы позиционировали себя как Страна Советов. По метрикам судя, не без оснований. А по делам?

Советская Россия не ограничивалась воззваниями — штык в землю, мир без аннексий и контрибуций. Армию распустили. Новая Россия никому не могла материально угрожать и не угрожала. Она подавала пример — идеологии и практике насилия есть конструктивная альтернатива. Это и приводило «цивилизаторов» в ярость. Окружить бастарда кольцом «бешено ненавидящих большевиков государств», задушить «ересь в колыбели» (У. Черчилль), упредить пока «порча» не расползлась в глобальное социальное цунами. Заодно навсегда снять с повестки «русский вопрос».

Как это сделать? Делегации США на Парижской конференции (1919) вменили добиваться капитального переустройства России. Прибалтика, Белоруссия, Украина, Бессарабия, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток — отсекались. Обрубку в виде «Москвы со Среднерусскими возвышенностями» отводили удел индейских резерваций. Метод — вооруженная интервенция, провоцирование братоубийства, навязывание толком не оперившемуся новорожденному «демократических правил игры»: за кем сила, за тем и вся власть, кто властвует, тому казнить и миловать.

Не впервой Русь тащили на плаху. Каждый раз ее выручала способность подниматься всем миром против супостата. И когда на кону оказались не судьбы революции, а сама жизнь, пришлось волей-неволей отложить «утопии» Октября до прояснения небосклона. Полномочия Советов передавались военному коммунизму. Инстинкт самосохранения не оставлял иного выбора.

Прошу завязать узелок на память. «Штурм Зимнего дворца» — плод творческой фантазии С. Эйзенштейна и Г. Александрова. Октябрьский переворот 1917 г. на порядок менее жертвенный, чем октябрьский переворот 1993 г. Ельцина в Москве. Навязываемая несведущим хронология событий 1917–1922 гг. чужда реалиям. Итак, 7–8 ноября смена власти. 10 ноября

1917 г. посол США Д. Фрэнсис вызвал генерала М. Алексева — на него замыкался заговор против Николая II — и жестко повторил требование, за день до этого, то есть 9 ноября предъявленное А. Ф. Керенскому, поднимать мятеж. Ставку предлагалось делать на казачьих атаманов Дутова, Краснова и иже с ними. Снабжение инсургентов оружием и деньгами американцы брали на себя. Если вдруг получит огласку, что «восставшие» на кормлении у США, валите всё, уточнял посол, на англичан и французов. «Демократы» тогда не обманывались в боенадежности лоскутного белого движения, а его стяги — «за единую и неделимую» вообще не укладывались в прокрустово ложе, уготованное для России. Требовались предлог и ширма, прикрывавшие «освоение» на потребу «золотому миллиарду» ставшего «бесхозным пространства».

Расчет, что России не устоять против миллионной группировки немцев и австрийцев и 340-тысячного корпуса интервентов из дюжины прочих стран, закладывался в первоначальные прикидки. России полагалось сгнуться к весне 1919 г. Сорвалось. Взвешивали, не удвоить ли численность контингентов США, Англии, Франции и Японии. Предпочли двинуть в походы Колчака, Деникина, Юденича, Пилсудского, Врангеля. Они тоже были биты. Оставляя шлейф выжженной земли и несчетное количество могил, интервенты убралась, кто куда. Последними отчалили в ноябре 1922 г. японцы, чтобы на следующий год принять принципиальное решение — пауза не будет долгой, они вернутся с большими силами.

К этому времени затухли основные очаги внутреннего вооруженного сопротивления. Советская Россия обретала возможность перевести дух, заняться мирными делами, не терпевшими отлагательств. Без реанимации народного хозяйства даже мечтать о лучшей доле не получалось. Зеленый свет выводу страны на желанные круги зажгла новая экономическая политика. За основу брались воссоздание рыночных механизмов, ориентация на закон стоимости как регулятор производственных и потребительских процессов. Вводились состязательность хозяйственных укладов и поощрение сотрудничества с иностранными инвесторами. Предписывалась корректировка в пользу малого и среднего бизнеса проведенной ранее сплошной национализации частной собственности.

В. И. Ленин считал необходимым возратить Советам всех уровней властные функции. Партия, по его убеждению, не должна подменять и подминать государственные структуры. Ей надлежало влиять на державные и региональные решения через представительство в выборных органах власти. Сама РКП должна была бы ежегодно на треть обновлять состав своих руководящих органов, исключая тем самым возникновение синекур и перерождение кадров. Оппоненты Ленина заблокировали исполнение этого «продукта больного мозга» (Сталин). Полная версия НЭПа оставалась запретной темой до 1953 г. Не поощрялось копать вглубь и при преемниках «отца народов». Еще бы.

Марксово «все подвергай сомнению» подвигало на каверзные вопросы. Сталин в минуту самолюбования принял позу магистра, а партию перекалывал в рыцарский орден. Пионерия, комсомол, профессиональные и творческие союзы, суды и даже Советы уподоблялись «приводным ремням», что крутят шестеренки во славу вождя. Причем тут социализм и «самая совершенная в мире демократия»? Военный коммунизм в рыцарском обличье

разводил форму — советская власть — и содержание — власть антисоветская — по разным полюсам.

1956 г. Персона Сталина предана анафеме. Вчерашние угодники и подпевалы вдруг прозрели. Обнаружилось, что три десятилетия страной управлял злодей. Очень удобно — есть на кого свалить вину за все непотребное и неизвиняемо преступное, что творилось в СССР. Особенно в 30-е гг., да и после 1945 г. Но крупный помол не для истории. Черт таится в деталях. Никак не стоит потакать гробовщикам Великой России и шельмам в их розыске некоего ущербного гена, сбивавшего россиян с панталыку, которые в IX в. примкнули к Православию, а в XX в. — попали в западню «социалистического нигилизма».

Из скупого обзора приведенных выше фактов — их легион — следует, что крестными отцами военного коммунизма являлись, прежде остальных, патентованные «демократы». Если все тщательно взвесить, не трудно обнаружить, что сталинизм как идеология и режим был производным от военного коммунизма. С одной принципиальной поправкой. Спасательный жилет, удержавший Россию в 1917–1922 гг. на плаву, превратился под Сталиным в смиренную рубашку, не позволявшую советскому человеку поднимать голову, ощущать себя гражданином.

«Цель оправдывает средства» — не изобретение Сталина. Ничего общего с марксизмом подобный постулат не имеет. «Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель» — вот это К. Маркс. «Лучше убить 10 невинных, чем упустить одного виноватого» — тоже заимствование из скверного опыта — «с волками жить — по-волчьи выть». Но, отгораживаясь подозрениями от всех и вся, «большой человек действительно теряет самого себя» (китайская мудрость III–IV в до н. э.). В сочетании с бесконтрольной властью большие правители впадают в эгоизм, вплоть до умопомрачения.

Любая схематизация — препона к «воскресению минувшего века во всей его истине», как мыслил А. С. Пушкин. Черно-белая и кратно красно-белая палитра искажают картину бытия. Порой до неузнаваемости. Без поминания ряда рубежных дат нам не обойтись, если налицо готовность проследить, как и кем мостились дороги в ад Второй мировой.

1923 год. Совещание военно-политического руководства Японии с участием императора приняло решение готовить полномасштабную войну против СССР. Вторжению в Приморье, район Байкала, на Северный Сахалин должна предшествовать оккупация Маньчжурии. Планы конкретных операций уточнялись в 1927, 1931, 1932 гг. На 1933 г. назначался удар с территории Кореи и Маньчжоу-го. По ряду причин срок переносился на 1935, 1938, 1939, 1941 (операция «Кантокуэн») и на 1942–1943 гг. (операция «№ 51»). Располагая достоверной информацией, Москва должна была как-то реагировать?

1925 год. Великобритания сколачивает очередной «священный союз» против России. Локарнская сходка усугубляет капитальный порок версальской конструкции — неприкасаемость западных границ торжественно подтверждается; желающим разрядить экспансионистскую энергию даруется карт-бланш на востоке. И претендент отвратить горячительного сразу дает понять, что он готов впрячься в русофобскую колесницу при условии, что Веймарской республике дадут вольную на перевооружение. «Умиротворе-

ние» — мина замедленного действия была запущена, и она снискала высокую оценку Нобелевского комитета. О. Чемберлен, А. Бриан и Г. Штрессманн удостоились «премии мира».

Москва, понятно, в напряжении. 30 ноября 1927 г. советская делегация на заседании комиссии Лиги наций по разоружению заявила: «Дыхание грядущей войны чувствуется повсюду». Внутри страны Сталин закручивает гайки. На его взгляд, НЭП не обеспечил нужного темпа индустриализации и, следовательно, наращивания оборонного потенциала СССР. В обстановке кредитно-финансовой изоляции и торговых дискриминаций, политических провокаций — Лондон как раз разорвал дипломатические отношения с СССР, а Вашингтон подтвердил, что не признает нашу страну субъектом международного права. Не прояснилось, как опираться на собственные силы. Конец «сухому закону». С молотка идут культурные сокровища. Потрошатся церковные реликвии и карманы наследников состоятельных подданных Империи, а также нэпманов. Запущена колонизация села. Урезаны социальные ассигнования. Под топор или кнут попали три четверти членов партии октябрьского призыва. Введен тотальный контроль в сфере информатики, кино, театра.

«Война есть война, и полвойны есть война» — гласит восточная поговорка. Война политическая, психологическая, террористическая, экономическая — тоже война. XX век слил воедино в подобных войнах, объявленных и необъявленных, фронт и тыл. Милитаристская ржа поразила жизненный нерв большинства наций. Начисто забыт урок поколений — в раю больше запретов, чем в аду.

Прошлое не сложно ополнить. От этого оно, однако, не станет ни лучше, ни хуже. Воздержимся от соблазна с нынешнего уровня знаний судить постфактум случившееся, клеймить наших предшественников за неумение отделять зерна от плевел. Тот, кто оглуляет противников, соперников, предтечей, унижает сам себя. Избыток дегтя в историческом правописании — помеха розыску иглы в копне сена, выделению изотопов истины. Как горьких, так и славных.

Расправы Сталина в 1937—1938 гг. над высшим командованием вооруженных сил отомстили тяжчайшими поражениями и громадными потерями 1941 г. Эту вину не искупают ни заслуги по вызволению нашей страны из, казалось, бездонного омута, в котором она оказалась в начальной фазе Отечественной войны, ни заслуги в достижении перелома во Второй мировой, в смешении — выразимся предельно мягко — козней Черчилля и прочих заклятых друзей. Но не может не вызывать гнева, когда слышится кощунственное — триумфу Сталина следовало бы предпочесть успех Гитлера. Это не сведение счетов со Сталиным-извергом. Это — глумление пакостников над памятью 27 млн советских людей, миллионов других жертв нацизма.

На дворе — фиговый листопад. Срам на показ. Предателя генерала Власова и его «российскую освободительную армию» выдвигают в герои. Маршалов и генералов Победы обзывают «мясниками», задвигают в мародеры. Хватов, жирующих на поклепах, на обезличивании наших успехов в Отечественной войне, на обесславливании России, увы, развелось в избытке. Им претят мемориалы в честь подвигов советских солдат, партизан, тружеников тыла — «этой толпы», на которой выезжал «преступный режим» (Волкогонов).

Япония еще не успела расписаться под актом безоговорочной капитуляции, как американские мироустроители занялись расчетом того, сколько атомных зарядов с учетом разрушения Хиросимы и Нагасаки потребно для испепеления 15 главных советских городов. Август 1945 г. на календаре. Чем же, простите, Трумэн и большинство иных обитателей Белого дома — приверженцев «балансирования на грани войны», отдававших приказы «бомбить в каменный век» непокорных, разнятся от прочих изуверов?

Советскому народу, внесшему решающий вклад во Второй мировой войне в разгром агрессоров, не было дано полной грудью глотнуть мирного воздуха. Со временем наперегонки требовалось возвести собственный ядерный щит, лишить Вашингтон монополии на военный атом либо кануть в Лету. Опять закручивание гаек. Снова гон на «врагов народа», «перерожденцев», космополитов и даже на «завистников» славы «единственного и неповторимого».

Живший в VI—VII в. до н. э. Питтак, причисляемый к семи мудрецам античной Греции, изрек: «Человека выказывает власть». «Слишком большая власть, внезапно обретенная одним из граждан при республике, превращает последнюю в монархию или кое-что похуже, — занес в дневник А. Ривароль, видный публицист, отслеживавший деградацию французской революции 1789 г. — Народу всегда наследует деспот». Наполеон еще не возложил на себя императорскую корону. До «восемнадцатого брюмера» Сталина минет век с четвертью.

Конечно, слабое утешение для тех, кто попадает под длань свирепых правителей, древнее индийское поверье: «Не было, нет и не будет человека, достойного одной лишь хулы или одной лишь хвалы». Лично мне ближе гетевское — «нельзя всегда и везде быть героем, но можно (добавлю от себя — и должно) оставаться человеком».

Сталин скончался, когда ведомая им Российская Держава приблизилась к пику могущества. Через тернии, которых не счесть, она, вчера лапотная, прорывалась к звездам. Росли авторитет и влияние СССР в мире. До превращения в быль социальной сказки — главного вызова империализму и колониализму было, однако, далековато. В лучшем случае проступала тенденция, что когда-то советский человек сможет жить «лучше и веселее». При выборе способов и средств решения очередных и внеочередных задач тот, кто их провозглашал, моральных терзаний не испытывал. Голый прагматизм — «надо», — помноженный на жажду самоутверждения, брал верх. Не берусь оспаривать, что «гений и злодейство есть вещи несовместные». Но несовместность марксизма и сталинизма вне сомнений.

Вот путешествие в прошлое и подошло к перепутью — продолжать пережевывание легенд или настроиться на волну, которая поможет понять, что политика беспринципного практицизма была и есть самая непрактичная политика. Что чудом уцелело, если уцелело, из народовластия в жерновах магистра рыцарского ордена? Что случилось со Страной Советов? «Противно быть под ярмом даже во имя свободы» — К. Маркс. Самая изощренная диалектика пасует, когда принимаешься разгадывать, зачем для изваяния эталонного «советского человека» Сталину понадобилось измываться над «человеческим материалом», доставшимся от прежних времен.

Ладно о Сталине. У присяжных в судный день к нему много других вопросов. Бросим взгляд на преемников. Им предстояло соотнести слова и

дела, общее и частное, форму и содержание, не выплескивая то объективно рациональное, что было присуще реакции усопшего на категорические императивы. Сталин отлично разбирался в вашингтонской стратегии и тактике доведения СССР до коллапса. Отведи ему рок пару лишних лет жизни, правителям США пришлось бы реже и аккуратнее пытаться разрубить глобус.

На чем сосредоточился Н. С. Хрущев, разделившись со своими конкурентами? На селекции собственного культа личности. Под звон борьбы с культом Сталина. Очередным кривым пером переписывалась история. Предшественник склонялся к диалогу с конфессиями. «Крестьянский сын» потребовал встретить торжество коммунизма «без попов». Хрущевская редакция «догнать и перегнать США» вылилась в бряцание сверхразрушительными системами оружия — кто громче — и... в кормление нашего населения американским и канадским зерном. Хаос в голове, которая не тянула на личность. Чехарда в стране. От края до края и через край. Первый звонок по нашу душу раздался.

Генерального секретаря Л. И. Брежнева поначалу устраивало председательство в триумvirате. Н. В. Подгорный пас Советы. А. Н. Косыгин взвалил на плечи экономику, примериваясь, как хозрасчетом потеснить бюрократию. Вскоре деловые трения, несовместимость характеров, происки сановников загнали развитие на Олимпе в кондовое русло. Разговоры говорить позволялось каждому члену политбюро, а извлечение корня из «обмена мнениями» — за генсеком. Пока из-за нездоровья Брежнева не померк его ореол. В конце 70-х он дважды просил коллег избавить его от непосильной ноши. Но М. А. Суслов, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов уже вошли во вкус безнадзорного хозяйничанья в своих сусеках.

Какофония в музыке режет слух. Какофония в государственном управлении режет по живому сообщество. И по вертикали, и по горизонтали. Келейность, сепаратизм, эгоцентризм поднимали голову. Затаенные обиды, националистические болячки проступали наружу. Оборонка поглощала четверть внутреннего валового продукта. Оскудел потребительский рынок. Протестные настроения явно политизировались. «Союз нерушимый...» залихорадило.

Ю. В. Андропов глубже остальных разбирался — примочки и капельницы Советскому Союзу не помогут. Требовался капитальный ремонт. Новому генсеку, однако, недоставало ни энергии, ни времени. Лучшие врачи боролись за его жизнь, а претенденты на власть — за регалии. Издевательством над здравым смыслом и витальными интересами государства явилась передача поста генсекретаря умиравшему К. У. Черненко. Самая невосполнимая потеря — потеря времени. Два с половиной судьбоносных для СССР года были растрачены на подковерные игры. Государственный корабль с пустым капитанским мостиком неудержимо несло на рифы.

Приглашаю повнимательнее всмотреться в подноготную февральской революции 1917 г., в перипетии, навлеченные тогда на Россию масонской кликой. Доказано, к отречению Николая II большевики не причастны. Заговор учинялся «элитой» и закордонными оппонентами. Британский посол в Петрограде Бьюкинен получил в 1916 г. директиву «поощрять» противников Царя и Его Семьи. Контрольный выстрел в Распутина произвел агент «сикрет сервис». Послы Франции и США не отставали от партнера. Склоки наверху подкреплялись нагнетанием недовольства улицы. При наличии го-

дового запаса зерна искусно учинялись перебои в снабжении населения тем же хлебом. Сообразно, «голодные бунты», забастовки на промышленных предприятиях, на фронте брожение в войсках.

Вам это ничего не напоминает? 1988–1990 гг. На подъездах к Москве, Ленинграду, другим городам-миллионникам, промышленным центрам толпились неразгруженные железнодорожные составы. В вагонах гнили тысячи тонн продуктов, а в магазинах — шаром покати. СМИ, особо напрягались голоса из-за бугра, сеяли панику, подстрекали население сметать любые потребительские товары. Щедро проплаченные ельцинской компанией провокаторы шастали среди шахтеров и металлургов с призывами — кончай гнуть спину на партдармоедов. Кончали. Промышленность замерла. Одновременно РСФСР вырвали из общесоюзной финансовой системы — «дойной корове» место в российском стойле. Плоды ельцинской измены пожнут в Беловежской пуще.

Возвещая в 1985 г. перестройку, глашатаям новой главы отечественной истории надлежало безоговорочно признать требование, кое в канун новой эры отчеканил Цицерон, — чураться какой бы то ни было лжи и не страшились какой бы то ни было правды. Без любых изъятий касательно прошлого, настоящего, будущего. Следовало начистоту исповедоваться. Хотя бы в диалоге наедине с самим собой. Почему идеалы Октября уподобились миражам. Как в предгорьях декларировавшегося коммунизма затерялся социализм? Почему при выполнении и перевыполнении пятилеток нищал народ? Вера без дела мертва есть. Ясней ясного было — вздымавшийся вал недовольства и возмущения болтовней не сдержать.

Перестройка брала старт под несчастливой звездой. Это — факт. Вашингтон перекрыл Советскому Союзу поток нефтедолларов, которым оплачивались треть импортных потребительских товаров и лекарств, оборудование для легкой и пищевой промышленности. Американцы обездвигивали Организацию Варшавского договора, вбивали клинья в отношения СССР со странами третьего мира, превратили Афганистан в выволочку для нас. Тем паче, трудно объяснить поправление азов политической стратегии в наших внутренних делах. Самонадеянная антиалкогольная кампания. Самогонование перекечовало из деревни в города, бюджет опустошили, прилавки не наполнили. Необрамленные законами призывы к «деловой активности» — манна для подпольных цеховиков, мнимых кооператоров, остопов бендеров, коррупционеров.

Гласность. Так почему же архитекторы перестройки не поспешили задать тон, уступили ворожбу на этом поле профессиональным русофобам и антисоветчикам? Отчего М. С. Горбачев убоился или не захотел отмежеваться от сталинизма, ясно заявить — вождизм есть отрицание воли народа? Тираны, в какую бы рясу они ни рядились, низводят народ в невольники. Почему деятель нового поколения — по возрасту — он не сделал десталинизацию идейной сердцевинкой перестройки? В отличие от Хрущева Горбачев не был замаран преступлениями сталинской поры. Похоже, и Горбачева прельстил инструментарий всевластия, позволяющий реализовать собственное «я». Когда же выявилось, что генсековская булава выскользает из рук, он решил подкрепиться и перестраховаться введением президентства. Двоевластие в одном лице тут же вскрыло неудобства и риски сидения между двух стульев.

Природа не терпит сумбура и пустоты, тем паче в головах политиков. Чем бы в действительности ни руководствовался Горбачев-правитель, сколько бы еще ни насобирав наград и званий, подающих от ненавистников Руси, ему не увиливать от ответственности за крушение Советского Союза. Подобные вины не имеют срока давности.

На заре перестройки Отечеству давался шанс доказать, что реальная демократия — не театральный фарс, не подмостки, с которых лицедеи развлекают и дурачат публику. Каждое слово властителей, особенно декларации, произносимые ими с трибун съездов и парламента, равнозначны обязательству. Их неисполнение — самострел или самоостракизм. Словоблудие и двоедушие не ко времени. Верная метода выявить, кто есть кто, — сопоставление речений вчерашних с новейшими откровениями. Где он, «социализм с человеческим лицом» в издании 1985—1987 гг.? Когда Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе принялись подбивать бабки под ими содеянным, из тех же уст посыпались проклятья в адрес Октября, «незаконно прервавшего исторический путь развития России». К социализму приклеили ярлык — «строй для ленивых».

Не знаю, как кому, мне на память приходят стенания позднего Петра I: «Кругом все играли в закон, как в карты, подбирая масть в масть, и неустанно подводили мину под фортецию правды». И она рванула, эта мина. Доморощенные и закордонные шулеры располосовали уникальное творение истории — сообщество разных этносов, обычаев, религий.

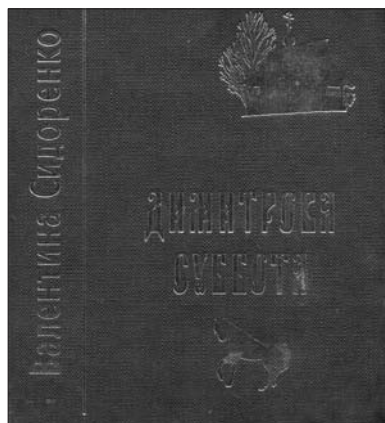
Нет, не любой конец делу венец.

ВЫШЛА КНИГА

Сидоренко В. В. Димитрова суббота: стихи. Иркутск: Сибирская книга (Иркутск: ИП Лаптев А. К.), 2010. — 420 с.

В новую книгу известной сибирской писательницы включены стихи, которые никого не оставят равнодушным. Читатель откроет для себя новые грани таланта Валентины Сидоренко, будет покорен звучностью и экспрессией поэтической строчки, точностью слова, искренностью чувств.

За строчками и строфами проступает грандиозный образ великой и прекрасной идеи, открытой в глубине сердца каждого из нас, даже если этот каждый не подозревает об этом.

Точка ЗРЕНИЯ

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

О ТЕКУЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ И НЕ ТОЛЬКО...

Политическую культуру, в которой мы все живем уже не один век, Россия переняла у Золотой Орды во время татаро-монгольского ига. В чем ее суть? Система держится, по сути, на трех китах — самодержец, элита и народ. Самодержец кажется народу легитимным только в том случае, если он обращается к нему напрямую через голову элит. И чем сильнее он прижимает к ногтю «бояр», тем большим авторитетом и популярностью пользуется в широких слоях населения.

Когда же самодержец по каким-либо причинам ослабевает или вообще умирает, то элита начинает требовать для себя новых гарантий и привилегий. Тогда начинаются разговоры о политических свободах, которые на самом деле нужны только элите, а не народу. Это заканчивается очередной русской смутой; по словам историка Василия Осиповича Ключевского, политическая революция переходит в социальную, то есть в истребление высших классов низшими.

Боясь очередного русского бунта, российские элиты всегда искали внешнюю защиту. Неслучайно, что тот же фигурант «дела «ЮКОСа»

Михаил Владимирович Леонтьев — родился в 1958 г. Окончил общезаочный факультет Московского института народного хозяйства, затем — ПТУ № 86 по специальности «столяр-краснодеревщик». Работал сторожем, пожарным. Был гл. редактором журналов: «Профиль» и др. Работал в газете «Коммерсантъ», после зав. отд. экономики в «Независимой газете», позже зам. гл. редактора газеты «Сегодня». С 1997 г. работал на «ТВЦ». С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2002 г. — руководитель аналитического отдела Дирекции информационных программ ОАО «ОРТ», затем — «Первый канал». С 2009 г. — гл. редактор журнала «Однако». Поздравляя в 2005 г. генерала В. Шаманова в газете «Коммерсантъ», пожелал ему *«победы над всеми врагами, поскольку не сомневаюсь, что они у нас общие»*. Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Платон Лебедев говорил в начале своего уголовного преследования: «У вас будут неприятности с Вашингтоном». Но элитариям, увы, приходится выбирать: либо нужно спокойно относиться к потере больших денег, либо приходится попадать в зависимость от тех сил, которые контролируют «трубу».

Увы, но современная Россия не имеет будущего с нынешней элитой — она должна быть как можно скорее истреблена в политическом смысле. Хотелось бы, чтобы такое истребление происходило с наименьшими издержками. Вот только сегодня степень внутреннего раздражения настолько высока, что это вполне может взорвать всю российскую систему. Я не вижу для России шансов на развитие в рамках той глобальной финансовой системы, которая сложилась в мире в последние полвека. А раз нам некомфортно жить в такой системе, то надо найти способ из нее «выскочить». Вообще, наше положение настолько поганое, что мы просто обречены на выживание. И это является залогом моего оптимизма, потому что страна наша уникальная и другой такой в мире не будет.

Когда Владимир Путин был назначен так называемым преемником Ельцина, его действия были абсолютно адекватными и полезными. Особенно если мы вспомним, в каком состоянии ему досталась страна. Россия тогда была на грани распада. В Чечне действовала, по сути, оккупационная администрация. Мы ведь подписали при Ельцине капитуляцию перед бандитами!

В ситуации крайней необходимости Владимир Владимирович может быть жестким и последовательным. Случаи с Чечней или Ходорковским служат тому наилучшей иллюстрацией. Я полагаю, что в нынешней ситуации Путину было бы целесообразно воспользоваться противоречиями внутри российской элиты, чтобы часть публики отодвинуть на задний план. Тогда произойдет очистка, и к власти придет новая элита.

Я считаю, что такой путь — единственный шанс для Владимира Путина подтвердить свой статус национального лидера. Однако в этом случае ему придется заниматься тем, чего он на самом деле не любит, — реальной идеологией и публичной политикой. Если Путин хочет обладать прежней славой и быть хорошим президентом, то без идеологии ему не обойтись.

Я подозрительно и с опаской отношусь к массовым народным волеизъявлениям. Когда устанавливается «прямая демократия», все политические процессы, как правило, переходят под контроль организующего центра. Причем нередко он находится далеко за пределами нашей страны. Очень редко в нашей истории эти самые волеизъявления приводили к позитивным переменам, чаще всего они заканчивались катастрофой и сами по себе изначально являлись катастрофой. Прямая народная демократия всегда заканчивается зверской диктатурой, и не только в нашей стране. Скорее я бы полагался на самосознание отдельных групп в политической элите: когда ситуация, что называется, «припирает к стенке», они зачастую обнаруживают способность к созидательному труду на благо России.

Все демократические режимы в истории человечества были фиктивными, так как демократия всегда выступала в роли цензора. Вспомните хотя бы римскую демократию! Кто там реально пользовался политическими правами? Тот, кто имел место в легионе. Что касается буржуазной демократии, зародившейся в Британии, то там тоже существовали свои ограничения: кто платит, тот и принимает политические решения. Именно крупный бизнес

определял в Англии, давать или не давать деньги на войну очередному монарху.

Сама идея равенства между людьми — это сплошной обман, поскольку люди отличаются друг от друга по мотивациям, по способностям, по интересам. Поэтому разные люди должны иметь разные права и нести разные обязанности. Люди, которые хотят служить государству, должны иметь такую возможность. Но при этом они должны четко понимать, что, получая определенные привилегии и права (в том числе право умереть за собственную страну), они лишаются многих важных привилегий. Например, большого богатства.

Мировой финансовый кризис, свалившийся на всех как снежный ком, стал серьезным психологическим ударом в первую очередь для российских элит. Сначала эта публика думала, что никаких серьезных потрясений не будет. Потом на полном серьезе полагала, что мы обладаем такими ресурсами, которые позволят нам остаться «островком стабильности» в разбушевавшемся финансовом море. Но вскоре стало понятно, что Россия не просто зависима, а абсолютно определяема внешней конъюнктурой. У нас просто-напросто пропала экономическая политика. Процесс хозяйственного управления существует вне экономической политики.

Отсутствие в нашей стране внятной экономической политики привело к отсутствию и внешней политики. Это же смешно, что мы поддержали резолюцию Совета Безопасности ООН по Ливии! Страны, которые изо всех сил пропихивали ее, так и не смогли привести адекватных аргументов в пользу такого решения. Зато Россия, проголосовав за резолюцию Совета Безопасности ООН, выполнила главную задачу — понравиться Западу. Зачем? Если в ближайшие годы мир может измениться до неузнаваемости.

Я думаю, что прогноз на следующие пять лет по общей ситуации во всем мире связан с крайней неустойчивостью всей сложившейся системы связей и взаимоотношений: Евросоюз и прочие международные организации будут подвергаться очень большому расшатыванию, эрозии и т. д. Существующая сегодня система контроля и влияния будет разрушаться и будут создаваться какие-то новые склейки. Здесь что-то прогнозировать очень сложно, можно экстраполировать какую-то волю, и это, скорее, вопрос не расчета, а конкретного действия.

То, что мы видим сегодня, является типичной фазой технологического перехода, мир видел ее уже много раз: сначала у вас появляется новая доминирующая в мире сила вокруг разрушения старой экономики, эффективность которой падает. Эта новая сила, которая раньше была периферийной, теперь растет и становится дико конкурентоспособной, начинает завоевывать себе место. В тот момент, когда она становится мощной, но ресурс этого скачка начинает исчерпываться, у нее падает продуктивность капитала. Это падение компенсируется экономикой масштаба, т. е. начинается экспансия. И это тот момент, когда доминант чувствует свое нечеловеческое величие. Проблема в том, что экономике масштаба свойственно достигать неких пределов — либо это пределы земного шара, как в случае с американцами, либо это пределы сопротивления каких-то других игроков из-за того, что в определенный момент плотность вырастает настолько, что вы дальше двигаться уже не можете. И тогда вы начинаете эмиссию. Вы же самый великий и могущественный — вам все дают в долг. После экономики

реальных масштабов начинается экономика фиктивных масштабов — надувается пузырь. Потом он лопается, но в момент, когда он лопнет, уже где-то должны зародиться новые доминанты. Где они будут, сказать очень трудно, но есть ощущение, что Америка имеет возможность сохранить себя как экономика будущего, но уже не во всемирном масштабе.

Дикий рост различных проблем пойдет по принципу домино. Дело в том, что экономические проблемы, которые формально можно просчитать, никогда не решаются в сфере чистой экономики. В определенный момент экономические проблемы начинают сублимироваться в социальные, политические, в военно-политические и т. д. Избитая фраза о том, что из Великой депрессии мы вышли с помощью Второй мировой войны, отражает истину. Поэтому мы никогда не имеем в экономике чистого эксперимента, иначе она была бы точной наукой.

Нынешние финансовые дисбалансы будут проявляться во всем. Это приведет к распаду порченных валют, а если экономические системы будут разрушены, то понадобится какой-то фундаментальный якорь, которым может стать введение золотого стандарта в той или иной форме. Это будет некий процесс деглобализации, когда основные мировые игроки расходятся по своим цивилизационным зонам, где доминирует одна страна, одна культура и одна валюта.

Путин заявил, что сможет построить у нас такую зону. Но строить должен не только Путин, это должна делать вся Россия, а он один сможет вряд ли. В конце концов, такие вещи строятся не без силовых элементов, но в первую очередь на внутренней воле. В кризис выживают только государства, а государство — это такое образование, где люди живут не по расчету, т. е. если вы живете по расчету, то в кризис вы по расчету же начинаете расходиться. Поэтому это должна быть внутренняя воля, должны быть смыслы.

Если политика России, направленная на евразийскую интеграцию, будет серьезной, последовательной и мощной, если она будет подкрепляться вытекающими отсюда мерами в экономике и всех остальных смежных сферах, то и Украина никуда не денется: она будет втянута в эту орбиту. Ответ на вопрос «целиком или частями?» зависит от общей ситуации как в самой Украине, так и во всем мире.

Что касается Евросоюза, то даже если внешняя конфигурация и будет сохраняться, то содержание, конечно, будет совершенно иное. Уже совершенно очевидно, что Италию Евросоюз не вытащит — ее невозможно вытащить, она его утопит. То есть либо они будут «сбрасывать балласт», что приведет к эффекту домино, либо Германия сама соскочит, после чего существование всей этой структуры потеряет смысл — она, извините меня, превратится в СНГ. Здесь можно гадать, что произойдет раньше.

На самом деле разговоры о том, что можно сохранить еврозону в рамках ядра (*Германия и Франция*), нереалистичны, потому что тогда это просто не имеет смысла делать: немцам нужен большой европейский рынок — они являются его бенефициарами. Огромный объем немецкого высокотехнологичного экспорта определяется тем, что Германия имеет для себя рынок Европы как базовый. Если это преимущество исчезает, тогда нет никакого смысла отказываться от личного суверенитета, учитывая, что дойчмарка всегда была наиболее сильной валютой Европы. Зачем тогда обременение? Ради чего? Поэтому я не вижу перспектив Евросоюза.

Вообще сегодняшний Евросоюз в какой-то степени является формой реванша Германии за катастрофу XX века. То, что можно условно назвать Четвертым рейхом. Такой красивый, элегантный, политкорректный, мягкий, политически очень сильно дезакцентированный Четвертый рейх. Это геополитическая идея, это идея ощущения Германией себя в Европе, которая реализована под крышей бывшего геополитического противника — Соединенных Штатов. Понятно, что в биполярном мире идея европейской интеграции была вписана в стратегию холодной войны — это был ответ советской интеграции, который просто не мог не быть сформулирован, потому что отвечать-то как-то надо. Это также вопрос культурно-психологической реабилитации: Германия в мире и гармонии со всеми своими соседями.

Но здесь есть еще один очень важный момент: немцы не хотят печатать деньги. Они все равно их подпечатывают, но не напрямую, и они не пытаются заливать ими кризис, как американцы. Надо думать, что если они не решатся просто отказаться от еврозоны, они вынуждены будут это делать, потому что другого выхода нет, но это тоже путь к разрушению еврозоны, только более длинный и более мягкий, также как и американская эмиссия является путем к разрушению зоны доллара. Потому что в определенный момент, когда ваша валюта выходит за рамки каких-то качественных параметров, доверие к ней начинает падать.

Вся разница между Америкой и Европой состоит в том, что первая имеет гораздо бóльшие проблемы фундаментального характера, но при этом имеет инструмент их текущего откладывания и смягчения в виде широкомасштабной эмиссии валюты, которая в нынешней конфигурации мира является валютой мировой доминанты. Поэтому, чем сильнее давит кризис, тем сильнее спрос на доллар, что мы и видим на протяжении последних нескольких лет. В тот момент, когда это будет уже не так, это будет уже не кризис. Это будет другое слово, которое при детях не произносится. Это означает «С вещами на выход». Я хочу заметить, что выход из кризиса будет выглядеть гораздо хуже кризиса. Если кто-то думает, что выход из него будет прорывом в светлое будущее, ничего там светлого нет.

Что касается будущего Америки, то здесь необходимо учитывать, что она более всего склонна сублимировать свои проблемы в виде проекции силы, а социально-политическую и военно-политическую сферы трудно прогнозировать. Силы у США пока есть: накопленных военных бюджетов хватит еще надолго, но возможности уже не те.

Сегодня Америка стоит перед двумя вариантами: надорваться, пытаться сохранить свою систему и свое доминирование над всем миром, или начать уходить, т. е. реанимировать классический американский изоляционизм. И то, и другое означает конец действующей модели. Только во второй ситуации Америка сохраняется как очень серьезный перспективный игрок, как мощная страна и мощная экономика, только не доминирующая. Более того, во втором варианте у США открывается перспектива реиндустриализации. Например, в ближайшее время она за счет сланцевых технологий добьется энергетической независимости, что даже без массового разворачивания добычи сланцев в Европе приведет к обвальному падению цен на энергоносители. Колоссальный рост предложения сланцевого газа будет с неизбежностью давить на цены на нефть, потому что в мире нет таких

технологических процессов, где нефть не могла бы быть вытеснена газом при определенных параметрах цены. Это все делает абсолютно реальным возвращение в Америку энергоемких производств: зачем их переносить в Китай, если колоссальная энергетическая база есть и на месте.

Второй момент, который отличает Америку от Европы, это чрезвычайно живучая бизнес-структура. Их экономика больна по всем макроэкономическим показателям, но бизнес очень гибкий и живучий, плюс условия его ведения совершенно уникальны. И он может экономику вытащить, если политики и нарастающие социальные напряжения не погубят ее раньше. Усугубляет эти напряжения то, что и Европа, и Америка — все развитое человечество — сегодня стоят перед перспективой демонтажа всех своих социальных институтов и всей социальной инфраструктуры: образования, здравоохранения, пенсионной системы — они все банкроты. Реальные антикризисные меры предполагают их упразднение. Сюда же попадают и военные расходы. Но поскольку современные демократии не могут навязывать то, что население категорически не принимает, таких мер принято быть не может, поэтому они будут осуществляться де-факто путем постепенного самодемонтажа этих институтов: нет денег — нет и социальных программ. В США это уже происходит, поскольку у них 50 % социалки финансируется штатами, а так как те сами печатать деньги не могут, то все, что ими финансируется, сжимается: закрываются больницы, увольняются полицейские, стоят школы без учителей.

Но Америка очень остро нуждается в образе врага. Когда господин Кругман (*лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 года*) говорит о том, что, чтобы выйти из кризиса, США нужен экономический аналог Второй мировой войны, надо понимать, что, чтобы получить экономический аналог, вам надо сначала где-то найти физический. И Кругман абсолютно прав, если вспомнить, что из Великой депрессии Америку вывела война. Внешний враг — это очень хороший инструмент мобилизации. Из Бен Ладена выжали, что было возможно, и списали. Теперь из иранцев можно попытаться сделать ужас и кошмар. Из России его сделать трудно — понятно, что она ни на какие авантюры не способна. Из китайцев сделать легко, но проблема в том, что китайцы являются очень важной составной частью американской экономики и бизнеса: очень трудно наезжать на собственный инструментальный сборочный цех. Это все равно, что ворваться в собственный дом и разгромить кухню и столовую — как-то не очень разумно, хоть и хочется. То есть вроде бы страшные, но совсем свои.

По Ирану степень авантюры пока запредельная, хотя они, конечно, очень бы хотели с ним разобраться. Но пока это все носит пропагандистский характер, однако в условиях нарастания турбулентности возникает очень большая степень непредсказуемости. На счет Сирии не знаю — там сейчас пытаются вывести гражданскую войну на уровень развала страны.

Ближний Восток — не локальная и не региональная проблема. На самом деле никогда не был таковой. Последние две тысячи лет. Не говоря уже о последних шестидесяти. Но даже в этом контексте нынешняя ситуация, сфокусированная в настоящий момент на Сирию, представляется беспрецедентной по своим дальнейшим глобальным последствиям. Сегодня именно в Сирии подожжен бикфордов шнур, который ведет к очень большой войне. А при «удачном» раскладе даже и к мировой.

Забавно, что единственным как бы легитимным посредником и миротворцем в сирийской ситуации выступает Лига арабских государств. Притом что нынешняя ЛАГ после впадения в политическую кому Египта и Ливии является безраздельной собственностью салафитских монархий залива, в первую очередь саудитов и Катара. Это на их деньги их общеарабские телеканалы осуществляют информационную травлю нынешнего сирийского режима, которую уже потом тупо ретранслируют бледнолицые коллеги по всему миру. Это они всеми доступными способами стимулировали борзость европейских наполеончиков в отношении Каддафи. Это они прямо науськивали американцев ударить по Ирану. Это они стоят реально за волной великих демократических революций в арабском мире, и это государства, в которых не то что демократии, там и конституций никаких отродясь не было.

Сирию пинками, пулями и санкциями принуждают к гражданской войне. Это делается практически в открытую: в открытую нанимаются и внедряются боевики, в открытую ведется широкомасштабная диверсионная война с армией и полицией, ради информационных провокаций людей убивают на улицах сирийских городов, в открытую госдепартамент США убеждает боевиков ни при каких обстоятельствах не сдавать оружие. И с этим ничего нельзя поделать. Сегодня, в нынешней конфигурации мира, ничего с этим поделать нельзя. И это не обещает ничего хорошего никому.

Потому что питательная среда пресловутой «арабской весны» — арабская улица, население дико раздутых городских окраин, по минимуму урбанизированное, по большей части никогда не имевшее постоянной работы, несчастное и униженное, чьи социальные требования не могут быть удовлетворены никем и никак. Единственная перспектива — перенаправить, канализировать разбухшую энергетику ненависти в иное русло. Иное — это на врага, внешнего и внутреннего. Не будем показывать пальцем, кто может являться таким врагом для такой толпы, главное, что эта толпа неумолимо катится в руки радикалов. Настоящих радикалов или тех, кто сумеет приманить ее радикальными лозунгами и радикальными способами их реализации. Запахом крови. То есть сегодня ближневосточный процесс, точкой бифуркации которого является Сирия, — это процесс движения к войне. И больше никуда.

Не только Америка, все выходили из глобальных кризисов через войны. Для того чтобы вывести новую технологию на уровень массового использования, требуется внеэкономическое усилие, которое обычно связано с войной как государственными затратами, совершаемыми под воздействием прямой угрозы выживанию. Великая депрессия началась в 1929 году, и до 1941 года никаких признаков выхода из нее не было.

Надо понимать, что нынешний мир существует, потому что действует принцип взаимного гарантированного уничтожения. Это те параметры, на которых базируется наша «перезагрузка» в отношениях с Соединенными Штатами. Если мы будем предпринимать адекватные усилия для противодействия построению ПРО, значит мир сохранится, а для этого надо много делать. Но есть еще один момент: Америка надрывается в своих военных усилиях, поэтому, возможно, ей и не удастся воплотить в жизнь свой замысел.

Насчет перезагрузки. Нет никакой перезагрузки, и какая может быть судьба у того, чего нет? Мы добились решения по такому сложному вопро-

су, как наше вступление в ВТО. Нам даже было дано обещание попробовать отменить поправку Джексона—Веника — можете себе представить? Кстати, о ВТО. Меня больше расстраивает тупой ажиотаж вокруг этого вступления, чем сам факт. Членство в ВТО является обещанием неприменения тех методов защиты внутреннего рынка, которые Россия могла бы применить, если бы не вступала в эту организацию. Нынешний кризис — это кризис всей философии, которая стоит за ВТО. Это кризис ничем не ограниченной, максимально дерегулированной свободной торговли. И какой смысл туда вступать? Это все равно, что вступить в чуму или вступить в холеру. Вот весь мир в холере, а нас не было, давайте, наконец, вступим!

А по ПРО мы сами говорим, что переговоры зашли в тупик. Проблема в другом: похоже, что Обама очень полезен, чтобы списать на него социальный провал. Он воспринимался всеми как кандидат низов, антиистеблишмент. Поэтому возвращение республиканцев кажется преждевременным, и этому способствует действующая система партийного отбора, которая вышибает из избирательной гонки наиболее сильных кандидатов.

Есть еще один важный момент. Это совершенно беспрецедентный уровень и скорость технологического прогресса. Особенно в области компьютерных технологий, роботизации и т. д. Сейчас Китай является суперконкурентоспособной страной по причине наличия дешевой рабочей силы, которая, кстати, становится все дороже. Но в тот момент, когда основные процессы будут полностью роботизированы, кому будут нужны китайцы? И какая будет разница, где какая цена рабочей силы?

Это также связано с контролем над обществом. Если у вас небывалый технический прогресс накладывается на рост социального напряжения, то можете ожидать эскалации инструментов и форм насилия. Это может разрушить и систему глобального сдерживания, потому что может сложиться ситуация, когда оружие массового поражения окажется никому не нужным и бесполезным перед лицом новых технологий. Например, британские футурологи пугают индивидуально программируемыми пулями: зачем нужно «мочить» всех, если можно убить конкретно того, кого вы решили.

И в этой связи повышается демпфирующая роль спортивных состязаний. Спортивные мероприятия — это своего рода сублимация агрессивной энергии, накапливающейся в мире. Государство исторически образовалось с целью победы в войне с конкурентами. А спорт существует как некий заменитель войны, позволяющий направить мощные энергетические потоки в мирное русло.

И хорошо, что России достались Игры—2014 и Чемпионат мира по футболу—2018. Вообще, все это имеет свои скрытые смыслы. Всякий формальный повод, будь то Олимпиада или Чемпионат мира по футболу, способствует разговорам о том, что выделенные деньги будут разворованы. А без этих поводов разве их не разворовали бы? Разворовали бы! И при этом украл бы все деньги! А благодаря крупным спортивным соревнованиям есть хоть какая-то надежда, что украдут только половину денег.

Ныне существующая социальная система полностью является продуктом нынешнего экономического уклада, и если уклад меняется, то эта социальная система просто не работает.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Борис КЛЮЧНИКОВ

МУЛЬТИ- КУЛЬТУРАЛИЗМ РАЗМЫВАЕТ АТЛАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

Борис Фёдорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш современник». Живет в Перedelкино.

Когда есть воля, есть и мост.

Вильгельм Оранский

Осенью 2011 г. в прессе промелькнуло сообщение, что швейцарские ученые в цюрихском университете провели скрупулезный математический анализ и установили, что всего 1318 монополистических группировок — банков, холдингов, корпораций — владеют более чем 60 % мировых доходов. Ядро этих властителей мира составляют 147 компаний, преимущественно банков и прочих финансовых гигантов. Конкретное доказательство господства мировой финансовой олигархии. Большинство олигархов базируется в США. Среди них и наиболее политизированный, идеологизированный и агрессивный банк «Goldman and Sachs», тщательно готовивший долговые кризисы в Европе.

Собственно расчеты швейцарских экспертов подтвердили то, с чем реально мыслящие политики уже давно считаются, действуя с оглядкой на это ядро, на эти космополитические командные высоты. Первая волна мирового системного кризиса 2008–2009 гг. и то, как национальные государства спасали антинациональную финансовую олигархию, так называемый фининтерн, протрезвили миллионы думающих людей. Демонстрации протеста на Уолл-стрит (Occupy Wall Street) лишь один из многих показателей массового прозрения: финансовый капитал последовательно работает над уничтожением наций и их последней защиты — государств. Фининтерн пытается управлять миром, осуществляя стратегию хаоса, войн и кризисов. Его основное оружие — доллар, его цитадель — США, его штаб — центральный банк США — частная контора Федеральная резервная система. Она печатает триллионы необеспеченных долларов, к

которым привязаны сотни «национальных валют». Этими долларами финансируется военная машина НАТО, молохом нависающая над миром. 750 военных баз США расположены в 80 странах мира.

Однако помимо доллара у фининтерна есть и другое оружие — это размывание этносов, народов и наций, массовая скоротечная миграция народов экономически отсталого Юга в развитые страны Севера. В истории было много переселений народов, но никогда их волны не насчитывали десятки миллионов людей, переносящихся в одночасье на кораблях и самолетах в чуждые цивилизации. Западноевропейские государства открыли двери и ворота переселенцам в погоне за дешевой рабочей силой. Открыли свои страны без оглядки на общественное мнение, на волю народов, прикрываясь благородными идеями прав человека, равенства, свободы передвижения, веротерпимости. Никогда и нигде фиктивность западной демократии не проявлялась так наглядно и безнаказанно, как в принятии этого судьбоносного решения. Западные элиты, стимулируя приток дешевой рабочей силы, открыли бездну, в которую мчатся европейские нации. На их земле либеральные правители решили поселить десятки миллионов переселенцев из других цивилизаций, которые не намерены отказываться от своего образа жизни. Переселенцы несут в Европу свои жизненные ценности, свои глубоко отличные, часто непримиримые правовые нормы, религии, этические представления. Это было очевидно и 30, и 40 лет тому назад. Но либеральная элита не хотела этого видеть. Вначале она убеждала европейцев, что высокая культура Запада быстро ассимилирует примитивных мигрантов. *Потом, отступая, она бросилась строить общества «мультикультурализма», предполагающего, что на европейской земле рядом мирно будут строиться и уживаться параллельные общества европейцев и мигрантов-мусульман.* Трудно доказательно утверждать, было ли это затмением здравого смысла или коварный замысел неприметно, ползуче превратить Европу в плавильный котел наций, подобный Америке, изначально населенной эмигрантами. За образец «мультикультурализма» взяли Канаду, где в 70-е г. стартовал эксперимент сосуществования англоязычных и франкоязычных канадцев. Однако уже в 80-е гг. стало ясно, что эксперимент не удался даже в благословенной Канаде. Деголлевский лозунг «Да здравствует свободный Квебек!» никогда не снимался с повестки дня французов Квебека. Вспоминаю, что, работая в ЮНЕСКО, я вместе с заместителем генерального директора С. А. Тангеном в 80-е наблюдал необычную в стенах этой уважаемой во всем мире организации неприглядную сцену — скандал между англо- и франкоязычными канадцами. А эти два общества принадлежат одной и той же цивилизации и сосуществуют более трех веков.

* * *

Понадобилось почти полвека, чтобы либеральные правители Евросоюза вняли, наконец, жалобам, призывам и протестам европейцев. Они, наконец, задумались над грозными последствиями массовой иммиграции, над плодами мультикультурализма. Первой откликнулась канцлер Германии Меркель.

«В начале 60-х годов, — заявила она в октябре 2010 г. — наша страна пригласила иностранных рабочих в Германию, и теперь они здесь живут. Некоторое время мы обманывали себя, уверяли, что они у нас не останут-

ся, когда-нибудь уедут домой. Но так не произошло. И, конечно же, наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга. Этот подход провалился, совершенно провалился». Это была не более, чем констатация очевидного факта. Ее подхватили и разнесли по всему миру СМИ. И как-то само собой без внимания остался главный вопрос — что же надо делать, чтобы остановить процесс самоуничтожения Европы, ее исламизацию, сползание континента к гражданской войне. Тем более, что, заканчивая речь, Меркель, добавила: «Мы заинтересованы в иностранной рабочей силе и создадим ей хорошие условия». Конец речи оставил окончательно европейцев в недоумении: что власти намерены предпринять для решения острейших проблем, порожденных иммиграцией?

Вскоре решился коснуться темы мультикультурализма и президент Франции Н. Саркози: «Конечно, все мы должны уважать различия, но мы не желаем создавать общество, в котором сосуществуют различные общины. Если вы прибыли во Францию, вы должны согласиться с тем, что вы вливаетесь в единое общество, которым является наше национальное общество, а если нет, то вам не место во Франции». И вновь, теперь для французов, без ответа остался вопрос, что власти намерены делать с 8 миллионами мусульман, есть уже ссылки на 14 миллионов, поселившихся в последние 20 лет во Франции и явно не желающих вливаться, «расплавляться» во французов. Они мечтают о другом, создать как минимум рядом с Францией свою страну.

В феврале 2011 г. на конференции по безопасности в Мюнхене о начале «борьбы против мультикультурализма» заявил и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон: «Мы отказываемся от 30-летнего опыта мультикультурализма, мы будем проводить [политику] мускулистого либерализма... Мы долго терпели эти обособившиеся общины, которые систематически отвергают наши жизненные ценности». Возмущение премьер-министра было так велико, что он осмелился напомнить европейцам, что они принадлежат к белой расе: «Когда белый человек придерживается неприемлемых взглядов, например, расизма, мы, вполне правомерно, осуждаем его. Но когда в равной степени неприемлемые взгляды исходят от кого-нибудь, кто не является белым, мы становимся чрезвычайно осторожными, скажу откровенно, просто трусоватыми, не способными его остановить». У многих в России это признание британского премьер-министра ассоциируется с политикой российских властей. Они, как и большевики, по-прежнему подавляют «русский великодержавный национализм и шовинизм» затурканного, разделенного русского народа, вконец загнанного в угол неолиберальной экономической политикой, вашингтонским консенсусом фининтерна, а вскоре и вступлением во Всемирную торговую организацию.

Однако вернемся к теме: не ясно, кого премьер-министр Англии относит к «небелым»? Арабов, индийцев, иранцев, тюркоязычные народы? Были и остались этнографы и политики, блюстители чистоты расы, которые не считают белыми и албанцев, и кавказцев, даже жителей юга Италии. Как мог решиться премьер ультралиберальной Англии поднять вопрос о цвете кожи? С 30-х гг. это стало табу, строго охраняемым табу. На волне мультикультурализма президент Франции Ширак с гордостью заявлял: «Теперь Франция мусульманская держава!» Бросал пустые орешки мусульманству? Не только. Дело в том, что Билл Клинтон — маяк, на который ориентировались

все либеральные правители Евросоюза, в том числе и Ширак, в речи в портлендском университете в 1998 г. нарисовал радужную перспективу: «Через пятьдесят с лишним лет в США не останется никакой расы, претендующей быть большинством». «Свободолюбивые» белые американцы поморщились, но проглотили и эту пилюлю. Их больше интересовала борьба Ельцина за демократию в России, демократия в Ираке, в Афганистане, Ливии, всюду в мире. И потом Клинтон пообещал, что это будет достигнуто только через полвека. Ширак решил опередить лидера. Не прошло, однако, и десяти лет и в 2008 г. статистическое бюро США (Census Bureau) сообщило, что через 15 лет, уже к 2023 г. небелые в США станут большинством среди молодежи в возрастной группе до 18 лет, а к 2042 году большинство населения США будут составлять «черные, испаноязычные (Blacks, Hispanics)” и выходцы из Восточной и Южной Азии». Комментаторы пообещали ошарашенным протестантам, что это будет достигнуто много раньше, потому что отпрыски множества смешанных браков предпочитают записываться белыми.

Не всем эта перспектива показалась такой радужной как Клинтону. Патрик Бьюхэнн — патриот, один из самых уважаемых политологов Америки, кандидат в президенты, откликнулся на речи Клинтона книгой «Смерть Запада»¹. Показательно, что католика Бьюхэнна вовсе не успокоила перспектива, что среди 420 млн американцев к 2042 г. будет свыше 100–120 миллионов — единоверцев — католиков из Латинской Америки.

В этой связи задумаемся, что в конце концов дает единство и стабильность обществу и государству? Кровь, почва (Blut, Boden), религия, идеология или общее дело, как оно виделось православному мудрецу, русскому космисту Н. Федорову?! Крепко стоит задуматься над этим судьбоносным вопросом! На Западе до сих пор преобладают не конструктивные, а тревожные, алармистские настроения, прогнозы, сценарии, вроде сериалов «Конец белой расы», «Конец белой Америке», «Неизбежна ли расовая война в Америке?»² Пессимизм вполне объясним. В США остается пласт негативной исторической памяти о взаимоотношениях рас и этносов. Память эта живет и среди белых, и среди цветных. Расовые отношения быстро ухудшаются. Все чаще можно видеть в общественных местах самиздатовские «Дашь ненависть к беленьким» (Hate whitey), «Белые! Возвращайтесь в Европу». Белые начинают покидать Калифорнию. Участились молниеносные, немотивированные нападения на белых. Широко распропагандированный «плави́льный котел» Америки (melting pot) более не срабатывает, знаменитые белые англосаксы-протестанты (WASP) со всё большими трудностями исполняют роль государствообразующего сегмента общества.

Именно в свете расовой напряженности в Америке (а в Евросоюзе вдобавок и религиозной напряженности) лидеры Германии, Франции и Англии решились отказаться от мультикультурализма. Впервые они осмелились пообещать своим народам, что в вопросах взаимоотношений рас и религий европейцам не по пути с США, которые избрали путь к «Смерти Запада», диагноз поставленный П. Бьюхэнном. Недолго остались верными «мультикульти» и малые страны, даже ультралиберальные, как их часто называют, «разложенцы» в Нидерландах. Единство Запада размывается не только и

---

¹ Patrick Buchanan. The Death of the West (переведена на русский).

² См., например, The Atlantic Magazine, Jan./Feb.2010.

даже не столько чередой кризисов, экономических, финансовых, долговых. Его расшатывают не только подковерная борьба доллара за бесспорную монополию, не только бескомпромиссная стратегия подавления евро как альтернативной резервной валюты, но и наметившийся во многих западно-европейских странах отличный от США подход к иммиграции из стран 3-го мира. *Атлантистские элиты в Европе пока робко заявляют о несогласии с президентом Обамой, с его программой «расового нейтралитета».* Они, наконец, уразумели мудрость максимы — «демография это судьба». Они видят, что в США ни белые, ни «цветные» не считают Обаму своим президентом. Белые создают «Чайную партию», цветные в противовес — «Кофейную партию». Деятели «Чайной партии» считают Обаму «марионеткой» (puppet) фининтерна. Среди американцев все большее число людей убеждено, что фининтерн, неокконы ненавидят Америку вообще, а белую Америку в особенности.

Едва ли стоит забегать вперед событий, но они складываются так, что употребление привычных терминов «Запад», «атлантическое сообщество», «развитые страны Севера» становится неточным, ненаучным, а иногда просто анахронизмом. Все чаще встречаем в Евросоюзе ученых мужей, которые называют США «страной на пути в третий мир». Такими оценками и сценариями пестрит и Интернет. И претензии США руководить планетой и поучать других становятся все более странными, неосуществимыми, разве что путем бомбометания.

* * *

Речи европейских лидеров против «мультикульти» встревожили руководителей Евросоюза в Брюсселе. *Европейский Союз был задуман в Вашингтоне как механизм, обеспечивающий единство Запада, а из-за иммиграционной проблемы в большей мере, чем из-за кризиса, углубляется и раскол Запада, и раскол среди 27 стран Евросоюза.* Его председатель португалец Жозе Баррозу решил предупредить немцев и французов, заявив в июне 2011 г.: «В некоторых случаях проблемы миграции используются экстремистскими популистскими силами для подрыва европейского проекта»¹. Камешек — предупреждение, брошенный вовсе не «экстремистам» и «популистам», а канцлеру Меркель, президенту Саркози, премьер-министру Кэмерону. Не исключено, что предупреждение было заказано в США, то ли группировкой Ротшильдов, то ли Рокфеллеров. Вопросы рас, религий, войн и мира — это их прерогатива, ибо это не текущая политика, а метаполитика, это посыл парадигм развития мира на десятилетия. Однако европейцы, кажется, не слышали предупреждения Евросоюза. Их страны захлестывают новые волны иммигрантов из стран Ближнего Востока, где нарастает хаос и приходят к власти деятели политического ислама. Европейцы, забыв о правах человека на свободу передвижения, восстанавливают, пока выборочно, национальные границы. Чиновники Евросоюза опустили руки, сдают перед волнами иммигрантов. 24 июня 2011 г. они признали законным восстановление границ, ибо они — «механизмы защиты в исключительных случаях»².

---

¹ EU Press Release. June 28, 2011.

² См. мои статьи об исламофобии в: «Наш современник», № 2, 6, 10, 2011 г.

Президент Медведев в дискуссии о мультикультурализме занял отличную от западноевропейцев позицию, что для него в общем-то не характерно: «Нам нельзя себя спровоцировать на рассуждения по поводу краха мультикультурализма», — заявил он во время своего визита в Башкирию. И далее: ...«Для России неприемлем тезис о неудаче сосуществования культур». Позиция твердая, но отвечает ли она новым обстоятельствам? Конечно, Россия исторически многонациональное государство и у нас многовековой опыт добрососедского проживания сотен этносов. Это отражено в Конституции. Бесспорна и традиционная уживчивость русского народа, веками строившего обширное государство и стремившегося скреплять его не кровью, а, по слову Ф. Тютчева, христианской любовью. Советский Союз унаследовал традицию дружбы народов. Она не была пропагандистским блефом. Блефом является утверждение и большевиков, и либералов, что Россия была «тюрьмой народов». Были и в СССР очаги межнациональных конфликтов, особенно в 80-е гг., но была и реально работавшая модель интеграции в единое общество. Народы еще вернутся к оклеветанному советскому проекту, к советскому опыту 50–70-х гг. Однако советский опыт применим только в социальном, а не в монетаристском государстве, каким стала Россия. Рынок и социальная несправедливость и скандальное неравенство разобщают не только людей, но и нации. И потому отказываться от обсуждения проблем мультикультурализма нельзя: ни царская Россия, ни СССР не сталкивались с мощными процессами глобализации, с беспрецедентным по темпам и масштабам переселением народов с Юга на Север. Это поистине вторжение «третьего мира». В России ныне проживает не менее 10 миллионов мигрантов. И это вовсе не миллионы из 180 коренных национальностей. В борьбе за выживание в условиях распада социального государства и господства рынка, когда богом стали деньги, стремительно падает нравственность, души людей запущены. Национальные меньшинства структурируются в этнические предприятия, в «торгующие меньшинства», а порой и в этнические банды. Это очевидные факты, и крайне опасно по-страусиному прятать голову в песок, отказываясь изучать и обсуждать проблемы мультикультурализма. Они у нас немногим отличаются от стран Западной Европы, которые за последние 30–40 лет тоже стали многонациональными государствами. Следует, конечно, считаться с тем, что это крайне деликатная тема.

Отказ европейских властей от мультикультурализма привел лидеров мусульманских организаций в негодование. Они называют это «сговором правых экстремистов», «истерией против ислама, паранойей терроризма». Мохаммед Шафики — исполнительный секретарь организации «Мусульманская молодежь» в Великобритании, — заявил, что мусульмане будут отстаивать мультикультурализм, так как это единственный путь «понять друг друга, другие религии и культуры и оставаться верными и гордиться нашим британским гражданством». Ясно, что это установка на создание в Европе параллельного исламского общества, не интегрирующегося в европейские нации. Установка рассматривать Европу как свою законную территорию. Таким образом, вырисовывается очевидный тупик, не просматривается золотая, мудрая середина между вседозволенностью и ксенофобией.

В итоге эсхатологически неоспоримы и единство, и общность судьбы человеческого рода. Это основа христианства. Однако многие лидеры исла-

мистов придерживаются мнения, что наша планета населена двумя типами человеческих существ: тех, кто верует в единого Бога и исповедует ислам, и тех, кто исповедует многобожие — кафи́ров, т. е. европейцев, христиан и прочих неверных. Слишком много примеров нетерпимости с обеих сторон. Кровоточат границы с мусульманством, переживающим ныне пассионарный подъем: повсюду — в Эритрее, Кашмире, Судане, Чаде, на Кипре, в Боснии, Македонии, Ливане, Египте, в Косово — всюду исламисты теснят иноверцев. Суннитский шейх Гуссейн Эль Куатли еще во время пятнадцатилетней гражданской войны в Ливане четко обозначил условия совместного проживания с христианами: «Или правитель мусульманин и правление исламское, и тогда мусульманин признает его и поддерживает. Или правление неисламское, и тогда он его не принимает и стремится его уничтожить всеми способами, убеждением или силою, в тайной или открытой войне»¹. Европейцы подозревают, что мусульманские лидеры в Европе лицемерят, поддерживая и защищая мультикультурализм, что они ведут тайную войну, ждут своего часа, сигнала к началу наступления на остатки христианской цивилизации.

* * *

Трудно судить, реальна ли эта угроза, правда ли то, во что верят многие европейцы, а именно: умеренные, мирные мусульмане перестают быть умеренными и мирными как только их число в чужом обществе достигает 10 %. В конце концов важно не то, правда это или ложь. Надо считаться с тем, что все больше простых людей верят в это, убеждают других, а массовое убеждение становится реальной политической силой. Отказ либеральных правителей от мультикультурализма был в Евросоюзе воспринят слишком многими как пустые выхлопы, как лицемерие и обман. Потому что, действительно, никаких серьезных шагов ни Меркель, ни Саркози, ни Кэмэрон не предприняли. Саркози стал изгонять только цыган, и на него обрушилась волна критики. Кэмэрон погрозил, что прекратит «государственное финансирование мусульман, если они не признают равенства женщин и не согласятся интегрироваться в английское общество». Такие обещания вызывают только насмешки, не более, потому что европейцы ожидали по меньшей мере запрета иммиграции, а многие даже конкретных программ возвращения эмигрантских анклавов на их родину. Именно это давно обещают те партии и организации, которые официальные СМИ упорно называют крайне правыми отщепенцами. *Однако, как доказывается в моей статье «Закат Евросоюза?», по существу дела они стали или становятся массовыми антилиберальными популистскими организациями, которые в некоторых странах довольно успешно прокладывают себе путь к власти*². Национальный фронт во Франции, его президент Марина Ле Пен обещают полностью запретить неевропейскую иммиграцию и разобраться с теми осевшими миллионами эмигрантов, которые отказываются стать французами.

Лидер Британской национальной партии Ник Гриффин ликует, уверяет англичан, что и консерваторы, и лейбористы перехватывают его лозунги,

---

¹ El Qadiya el Lubnaniya, 1976—1977.

² См. «Наш современник», № 10 за 2011 год.

его программы, называет это «гриффинизацией»; Кэмэрон, играя «либеральными мускулами», «сделал огромный шаг в освоении наших идей», тех самых, которые он еще недавно называл расистскими и нацистскими. Отказавшись от мультикультурализма, Кэмэрон на словах «узаконил наш подход к иммигрантам», — заявляет Гриффин. Консерваторы «целыми отрывками повторяют мои речи, с которыми я обращался к нации еще в 2005 г. Мы давно квалифицировали мультикультурализм как абсурдную, дурацкую затею».

Лидеры новых европейских националистов считают, что власти и не собираются залечить те раны, которые народам Европы наносят мультикультурализм и мусульманская диаспора. Националисты разъясняют массам, что все ограничится скользкими обещаниями, потому что проамериканские элиты не способны энергично действовать без одобрения США. Не могут они прекратить иммиграцию. Атлантистские элиты склонны неприметно узаконивать массовые нарушения закона, например внедрение норм шариата. *Факты таковы, что миллионы англичан, немцев, французов, вообще европейцы теряют веру в либеральных правителей и с надеждой обращают взоры на тех, кого еще недавно считали правыми экстремистами.* Вот Ник Гриффин выдвинул конкретное требование — «британские рабочие места — британцам» за справедливую оплату. Требование, которое поддержали бы и наши безработные, и те миллионы русских людей, у которых в дьявольское беловежское одночасье отняли родину, оставив бедствовать на чужбине. Гриффин и его партия рассказывают англичанам о наглости исламской молодежи, о «черном расизме», об «исламских педофилах и наркотоговцах, о содержателях притонов и бандитах». К их мнению прислушиваются, отзываются с уважением. Хотя известно, что некоторые из них перелицевавшие неонацисты, ныне ставшие в Австрии, в Германии и в других странах новыми националистами и популистами. Они чутко улавливают настроения масс и ласкают слух обывателей лозунгами: «Христианская Европа! Поднимись с колен!», «Европа для христиан!»; «Не ждите от ислама веротерпимости и пощады!»; или «Есть умеренные мусульмане, но не бывает умеренного ислама!».

Лидер голландских националистов Геерт Вилдерс, выступая в палате лордов, напомнил англичанам, что обожаемый ими Уинстон Черчилль в книге «Вторая мировая война» назвал священный Коран исламским Майн Кампфом, потому что Коран тоже проповедует войну — джихад, а джихад по-арабски так же как Kampf по-немецки означает борьбу. Он призвал лордов и английский народ прекратить отступление, прямо заявлять, что «западная культура превосходит исламскую. Утверждая это, вы не должны бояться, что вас станут называть расистами»¹. В Евросоюзе уже многие убеждены, что некие темные лошадки в эти темные для Европы времена ведут дело к окончательной дехристианизации, сознательно колонизируют Европу, превращая ее в «Еврабию».

Показательна реакция европейцев на чудовищный террористический акт Брейвика в июле 2011 г. в Норвегии. Брейвик расстрелял тогда 79 юных соотечественников. Даже самые ярые националисты в те дни осудили Брейвика. Психиатры не считают его сумасшедшим. Сошлись на том, что

---

¹ Rede von Geert Wilders in Britischen Oberhaus.

это был акт отчаяния и неумеренной ненависти к либеральным властителям, которые готовили себе в этом палаточном городке такую же преступную смену. Отчаяния ввиду ускоряющегося дрейфа Европы в исламский халифат. Брейвика вскоре стали называть «жертвой мультикультурализма», «расстрелявшей детей из семей леволиберального истеблишмента». Осудив Брейвика, отказываясь в принципе от насильственных актов против мультикультурализма, европейские националисты ознакомились с пухлыми томами писаний Брейвика и стали высказываться в том смысле, что разделяют многие его идеи и подходы к мусульманской диаспоре. Марио Боргезио — депутат Европарламента прославился тем, что заявил: «100 процентов идей Брейвика правильные, а некоторые просто превосходные»¹. Позже, правда, он поправился, снизил тон и оценки. Политологи сходятся во мнении, что теракт Брейвика ускорил процесс слияния националистов в единую партию, в организованное массовое движение. А это очень важное следствие. На другом фланге отказ от мультикультурализма вызвал протесты левых партий. Левые не считают, что эта стратегия провалилась, власти, де, просто ищут приемлемых путей и форм возвращения к расизму, что националисты недовольны лишь тем, что делается это слишком робко и медленно².

* * *

Состояние общества в европейских странах настолько тревожное и напряженное, что, думаю, это последнее объяснение отказа от мультикультурализма ближе всего к истине. *В Европе растут грозди гнева из-за бездействия властей, из-за потакания наглости той части мусульманской диаспоры, которая желает жить не вместе, а вместо коренных жителей.* Тот, кто бывает на Северном Кавказе, знает, что там преобладают похожие взаимоотношения и настроения. Западноевропейцы начинают понимать то, что давно твердо знали мои предки терские казаки: горцы смеются над теми, кто их уговаривает соблюдать законы, кто пытается задобрить их подарками. Либералы и демократы для них слабаки, слюнтяи, а подарки — военная добыча, контрибуция. Горцы прирожденные «силовики». Они сами склонны всего добиваться силой, и сами считают и уважают только силу. Не оскорбляющее их гордость насилие, а твердую убедительную силу и неотвратимость наказания.

Однако вернемся в Европу, где ныне преобладает неверие в будущее. Над европейскими нациями, над европейской цивилизацией нависла угроза небытия, ухода с исторической арены из-за реальной перспективы исламизации. В Европе знают и часто цитируют (в том числе в палате лордов) Неджметтина Эрбакана — в недавнем прошлом премьер-министра Турции: «Вся Европа станет вскоре исламской. Мы завоюем Рим». Следует ли это понимать так, что турки хотят покончить с католичеством, как в мае 1453 г. они, захватив Константинополь и убив императора, прикончили в Византии православие?! «Вся Европа», между прочим, включает и Россию, и Украину, и Белоруссию. Так же оптимистично смотрел в будущее и Каддафи: «В Европе уже несколько десятков миллионов мусульман, и их число будет

---

¹ Anders Breivik. Europa im Krieg mit dem Islam. Von M.Kamann und Peters/Welt on Line-Sa, 30 Juli 2011.

² Racism in a Neoliberal Age. By A.Lentin and G.Titiley. 2011.

быстро расти. Это тенденция к тому, что европейский континент перейдет в ислам». Или изречение, приписываемое Арафату: «Матка арабской женщины для евреев страшнее атомной бомбы». Такие перспективы Европе рисуют не соратники Бен Ладена и прочих исламистов, а руководители государств, входящих в ООН, такого крупного и влиятельного государства, как Турция. Они мечтают о главенстве в новом халифате от Киргизии до Марокко.

Европейцам, наконец, становится ясно, почему претендент на мировое господство — *Вашингтон*, *взявший курс на самое тесное сотрудничество с исламистами*, настойчиво поддерживает вступление 80-миллионной Турции в Евросоюз. Министр обороны США Гейт упрекал немцев и французов в том, что они упираются, не хотят принимать Турцию в Евросоюз, а она ближайший союзник Америки в Ираке, в Афганистане, в Ливии, в Косово, в Боснии, а ныне и против Сирии. *Естественно, что многие из европейцев, в том числе и правящая элита, начали задумываться над своими перспективами в атлантическом сообществе, над своим по сути вассальным статусом.* США уже давно ведут против Европы экономическую войну, подрывают евро. Европейцы десятки лет все это терпели, потому что европейский бизнес, как и китайский, был очень заинтересован в американских рынках сбыта. Рынки эти ныне из-за долгового кризиса сжимаются, а *поддержка Вашингтоном иммиграции и исламизации Европы стала очевидной, нетерпимой угрозой. Угрозой не капиталу и прибылям, даже не суверенности, а угрозой совершенно другого уровня. Угрозой самому существованию европейских наций. Реальной становится перспектива отказаться от любимых мертвых, которые живут в сердцах, сменить язык, все генетические коды, лишить своих детей и внуков будущего.* Раствориться в пришельцах, в другой антипатичной им расе, в другой чуждой им религии и цивилизации, исчезнуть со страниц истории, как некогда исчезли гордые римляне, поглощенные волнами варваров. Только в Риме это заняло века, а в Европе, как многие уверены, это может случиться за десятилетия.

Мусульманская диаспора, исламские анклав, уже живущие по нормам шариата, воспринимаются коренными европейцами как мины, заложенные под фундамент европейской цивилизации, как форпосты третьего в истории Европы нашествия ислама. Основные черты исламской доктрины ваххабитского толка пугают европейцев. Они не хотят теократии, не хотят жить по Корану и средневековым нормам шариата. Они, наблюдая нравы мигрантов, не верят, что ислам ведет к очищению души от лжи, обмана, лицемерия. Строгость мусульманских женщин им кажется лицемерием, как и единение всех мусульман. Вместе с тем они воочию наблюдают, как исламисты презирают Запад, христианство, отказываются даже от основных западных понятий таких, как государство, класс, нация. Они проповедуют тотальную войну с еврейством, а европейцам готовят статус подданных второго сорта (*statut obligé de Dhimmi*)¹.

---

¹ См. учения саудита Abd el Aziz ibn Baz; Omar Abdul Rahmane (Египет); Gulbuddine Hekmatyar (Афганистан); Hassan al Tourabi (Судан); Abassi Mudani (Алжир).

Евросоюз в наши дни — это гигантская медуза, гонимая ветрами истории. Сообщество, сжимающееся и трясущееся от страха, с падающим евро вместо крови, с банкротами-банками вместо плоти, отягощенное долгами, с неизвестно кому принадлежащими СМИ вместо мозгов, бесформенное полумиллиардное месиво, движимое какими-то неизвестными и сомнительными силами. Европейцы видят, как эти силы напористо искореняют остатки христианской веры и ее нравственность, ее духовность. Конкретно разрушают семью, легализуют содомию, однополые браки, наркотики, разврат, паразитизм. Европа не устояла перед мамоной, пала перед золотым тельцом.

Европейцы видят также, что мир теряет к ним былое почтение, потому что они так не похожи на своих пассионарных предков, людей величайшей энергии и дерзости, пышущих здоровьем авантюристов, белых тиранов, белых дьяволов, как их звали в Китае. То были поколения ученых, эстетов, воинов, корсаров, поколения со страстной радостью жизни, белокурые бестии, презиравшие роскошь и способные переносить крайние лишения и бедствия. То были европейцы, славившиеся во всем мире своей волей, целеустремленностью, преданностью научному поиску. Их уважали за трудолюбие, за крепкую семью, чадолубие. Героями тех эпох были строители, ученые, напористые предприниматели, мастера и рукастые подмастерья. Их место ныне заняли ленивые рантье-домоседы, суетливые рекламщики и пиарщики, тупые маркетологи, безвкусные стилисты, худосочные модели. Вспоминается мысль Монтескье: беда тому обществу, в котором банкиры не только богатеют, но становятся еще и уважаемыми людьми. В России, до установления ельциновского компрадорского режима, банкиров никогда не уважали. Ныне эта беда и к нам пришла.

Демографы и социологи бьют тревогу: снижается рождаемость среди коренных европейцев, они менее активны, чем мигранты, все больше времени проводят перед телевизором. Мигранты захватывают розничную торговлю и многие другие сферы услуг. Этнические группировки в бизнесе быстро богатеют, более настойчиво добиваются повышения социального статуса своих многочисленных детей. Их лидеры намерены добиваться создания своих партий, своих фракций, своих квот в управленческих структурах. И несмотря на все это комиссары Евросоюза, не считаясь с настроениями коренных европейцев, требуют ввиду старения населения открыть двери еще для 20 миллионов иммигрантов.

Естественно, люди возмущаются. Они и не ждали иного от чиновников Евросоюза. Но есть же у нас, говорят европейцы, наши национальные власти в Берлине, в Париже, в Риме и т. д.? Почему они бездействуют?! Почему они сотрясают воздух пустыми угрозами? Почему по-прежнему поощряется завоз рабочей силы из Азии и Африки? Прибыль предпринимателям, а народу издержки?! Миграционное переполнение ведет к снижению качества жизни, растет число конфликтов. Приезжие ведут себя нагло, агрессивно. Коренные европейцы покидают целые кварталы в городах. В Голландии в Роттердаме мало голландцев, в Швеции в г. Мальме редко встретишь шведа, в Италии смеются — все, что южнее Рима — это уже Африка. *И все чаще в массах возникает вопрос: почему национальное государство не защищает нацию? Нам не нужно государство, которое становится ликвидатором нации.*

Действительно, доля мигрантов во многих странах такая, что уходят в небытие национальные социокультурные коды, размывается цивилизационное ядро. Известный политолог Кургинян приводит установку некоего Ракитова — ельцинского советника: «Наша задача сменить ядро цивилизации». Но ядром этим и в Евросоюзе, и в России было и остается христианство. Кто эти бесы, которые отстраняют государства от их прямых обязанностей, уничтожают нации, выкорчевывают остатки христианской нравственности? Кто? Те, которые у Достоевского в «Бесах» грозили: «Мы пустим пьянство, донос, мы пустим неслыханный разврат, мы всякого гения потушим в младенчестве». Разве не очевидно, что эти угрозы реализуются?! Финансовая олигархия это и есть «зверь из бездны», это она творит хаос, войны, кризисы, разрушая традиции, государства, нации. И по ходу избавляется от триллионных долгов. *В этой хаотической смеси народов защита коренных наций становится противоправной, не законной.*

* * *

На высокой волне всенародного негодования в странах Евросоюза все более популярными и востребованными становятся националисты. Они объясняют, что мировая олигархия — это строители новой Вавилонской башни, что она не угодна Богу, и потому народы перестают понимать друг друга. Что в противостоянии государства и нации, как показывает история, всегда верх берут нации. *Государства создавались и создаются не для конкурентоспособности, не для извлечения прибыли.* Их главной задачей всегда была защита рода, племени, сбережение народа, его генетического фонда. У либералов, стоящих у власти, у монетаристов, завоевывающих рынки, атрофировался инстинкт самосохранения. Пакистанцы, ввозимые в Англию или Норвегию, Швецию и т. д., не могут стать англичанами, шведами, но их присутствие, — учат националисты, — «расщепляет атом социальной жизни»: живут «не вместе, а кто кого» уничтожит.

Националисты доказывают, что мусульмане, подобно фарисею, считают себя выше европейцев, потому что Аллах дал им Коран. Но европейцам, веками считавшим себя носителями цивилизованности и подлинной культуры, это кажется возмутительным. Их берет оторопь, переходящая в устойчивое негодование и ненависть к пришельцам.

Что же делать? Националисты обращаются к великим предкам: как говорят они, — поступила королева Изабелла, покровительница Колумба, когда Испания стала «непоместительна» для мусульман и евреев? Она их изгнала. Либералы, — уверяют они, — не способны повторить подвиг Изабеллы. Бесполезно ждать от них помощи, они зависимы от Вашингтона, где господствуют идеи неоконсерваторов о «плавильном котле» наций. Нужна духовная революция, возвращение к тем нравственным ценностям, на которых основывался общественный порядок.

Читаешь труды националистов — вроде есть логика. Но какая логика? Логика королевы Изабеллы, покровительницы Колумба? Но изгоняя вначале евреев, а потом и мусульман, она проявила отсутствие веротерпимости. Ей это простительно, потому что это случилось в XV веке. Правда позже это развилось в скрытый и открытый расизм. Не к этим ли идейным ценностям призывают вернуться националисты? Да, — отвечает известный на Западе французский ученый Г. Фай (Guillaume Faye): «Мы революционные дисси-

денты, ибо стремимся к полному перевороту в доминирующих ценностях и цивилизационных формах (ницшеанская *Umwertung*)»¹.

Г. Фай один из авторов и талантливый защитник проекта «Евросибирь». Об этом проекте надеюсь рассказать читателям в последующих статьях. А пока посмотрим, что Г. Фай и другие европейские националисты предлагают делать с десятками миллионов неевропейских мигрантов. Они признают, что это архитрудная проблема, почти не разрешимая задача. Но, — говорят они, — на то мы и консервативные революционеры. «Труднее всего, — пишет Г. Фай, — решить, что делать с уже проживающими ордами чужаков. Я ничего нового не могу предложить, кроме того давно известного простого решения, которое ныне очень трудно оправдать: всех их надо депортировать! (deport them all!) и закрыть дело! (case closed!). Как это сделать? — спрашивает он сам себя. — Это мы не знаем, потому что это колоссальная задача». Но ее надо решать иначе, будет «метapolитическая катастрофа». *Посмотрите, как Америка превращается в колонию цветных народов? Вы хотите идти вслед за Америкой?* «Я, — пишет Фай, — сострадаю и индейцам, и пигмеям, и канакам, и берберам, и нубийцам, и даже маленьким зеленым инопланетянам. Но не надо крокодиловых слез: когда наводнение грозит снести твой дом, надо заботиться о себе, а не бросив свой дом, помогать другим». И заключает свои доводы неприемлемой для православных установкой: «Мы ничего не должны третьему миру, пора отказаться от христианского альтруизма, который демонизирует нашу цивилизацию». То есть не надо никакого покаяния за грехи прошлого, даже за работорговлю. «Что их жалеть, у них прирост населения в три раза выше, чем у нас. Между прочим, благодаря западной медицине»².

* * *

Накал страстей в Европе, питаемый массовой иммиграцией, таков, что становится не одним из факторов, а главным фактором, разрывающим атлантическое единство. Америка выбрала (не могла не выбрать) путь мультикультурализма, путь смешения этносов, рас и культур. В Европе большинство людей отвергают этот путь. Включился инстинкт самосохранения: европейцы за сохранение своих наций и этносов, своей расы, за единство крови, за цивилизационные границы и цивилизационную геополитику. То есть лозунг дня сегодня: мы не против мусульман и африканцев, мы не лучше их, но давайте жить отдельно. Однако правят европейцами атлантистские элиты. Орден атлантистов десятилетиями подавлял евразийцев, считающих, что Европе не по пути с США. Поэтому евразийцы обращают с надеждой свои взоры на Россию, разрабатывают разнообразные проекты континентальных блоков. Самым известным среди них был Карл Хаусффер (Karl Haushoffer). Его преследовали и Гитлер, и американские власти, оккупировавшие Баварию. Его архив был выкраден и увезен в США. Но его исследования продолжил его ученик генерал фон Лохаузен (von Lohausen). Самый известный и наиболее часто цитируемый в Европе российский геополитик А. Дугин называет имена и советских кон-

¹ Журнал французских националистов «Rüflächir et Agir». № 9, 2011.

² Guillaume Faye. Geopolitics of Ethnopolitics — The new concept of Eurosiberia. Доклад, представленный на International conference on the Future of the White World, Moscow, 8-10 April 2006.

тиненталистов, прокладывавших после войны пути к союзу с Францией и Германией. Это генерал Штеменко, действовавший по благословению маршала Жукова, маршалы Бирюзов и Огарков. Они продолжали дело легендарного главы Главного разведывательного управления Аралова. К ним был благосклонен и Брежнев. Но не атлантисты Хрущев и Андропов. «Андропов, — пишет знаменитый французский политолог Жан Парвулеску, — был атлантистом, до конца верным своему ордену “Пляшущей смерти”. Для атлантистов начало войны против России 22 июня 1941 г. стало величайшим праздником: англосаксам удалось столкнуть два народа, немцев и русских, родственных исторически, политически и духовно, два континентальных, не торговых народа. Два народа, национальному характеру которых чужды финансовые пирамиды, виртуальная экономика, паразитизм, которыми увлеклись англосаксы. Немцы, французы, русские упорно сохраняют реальную экономику».

Стоит открыть в Интернете блог «Самый мрачный час Запада», и вы найдете многочисленные обоснования, почему «США являются величайшей угрозой для белой расы... Не Советский Союз, а Вашингтон и его послевоенный мировой порядок являлись величайшей бедой для белой биосферы... Авангард европейских националистов поддерживает не Запад, а только Европу, рассматривает лидера Запада (т. е. США) как своего главного противника... США — это Антиевропа, враждебные также и своему белому населению»¹. Дружить надо с родственными нациями, поэтому мы всемерно поддерживаем деголлевскую идею единой Европы, геополитическую ось Париж—Берлин—Москва.

Известный французский геополитик Тириар (Thiriard) был в Москве в 1992 г. и обсуждал с Лигачевым возможность союза России и Европы. Европейские националисты убеждены, что «Россия будет более спокойным союзником», что вместе будет легче противостоять и гегемонии, и «культурному империализму США». В Германии националисты очень осторожны. Они ждут своего часа, а пока напоминают немцам англо-американские ковровые бомбардировки, ужасы уничтожения Дрездена 14 февраля 1945 г. и каются в «преступлениях на Востоке». Атлантисты напоминают немцам о холокосте, а континенталисты о плане министра финансов США Моргантау, предлагавшего «физическую ликвидацию немцев» путем голода и болезней².

В наши дни, — доказывают националисты, — неоконцы, правящие бал в Вашингтоне, целенаправленно используют мусульманскую иммиграцию для того, чтобы растворить европейские нации, уничтожить самобытность Европы, превратить ее в расово смешанный континент, подобный самим Соединенным Штатам, которые этнографически уже такие же смешанные, как Бразилия. Более того, США ждет судьба канувшего в лету Южноафриканского Союза. Беда американской элиты, что она верит в технологии и пренебрегает, как они говорят, «этнобиологическими основами общества, теми корнями, которые питают нацию». Европейские правые обвиняют англосаксов в том, что их лидерство в мире и догма «свободной торговли» подвели белых людей к краю пропасти. И первыми в нее сгинули белые американцы.

¹ The West's Darkest Hour.

² См. о плане Моргантау (Morgentau) James Bacque. Crimes and Mercies. The Fate of German Civilization... 1950.

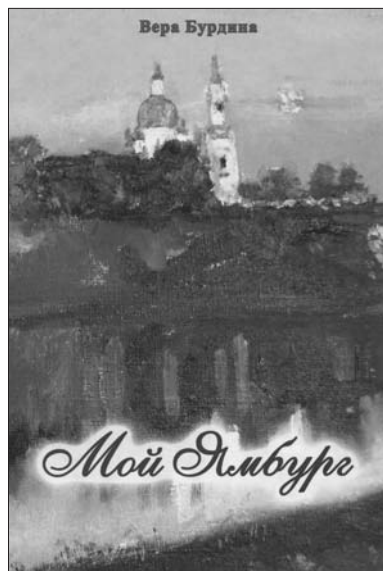
Элита США вынашивает планы расчленения России, а европейские националисты прочат такую судьбу США и, чтобы избежать ее, призывают белых американцев «ослаблять ненавистное федеральное правительство, вплоть до расчленения США». Они не исключают, что остатки белых американцев «закроются в северных штатах». А если им это не удастся, то белая Европа откроет двери белым братьям не только из США, но и из Австралии и Канады. Читаешь эти прогнозы и слышишь в них набат расовых войн.

Много других любопытных, парадоксальных, а порой и опасных идей, теорий, проектов ныне встречаешь в среде европейских «новых правых», среди популистов-националистов. Они отражают смятение и сумятицу в умах, царящую в наше бурное, турбулентное время. Время перехода в другую эпоху, время перегруппировки сил на великой шахматной доске геополитики. Период пока неорганизованного сопротивления атлантистам, защищающим иммиграцию. Нас ожидают эпохальные перемены, возможно этнические войны в сочетании с гигантским экономическим крахом. Они не обойдут Россию, скорее всего она, как геополитическое сердце мира, как кладезь природных ресурсов, окажется в центре вихрей, ныне зарождающихся в Евразии. Надо к ним готовиться, прежде всего изучать эти вихри. Изучать и новые угрозы, и даже маловероятные проекты и сомнительные предложения, такие как проект «Евросибири». Надо изучать все возможности выживания. Римский философ Сенека когда-то сказал, что корабль, который не знает куда плыть, никогда не поймает попутного ветра. И другая латинская максима: «*Ducant fata volentem, no volentem trahunt*» (Судьба благоволит волевым людям, безвольный человек прозябает).

КВШЛА КНИГА

Бурдина В. И. Мой Ямбург: стихи. 2-е доп. изд. — СПб., 2011. — 140 с., вкл.

Вера Ивановна Бурдина — член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии имени Александра Прокофьева «Ладога», дипломант Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами», дипломант Петербургского фестиваля «Открытое сердце» и поэтического конкурса «Невская лира». Автор восьми поэтических сборников: «Песочные часы», «Петербургские сны», «Листва Невы», «Слеза на граните», «Волны и камни», «Мой Ямбург», книг для детей: «В гости к Солнечному Богу» и «Путешествие к Надежде»; многочисленных публикаций в журналах «Аврора», «Юность», «Нева», «Родная Ладога», «Невский альманах», «День поэзии», «Золотой ключ», «Новый век»; коллективных сборниках «Точка отсчета» лауреатов премии «Ладога».

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Леонид ИВАШОВ

ЖАРКАЯ РАБОТА ДЕПАРТАМЕНТА «С»

*Климатическое оружие:
блеф или реальность?*

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 году в Киргизии. В 1964 году окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником министра обороны СССР. В первой половине 90-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. А потом было несколько лет насыщенной работы в качестве главного военного дипломата. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Автор нескольких книг по геополитике и международным отношениям. Генерал-полковник. Живет в Москве.

Из истории науки известны неоднократные попытки использовать природную среду в интересах человечества, постичь и обуздать энергию космоса и околоземного пространства для экономики и военного дела. Наибольших успехов в подобных исследованиях добился в начале XX столетия Никола Тесла. Именно ему удалось решить проблему концентрации окружающей нас энергии для передачи на большие расстояния. То есть транслировать ее в атмосфере, фокусировать и проецировать на любую точку нашей планеты (в 1900 году он подал заявку на патентование изобретения «Передача электрической энергии через естественную среду»). Вот почему некоторые российские ученые убеждены, что невероятной мощности взрыв над сибирской тайгой 30 июня 1908 года вызван не Тунгусским метеоритом, а является следствием опытов Теслы.

Глобальные катастрофические события лета 2010 года вновь обострили дискуссию о возможности искусственного вмешательства человека в природную среду и о вероятности использования климата в качестве оружия массового поражения. Причем подобные подозрения направлены прежде всего на США. Попытаемся разобраться в этой проблеме, базируясь на известных открытых материалах и мнении специалистов.

Работа департамента «С»

Американцы не только настойчиво разрабатывали способы использования климатических условий в военных целях, но и активно применяли эти разработки на практике. (Замечу, кстати, что все виды оружия, которыми американцы владели монопольно, немедленно пускались ими в дело в ходе боевых действий — будь то ядерные боеприпасы, напалм, де-

фолианты и пр.) Так, например, им удалось вызвать обильные осадки в зоне «тропы Хо Ши Мина» во Вьетнаме. Масштабное распыление дефолиантов над лесными массивами и сельскохозяйственными угодьями в Индокитае приводило к уничтожению традиционной среды обитания и средств выживания местного населения, изменяло природную среду обитания.

Развитие мировой научной мысли США используют в интересах своих военных программ. Не стали исключением и программы по созданию и применению климатического, психотронного и других типов оружия, основанного на новых физических принципах.

Публикации открытой зарубежной печати совершенно очевидно и ясно свидетельствуют: в последние годы в США не только активно разрабатывается, но и испытывается так называемое волновое или геофизическое оружие.

В Пентагоне есть весьма интересная структура — Отдел перспективного вооружения «В», включающий два департамента: департамент «С» (по-видимому, от английского *climate* — климат) и департамент «Р» (не исключено, от английского *psychology* — психология). Первый до недавнего времени имел в своем составе метеорологическую службу, группу специальных разработок, строительно-монтажный отряд и ряд других подразделений. Кроме того, в распоряжение этого департамента был передан крейсер «Вирджиния», оснащенный неким комплексом секретного оборудования.

Департамент «С» постоянно дислоцируется на базе на Бермудах. Существуют как прямые, так и косвенные доказательства того, что такие неожиданные катастрофические природные катаклизмы, как цунами в Юго-Восточной Азии в декабре 2004 года и ураган «Катрина» в августе 2005-го, практически полностью разрушивший Новый Орлеан, — результат использования Соединенными Штатами (в частности департаментом «С») нового волнового оружия.

Тот факт, что «Катрина» нанесла удар по одному из крупнейших городов США, не должен никого вводить в заблуждение. Процент афроамериканцев среди жителей Нового Орлеана намного выше, чем в среднем по стране, и именно он был сосредоточением практически всех известных негритянских организаций — от «Черных пантер» и «Фарахана» до «Новой Африки». Они не только активно отстаивали права чернокожего населения, постоянно накаляя внутривнутриполитическую обстановку в США, но и выступали с политическими программами, в которых говорилось об отделении южных штатов и образовании независимого государства. Что в Вашингтоне допустить не могли, поэтому (прошу рассматривать как версию) там приняли решение нанести удар по внутреннему врагу на территории Америки.

По итогам проведенных испытаний руководство США признало эффективность волнового климатического оружия весьма высокой. Пентагону рекомендовали продолжать его совершенствование, а ВМС США — установить еще на нескольких боевых кораблях.

Одновременно проводились и проводятся интенсивные исследования зон сейсмической напряженности. В зонах тектонических разломов земной коры образуются силовые энергетические поля, которые, достигнув определенного уровня напряженности точки бифуркации, «взрываются» землетрясениями, вулканическими извержениями, ураганами, цунами и т. д. Похоже, американцы нашли способ воздействовать на поля тектонической

напряженности, усиливая их и искусственно доводя до точки бифуркации. То есть речь идет о геофизическом оружии.

Боевая задача крейсера «Висконсин»

Третье направление трудов Отдела перспективного вооружения «В» — воздействие волновых процессов на психику и сознание человека. Этим занимается департамент «Р». Вызывая искусственные магнитные бури и применяя рассеянное или целенаправленное излучение волн различной длины и частотного диапазона, можно затормозить и расстроить функционирование головного мозга. В секретных задачах этого департамента значится разработка методов влияния на большие массы людей на различных расстояниях, чтобы порождать у них страх, апатию, подавленность или же, наоборот, возбудимость, агрессию, состояние аффекта. Проще говоря, управлять поведением населения любой страны.

Российские ученые обнаружили проведение таких опытов американцами в РФ в августе 1999 года, когда в качестве «подопытных» оказались жители Москвы и Московской области, а также Краснодарского края. В 2000-м департамент получил новейший крейсер «Висконсин», на который установили соответствующее оборудование и направили специалистов для его обслуживания. Работа этой аппаратуры фиксировалась в 2003 году в ходе операции против Ирака и в 2005-м — в дни «оранжевой революции» на Украине. В отчете о данных апробациях была подчеркнута их высокая эффективность.

Есть информация, что сейчас «Висконсин», другие носители оборудования, аналогичного тому, что имеется на этом крейсере, применяются против Ирана и Турции с целью свержения неугодных американцам режимов, а также России (Северный Кавказ). Фиксируются волновые воздействия на российское население — и извне, и с территории самой РФ.

Нельзя не упомянуть еще одно направление в создании геофизических видов вооружений — разработку средств как подавления электронных систем противника, так и защиты своей аппаратуры подобного предназначения от попыток ее нейтрализации или выведения из строя. С выполнением американцами первой задачи мы сталкиваемся при проведении испытаний и плановых пусков баллистических ракет в Северо-Западном регионе РФ, а также, возможно, и в гражданской сфере (вспомним, например, недавний (2009) блэкаут в Санкт-Петербурге).

Вторая задача решается в ходе развертывания американской ПРО — предполагается, что на пучке траекторий российских баллистических ракет, которые могут быть запущены в сторону США в качестве ответного удара, удастся создать плазмOIDное облако диаметром порядка не менее 100 км, которое полностью разрушит управление и баллистику стартовавших российских ракет.

Все перечисленные исследования в США проводятся в рамках Стратегии не прямых действий. В настоящее время усилия сосредоточены на проблеме усиления вихревых гравитационных полей. Иными словами, Соединенные Штаты не только оторвались от всех других стран мира в классе современных высокоэффективных обычных вооружений, но и получают в руки новое оружие массового поражения глобального воздействия. Ядерные боеприпасы выглядят весьма устаревшими на фоне вышеописанных систем,

отсюда — «миролюбивые» призывы Вашингтона к всеобщему ядерному разоружению. Важно сделать всех конкурентов и соперников беззащитными перед американской демократией, опирающейся на превосходство в военной силе и нетрадиционных технологиях.

Но вернемся к воздействию на погоду на планете. В основе формирования на ней климатических процессов лежит естественное единство земного, околоземного и космического пространств, находящихся в состоянии природной гармонии. Нарушение или изменение этого состояния, одного или нескольких природных элементов приводит к разрушению данной гармоничной системы, — это то, что и исследуют ученые США.

Сегодня изменения в атмосфере Земли вызываются естественными природно-космическими процессами (космос так же изменяет свою сущность), а также являются следствием интенсивного развития промышленности, транспорта, добычи полезных ископаемых... И осознанной целенаправленной деятельностью сил, мечтающих о мировом господстве, пытающихся превратить природную среду в оружие мирового господства.

Однако при нарушении природной гармонии есть риск возникновения неуправляемой ситуации, когда окажется под вопросом безопасность населения самих Соединенных Штатов и их союзников. Поэтому американским ученым необходимо научиться управлять природными климатическими процессами, для чего требуется проведение не только серьезных научно-теоретических изысканий, но и масштабных экспериментальных работ.

Местом для подобных экспериментов выбрали Аляску, где появилась экспериментальная система ХААРП, залегендированная под программу «Активная высокочастотная программа исследования северного сияния». (Как будто Пентагону нечем более заниматься, как изучением свечения верхних слоев атмосферы в высоких широтах.) Это один из самых засекреченных военных объектов США. Выбор Аляски для исследования способов влияния на атмосферу планеты связан с близостью магнитного полюса Земли и, естественно, удаленностью от посторонних глаз.

Но для разработки климатического (и психотронного) оружия нужна соответствующая полевая база. 180 антенн высотой до 25 метров каждая и общей площадью оборудования 13 га оказалось недостаточно. С целью развития действующей системы исследований и боевого применения возведены мощные объекты на территории Гренландии, Норвегии (в Тромсе, близ российских границ). В районе Анкориджа (450 км от ХААРП) вскоре появится новое антенное поле. Ставится оборудование на военные корабли, наземные объекты в Восточной Азии, формируется группировка космических средств.

Однако уже действующие объекты позволяют создавать высококонцентрированные плазменные зоны (линзы вторичного излучения) радиусом до 100 км, способные решать как простейшие задачи (дожди, ливни, сход лавин), так и более сложные (засухи, смерчи, ураганы, цунами, землетрясения, циклоны, антициклоны).

Небольшое отступление от темы статьи, касающееся пожаров на российских просторах. США завершают испытания лазерного оружия, размещенного на борту «Боинга-747», предназначенного для поражения баллистических ракет на активном участке траектории. Суть системы: мощный лазерный импульс прожигает корпус ракеты, разрушая ее электронику. А не может ли этот лазерный импульс поджигать лесные массивы, проле-

тая, например, по трассе в Афганистан? Но это всего лишь постановочный вопрос для российских ученых и военных. На него «навели» некоторые косвенные данные, связанные с изменением программы испытаний лазера на Б-747, а также полученные данные из неофициальных источников.

Уместно спросить: зачем США обрекать на страдания и даже смерть миллионы людей, целые народы, регионы и страны? Конечно, речь идет не о простых американских гражданах, а о тех, кто реально управляет Америкой, формирует ее политическую стратегию. Этот реально правящий класс понимает, что его власть напрямую связана с материальным благополучием американского и части европейского народов, с возможностью удержания их (посредством управляемой демократии) в состоянии покорности.

Эти власти не могут не видеть темпов развития и прироста населения в странах третьего мира, что создает угрозу существованию их вечной власти. Национальный совет по разведке США неоднократно в своих прогнозах подчеркивал, что уже на планете 2,5–3 млрд человек становятся лишними: не хватает природных ресурсов. Поэтому уменьшить численность жителей Земли, сократить уровень потребления и темпы экономического развития — важнейшая задача «сверхчеловеков» для сохранения своего господствующего положения в международном сообществе, для поддержания уровня прибыли.

Если посмотреть на географию летних климатических катастроф 2010 года, можно сделать вывод: пострадали в основном экономические и геополитические (цивилизационные) конкуренты США — Европа, Китай, Индия. РФ и Пакистан стоят в этом списке особняком. Россия — извечный вероятный противник, а ныне вождельный ресурсный объект для корпораций США. Пакистан — многонаселенное государство исламского мира, тоже извечный соперник США, обладающий к тому же ядерным оружием. Все «пострадавшие» — сторонники многополярного миропорядка. Добавим, что жертвы американской демократии — Югославия, Ирак, Ливия, Сирия и в будущем Иран, это страны, противостоящие гегемонии США.

Чем можно ответить на качественно новый вызов олигархической Америки международному сообществу?

Здесь, как представляется, необходим комплексный и в чем-то асимметричный ответ. Это и обсуждение проблемы в Совете Безопасности ООН, других международных организациях, зачисление климатического и психотронного оружия в категорию средств массового поражения и распространение на таковые соответствующих международных норм и правил, организация и поддержка широкого общественного движения против вмешательства в природные процессы и установление международного контроля над проводимыми исследованиями в этой сфере.

Другим направлением противодействия угрозе могли бы стать совместные научные исследования ученых заинтересованных стран по проблемам естественного и искусственного изменения климата планеты. Важным сдерживающим моментом явился бы четкий сигнал американским и транснациональным мечтателям о мировом господстве о неприемлемости и невозможности однополярного мироустройства.

Третье возможное направление — разработка международными усилиями военно-технических средств защиты от новых видов ОМУ, а также ответного воздействия на агрессора.

И четвертое: Россия и Китай могли бы наметнуть господам американцам, что США самое уязвимое государство мира, поскольку их экономика — сверхсложная технологическая система, в которой есть масса уязвимых точек. И российские ученые, вне зависимости от политики правящего класса, ведут исследования способов приведения в состояние коллапса американской системы выживания. Мы обладаем такими возможностями и готовы поделиться ими и с Китаем, Ираном и другими «союзниками» США.

Советский Союз вслед за началом реализации американских проектов в области использования атмосферных явлений в военных целях тоже приступил к работам в этом направлении и добился определенных успехов. Одновременно были образованы структуры военной и научно-технической разведки для наблюдения за исследованиями в США. Но в 90-е годы научные разработки у нас свернули (базовый объект в Нижегородской области законсервировали), а часть полученных результатов передали заокеанскому «партнеру» РФ. Разведывательные подразделения, проявившие активность после применения климатического и психотронного оружия против России, срочно расформировали, сотрудников уволили со службы... Но даже вне государственной системы они живут и действуют.

ВЫШЛА КНИГА

Валерий Сдобняков. Душа живая. Очерки обретений и расставаний. Серия «Вертикаль. XXI век»: Времена и мнения. — Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век», «Родное пепелище», 2012. — 480 с.

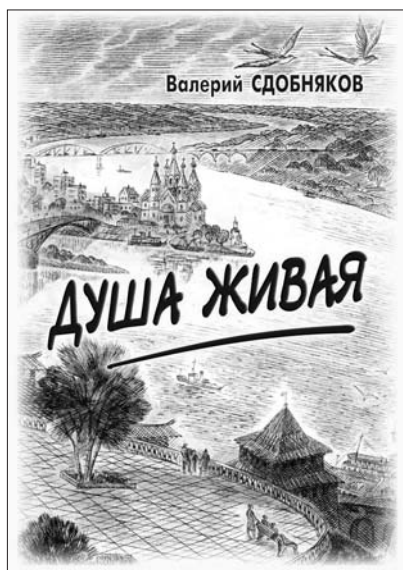
В новую книгу главного редактора литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век» Валерия Сдобнякова вошли воспоминания о встречах и дружбе автора с известными писателями, художниками, скульпторами, учеными и политиками. В конце книги помещено несколько бесед с литераторами, в которых анализируется сегодняшнее состояние российского общества.

Теплые слова об умерших нижегородских и московских писателях, художниках, деятелях культуры и общественных персонах еще раз доказывают, что «тесный круг» неразомкнут во времени, благодаря памяти живых.

А в финале чтения книги вспоминаются два высказывания прекрасного прозаика Константина Воробьева: «Писатели — это та часть общества, которая никому не нужна. Ни при жизни, ни после. Кто сейчас читает Толстого и Достоевского, Бунина? Чего они добились в жизни?» С этой мыслью созвучны размышления и некоторых героев книги «Душа живая».

Но что-то не дает согласиться с этим высказыванием. Не должно так быть. Да и нет этого, хотя бы потому, что в каждом поколении есть свой летописец, свой — Валерий Сдобняков, «по зову совести» пишущий на века свою летопись «Душ живых», не чтобы «покресоваться перед потомками», как некоторые из современников, а чтобы осталась светлая память о честных, талантливых и достойных людях, истинных творцах.

И солнце правды опять главенствует в мире — как сказал бы поэт.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Елена ГУСКОВА

КОСОВСКИЙ ТЕАТР ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ И РОССИЯ

Елена Юрьевна Гуськова, доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, в 1994 г. работала политическим экспертом по Балканам в штабе миротворческих сил ООН в бывшей Югославии. Опубликовала более 200 научных и публицистических работ, из которых 15 — книги и брошюры. Ряд работ переведены на иностранные языки. **Живет в Москве.**

РУССКОЕ «НЕТ» В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ

2007 год стал переломным в череде кризисных явлений на Балканах, в русско-сербских и российско-европейских отношениях. Связано это было с тем, что Россия в предыдущие годы не имела своей самостоятельной политики на балканском направлении, а тут неожиданно в Совете Безопасности воспротивилась независимости Косова, не поддержала план Марти Ахтисари, фактически готовивший край к независимости, сорвала голосование по резолюции, предложенной США.

Весь мир с вниманием следил за неожиданным для многих противостоянием России и ведущих стран по, казалось, уже решенному вопросу независимости южного сербского края. Только чувства у всех были разными. У россиян — гордость за свою страну, которая начала отстаивать объективность в международных отношениях, у сербов — надежда, что прекратится, наконец, семнадцатилетняя травля, а у иных — горестные: впервые за последние два десятилетия в балканском театре роли читаются не по написанному в Вашингтоне сценарию. Пришлось прервать спектакль, начать уговаривать строптивых русских актеров, а затем задуматься, как по-другому сыграть концовку.

Что именно так раздражало Запад в сложившейся ситуации? Для тех, кто внимательно следил за событиями на территории бывшей Югославии, ответить на этот вопрос не трудно. Все годы кризиса принципы международного права в регионе нарушались постоянно, достижение компромисса носило односторонний характер и предполагало уступки только одной, сербской,

стороны. Причем все, кто урегулировал кризис, решали вопросы единодушно: как правило, единогласно голосовали за предложения по предоставлению независимости республикам СФРЮ, введению санкций против Сербии и Черногории, их наказанию вплоть до нанесения бомбовых ударов (1994, 1995, 1999), по разделу Боснии и Герцеговины, по очернению и осуждению сербов, по участию НАТО в урегулировании и т. д. В 2007 г. Россия нашла в себе силы понять, что решение косовской проблемы, предложенное международными организациями и НАТО, продолжает традиции предшествующего периода, когда резолюции навязывались, выдвигались ультиматумы, отвергалась возможность доработать текст соглашения, имитировалась отчаянная нехватка времени или ставились жесткие сроки принятия решений (как при введении санкций, при переговорах в Дейтоне, Рамбуйе и т. д.). Если уступить в Косове, то такая практика вскоре станет нормой. Именно поэтому Россия заняла более жесткую позицию, возражая против навязывания решения и выступая за продолжение переговорного процесса.

В ЧЕМ СУТЬ ПРОБЛЕМЫ В КОСОВЕ?

Обратим внимание на то, что косовская проблема — многослойная, вбирающая в себя несколько сложных составляющих, каждая из которых требует теоретического и практического разрешения. Но одновременно косовский узел отражает противоречие интересов международных субъектов, приобщенных к этому конфликту.

Во-первых, по проблеме Косова на пост-югославском пространстве столкнулись две линии возможного решения этнополитических конфликтов: путем мирных переговоров и путем применения военной силы.

Во-вторых, Косово отразило колебание мирового сообщества между невозможностью вмешательства во внутренние дела суверенных стран и политическими установками США на беспрепятственное употребление силы в любой точке планеты.

В-третьих, косовская проблема отразила тянущийся из БиГ и Хорватии шлейф необъективного отношения к конфликтующим сторонам, политики двойных стандартов, когда всегда и во всем, независимо от обстоятельств, виновной объявлялась только одна сторона.

В-четвертых, именно в Косове в очередной раз проявляется противоречие, заложенное в международном праве, между правом нации на самоопределение и нерушимостью государственных границ.

Как историк не могу не напомнить исторической подоплеку проблемы, которая во многом разъясняет суть происходящего в этой горячей точке. Конфликт в Косове и Метохии является самым длительным очагом напряженности в современном кризисе на территории бывшей Югославии. В 2000 г. в результате выступлений албанских экстремистов он перекинулся на юг Сербии, в 2001 г. — на Македонию. Предсказуемы столкновения на национальной почве и в Черногории. В центре этих конфликтов стоит длительная борьба албанцев за самостоятельность и территориальную независимость, за объединение всех территорий с большинством албанского населения.

Почему бы Сербии не отдать Косово? Ведь большинство населения края составляют албанцы, которые уже больше века стремятся создать еди-

ное албанское государство, вечно доставляют сербам проблемы, а последние двадцать лет не расстаются с оружием? Попробуем объяснить.

В конце XII—начале XIII вв. эти земли входили в состав сербского государства династии Неманичей, были заселены исключительно сербами и являлись колыбелью сербской государственности. Название этих областей произошло от сербских слов «кос» — «дрозд» и «метох» — «церковное имение». И именно здесь на Косово-Поле (Поле дроздов) в 1389 г. произошел бой сербов с турками, бой, который ученые считают одной из важных вех европейской истории. Он открыл Османскому царству дорогу в Европу, положил начало многовековому завоеванию Балкан и рабству славянских народов. Сербы понесли огромные потери, но сражались стойко. Их героизм и мужество помнит история.

Идеалы Косова воспитывали героев, поддерживали дух независимости, ратоборства. Сербь первые на Балканах в начале позапрошлого века подняли восстание против турок и добились с помощью России независимости. Американцам, которые сегодня заявляют о своих интересах на Балканах, трудно понять, что сербский народ оказался воспитанным на исторических традициях, которые приобрели облик мифологической доминанты в сознании многих поколений сербов. Среди них: гордость, героизм, патриотизм, понимаемый как необходимость умереть за Родину, чувство славянского и православного братства, сознание жертвенности сербского народа, готового на все ради других славянских соплеменников. И в центре этих ценностей — Косово-Поле.

Нашествие турок на Балканы в XV в. заставляло сербов бежать из родных мест. Спасаясь от массовых злодеяний турецкого войска и албанских чет, часть сербов покидала родные места, другая принимала ислам. Укрепляя завоеванные территории, турецкие правители заселяли районы Косова мусульманским населением, преимущественно турками и албанцами из горных областей. К концу XIX в. уже половину населения Косова и Метохии составляли албанцы.

Вторая половина XIX в. отмечена ростом албанского национального движения и распространением идеи о создании организации, которая бы боролась за объединение всех албанских земель в одно автономное образование. Летом 1878 г. в знак протеста против намерений Берлинского конгресса передать ряд областей, населенных албанцами, Болгарии, Сербии, Черногории и Греции, возникла «Албанская лига за защиту прав албанского народа». Она получила название «Призренская» по косовскому городу, в котором 10 июня собрались делегаты-албанцы из разных краев, чтобы принять программу национальных целей албанского населения Османской империи. Организаторы Лиги стремились к тому, чтобы из всех территорий, на которых живут албанцы, в рамках Турецкого царства был создан один албанский вилайет, имеющий территориально-административную автономию. В документе было записано, что цель Лиги — «с оружием в руках бороться за защиту всей территории», выдворение иностранных войск с албанских земель. На собраниях Призренской лиги говорилось о существующей угрозе территориям, которые считались албанскими, принимались решения о сопротивлении возможному их расчленению, вторжению черногорских, сербских или греческих войск. Сформированные Лигой вооруженные отряды были призваны бороться за достижение поставленных

целей вооруженным путем. В то время Европа считала, что албанская нация не существует, и использовала понятие «албанские земли» исключительно как географическое. Вскоре Лига порывает с турецким правительством и выдвигает требование автономии. Ее борьба за автономию в начале 80-х гг. XIX в. носила форму вооруженного сопротивления — активные боевые действия против турецких войск велись в Косовском, Дибрском вилайетах и в Македонии.

28 ноября 1912 г. на Национальной ассамблее представителей всех районов страны была провозглашена независимость Албании и сформировано временное правительство. Великие державы не могли обойти молчанием этот вопрос. Автономия Албании обсуждалась на специально созванном в середине декабря в Лондоне совещании послов и в конечном итоге была признана Лондонским мирным договором, заключенным 29 июля 1913 г. Согласно договору территория Косова и Метохии была поделена между Черногорией и Сербией. Факт передачи Сербии ряда областей, населенных албанцами, дал повод Албании предъявить территориальные претензии к Сербии, самим косовским албанцам Косова говорить об оккупации края Сербией, а всем вместе после 1918 г. начать борьбу за присоединение этих областей к Албании. Вопрос о воссоединении албанских земель всегда составлял важнейшее направление политики Албании.

С началом Второй мировой войны в результате расчленения югославского государства большая часть Косова и Метохии, а также Западной Македонии вошли в созданную фашистской Италией Великую Албанию. Немецкие и итальянские войска население встречало как освободителей, так как надеялось с их помощью осуществить мечту о едином независимом албанском государстве.

Албанцы-экстремисты, работая на эту идею, активно осуществляли выдворение с территории края неалбанского населения. Мустафа Кроя, премьер-министр албанского марионеточного правительства, в июне 1942 г. открыто заявил, что «необходимо приложить усилия к тому, чтобы всех сербов-старожилов из Косова выгнать..., сослать в концентрационные лагеря в Албанию. А сербов-переселенцев надо убить». По данным американских спецслужб, с апреля 1941 до августа 1942 г. албанцы убили около 10 тыс. сербов. В Призрене в сентябре 1943 г. в присутствии представителей албанцев из Косова, Черногории, западной части Македонии и Новопазарского санджака под патронатом фашистской Германии была возрождена Призренская лига (Вторая). Эта патриотическая организация, приняв воззвание, ставила задачу объединения всех балканских территорий с большинством албанского населения.

За время войны территорию Косова, по разным данным, покинули от 100 до 200 тыс. сербов и черногорцев, а населили около 70–100 тыс. албанцев из Албании, которые так и остались в этих краях, используя благоприятную политическую обстановку в Югославии в 1944–1948 гг. Многочисленные манифестации албанского населения Косова, проходившие в 1945 г., выражали нежелание находиться в составе Сербии. И. Броз Тито пытался успокоить ситуацию, с одной стороны, заявлением о предполагаемом вхождении Косова в состав Албании, а с другой — освобождением албанцев от ответственности за преступления против сербского населения, совершенные во время войны. Весной 1945 г. он говорил албанцам Косова:

«Мы знаем, что вы пошли в немецкую армию, что вы боролись против нас, но это не значит, что мы призываем вас к ответственности. Мы знаем, что вы были обмануты, что не все из вас убийцы и преступники, что 90 % из вас заблуждались, и что сейчас настало наше время вам помочь, объяснить, чего мы хотим. Мы не хотим, чтобы албанцы в Косове были людьми второго или третьего сорта. Мы хотим, чтобы у вас были свои права, равноправие, был свой язык, свои учителя, чтобы вы ощущали себя в своей стране».

После образования ФНРЮ Косово и Метохия получили статус территориальной политической единицы. Каждое послевоенное десятилетие повышало статус Косова и приносило существенное расширение автономии — от Автономной области в составе Сербии в 1945 г. до Автономного края с широчайшими полномочиями, практически равноправного с республиками субъекта федерации, в 1974 г. Несмотря на это сепаратистская деятельность радикально настроенной части албанских группировок в Автономном крае Косово началась сразу после войны и не прекращалась ни на один день. Объединение с Албанией оставалось их главной целью. Они шли к этой цели все годы, шли упорно и настойчиво. Менялись средства и тактика, но цель была неизменной, и она не зависела от статуса края, от количества вкладываемых в его развитие денег, от уровня межнациональных отношений во всей федерации. Так и действовали по этапам: пропаганда национализма — в 50-е, демонстрации и провокации — в 60-е, вооруженная борьба — в 70-е, восстание — в начале 80-х, война за независимость — в конце 90-х. Подпольные организации в крае поддерживали албанские организации по всему миру

Пути поиска выхода из ситуации привели руководство Сербии к убеждению, что только централизация власти и упразднение ряда полномочий краевой администрации смогут нормализовать ситуацию. Скупщина Сербии в сентябре 1990 г. приняла новую Конституцию Сербии, которая была встречена «в штыки» в Косове, поскольку понижала (но не уничтожала) уровень автономии края. Албанцы же посчитали, что автономия края уничтожена. Это вызвало широкие демонстрации и стычки с полицией. В январе 1990 г. в демонстрациях уже участвовали около 40 тыс. албанцев. С этого времени выступления албанцев приобрели массовый характер. Распущенная Скупщина на тайном заседании решила создавать «параллельные структуры власти» — подпольные парламент и правительство. Край фактически разделился на два общества — албанское и сербское. Каждое имело свою власть, свою экономику, свои просвещение и культуру. Постепенно создавались и вооруженные албанские формирования — Освободительная армия Косова (ОАК).

Суть проблемы в Косове состоит в столкновении интересов большинства албанского населения края, которые выражаются в стремлении отделиться от Сербии, создать свое национальное государство на Балканах, объединившись с Албанией, и интересов Республики Сербии, отстаивающей целостность своей территории.

Процесс интернационализации косовского вопроса начался в середине 90-х годов, когда в Дейтоне (ноябрь 1995 г.) снятие санкций с Югославии было обусловлено решением «вопроса Косова» и сотрудничеством с Гаагским трибуналом. В 1997 г. к решению «проблемы Косова» активно подключилось мировое сообщество в лице ООН, ОБСЕ, Контактной группы,

руководства отдельных стран. Заявку на свое участие в урегулировании в Косове сделала и НАТО. Проводя акцию «принуждения к миру» в Боснии и Герцеговине, НАТО не встретила возражений ни от одной страны, и это дало ей уверенность в том, что изменение концепции ее роли в мире проходит успешно. Агрессия НАТО против Югославии в марте-июне 1999 г. оправдывалась заботой об обиженном албанском населении Косова и Метохии.

В результате бомбежек территории Югославии погибли 2 тыс. гражданских лиц, около 7 тыс. получили ранения, 30 % из них — дети. Бомбовые удары вызвали лавину беженцев из Косова, главным образом женщин и детей. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 790 тыс. этнических албанцев, 100 тыс. сербов, а также цыгане, адыгейцы, мусульмане стали беженцами. 10 июня Совет Безопасности проголосовал за Резолюцию 1244, которая постановила, что в Косове будут развертываться международное гражданское присутствие и присутствие по безопасности с необходимым персоналом и снаряжением. Однако для неалбанского населения мира не настало. Боевики, не желавшие разоружаться, начали преследование сербов, вновь напомнили свою главную цель — создание этнически чистого края и отделение от Сербии.

В последующие месяцы ситуацию в Косове характеризовали повседневный террор, преступления, массовые нарушения прав человека и этническая чистка сербов, мусульман, цыган, горанцев, турок, египтян. Так называемая ОАК и другие вооруженные албанские банды не были разоружены и сформированы. Край был превращен в рекрутский центр террористов, базу организованной международной преступности, контрабанды наркотиков, оружия, работоторговли и отмывания денег. За год присутствия миротворцев в Косове совершено 5 тыс. терактов, более чем 1 тыс. человек убиты и более 960 похищены, разрушены более 85 средневековых религиозных объектов и памятников истории и культуры.

В марте 2004 г. в Косове и Метохии произошло широкомасштабное выступление албанцев против сербского населения, в результате которого имелись убитые и сотни раненых. Именно так албанцы хотели поторопить международные организации с предоставлением краю независимости.

И международные организации поспешили. Они сделали все, чтобы в Косове и Метохии существовали самостоятельные, независимые от центра, то есть от Сербии, политические, судебные и административные системы. Были созданы своя визовая служба, новые косовские паспорта, номера на автомобилях. Оставалось только такое положение дел юридически закрепить.

«НЕЗАВИСИМОЕ» КОСОВО В БОРЬБЕ ЗА СВОЙ СТАТУС

Наши западные партнеры пытались найти другие способы признания независимости Косова в обход Совета Безопасности. Собственно, вариантов у них было не так уж много: попытаться уговорить Россию и Китай поддержать в Совете Безопасности решение о независимости края или сломить сопротивление Белграда, для чего использовать экономическое и политическое давление. Но Москва и Белград держались стойко, вопрос оставался открытым, процесс затягивался и грозил перерасти в долгоиграющую евро-

пейскую проблему. Тогда США решились поддержать самопровозглашение независимости Косова.

17 февраля 2008 г. Косово объявило свою независимость. США ожидали, что лавина признания нового государства странами мира сама по себе решит вопрос статуса края. Но этого не произошло.

Сербия осудила действия косовских властей и США, правительство приняло Постановление об аннулировании противоправных актов временных органов самоуправления в Косове и Метохии о провозглашении односторонней независимости. События в Косове разделили мировое сообщество на сторонников и противников этой акции. Россия была среди противников, США — среди сторонников. Ситуация осложнялась тем, что Генеральный Секретарь ООН занял невыразительную позицию, что видно из его выступлений в ООН. Точка зрения России обозначилась четко. Документы 2009 г. показывают, что Министерство иностранных дел РФ и министр С. В. Лавров поддерживали Сербию в ее решении бороться против отделения края. По мнению С. В. Лаврова, «одностороннее провозглашение независимости этого сербского края создает все новые проблемы как в самом Косове, так и вокруг него. Сегодня мы наблюдаем, как искусственно нагнетается отчужденность между косовскими албанцами и сербами, которые категорически не приемлют насильственной интеграции в это квазинезависимое государство. В результате установление доверия между сторонами становится все более и более сложной задачей. И Россия, и Сербия озабочены попытками разрушить форматы международного присутствия в Косове, поскольку якобы эти форматы не отвечают современным реалиям. Мы видим за этими попытками стремление легализовать структуру, которая... содействовала бы суверенизации незаконно провозглашенного образования».

Без санкции Совета Безопасности 9 декабря 2008 г. Миссия по установлению законности и порядка в Косове (EULEX) начала развертывание своих структур на всей территории Косова и Метохии. К EULEX переходила большая часть функций Миссии ООН в Косове (МООНК), которая управляла этой южной сербской провинцией с 1999 г. Сотрудники EULEX — 1900 международных чиновников и 1100 местных специалистов — должны были установить контроль над косовской полицией, судами и таможенной службой. Задача миссии — готовить край к независимости, научить албанцев европейским нормам функционирования юридической, экономической и политической систем, помочь создавать министерства, ведомства и административные службы. Белград активно возражал против этого шага, исходя из того, что одобрение планов развертывания EULEX «означало бы согласие с независимостью Косова». Знаком протеста Белграда стал сбор подписей под петицией против развертывания миссии.

Генеральный секретарь ООН поддержал развертывание миссии ЕС, даже нашел этому серьезные оправдания. Выступая в Совете Безопасности, Пан Ги Мун подчеркивал, что после принятия Приштиной Конституции в июне 2008 г. «новые власти стремятся взять на себя полномочия, возложенные на Специального представителя Генерального секретаря». Россия такую позицию ГС не поддержала. В. И. Чуркин обратил внимание членов СБ на то, что резолюция 1244 (1999) «сохраняет свою силу в полном объеме. В соответствии с ней Специальный представитель Генерального секретаря и возглавляемая им миссия Организации Объединенных Наций в Косове

должны продолжать осуществлять возложенные на них функции и обязанности по временному управлению Косовом...». А развертывание Миссии Евросоюза в области верховенства закона и учреждение Международной руководящей группы Москва считала противоправными, поскольку они начаты без требуемой санкции со стороны Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Это идет вразрез с резолюцией 1244 (1999) и согласованными принципами косовского урегулирования.

В. И. Чуркин был тверд, критиковал деятельность международных чиновников, однако на этот раз Белград уступил международному давлению. Стремясь присоединиться к ЕС, руководство страны готово было идти на любые уступки, в том числе и по Косову. И в середине октября 2008 г. официальный Белград согласился одобрить размещение Миссии EULEX в крае. Россия, поддерживая решения Белграда, не стала возражать против нового европейского плана.

ЗАКУЛИСЬЕ МИРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

Депеши американских посольских чинов, опубликованные на сайте Викиликс, позволили узнать тайны американской дипломатии и их скрытую работу по давлению на президента Сербии с целью узаконить независимость Косова и Метохии.

Недавно в Белграде появилась книга Николе Врзича «Тайны белградских депеш»¹, в которой собраны опубликованные на Викиликсе документы американской дипломатии 2006–2010 гг., касающиеся Сербии. Вывод автора печален: материалы показывают, что руководство страны (исключение составляет тогдашний премьер-министр Воислав Коштуница) и дипломатия лгали своему народу годами. Он называет свою книгу «сагой о лжи, предательстве и бесчестии».

Из депеш видно, что план независимости Косова уже давно был начертан в Вашингтоне, и во всех частных разговорах американцы подчеркивали, что Косово все равно будет независимым, а «от сербов ожидают, чтобы они это как можно легче проглотили, не мешали и были бы конструктивны».

Видя, что сербы с трудом продвигаются в направлении полного отказа от Косова, американцы разработали план под скучным названием **«Стратегия К-1»**. О нем ничего не было известно, пока депеши американских дипломатов не стали достоянием общественности. Цель плана — заставить Белград признать Косово и сделать это мирно, без потрясений и серьезных последствий. Стратегия включала в себя четыре этапа.

На первом — США должны были помочь прийти к власти в Сербии «демократическому» руководству (на выборах в январе 2007 г.), которое признает независимость края. Вашингтон рекомендовал в предвыборной кампании упираться на *реалистическую политику* в отношении Косова. Ставка делалась также на молодежь: для них проводились концерты, дискуссии, семинары, интернет-презентации. Их звали голосовать за будущее, за демократию. Деньги на поддержку Демократической партии шли из неправительственных организаций, гуманитарных фондов, западных посольств и т. д.

---

¹ Врзић Н. Викиликс: Тајне београдских депеша. Београд: Наш печат: Фонд Слободан Јовановић, 2011. С. 138.

На втором этапе задачей становилось «управление последствиями» отторжения Косова, что означало убедить общество в неизбежности потери. Для этого рекомендовалось активное использование СМИ, которые должны заполниться позитивными статьями о светлом будущем, о решении насущных жизненных вопросов. Поскольку США и их политика не очень популярны в Сербии, «Стратегия» предполагала, что убеждать сербов должны не иностранцы, а «прогрессивные» сербы, что и было сделано. О том, что Косово потеряно, говорили писательница Биляна Срблянович, политики Вук Драшкович, Чедомир Йованович и др.

На третьем этапе предполагалось задобрить Сербию рядом денежных дотаций и широко обсудить в обществе, как улучшить жизнь с их помощью. В общей сложности планировалось Сербии предоставить около 60 млн долларов (из них более 20 млн — для Санджака и южных областей Сербии, 1 млн — для Дома молодежи).

Четвертый этап должен ориентировать Сербию на будущее (евроатлантические интеграции), а не на прошлое (Косово). Как пишет автор книги, «и отдали мы прошлое за будущее», причем бесперспективное. Судя по депешам, еще в начале 2006 г. и американцы, и европейцы знали, что ЕС не может в обозримом будущем предложить Сербии вступить в Евросоюз. Ангела Меркель открыто сказала Б. Тадичу еще в ноябре 2006 г., что Сербии придется ждать решения не меньше 10 лет. А Михаел Флугер из немецкого МИД извещал США, что Германия «не желает видеть» Сербию в ЕС.

Из депеш видно как Б. Тадич постепенно от «нет» независимости Косову перешел к готовности признать сей факт. На этом пути были и его отчеты американскому посольству о совещаниях, и присоединение к программе НАТО, Партнерство во имя мира, и принятие миссии HULEX в Косове, и согласие с планом Пан Ги Муна по Косову из 6 пунктов, а также согласие на новый переговорный процесс. Депеши открывают, что президента крайне не волновала собственная политическая карьера, ведь в случае признания Косова избиратель повернется к нему спиной. Более того, он боялся судьбы убитого премьер-министра З. Джинджича. Надеялся президент в такой ситуации только на западных партнеров, обещавших ему поддержку в ответ на отказ от Косова.

Складывалось впечатление, что президент затеял двойную игру: американцам обещал уступки в отношении Косова, а в стране и на международных трибунах отстаивал территориальную целостность своей страны. Более того, в Белграде был разработан даже тайный план действий сербского правительства в случае провозглашения Косовом независимости. Однако американская дипломатия работала в Сербии и с другими чиновниками. Будущий шеф переговорной группы по Косову, политический директор Министерства иностранных дел Борко Стефанович, как сообщает депеша от 10 декабря 2007 г., передал американцам детали того плана, о котором знал лишь узкий круг лиц.

Депеши показывают также, как американцы работали с политическими партиями, пытаясь влиять на выстраивание политической системы, с церковниками, имея среди них явных симпатизеров (Ириной Добриевич, епископ Теодосий), как открыто поддерживали муфтия Санджака Зукерлича.

Как отмечается в дипломатической переписке, после провозглашения независимости Косова в феврале 2008 г. Б. Тадич и его министры вынужде-

ны были выразить свое негодование албанцам, американцам и тем странам, которые признали Косово самостоятельным государством. Однако американские чиновники расценили эти действия как спектакль, который разыгрывала сербская политическая элита, чтобы привлечь голоса избирателей на очередных выборах.

Американские дипломатические документы отражают недовольство США позицией Сербии, решение усилить давление на Белград, запугать отсрочкой европейских перспектив страны. Белграду рекомендуют предпринять дальнейшие шаги для нормализации отношений с Косовом. Откровенное «Сербия должна признать Косово, если хочет вступить в ЕС» уже стало главным лейтмотивом всех дипломатических разговоров с руководством Сербии. Судя по всему, Белград начал выполнять именно это указание ведущих европейских держав. Его позиция в последних событиях на границе Косова — это полная незаинтересованность решить конфликт в пользу сербов этого автономного сербского края.

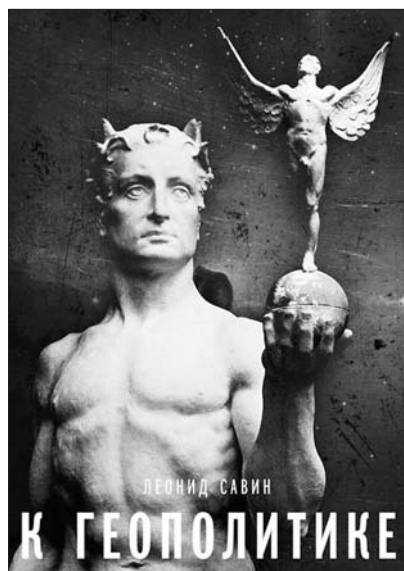
Позиция Москвы по вопросу Косова твердая. И она останется таковой, пока не изменится точка зрения Белграда. Думается, Сербия сама вольна распоряжаться своими территориями — продавать, менять или... дарить. Однако делать это должны не власти, временно находящиеся у руля, а народ, веками боровшийся за единство сербских территорий.

ВЫШЛА КНИГА

Савин Л. В. К геополитике. Университетская книга, 2011. — 292 с.

Книга представляет собой сборник статей, интервью и научных докладов, посвященных актуальным вопросам геополитики, международных отношений, экономики, гуманитарных наук, коммуникаций, технологий, а также проблемам различных конфликтов и возможных угроз.

Автор — главный редактор информационно-аналитического портала Геополитика.Ру (www.geopolitika.ru) и журнала «Геополитика», эксперт Центра консервативных исследований (социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова).

**Геннадий
ВЕРЕЩАГИН**

«ХРАНЯ К ОТЕЧЕСТВУ ЛЮБОВЬ»

**Геннадий Васильевич Вере-
щагин** — родился в 1955 году
в Донецке. Закончил Высшую
комсомольскую школу при ЦК
ВЛКСМ и аспирантуру Инсти-
тута истории СССР АН СССР.
Поэт, член СП России. Автор
трех поэтических книг. Печа-
тался в журнале «Балтика».
Живет в г. Пярну, Эстония.

* * *

А. А. Проханову

Меня давно бы здесь на части
Порвали местные князья,
Но, к счастью, им на это власти
Не дали господа-друзья.

Они боятся, что Россия
Не даст в обиду свой народ:
Боятся нечисть только силы
И только ей хвалу поет.

И потому молю я Бога,
Чтобы Россия — Мать моя,
Осталась вечной недотрогой
Для обнаглевшего хамья.

Пока российский воевода
Способен гнуть врагов в дугу,
Я у русского народа
Пребуду до смерти в долгу.

Я знаю: на весах свободы
Есть гири силы и монет:
Честь обладающим народам,
И горе — у кого их нет.

* * *

Эстония — оборочка Руси
По высшему, от Бога,
повелению.
Хоть песни пой,
хоть криком голоси,
Но этот факт
не подлежит сомнению.

И очень скоро,
проклиная всех,
Кто затевал
развал большой Державы,
Соседи за собой
признают грех
Отхода
от величия и славы.

И им простят...
Россия велика
И от рождения
великодушна.
Ей будут клясться
в «дружбе на века»,
Припав к истоку,
скопом и подушно.

* * *

Здесь бредят Западом, но пьют по-русски,
Закусывая килькой бутербродной,
Здесь распорядок, шведский или прусский,
Почетно называется свободой.

Мой друг писатель, зная суть народа,
Живущего здесь скучно и давно,
Сказал: «Поверь: им не нужна свобода!
Нужны лишь деньги, больше — ничего».

* * *

Даже если тебя не вижу,
Хотя знаю твою ментальность,
Никогда на тебя не обижусь,
Моя Родина, моя дальность.

Ты возьми стихи в основанье,
Как фундамент родного крова,
Там слова — как в любви признание:
Вечно святы и вечно новы.

Ты — права, мы всегда неправы:
Нас заносит то влево, то вправо...
Крут характер моей державы,
Потому, что она — Держава.

Я приду — поддержу уставших,
От креста их возьму нагрузку,
Я приду — подниму упавших,
Повезло мне: родился русским.

* * *

Будьте злыми, не будьте растапами,
Перво-наперво — крепкая власть.
У России те земли оттяпали,
За которые кровь пролилась.

Чтоб забыли, как села дымились
И горели дома в городах.

Где «гардарики» первые высились,
Где крестилась, где — «мать городов»,
На святое для русских окрысились
Сонмы прежних и новых врагов.

Шепчут: «Жертвы те были напрасны,
Надо к новому, мол, привыкать:
Вместе с Западом будет прекрасно,
Надо только... Россию продать» .

Все хотят, чтобы мы усомнились
В нашей вере и в наших делах,

Будьте злыми, не будьте наивными:
На кону — и судьба, и страна.
Или будем мы, русские, сильными,
Или грош нам, живущим, цена.

* * *

Кто постиг, страна, твое величье?!
Арзамас шестнадцать, а над ним
Старца непокорного обличье
С именем небесным — Серафим.

Потому они всегда неправы
Рассуждая о твоих путях,
И течет в струях реки Непрядвы
Память об изрубленных врагах.

Свят источник твой, моя Россия!
Сплавлен в нем Саров и Атомград,
Потому враги твои бессильны
Были взять Москву и Сталинград.

Сердце — Богу, думы — мирозданию,
Остальное — милым по домам,
Кто тебя отправил на закланье,
Родина, прекрасная как храм!?

Все имеет толк, что в ней творится,
Будь то Кремль державный
иль тюрьма...
За стеной монастыря не спится
Узникам небесного ума.

Кто постиг, страна, твое величье?!
В чьих руках твоей красоты безмен?
Как в любви —
здесь каждый должен лично
Все отдать, не требуя взамен.

* * *

Тяжелый камень цвета снега
Церквей, несущих скорбный крест,
На стороне другого берега
Встречает путника ЕС.

О, мать и наших дум, и песен,
Чью святость мы в сердцах храним,
Твой нрав широк, могуч и весел,
И, как мечта, неповторим!

Остались позади дороги,
Каких ты с нетерпением ждешь,
И ритм, размеренный и строгий,
В уютах европейских кож.

Прими поклон и покаянье
За несуразность наших вин:
Никто не знал, что расставаньё
Пребудет долгим и тугим.

Россия, здравствуй! Поневоле
В глазах рождается слеза:
Ведь ты родная нам по крови,
О, православная лоза!

Но мы — твои... По нашим жилам
Течет твоя святая кровь,
И мы еще тобою живы,
Храня к Отечеству любовь.

* * *

Мы пережили слом Империи,
Как будто побывав в аду,
А слом всего, во что мы верили —
Как нашу личную беду.

Но есть Россия, значит в будущем
Мы, коль в неверье не сгорим,
Полуголодные и в рубище
Величье наше возродим.

* * *

Не надо насмехаться, люди,
Над цареградскою мечтой!
Все предназначенное будет
Под православною рукой.

Нам грех неверия в Мессию
Простится — пусть через года,
И лишь неверие в Россию
Нам не простится никогда.

* * *

В каждом русском живет Империя,
Даже если он демократ.
Что Россия уйдет — не верю я,
Что разрушится — во сто крат.

На исход я смотрю с улыбкою —
Тесен русским весь шар земной,
Мир для русских — планета зыбкая,
Как Сибирь со своей мерзлотой.

* * *

Одни державы рвутся к звездам,
Другие отвергают высь...
Эстония, пока не поздно,
Остановись, остановись!

Зачем тебе могильный холод?
В нем торжество небесных кар!
Мир в покаянье вечно молод,
Без покаянья — вечно стар.

Оставь, не трогай прах погибших
За то, чтоб ты была собой!
Твои старания излишни
Оправдываться той войной.

Не отнимай святую память
У тех, кто жив и ею рад,
Не надо в зазеркалье падать:
Оттуда нет пути назад.

Еще твой брат тебя приемлет,
И Ангел, кто тебя несет,
Твой разум с честью не отъемлет,
И к пропасти не подтолкнет.

Не поверни на перепутье,
Где с мертвыми ведут борьбу.
Тот поворот, по высшей сути,
Определит твою судьбу.

* * *

Это — больше, чем граница,
Это — больше, чем река,
Сознаю себя частицей
Русского материка.

Достаю «кошачий» паспорт
Без волнения — это хлам,

Для меня Европа — паперть,
А Россия — словно храм.

Я как сын ее приемлю,
И как Родину, как Мать,
Хочется всю эту землю
На коленях целовать.

* * *

Загоняют на Север медведя,
В ледовитый, пустой буерак,
И бежит по кровавому следу
Стая резвых наемных собак.

Разливается лай по округе,
Соответствуя рангу мастей,
Это «бурого» бывшие «друзи»
Рвут на части за миску костей.

И не чувят: мороз прижигает
Рану зверя сильнее и сильнее,

А силенки у них убывают
На просторах студеных морей.

Очень скоро увидит атаку
Поредевший, ослабленный враг:
Встанет зверь на краю буерака
И порвет мягкотелых собак.

А потом перейдет, не стеляя,
Через шапку арктических Альп
И с хозяина порванной стаи
Снимет лапой, недрогнувшей, скальп.

* * *

Самосожжение в душе
И бичевание на людях...
Россия, ты ушла уже,
Другой — не будет!

А я, юродивый поэт,
На выстрел встречный
Все говорю: «Не верю, нет!
Россия — вечно!»

* * *

Все отдаляясь от России,
И меньше зная, больше веря,
Мы понимаем, что нет силы
Восполнить страшную потерю.

Уже не спорим — лишь молитва
О всех живущих в русском доме,
О том, что не напрасна битва,
Что нет страны, России кроме...

Владимир МАРУХИН

ГОРЬКИЕ СОКИ

Поэма

Марухин Владимир Степанович — член Союза писателей России, автор трех поэтических книг, председатель «Военно-художественной студии», награжден медалью Суворова. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Публикация поэмы «Горькие соки» приурочена к 60-летию известного Санкт-Петербургского поэта, бессменного сотрудника нашего журнала с первых дней его создания — Владимира Степановича Марухина. Поэзия Владимира Марухина отличается искренностью, боеспособностью, конкретностью. Поэт краток в словесном выражении своих мыслей. Весомо, пронзительно каждое его поэтическое слово, художественно глубоки образы. Владимир Марухин убедительно изображает трагическое бытие человека в современном мире, который трудно понять и попытаться преобразить без силы духовной. Его поэт черпает в неизбывной, кровной связи с родной землей, с предками, в неискоренимой Православной вере. Поздравляя Владимира Степановича с юбилеем, желаем ему прибывания духовной крепости, неослабной веры и надежды, неиссякаемой любви к своей Родине и Санкт-Петербургу.

Редакция журнала
«Родная Ладога»

I

Ударили горькие соки
в сосуды печали-травы...
Мне предок оставил далекий
немало полыни в крови.
Своей к Православному храму
дорогой нелегкой иду;
по свету я странствую,
мама,
под тяжестью горестных дум,
под серой свинцовостью неба...
А дома в амбарах — труха.
В деревне без света и хлеба
недолго дойти до греха:
подраться,
повеситься,
спиться,
соседу «пустить петуха»...

Все чаще мне нищенка снится,
зовущая землю пахать.
Но с кем?
Я не вижу народа,
окрест подступают болота...

II

Вандалы,
антихристы,
хамы,
иначе назвать не берусь, —
разрушили светлые храмы,
и ночь опустилась на Русь...
В избе,
где сияли иконы,
молитву творили уста,
на снимке — иуда в погонах,
в России предавший Христа.
Как жили б сейчас хлебосольно,
не дай мы себя уронить!
В груди у меня — колокольня...
О, как мне,
родимая,
больно
событий безрадостных нить
из памяти прошлого вить!

III

За мною бредет оборванка,
босая,
тиха и грустна...
Попутчица, кто ты:
крестьянка,
иль призрак из горького сна?
Иль яви и бреда
сплетенье?
Но где же я —
здесь или там?
Зачем неотвязною тенью
идешь ты за мной по пятам?
Не раз оглянусь я —
непросто
сомненья в душе отрицать,
почудились мне под коростой
черты дорогого лица.
Я к женщине той тяготенье
питаю всему вопреки, —
так в засуху тянет растенье
к воде обмелевшей реки.

Замечу совсем без боязни
у нищенки кровь на груди.
А взор ее... Так перед казнью
невинная жертва глядит...
Куда ее делось уродство?
Я к страннице той подхожу.
Какое безумное сходство
в ней,
мама,
с тобой нахожу!
Не ты ли идешь осторожно
за мною,
боясь — пропаду
и молишься Богу тревожно,
от сына отводишь беду?

IV

Меня ты в чащобе бурьяна
под Млечным путем родила,
а стала безмлечной
и рано
дитя от груди отняла!
Я выжил в одном одеяле,
набитом соломой и льном,
когда мы с тобой зимовали
в сених на полу земляном.
От стужи,
от жаркого чада,
от тяжелой работы,
тоски,
от голода, холода, смрада
твои кровоточат соски...
С тех пор не с наследством
утробным,
не с плотским связую теплом, —
гнетет меня смыслом особым
понятие «кровь с молоком».
Мне кружку несешь ты напрасно:
любое теперь молоко
мне кажется облачно-красным,
и выпить его нелегко...

V

Ударили горькие соки,
заныли на сердце рубцы.
И вновь над полыньей высокой
твои кровоточат сосцы,
и режешь ты ноги,
ступая
среди адских колючек жнивья...

А к нам сюда,
будто из рая,
доносится трель соловья...
В саду отдохни ты, вкушая
любые плоды урожая,
но только вот эти не рви:
на древе таком созревают,
где ветви и корни теряют
нетленную силу любви.
Когда забываем о Боге,
о бренном лишь
мыслить спеша,
червива,
черства и убога
становится наша душа.
Теряем мы Божье подобье
и образ,
когда согрешим...
Горьки,
как плоды несъедобные,
деяния злые души.
Она, прозревая невольно,
застонет: «Иисусе Христе,
на свет меня выведи! —
Больно
и страшно
блуждать в темноте...»
О, Боже, избавь от заразы
над ближними чувствовать
власть
и, к небу вознесший
мой разум,
Ты дай мне
и духом не пасть!

VI

Ударили горькие соки
в сосуды печали-травы...
Мне предок оставил далекий
немало полыни в крови.

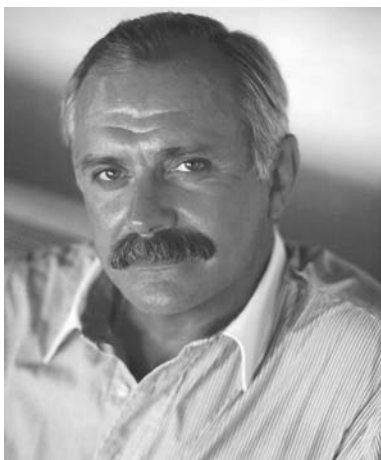
Простите,
далекие пращуры,
что вас
я в себе разбудил
затем,
чтобы в дни наши мрачные
носить колокольню в груди!
Она от безмолвья согреться
поможет мне в душевной ночи:
взойду на курган я, и сердце
так громко во мне застучит,
как много сердец,
что стучали
и ныне стучат на Руси...
О, Боже, оставь нам печали,
от радостей плотских спаси!

VII

Прозревшему — далью былинной,
как в капле
прозрачной воды,
мне видится образ полынный
не прошлой —
грядущей беды:
нещадно враги наступают
на горло Отчизны больной,
и всюду свобода слепая
бурлит чужебной рекой...
Все яростней в зрелое сердце
врывается образ один:
Отчизну отнять —
что младенца
лишить материнской груди.
Пусть горьки мне млечные соки,
родиться хотел бы я вновь
под небом России
высоким,
как Вера, Надежда, Любовь...

История и современность

Никита МИХАЛКОВ

ВЕРШИТЬ КОНКРЕТНОЕ РУССКОЕ ДЕЛО

Никита Сергеевич Михалков — родился в 1945 г. в Москве. Актер, режиссер, народный артист России. Президент Российского фонда культуры, президент Союза кинематографистов России, президент Московского международного кинофестиваля. Лауреат многочисленных премий. Член Президиума Всемирного Русского Народного Собора, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО; в 2007 году избран председателем Общественного Совета при Министерстве обороны РФ. Член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Имеет многочисленные государственные и церковные награды. Руководитель студии «ТРИТЭ», где в течение 20 последних лет снимал все свои фильмы. **Живет в Москве.**

Судьба Столыпина — трагедия России не только ушедшей, но и сегодняшней.

Разъедаемое ядом нечаевщины и либерального нигилизма, русское общество распадалось. Оно не могло и не хотело объединиться на любви к чему-либо. Оно сплачивалось вокруг ненависти.

Слабая безавторитетная власть, допустившая чудовищный разгул терроризма. Разведающая госаппарат коррупция. Позорное поражение русской армии в войне с Японией. И еще более позорное отношение к этому поражению русской либеральной интеллигенции, посылавшей поздравительные телеграммы микадо.

Колоссальный бюджетный дефицит, опасность финансового краха, остановившиеся предприятия, отток капитала за границу. Власти кланчат кредиты у западных правительств и банкиров.

Сепаратизм окраин. Бесправие крестьян. В обществе чувство безысходности и неверия, духовный кризис, массовый алкоголизм, падение рождаемости.

Лихие 1900-е... Не правда ли, что-то знакомое?

Такая Россия досталась премьер-министру Столыпину в 1906 году.

Крупнейший реформатор боролся практически в одиночку. Нес свой крест молча и терпеливо. Не обладая властью Петра или Екатерины, он оказался среди, в лучшем случае, непонимания, в худшем — зависти и злобы, причем и справа и слева.

Однако были в стране люди, которые хорошо — даже слишком хорошо — уловили замыслы Столыпина. Именно эти люди его и убили.

Никто не знал, что Столыпину, чтобы спасти страну, было отведено не 40, 35 или 25 лет, как, скажем,

Петру, Екатерине и Александру II, а всего лишь 5. Что же он успел сделать за этот краткий срок?

Столыпину приписывают слова: «Сначала успокоение, потом реформы». Но он этого не говорил. Жестко пресекая террористические выступления, он одновременно реализовывал программу системных реформ. Обвинения Столыпина в жестокости совершенно беспочвенны. Более чем за 18 тысяч погибших от терактов мирных граждан и государственных чиновников по решениям военно-полевых и военно-окружных судов были казнены около 3 тысяч террористов. Спустя немного времени обвиняющие Столыпина большевики прольют реки крови.

Столыпин остановил развал страны, сделал к 1910 году профицитным бюджет, ввел демократическую модель местного самоуправления, укрепляя при этом вертикаль государственной власти. Увеличил расходы на начальное образование, перевооружил армию и воссоздал флот.

За Урал потянулись около 3 млн малоземельных домохозяев, многие из них на пустом месте основали новые населенные пункты. Теперь эти деревни, села, города представляют живое наследие Столыпина.

Люди переезжали в так называемых «стольпинских вагонах». Такой вагон повторял строение крестьянской избы. Половина его предназначалась для перевозки скота, в другой, отапливаемой, половине ехала семья. Уже в сталинские времена в этих вагонах перевозили в ту же сторону заключенных.

В результате за период с 1908 по 1912 год производство зерновых в России составило 20 % от общемирового. А в 1912-м Россия вывезла за рубеж масла на 68 млн рублей, что превысило стоимость годовой добычи сибирского золота.

Но главное: с 1902 по 1912 год население Российской Империи увеличилось на 3 млн 174 тыс. человек в год. Другими словами, за 10 лет население страны, включая Сибирь, выросло более чем на 30 млн человек. А что такое прирост населения? Ведь это не потенция увеличилась, а появилась надежда. Надежда на будущее — твое и твоих детей.

Право на землю, право считать ее своей воспитывает независимость и самоуважение, без которых не может быть достоинства. А без достоинства не может быть ни великого народа, ни великой страны.

Но для разночинцев и для народа в целом Столыпин остался чужим и непонятным человеком. В этом заключалась вина России, ее великая трагедия и печаль. Когда страна погрязла в либеральной говорильне, вызвав тем самым революционную радикализацию общества, Столыпин стал в одиночестве вершить конкретное русское дело, за что и поплатился жизнью.

В кои-то веки во главе государства оказался деятель, мыслящий масштабно, с далекой исторической перспективой, но Россия в очередной раз предпочла пустую говорильню, либеральное словоблудие делу, которое просто надо делать. Делать каждый день.

Неразумно говорить, будто бы Столыпина убил всего лишь революционер и по совместительству агент охраны Богров. Как и смерть Пушкина — на совести не одного только кавалергарда Дантеса. «Кому и по какой причине была выгодна гибель Столыпина?» — вот вопрос.

Великий реформатор хотел воспитать умную, самостоятельно мыслящую личность — будь то рабочий или учитель. Однако это не устраивало сложившуюся к тому моменту в России финансовую и землевладельческую

элиту. Преобразования Столыпина наступали на личные или групповые интересы тех, кому невыгодно было иметь рядом с собой толкового, работающего, свободного человека. Ибо такой человек слишком ясно видит, кто раздербанивает его страну.

Вот почему и сегодня, сто лет спустя, мы наблюдаем осознанную дебилизацию общества, активные попытки отвлечь думающего, работающего человека бесконечными ток-шоу и бездарными юмористическими ТВ-программами, подробными бюллетенями о личной жизни «звезд», когда всякое, даже самое интимное гигиеническое действие превращается в повод для всенародного обсуждения. Это не случайное стечение обстоятельств. Это намеренное забалтывание, «засмеивание», «зашуткивание», «заплясывание» глобальных проблем гражданина, общества, страны. Прохохочем, пропляшем мы так Россию, господа.

Сто лет назад не было таких — с виду невинных — средств массового оболванивания. У тогдашней олигархической элиты оставался только один способ сохранить свои позиции — физически устранить Столыпина.

Говорят, история не терпит сослагательного наклонения. Я не считаю это верным, потому что отсутствие «если бы» исключает вариативность в работе над ошибками. Так вот, если бы Столыпин остался жив, попробуем предположить, какой он хотел бы видеть сегодняшнюю Россию?

На мой взгляд, великая Россия сегодня — это соединение просвещенного консерватизма с просвещенным патриотизмом. Органическое сочетание традиций и новаций. Сплав духовной мудрости и современных технологий. Стратегическое евразийское объединение, сочетающее в одном пространстве разные религии и культуры.

Это гордость за свою страну, чувство личного достоинства и уважение достоинства другого человека. Это Русский Крест, органично соединяющий вертикаль государственной власти и горизонталь культуры и гражданского общества. Это единство права и правды, веры и верности.

Это здоровая и благополучная нация и свободный, ответственный человек. Это забота о семье в единстве всех ее поколений. Это вооруженная эволюция России в XXI веке, то есть та созидательная эволюция, которая умеет защищаться от разрушительного террора революции.

*Портрет П. А. Столыпина. 2002. Х., м.
И. С. Глазунов*

Вот что хотел дать России в начале XX века великий реформатор Петр Аркадьевич Столыпин. Чтобы это стало нашим будущим, мы должны осознать опыт, через который прошла страна сто лет назад, и трезво оценить ситуацию, в которой пребываем сегодня.

Современные либералы, «норковые воротнички», воплощенная крикливая безответственность требуют себе каких-то дополнительных свобод. Хотя они никогда не знали, что такое настоящая несвобода, и своей нынешней жизнью всецело обязаны переменам новейшего времени. Сомневаюсь, что этим «революционерам» известны действительные тяготы простого гражданина нашей страны, придавленного безнаказанной бюрократией на местах.

Самозванные лидеры нашей кашемировой оппозиции используют живое оскорбленное чувство справедливости нормальных людей для собственного пиара. Однако, возвращаясь с тусовочных митингов за высокие заборы своих «рублевских» дач и в лондонские особняки, они вряд ли хоть раз задумались — чем сами могли бы помочь своим не столь крикливым и гораздо менее благополучным соотечественникам. Тем людям, которые в поисках хлеба насущного тоскуют не по новым свободам, а по несвободе вчерашнего дня, когда им так или иначе был обеспечен минимум достойного существования.

Глядя на наших сытых, гламурных «революционеров», трудно не вспомнить Салтыкова-Щедрина: «Чего-то хотелось: то ли Конституции, то ли севрюжины с хреном, то ли кого-то ободрать...» Конституция есть, севрюжину с хреном скушали, страну ободрали давно, теперь можно и побузить.

Мы не умеем учиться на собственных ошибках, не заглядываем в прошлое, чтобы понять настоящее и будущее. Каждый раз, наступая на старые грабли и с изумлением и обидой потирая новую шишку на лбу, мы вынуждены констатировать, что опять зашли не туда.

Объединение на ненависти бесперспективно и чрезвычайно опасно — особенно в России. Честный анализ прошедшего, ясное признание своих ошибок и промахов, такой же осознанный и честный взгляд в будущее, созидательная, ответственная политическая воля, жесткое ограничение чиновничьего произвола и немереных appetитов, беспощадная война с коррупцией — вот чего по-настоящему хотят люди, у которых нет времени выходить на Болотную площадь.

Великие потрясения нужны тем, кому есть куда уехать. А великая Россия — тем, кто хочет здесь жить.

Судьба Столыпина — трагедия России не только ушедшей, но и сегодняшней. Потому что и сейчас есть люди, к которым в полной мере можно отнести его слова: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

Столыпин, так тонко чувствовавший стихийно-интуитивные чаяния корневого, православного русского человека, до конца не был понят своим народом. И это, к сожалению, объяснимо. Ибо разобраться во всем, что задумал Петр Столыпин, — значило бы системно осознать Россию в целом, ее цивилизационный код. Это дано не каждому.

ПРОЗА

ДМИТРИЙ РОГОЗИН БАНКА С НЕДОНОСКОМ

Из повести
«БАРОН ЖОЛТОК»¹

Дмитрий Олегович Рогозин — родился в 1963 г. в Москве. В 1986 году окончил международное отделение факультета журналистики МГУ. В 1993 г. создал и возглавил движение «Конгресс русских общин». В последние годы активно занимался защитой прав соотечественников в Прибалтике, Югославии, странах СНГ. Неоднократно избирался депутатом, был заместителем председателя Госдумы, руководителем фракции и партии «Родина». Добился беспрецедентных уступок со стороны ЕС. В 2008 году Указом Президента был назначен на пост постоянного представителя России в НАТО. Заместитель Председателя Правительства России. Доктор философских наук. **Живет в Москве.**

— Прошу вас, господа, ожидайте здесь. Государь скоро примет вас, — двухметровый офицер в форме кавалергарда рукой предложил жандармским генералам занять два стула у малахитового камина. Приемная, открывающая ряд личных комнат Императора, расположенных на первом этаже правого флигеля дворца, была пуста. Возможно, Царь Николай только что приехал в Царское Село из Петрограда. Генерал Личной Свиты Его Величества Владимир Джунковский и тот, кого ему пришлось сопровождать на встречу с Государем, оказались здесь первыми посетителями.

Генерал-майор Миткевич-Жолток был здесь впервые. Странное дело — несколько лет учился в Санкт-Петербурге — сначала в 3-м Военно-Александровском училище, а затем в престижной Александровской Военно-юридической академии, да вот в Царском Селе, к своему стыду, так и не побывал.

В городе Петра многое носит имя Александра. Вот и Царь Николай в последние годы со своей семьей предпочитал жить в Александровском дворце. Именно сюда, в Царскосельский императорский дворец, который еще именовали Новым, съезжались министры, знатные вельможи, послы, приглашенные Главой Дома Романовых на совещания и личные аудиенции. Джунковский бывал здесь не раз. Пока Николай Антонович рассматривал картины, фотографии в серебряных рамках, люстру, подставки для старинных ружей и знамен, Владимир Федорович вполголоса продолжал дружескую беседу с офицером-кавалергардом, видимо, служившим в личной охране Императора.

---

¹Некоторые главы из повести публиковались по разрешению автора в нашем журнале в № 1 2011 г.

Неожиданно одна из створок коридорной двери распахнулась и в приемную вошел Государь. Будто приветствуя Русского Царя, забили каминные часы.

Император никогда не держал при себе личных секретарей. Все свои встречи он вел и протоколировал сам. Даже своих гостей, ожидавших в приемной, часто приглашал к себе сам. Вряд ли кто из монарших особ до и после него был столь обязателен и педантичен.

Николай II подошел к Джунковскому и протянул ему руку. Помощник министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов ответил Царю крепким мужским рукопожатием и представил своего спутника.

— Я приглашаю вас в новый кабинет. Следуйте за мной, господа! — хозяин дворца провел гостей в Парадный кабинет. Это было место заседаний Совета министров, представления депутатов и комиссий. Здесь Император любил играть в бильярд с Великими князьями и офицерами свиты.

Предложив гостям сесть, Николай сам расположился в углу дивана. Над ним висел портрет Императора Александра III кисти Валентина Серова. Отец хозяина кабинета был изображен на маневрах — с рапортом в руке.

— Господа, я пригласил вас для того, чтобы вы мне подробно рассказали о стихии, которая обрушилась на нашу Москву. Надо ли объяснять, насколько разрушительными могут быть последствия таких массовых волнений. Жертвы, поджоги — и это все происходит в тылу, в самом сердце России. Обстановка на фронтах не позволяет мне думать, что речь идет о случайности или безумном порыве масс. Я хочу знать все, и в мельчайших подробностях, и не из донесений моего министра, а от вас как от непосредственных свидетелей. Николай Антонович! Генерал Джунковский предупредил меня, что рапорт дадите вы. Прошу, но только не вставайте!

Генерал Миткевич-Жолток достал из портфеля нужные ему для доклада Императору записи, составленные им еще в поезде.

— Ваше Величество! Я подготовил подробный рапорт. Не знаю, насколько вас интересуют детали реконструкции этих событий, но я попытаюсь восстановить для вас их последовательность.

Прошу вас!

— Первая толпа с национальными флагами появилась 27 мая сего года около 10 часов утра. Люди шли по Крымскому мосту с вашими портретами и с пением гимна. Толпа эта, численностью около 2000 человек, прошла через Калужскую площадь и Серпуховскую заставу к фабрике Рябова. Там к ней присоединились рабочие этой фабрики; после чего все пошло к Даниловской мануфактуре. Здесь манифестанты простояли около трех часов. Когда же рабочие Даниловской мануфактуры прекратили работы и вышли им навстречу, то вся масса — около восьми тысяч человек — направилась в Кожевники.

— Подумать только, стояли три часа и ждали своих товарищей!

— Точно так! Хочу обратить ваше внимание, что по пути к этой массе людей присоединялись рабочие попутных фабрик, ремесленных заведений, а также празднично гулявшая по улице публика. Пьяные тоже наблюдались, но никаких бесчинств толпа себе не позволяла. Все было пристойно, по крайней мере, до тех пор, пока эта масса людей не подошла к фабрике Цинделя...

— Ситценабивной мануфактуре Эмиля Цинделя, Государь! — встрял Джунковский.

— Владимир Федорович, пусть Николай Антонович сам рапортует. У меня еще будет возможность задать вопросы и вам, — Николай достал сигарету из золотого портсигара, раскурил ее и положил пепельницу подле себя на диване.

Полицеймейстер недовольной украдкой бросил взгляд на Джунковского, отложил бумаги на журнальный столик поверх газет, а портфель поставил на пол.

— Администрация фабрики Цинделя, несмотря на совет пристава отворить ворота, этого не сделала. Из толпы были выбраны авторитетные люди, и их впустили на фабрику. Они тут же заявили, что желают проверить, нет ли на фабрике германских подданных. Их пропустили и даже предоставили возможность пройти по фабричным корпусам. Между тем оставшаяся на улице толпа, которую явно разогревали провокаторы, продолжала волноваться. Она требовала открыть ворота.

Несмотря на мои уговоры и на противодействие наряда полиции, многие из толпы стали перелезать через ворота во двор. Вот там-то они и были встречены управляющим фабрикой Карлсеном. Он проявил себя довольно агрессивно, пошел против них и даже начал наносить им удары. Перелезшие через ворота сумели открыть их, и вся толпа ворвалась в фабричный двор. Карлсен испугался и бросился бежать в контору. Там его догнали и принялись бить. Другие громили контору. Пристав подполковник Эклон выбежал на улицу, чтобы взять городских на помощь, но его самого пришлось выручать. Толпа окружила его и стала наседать, якобы он поранил ножом одного из них. После довольно-таки эмоционального моего объяснения с демонстрантами в конце концов удалось успокоить наиболее рьяных. Я от греха подальше усадил подполковника Эклона в автомобиль, и, пока наряд полиции сдерживал натиск, мы сумели выехать за ограду. Тем временем толпа вынесла избитого Карлсена на улицу, но наряд полиции смог отбить Карлсена и втащить его в садик соседнего владения Бахрушина. Я же, вывезши раненого подполковника на Кожевническую улицу, возвратился назад. Поставив в садике возле избитого Карлсена охрану, я отправился в толпу. Одновременно со мной на место происшествия прибыл генерал Адрианов.

— С его приездом бесчинства прекратились?

— На какое-то время — да. Поначалу масса слушала увещания градоначальника и слушалась. Видя ее успокоение, Александр Александрович сам успокоился и решил уехать. Тем временем со стороны Кожевнической улицы появилась новая многочисленная толпа. Она бросилась в садик владения Бахрушина, схватила Карлсена и потащила его к Москве-реке. Когда мне об этом сообщили, я с прибывшими приставами, пешим и конным нарядом сразу же направился к реке. В это время в плававшего уже Карлсена бросались камнями. Старший городской Думчев, вскочив в воду, хотел было вытащить Карлсена, но тот стал отбиваться от него и поплыл на середину реки. Там его подобрала двое городских. Лодка, которую им удалось найти, была ветхой и без весел.

— Где вы в это время находились?

— Возглавляемый мной наряд полиции сумел отогнать толпу на значительное расстояние от берега, и лодка с Карлсеном могла бы уплыть, если

бы не дала течи. Но так как лодка стала погружаться в воду, то городовым пришлось пристать к противоположному берегу, очень крутому. К месту, где она пристала, сбегалось человек пятьдесят подростков, детей и женщин. Озлобленная толпа стала метать с этого крутого берега камни в лодку. На берег в это время прибежала дочь Карлсена — сестра милосердия. Несчастливая девушка упала перед рабочими на колени, умоляя пощадить ее отца. Рабочие ее не слушали, и нам в конце концов пришлось спасти и ее. Тем временем лодка быстро наполнилась водою, Карлсен выпал из нее и, видимо, ушибленный крупным камнем, потерял сознание и пошел ко дну. Было это в шестом часу дня... Бывшие с ним городовые, находясь внизу крутого берега, защитить Карлсена не смогли. Я с приставами подполковниками Косоротовым и Танасюком поехал через Симоновский мост. Мы пытались спасти Карлсена, но не успели доехать, как он погрузился окончательно в воду. Городовые пытались вытащить его, но найденные на месте двухсаженные шесты дна не доставали.

— Это ужасно, когда люди теряют свой человеческий облик!

— Пока одна толпа бесчинствовала над Карлсеном, другая заполнила всю Дербеновскую набережную и прилегающие улицы и переулки. Схваченные погромщиками четыре лица с иностранными фамилиями находчивостью моих приставов были спасены. Подчиненные заявили, что арестовывают иностранцев по подозрению в шпионаже и отправляют их в участок. Толпа в эту легенду поверила и успокоилась. Но приблизительно через час тут появилась из Кожевнического переулка новая толпа манифестантов, которая вела владельца фабрики Вебера с криками «Топи его!»

— Такое впечатление, что толпы лезли из каждой подворотни?

— Мне тогда казалось то же... Приставу Полякову с околоточными надзирателями и городовыми удалось отбить Вебера. Он объявил толпе, согласно нашей новой легенде, что якобы поведет его в участок для ареста. Почти в то же время еще одна колонна появилась возле фабрики Винтера на Кожевнической улице и начала громить квартиру и контору. Конный наряд разогнал толпу на улице, а пеший задержал в квартире и во дворе 63 разбойника. Вскоре туда прибыл генерал Адрианов. По его приказанию погромщики были заперты в помещении фабрики. В одиннадцатом часу вечера, когда наряд возле фабрики Винтера был усилен конными жандармами и пешими городовыми, к фабрике Винтер двинулась громадная толпа с целью освободить задержанных лиц. Под моим руководством толпа эта была отогнана нарядом частью на Саратовскую площадь, частью в Гусятников переулок, несмотря на ряд камней, которыми были осыпаны как конный наряд, так и мы.

— Нескончаемое насилие!

— Да, вы правы, Государь! Разрешите продолжить?

— Продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

— Часов с 8 вечера возле Управления участка на Пятницкой собралась огромная толпа. Она буквально запрудила улицы и проезды. Я же в сопровождении пристава Диевского и Косоротова поехал к фабрике Шрадера. Оттуда были получены тревожные вести. С собою мы взяли пять конных городовых, ибо большего числа взять было нельзя. Обстановка заставляла оставить конные наряды для охраны как Управления на Пятницкой, так и винного спирта на заводе Гевартовского.

В Садовниках возле фабрики Шрадера стояли рабочие этой фабрики. Они объявили, что сына их хозяина Романа Робертовича Шрадера толпа повела топить. Они просили его спасти. Однако на мой вопрос, не осталось ли кого-либо из семьи Шрадеров или других лиц с немецкими фамилиями, шрадерские рабочие ответили, что таких лиц нет. Тогда мы поехали догонять толпу и, пробившись сквозь нее на Вальной улице, возле Малого Краснохолмского моста, поехали впереди нее.

— Вот как? Интересно.

— Да, нужно было дать толпе привыкнуть к присутствию полиции, установить с ней, так сказать, психологический контакт. Сначала толпа вела Шрадера по направлению к участку спокойно, но когда поравнялись с углом Бахрушинского проезда, ближайšie к Шрадеру люди стали бить его. Я приказал, чтобы конные городовые окружили Шрадера, и шагов пятьдесят он прошел, не подвергаясь побоям. Но затем забежавшие вперед люди вновь набросились на Шрадера. Несмотря на то, что конные городовые пустили в ход нагайки, они были отеснены от Шрадера, и тот упал на землю. Тогда я, подполковник Косоротов и коллежский советник Диевский подбежали к Шрадеру. Мы подняли его и под руки повели дальше, уговаривая толпу прекратить побои. Но ближайšie к Шрадеру продолжали бить и его, и нас. Некоторые же кричали, чтобы нас не били, мол, уговор у них был — полицию не бить.

— Это значит, что зачинщики и заводилы все-таки опасались более решительных мер со стороны полиции?

— Несомненно, Государь! Я изначально настаивал на избирательном применении насилия как к организаторам погромов, так и к наиболее радикальным элементам в толпе, но приказ я так и не получил. Потому насилие применялось не к погромщикам, а к полиции и тем гражданам, коих мы пытались спасти. Я хотел бы вернуться к эпизоду со Шрадером...

— Да, прошу вас, генерал!

— При повороте с Вальной улицы на Зацепский проезд к Управлению участка бывшие тут люди также бросились бить Шрадера и его защитников. Шрадер вновь был повален на землю. Возле автомобиля, стоявшего у подъезда Управления участка, Шрадер упал на землю без чувств. Некоторое время, несмотря на все наши усилия, Шрадера нам не удавалось поднять, но затем Диевский и Косоротов и околоточные надзиратели, невзирая на противодействие прорвавшейся из-за цепи полиции кучки людей, втолкнули Шрадера в автомобиль. Я встал на подножку автомобиля на противоположной стороне и тащил его за руки в глубь автомобиля. Когда Шрадер был уже в автомобиле, конные городовые нагайками расчистили дорогу. Наш автомобиль тронулся. Я так и остался на подножке, прикрывая своей спиной Шрадера от камней. Несколько негодяев вскочили на подножку, но были ловко стащены ротмистром Киярским и коллежским советником Диевским на мостовую, а наш автомобиль, повернув за угол на Зацепу, умчался под градом камней.

— Ужасная картина. Невыносимо думать, что все это происходило в нашей Москве!

— Пока все это происходило, у фабрики Шрадера появилась новая толпа. Пользуясь отсутствием полиции, негодяи схватили сестру владельца фабрики Бетти Энгельс, жену директора Эмилию Янсен, сестру его Кон-

кордию и тещу его же Эмилию Штолле и двух из них сбросили в водоотводный канал, где они утонули. Две другие были избиты настолько, что одна умерла на месте, а другая — по доставлении в Голицынскую больницу.

Эти четыре женщины были бы спасены, Государь, если бы рабочие фабрики Шрадера при моем опросе сообщили об их присутствии. Нетрудно и недолго было бы вывезти их на автомобиле за Устьинский мост, а потом уже ехать спасать Романа Шрадера. Нам очень жаль, что они погибли... Погром на фабрике Шрадера был приостановлен около десяти часов вечера нарядом конных жандармов. Окончательно же буйствовавшая возле фабрики Шрадера толпа была разогнана около полуночи, когда я вернулся туда с освободившимся от фабрики Винтера значительным конным нарядом. Когда все уже успокоилось, то задержанные на фабрике Винтера под усиленным конвоем были отправлены в Рогожский полицейский дом.

— Почему именно туда?

— Обычно мы там арестантов не держим. Потому я и рассчитывал, что нам удастся тайно удержать их там от штурма и насильственного освобождения. По крайней мере, до прибытия в город армейских подразделений или просто до естественного затухания погромов.

— Удержали?

— Удержали, Государь! Войска прибыли в Москву 29 мая. Примерно между 7 и 8 часами утра.

— Насколько это помогло восстановить порядок?

— Погромы не стихали, но присутствие войск и ожесточение полиции произвели на массу погромщиков необходимое воздействие.

— Скажите, генерал, стянутые к Москве войска принимали какое-либо непосредственное участие в рассеивании толп?

— Никак нет, Ваше Величество! Войска в рассеивании толп участия не принимали, а лишь выходили к тем местам, где действовали наряды полиции.

— Что вы скажете о поведении градоначальника во время этих событий?

— Я генералу Адрианову многим обязан по службе. Не мне, Государь, давать оценку его действий, поймите меня правильно.

— Извольте быть со мной откровенным! Я же не спрашиваю вас о чувствах, кои вы можете питать к вашему непосредственному начальнику. Меня интересует, соответствует ли его поведение сложившейся в городе обстановке?

— Государь, генерал Адрианов был уверен, что поведение толпы не выльется в насильственные действия. Я испрашивал его согласия на применение казаков и конных нарядов полиции еще в первые часы волнений, но градоначальник надеялся на то, что под воздействием его увещаний ситуация разрешится мирно. Считаю ошибкой градоначальника то, что он попытался возглавить шествие к генерал-губернаторскому дому. Его присутствие в толпе смутило гражданские власти, лишило полицию возможности действовать решительно. У нас были все резоны опасаться за жизнь генерала Адрианова. Александр Александрович — храбрый и благородный человек, но в обозначенной ситуации вел себя весьма доверчиво к агрессивной настроенной массе.

— Присутствующий здесь генерал Джунковский довел до меня суть предъявленных вам претензий. Вы, как я полагаю, успели ознакомиться с требованием прокурора Московского окружного суда по отстранению вас от должности?

— Так точно, Государь!

Готов изложить обстоятельства дела, тем более что без них картина происшедших в Москве беспорядков могла бы показаться вам неполной.

— Продолжайте!

— Речь идет о событиях следующего дня, то есть о 28 мая, за день до ввода войск в Москву.

— Да, я понял.

— Как я вам только что докладывал, около часу ночи на 28-е мая мною было сделано распоряжение об отправке 63 разбойников, задержанных по приказанию градоначальника во дворе фабрики Винтера, в Рогожский полицейский дом. Обычно там задержанные в районе Замоскворечья не содержатся. Мы провели по улицам означенных лиц настолько скрытно, что рабочие и другие обыватели Замоскворечья целый день 28 мая не знали, куда помещены арестованные люди. Сделав упомянутое распоряжение, я поехал к градоначальнику с докладом. Вернулся же я в свою квартиру около 3 часов ночи. По телефону я передал приказание о том, чтобы с 6 часов утра все свободные городовые и околоточные надзиратели находились при Управлениях участков и чтобы проживающие на фабриках и заводах лица с немецкими фамилиями были предупреждены об опасности, которая может им грозить. В 6 часов утра я проверил по телефону, исполнено ли мое приказание, и сделал распоряжение об отправке в назначенные места конных нарядов. Интересуют ли вас, Ваше Величество, сии подробности?

— Продолжайте, Николай Антонович!

Джунковский одобрительно закачал головой, показывая Миткевичу Жолтку, что именно на подробное повествование Царь и рассчитывает. Император считал для себя необходимым вникать в детали, разумно считая, что в них-то «и таится дьявол». Джунковский же был заинтересован в скорейшем завершении прокурорской и сенатской проверок деятельности московской полиции. Сновавшие по коридорам здания московского градоначальника подлые людишки из прокуратуры изрядно ему надоели, да и сам Миткевич-Жолток вызывал в нем искреннюю и уже ничем не скрываемую симпатию. Жандарм понимал, что во всей Российской Империи есть только один человек, во власти которого — остановить возможное судебное преследование московских полицейских чинов, сделавших, по сути, все от них возможное для усмирения взбунтовавшейся московской черни. Этим человеком был сидящий по его левую руку Царь Николай, и Джунковский желал, чтобы докладчик произвел на него серьезное и приятное впечатление. Джунковский болел за Миткевича-Жолтка всей душой и даже не замечал, как его волнение и подергивание себя за ус все более становилось заметным Государю. Впрочем, Царь не хотел сбивать рапорт полицеймейстера и сосредоточил все свое внимание на излагаемых им и до сих пор неизвестных ему фактах.

— Около 7 часов утра мне было доложено, что рабочие фабрики Товарищества Рябовской мануфактуры, в числе около 600 человек, вышли с фабрики с вашим портретом и с национальными флагами. Было также передано, что с пением гимна и молитвы они направились к фабрике Даниловской мануфактуры и что, не приступивши к работам, рабочие этой фабрики ищут немцев.

— Лучше бы они их на фронте искали!

— Так точно! ...Вызвав к Серпуховской заставе 20 конных городских от 3-го отделения, поехал туда с приставом Диевским и встретил у заставы многочисленную толпу. Она вела 10 человек немцев-эльзасцев. Опасаясь, что пока эльзасцев доведут до Управления участка, они будут избиты до смерти, я объявил, что арестую их тотчас же и с конвоем отправлю в пересыльную тюрьму. Эльзасцы были переданы полиции. Исключительно для их собственной безопасности действительно они были отправлены в означенную тюрьму, причем в заранее приготовленной арестантской карете. Дав необходимые указания исполнявшему обязанности пристава, я поехал на Электрическую станцию Общества 1886 года. Оттуда были получены известия тревожного характера. Я приказал 20 конным городским переехать от Серпуховской заставы на эту станцию. Дорогою, сворачивая с Кузнецкой улицы на Пятницкую, я увидел толпу у ворот Пятницкого полицейского дома и, остановившись, пошел к ней. Как оказалось впоследствии, толпа эта до моего приезда была встречена приставом подполковником Танасюком. Ему-то она и предъявила требование об освобождении арестованных накануне 63 рабочих. Пристав объяснял, что здесь никаких рабочих, мол, нет, и где они содержатся, ему не известно. Вместе с тем пристав разъяснил толпе, что освобождение этих арестованных зависит от недавно назначенного на Москву Вашим Высочайшим указом князя Юсупова и судебных властей, а не от полиции. Мне показалось, что толпа начала сдаваться на убеждение пристава, так как голова ее стала выходить на Пятницкую улицу. Как раз в этот момент к Пятницкому полицейскому дому подъехал и я. Но тут от Серпуховских ворот по Пятницкой улице подошла новая толпа, еще более многочисленная, чем первая. Теперь уже ими ко мне были предъявлены требования освободить задержанных накануне 63 человека или сказать, где они находятся. Я увещевал толпу не производить насилия, что мне и удалось отчасти, так как бывшие впереди начали продвигаться к Климентовскому переулку. Однако значительное число людей рассыпалось по двору и продолжало требовать освобождения арестованных. Некоторые из них кричали, чтобы выдали им немцев-шпионов. Я вошел в Управление участка и приказал вызвать по телефону конный наряд от Серпуховской заставы.

— Где в то время находился генерал Адрианов?

— Градоначальник как раз прибыл на место и потребовал меня и пристава к себе. Мы вышли на улицу, на угол Климентовского переулочка, и стояли возле градоначальника, пока он убеждал толпу, что своею властью он не может освободить арестованных, а это зависит от главноначальствующего и прокурора Московского окружного суда. Могу подтвердить, что бывшие на улице поверили Александру Александровичу и двинулись было к Чугунному мосту. Генерал Адрианов сразу же уехал. Но бывшие во дворе не слышали его убеждений и продолжали наседать на помощника пристава Барабаша. Они угрожали ему произвести разгромы арестантского корпуса. Некоторые из толпы влезали на крышу этого корпуса, стараясь проникнуть на чердак. Я увидел это, когда проводил градоначальника и с приставом подполковником Танасюком и коллежским советником Диевским вошел во двор Пятницкого полицейского дома.

К этому времени туда успела ввалиться еще одна толпа. Впереди нее женщина несла банку с заспиртованным недоноском и кричала: «Вот как немцы избивают детей!»

— Боже, спаси!

— Пристав подполковник Танасюк стал разъяснять толпе, что заспиртованный недоносок есть препарат для научной цели. Я же с приставом Диевским пробился к арестантскому корпусу. В это время выделенные толпою человек 20—30 проверяли арестованных. Сюда же через 2—3 минуты пришел пристав Танасюк, с которым мы убедили проверявших выйти во двор, что они и исполнили. Именно тогда нами был обнаружен побег шести лиц, содержащихся в полицейском доме. Воспользовавшись суматохою, они скрылись. Эти лица либо ожидали отправления в Сыскную полицию, либо отбывали арест за торговлю вином. Толпа, убедившись, что ни арестованных рабочих, ни немцев в Пятницком полицейском доме нет, стала расходиться. Когда прибыл конный наряд, во дворе оставались незначительные кучки людей.

— Так что же все-таки там произошло, и как могло подобное случиться, генерал?

— Как я выяснил впоследствии, допуск депутации от толпы к арестантским камерам произошел при следующих обстоятельствах. Помощник пристава Барабаш был окружен плотным кольцом озлобленных людей. Долгое время он пытался убедить их уйти со двора, и только видя, что арестантскому корпусу угрожает опасность и слыша крики: «Генерал приказал открыть камеры!», он, не имея возможности проверить основательность этих криков, предложил дежурному помощнику смотрителя идти к камерам и взять с собою ключи.

— Ловко они это с ним проделали!

— Камеры были открыты. При этом помощник пристава Барабаш был оттиснут к пожарным сараям. Толпа намеревалась их ломать, заподозрив, что арестованные накануне рабочие спрятаны там.

— Что это были за люди? Эти, которым удалось бежать? Политические?

— Четверо сидели за незаконную торговлю вином на улице, один — злостный мелкий должник-пьяница, и шестой — крестьянин, затеявший в кабаке ссору.

— Гм. Мне доложили, что побег был осуществлен группой революционно настроенных людей, можно сказать, зачинщиков погромов.

— Никак нет. Это были люди, задержанные еще за пару дней до беспорядков и по тем основаниям, что я только что вам доложил. Люди социальных низов, допустившие незначительные правонарушения. Так вот. Я не отдавал распоряжения допустить депутацию от толпы проверять этих арестованных и не знал о проверке, пока не пробился к арестантскому корпусу. Почему из толпы кричали, что «генерал разрешил произвести проверку!» и кого подразумевали под словом «Генерал», меня или градоначальника, я не знаю. Если бы я и пристав подполковник Танасюк успели бы подойти к арестантскому корпусу ранее, то не допустили бы толпу в камеры. Побег шести арестованных тогда бы не было. Но мы сочли своею обязанностью не оставлять градоначальника одного среди ожесточенной массы людей ввиду опасности насильственных против него действий. Они могли последовать от окрика какого-нибудь хулигана, как это было накануне в отношении пристава подполковника Эклона, о чем я уже вам, Государь, докладывал.

— Бог с ними. Какие конкретные указания поступали вам от Адрианова?

— Согласно приказанию градоначальника 28 мая главное внимание полиции 4-го отделения было обращено на охрану Электрической станции и Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке, где в то время находилась Великая княгиня Елисавета Феодоровна.

— Несчастливая княгиня так натерпелась!

— Государь, Елисавета Феодоровна ни на минуту не теряла присутствие духа. Я несколько раз справлялся о ней, пару раз лично посетил обитель. Она мужественная женщина. На этой последней улице я находился с 3 часов дня и отлучался лишь к Якиманскому полицейскому дому, когда туда приходила большая толпа. В прочие же места я не выезжал, ограничиваясь распоряжениями по телефону, ввиду имевшихся сведений о намерении рабочих произвести погром на Большой Ордынке. Сведения эти были верные, так как означенное намерение пытались осуществить одна за другою целых 3 толпы не только на 28, а 29 мая утром, когда они были рассеяны нарядом полиции под моим руководством.

Ко всему изложенному мной, Государь, необходимо добавить, что я не держал с утра наряда полиции во дворе Пятницкого и Якиманского полицейских домов, так как наряд этот мог быть взят только из Рогожских участков. Но их нельзя было ослаблять вследствие нахождения в Рогожском полицейском доме 63 задержанных накануне во дворе фабрики Винтера. Да я и не ожидал ожесточенного нападения ни на Пятницкий, ни на Якиманский полицейские дома, в которых не содержалось ни рабочих, ни немцев, а ожидал, что толпа явится требовать освобождения арестованных в Рогожский полицейский дом. Относительно его охраны мною и были приняты соответствующие меры. Правда, в Пятницком полицейском доме 28 мая было свободных 10 служителей, но они, как и все вообще служители полицейских домов в Москве, будучи людьми малорослыми, малосильными, не могли противостоять тысячной толпе. Вызванный же мною конный наряд хотя и шел на рысях от Серпуховской заставы, но прибыть своевременно не мог.

Положительные результаты деятельности моей и чинов полиции были следующие. 28 мая мы спасли от избиения толпою 24 человека. Кроме сего, нами были предотвращены погромы и пожары во многих местах. Мы также выполнили две важнейшие и лежавшие на нас задачи, а именно: Электрическая станция Общества 1886 года была охранена от разгрома, а Марфо-Мариинская обитель находилась в безопасности от бесчинствовавших толп. Что было сделано полицией 4-го отделения накануне 27 мая и на другой день 29 мая, я вам, Государь, уже подробно изложил.

— Ваш подробный рассказ, генерал, лишь только укрепил меня во мнении, что все сие движение толп было хорошо продумано и организовано. Как следует из рапорта, рабочие некоторых мануфактур проявляли необходимое терпение, чтобы дожидаться своих товарищей с соседних фабрик, и уж потом выступать единой массой. Сие есть знак тревожный, господа.

Император повернулся к жандарму.

— Генерал Джунковский, вам я поручил провести должное расследование обстоятельств погромов, направленных против наших подданных германского и эльзасского происхождения. Хочу знать ваше мнение о действиях генерала Миткевича-Жолтка по наведению порядка в центре города. Вы

сейчас слышали то же, что и я, но в отличие от нас могли подробно заслушать и изучить позицию стороны обвинения. Так каково ваше мнение?

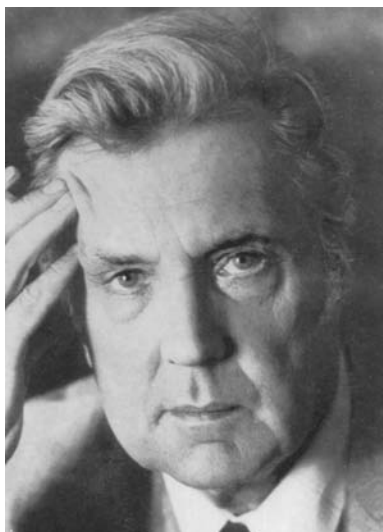
— Ваше Императорское Величество! Считаю действия полицмейстера 4-го отделения города Москвы вполне соответствующими сложившейся обстановке. Полиция действовала в отсутствие приказа по применению силы, без поддержки казачьих частей, которым было запрещено вмешиваться. Сия вина целиком лежит на градоначальнике генерал-майоре Адрианове. Прошу вашего согласия на отстранение генерала Адрианова от должности. Также позвольте мне выказать свою уверенность в необходимости провести дополнительное расследование обстоятельств бесчинств и поджогов с целью выяснения личности зачинщиков беспорядков. Что же касается присутствующего здесь генерал-майора Миткевича-Жолтка, то ходатайствую, Государь, о его поощрении. Ваша милость в отношении Николая Антоновича вызовет поддержку среди полицейских чинов Москвы, ибо никто не сомневается в личной храбрости и умелом руководстве им московской полицией в столь опасной и непредсказуемой обстановке.

— Идет война, Владимир Федорович, и я не думаю, что в результате майского разгрома нашей древней столицы мы можем говорить о чем-либо геройстве. Однако в одном, пожалуй, вы правы. Вы, генерал-майор Миткевич-Жолток, действовали в чрезвычайно сложных обстоятельствах, противостоя многотысячной толпе. Я благодарю вас за все, что вам удалось сделать. Однако я принял решение о смене всего руководства московской полиции, а с ним и градоначальника. Градоначальствующему генерал-губернатору князю Феликсу Феликсовичу Юсупову мною поручено представить на сей счет свои предложения. Вы же, Николай Антонович, без промедления отправляйтесь на фронт. Обстановка там тревожная. Ваш опыт работы в полиции и военной прокуратуре придется там как нигде кстати. Вы возглавите один из Головных эвакуационных пунктов Западного фронта. Наведите там порядок в кратчайшие сроки. Прощайте же, господа!

Император встал и слегка поклонился своим гостям, давая понять, что разговор окончен.

Тени РОССИИ

Илья ГЛАЗУНОВ ИМПЕРАТОР И ПОЭТ¹

Илья Сергеевич Глазунов — родился в 1930 г. в Ленинграде. Ректор Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Действительный член Российской академии художеств, профессор, народный художник СССР, почетный член Королевских Академий художеств Мадрида и Барселоны, кавалер «Золотой медали Пикассо», награды ЮНЕСКО за вклад в мировую культуру. Лауреат премии Джавахарлала Неру, лауреат Государственной премии Российской Федерации. **Живет в Москве.**

¹ Глава из книги Ильи Глазунова «Россия распятая», М.: Голос-Пресс, 2008 (кн. 2, т. 1, печатается по разрешению автора).

«Москва, — свидетельствует современник Пушкина С. Шевырев, — приняла его с восторгом: везде его носили на руках. Приезд поэта оставил событие в жизни нашего общества». Но всеобщий восторг сменился скоро потоками гнусной клеветы, как только в масонских кругах общества стал известен консервативный характер мировоззрения возмужавшего Пушкина. Они не простили Пушкину ни того, что он повернулся спиной к масонским идеям об усовершенствовании России революционным путем, ни того, что он восторженно высказался о духовном облике подавителя восстания декабристов — Николая I.

Поняв, что в лице Пушкина они приобретают опасного врага, члены многочисленных масонских лож прибегают к своему излюбленному приему политической борьбы — к клевете. В ход пускаются сплетни о том, что Пушкин купил расположение Николая I ценой пресмыкательства, подхалимства и шпионажа. Когда Пушкин написал «Стансы», А. Ф. Воейков сочинил на него следующую эпиграмму:

Я прежде вольность проповедал,
Царей с народом звал на суд,
Но только царских щей отведал,
И стал придворный лизоблюд.

...На распущенные клеветнические слухи Пушкин ответил стихотворением «Друзьям». Вот оно:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил.
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет! хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнание жизнь моя;
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье;
Освободил он мысль мою.
И я ль в сердечном умиленье
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья: льстец лукав.
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный.
Он скажет: просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Б. Башилов пишет:

«Начинаются преследования со стороны полиции, продолжавшиеся до самого убийства Пушкина. Историки и пушкинисты из числа членов Ордена Р. И. всегда изображают дело так, что преследования исходили будто бы от Николая I.

Эту масонскую версию надо отвергнуть как противоречащую фактам. Отношения между Николаем I и Пушкиным не дают нам никаких оснований заподозрить Николая I в том, что у него было желание преследовать гениального поэта и желать его гибели. В предисловии к работе С. Франка “Пушкин как политический мыслитель” П. Струве верно пишет, что “между великим поэтом и царем было огромное расстояние в смысле образованности, культуры вообще. Пушкин именно в эту эпоху был уже человеком большой, самостоятельно приобретенной культуры, кем Николай I никогда не был. С другой стороны, как человек огромной действительной воли, Николай I превосходит Пушкина в других отношениях: ему присуща была необычайная самодисциплина и глубочайшее чувство долга. Свои обязанности и задачи монарха он не только понимал, но и переживал как подлинное служение. Во многом Николай I и Пушкин, конкретные и эмпирические индивидуальности, друг друга не могли понять и не понимали. Но в то же время

они друг друга, как люди, по всем достоверным признакам и свидетельствам, любили и еще более ценили. Для этого было много оснований. Николай I непосредственно ощущал величие пушкинского гения. Не надо забывать, что Николай I по собственному, сознательному, решению приобщил на равных правах с другими образованными русскими людьми политически подозрительного, поднадзорного и в силу этого поставленного его предшественником в исключительно неблагоприятные условия Пушкина к русской культурной жизни и даже, как казалось самому Государю, поставил в ней поэта в исключительно привилегированное положение. Тягостные стороны этой привилегированности были весьма ощутимы для Пушкина, но для Государя непонятны. Что поэта бесили нравы и приемы полиции, считавшей своим правом и своей обязанностью во все вторгаться, было более чем естественно — этими вещами не меньше страстного и подчас несдержанного в личных и общественных отношениях Пушкина возмущался кроткий и тихий Жуковский. Но от этого возмущения до отрицательной оценки фигуры самого Николая I было весьма далеко. Поэт хорошо знал, что Николай I был — со своей точки зрения самодержавного, то есть неограниченного, монарха — до мозга костей проникнут сознанием не только права и силы патриархальной монархической власти, но и ее обязанностей... Для Пушкина Николай I был настоящий властелин, каким он себя показал в 1831 году на Сенной площади, заставив силой своего слова взбунтовавшийся по случаю холеры народ пасть перед собой на колени (см. письмо Пушкина к Осиповой от 29 июня 1831 года). Для автора знаменитых “Стансов” Николай I был “Царь суровый и могучий” (19 октября 1836 года). И свое отношение к Пушкину Николай I также рассматривал под этим углом зрения”.

Хорошее отношение к Николаю I Пушкин сохранил на протяжении всей своей жизни. Вернувшись после коронации в Петербурге Николаю I Бенкендорф писал: “Пушкин, автор, в Москве и всюду говорит о Вашем Величестве с благодарностью и величайшей преданностью”. Через несколько месяцев Бенкендорф снова пишет: “После свидания со мною Пушкин в Английском клубе с восторгом говорил о В. В. и побудил лиц, обедавших с ним, пить за В. В.”. В октябре 1827 года фон Кок, чиновник III Отделения, сообщает: “Поэт Пушкин ведет себя отменно хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя”.

“Вы говорите об успехе “Бориса Годунова”, — пишет Пушкин Е. М. Хитрово в феврале 1831 года, — по правде, я не могу этому верить. Успех совершенно не входил в мои расчеты, когда я писал его. Это было в 1825 году — и потребовалась смерть Александра, и неожиданное благоволение ко мне нынешнего Императора, его великодушие, его широкий и свободный взгляд на вещи, чтобы моя трагедия могла увидеть свет”.

...28 февраля 1834 года Пушкин записывает в дневник: “Государь позволил мне печатать Пугачева; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными)...” 6 марта имеется запись: “...Царь дал мне взаймы двадцать тысяч на напечатание Пугачева. Спасибо”. Пушкин, не любивший Александра (!), не только уважал, но и любил Императора Николая I. Рассердившись раз на царя (из-за прошения об отставке), Пушкин пишет жене: “Долго на него сердиться не умею”. 22 апреля 1834 года он пишет ей же: “Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-

пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут”. И ей же 11 июня 1834 года: “На Того я перестал сердиться потому, что не Он виноват в свинстве его окружающих...”

Струве совершенно верно пишет “Словом, все факты говорят о том взаимоотношении этих двух больших людей, наложивших каждый свою печать на целую эпоху, которое я изобразил выше. Вокруг этого взаимоотношения — под диктовку политической тенденции и неискоренимой страсти к злоречивым измышлениям — *сплелось целое кружево глупых вымыслов, низких заподозрений, мерзких домыслов и гнусных клевет* (курсив мой. — И. Г.). Строй политических идей даже зрелого Пушкина был во многом не похож на политическое мировоззрение Николая I, но тем значительнее выступает непререкаемая взаимная личная связь между ними, основанная одинаково и на их человеческих чувствах, и на их государственном смысле. Они оба любили Россию и ценили ее исторический образ”.

Николай I ценил ум и талант Пушкина, доброжелательно относился к нему как к великому, своеобразному человеку, снисходительно смотрел на противоречащие придворному этикету выходки Пушкина, не раз защищал его от разного рода неприятностей, материально помогал ему. Вот несколько фактов, подтверждающих это. После разговора с Пушкиным в Чудовом монастыре Николай I, как сообщает П. И. Бартенев, «подозвал к себе Блудова и сказал ему: “Знаешь, что нынче говорил с умнейшим человеком в России?” На вопросительное недоумение Блудова Николай Павлович назвал Пушкина»¹. Когда против Пушкина масонскими кругами, злыми за измену Пушкина масонским «идеалам», было поднято обвинение в том, что он является автором порнографической «Гавриилиады», Николай I приказал передать Пушкину следующее: «...Зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем». После отправления Пушкиным Николаю I письма, содержание которого осталось тайной даже для членов следственной комиссии, Пушкин, по распоряжению Николая I, к допросам по делу об авторе «Гавриилиады» больше не привлекался.

На полях письма Пушкина Николаю I о подлых намеках редактора «Северной пчелы» Булгарина о его негритянском происхождении Николай I написал, что намеки Булгарина не что иное, как «низкие подлые оскорбления», которые «обесчещивают не того, к кому относятся, а того, кто их написал». Эта резолюция была сообщена Пушкину и доставила ему большое моральное удовлетворение. Прочитав в «Северной пчеле» клеветническую статью по адресу Пушкина, Николай I в тот же день написал Бенкендорфу: «Я забыл Вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем номере “Пчелы” находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; поэтому предлагаю Вам призвать Булгарина, и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения и, *если возможно, запретить журнал* (курсив мой. — И. Г.)».

Сравните это письмо самодержца к начальнику тайной полиции и подумайте о том, как поступили бы в подобном случае большевистско-советские власти, не говоря уже о современной демократической — законные наслед-

---

¹ Бартенев П. И. Русский архив, 1865.

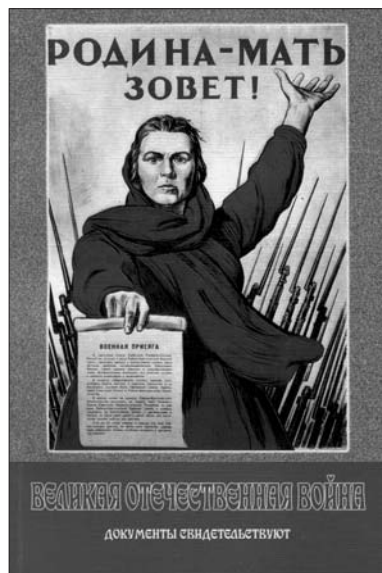
ники Ордена Р. И., и вам станет ясно, насколько подлинно демократичен был образ мыслей Самодержца. Он не приказывает запретить не нравящийся ему орган печати, а просит только начальника тайной полиции запретить его выход, если это возможно сделать согласно существующим законам о печати. Масон Бенкендорф, как и всегда, встал, конечно, не на сторону Пушкина и Николая I, а на сторону Булгарина. Он убедил Николая I, что нельзя запретить издавать «Северную пчелу» и писать в ней клеветнические статьи. Зато Бенкендорф быстро нашел повод закрыть «Литературную газету» Дельвига, с которой сотрудничал Пушкин, после закрытия которой русская словесность, по характеристике Пушкина, была «с головою выдана Булгарину и Гречу».

ВЫШЛА КНИГА

Великая Отечественная война: документы свидетельствуют / сост. Е. И. Подрепный; Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. — Арзамас: АГПИ. 2011. — 407 с.

В сборнике, составленном по проблемно-хронологическому принципу, содержатся документы и материалы по истории Советских Вооруженных Сил, военному производству в Советском Союзе накануне и в годы Великой Отечественной войны, о поставках союзников для СССР по ленд-лизу в период 1941–1945 гг., о партизанском движении.

Сборник адресован преподавателям, студентам вузов, обучающимся по специальности «История», а также всем, кто интересуется военной историей Отечества.

История и современность

Валерий ГАНИЧЕВ

РУБЕЖИ ИСТОРИИ — РУБЕЖИ РОССИИ

*Посвящается
Году российской истории*

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Это спасительное «вдруг!»

Когда враг, противник, иноземец, внутренний диверсант нападает на границы государства, ему дают отпор пограничники, армия, весь народ. История страны в веках имеет тоже свои рубежи, которые мы не должны сдавать, разрушать, не должны пятиться от своих вековых пограничных исторических столбов, иначе это приведет нас к капитуляции перед миром хаоса, миром интервенции.

2012 год объявлен Годом истории. Наверное, главная дата — это 1150-летие создания Древнерусского государства. Хотя дата эта в каком-то смысле условная, но в 1862 году 1000-летний юбилей этого исторического события широко отмечался в России, особенно в Новгороде, где был возведен знаменитый памятник с фигурами героев тысячелетней отечественной истории, который в 1942 году немцы разрубили на куски и хотели вывезти в Германию. Не удалось ни вычеркнуть Россию из истории, ни увезти памятник. Что же это за дата, в какой степени она является важной датой для трех славянских народов, в какой степени является датой единения славянских племен: полян, древлян, кривичей, древичей, родимичей, вятичей, словен, т. е. предтеч украинцев, русских и белорусов?

Сначала в Новгороде, а затем в Киеве, куда Рюрики переместились со своей дружиной после того года, отстоящего от нас уже на 1150 лет, и было создано то великое государство, которое называлось Киевская Русь. Именно это государство, где не было еще деления на три братских народа, и явилось ядром для трех будущих государств братских народов или, как меня учили в 50-е годы в Киевском университете, «ко-

лиской первых братских народов». У различных историков есть, конечно, свои нюансы и свои толкования этого события. Но было бы глупо его отрицать, ибо оно доказано по древним летописям, так же как по средневековым манускриптам доказано, что в 962 году образовалась Священная Римская империя, в лоне которой вызревали французы и Франция, испанцы и Испания, немцы-германцы и Германия. А в 630—632 годах образовался арабский халифат, из-под покрова которого вышла плеяда арабских народов.

Думаю, что мы достойны того, чтобы быть просвещенными в этой области, несмотря на «самостийный» вульгаризм и европейскую заносчивость многих наших оппонентов. На Святой Руси у наших народов была своя история, и отказываться от нее в угоду политикам или амбициозным недоучкам не надо. Как очень хорошо сказал на Патриаршем совете по культуре академик, директор Института археологии Украины Петр Толочко: «Мы не должны терять наше единство сегодня, но особенно наше единство в прошлом».

2012 год подобием чисел обращает нас к другим великим, драматическим датам.

Два раза в 12-м году (в 1612-м и 1812-м) русские люди отступали и сдавали свою столицу. Два раза они героически освобождали Москву от иноземцев, и после этого начиналось возрождение, возвышение страны, ее новая и славная страница.

Перед 1612 годом в нашем Отечестве царил голод, запустение, шайки ляхов, литовцев, беглых людей, казаков бродили по просторам Руси и грабили, убивали людей. Высшая знать, бояре продались иноземному королю. Лжедмитрий, сидя на троне, впустил католических священников править духом москвичей. Православная Церковь была унижена. Обнадеживающе звучало лишь громовое слово митрополита Гермогена, но пастыря умертвили в том же, 1612 году. Казалось: все угасло, обезжизнело.

И вдруг!

Интересные воспоминания по поводу этого спасительного «вдруг!» В 1997 году в нашем Союзе писателей мы с отчаяния проводили «круглый стол»: «Судьба России». Все, кто собрались, говорили о трагическом распаде Великой державы, великого союза народов. Тяжкими были эти разговоры и раздумья. Горести добавили и два известных земляка — бывшие эмигранты. Один — из редакторов НТС-овского «Посева», пользовавшийся особым успехом в кругу диссидентов, Владимир Максимов, другой — видный ученый, логик Николай Зиновьев, прославившийся своей книгой «Зияющие высоты», где он беспощадно разоблачал коммунизм. К тому времени, насытившись Западом, увидев его реальные проблемы, обманы, грехи, оба эмигранта возвратились в Россию не только с критикой Запада, но и с непоколебимым поклонением его мощи. Их выступления наводили уныние. Когда кто-то из писателей как бы им в ответ вспомнил об остатках нашего ядерного оружия, о еще существующих ракетах, наши авторитетные знатоки Запада убедительно парировали: «Вы не представляете себе, какая у них электроника». И тогда я в гордом одиночестве стал размышлять об этом «вдруг!», говорить о феномене Минина и Пожарского.

Наверное, у поляков было не меньше оружия, неплохая организация. Наша страна была развалена, не было единства. Но был великий дух Православия, самопожертвования, уверенности в том, что Русь должна быть

спасена. «Гражданин Минин» выказал крайнее самопожертвование, заявив: «заложим и жен наших».

Конечно, на первый взгляд, только какой-то мистикой можно объяснить победу ополчения, изгнание иноземцев, освобождение Москвы. Но за этим стояло огромное невидимое молитвенное делание, Церковь непрестанно молилась за страну, и, главное, за этим стояла любовь к Православному Отечеству. Вспомним: в ополчение вливались по дороге из Нижнего Новгорода все новые и новые добровольцы. Но в Ярославле что-то застопорилось, кто-то засомневался, кто-то еще не вооружился, а кто-то еще не укрепился духом.

И тут озарение! Минин и Пожарский узнают, что рядом, в Борисоглебском монастыре, в затворе 33 года находится великий молитвенник и провидец, монах Иринарх. Он уже предсказал, что на Русь нападут литвины и ляхи, он предсказал гибель одного из гетманов, который благоразумно тут же покинул пределы Руси. К монаху Иринарху приходят Минин и Пожарский за благословением и с вопросом: идти на Москву или поджидать подкрепление из других земель? Иринарх благословил и дал свой крест князю Пожарскому на освобождение Москвы. Это благословение было сродни тому победоносному слову, что сказал Сергей Радонежский Дмитрию Донскому перед Куликовской битвой. И началась атака! И пошли на штурм Кремля! И произошло изгнание иноземцев!

Несокрушимая, казалось, сила была сокрушена и изгнана из Руси.

В чем секрет? «Мистика в этом есть», — неуверенно соглашался Максимов. Зиновьев промолчал и скептически развел руками. А поддержал молчавший до этого Валентин Распутин: «Вера была. Народ спасал Отечество. Да, конечно, неколебимая, высокая, Православная вера. Конечно, беззаветная любовь к Отечеству».

1812 год. На Россию обрушилось «двунадесять языков». В обществе, конечно, не смута, но Наполеон надеялся на офранцуженное дворянство и на крепостных крестьян, которым он хотел дать вольную. Но ни те, ни другие не поддержали Наполеона и его армию. Более того, «дубина народной войны» жертвенно дубасила армаду Бонапарта. А ведь тоже казалось, что дни России сочтены. Вся цивилизованная Европа покорила Наполеону, армия его была неисчислима и закалена победами над Пруссией, Венецией, Австро-Венгрией, прошла испытание Египтом, Испанией, сражениями с Суворовым, Ушаковым. Хоть Бородино не сломило русскую армию, хоть Москва и не принесла ключей, но пала. В Кремле снова иноземцы. Как же в этом историческом событии зародилась и восторжествовала победа? С приходом ли Кутузова, Бородинским сражением, битвой под Малоярославцем, партизанской войной или морозами русскими, которые были самыми жестокими в 1812 году, 1709 году — перед Полтавой, 1941 году? Все перечисленное, кажется, из разряда мистики.

Но какое совпадение необходимых для победы условий! Какое единение народа! Кутузов, Багратион, Барклай, Денис Давыдов, старостиха Василиса, казаки Платова, башкирские конники! Как вдруг понадобился и пригодился патриот и защитник русского языка князь Щербатов, писавший воззвания для Александра I и для армии. Выпускаются плакаты, лубочные картинки. И опять Москва освобождена от иноземцев. И опять победа!

Сегодня 2012 год — год памяти двух освобождений Москвы. Вспомним их героическую историю. Вспомним в этом году и 1150-летие создания пер-

вого Древнерусского государства. И, конечно, 70 лет со дня начала Сталинградской битвы. Кажется, тоже мистика — совершенно неожиданное для Гитлера поражение, и последовавшая за ним непонятная для Запада, Англии и США, но понятная нам, русским, наша бесспорная Великая Победа.

«... духом с вами неразлучно»

затворник Иринарх — защитник Руси

Путь этот от Троице-Сергиевой Лавры, через Переславль—Ростов Великий—Борисоглебск—Ярославль—Волгу на Кирилло-Белозерский монастырь и далее до Соловков — духовно-спасительный для России.

В Троице-Сергиевой Лавре Сергей Радонежский вдохнул в войско Дмитрия Донского Победу, спас Русь от страха, от восточного татаро-монгольского порабощения. В Переславле, с духовно-историческими корнями которого был накрепко связан Александр Невский, стоит его скромный бюст. Святой благоверный князь отбил западное нашествие латинян. Рака с мощами Сергия, у которой ежедневно и многократно с утра читается акафист, находится внутри Лавры; тут молятся, ставят свечи, прикладываются к святыне тысячи и тысячи православных людей. За стенами Лавры возвышается строгий бронзовый памятник преподобному, обращенный лицом к проезжающим по святому тракту русскому люду.

В поселке Борисоглебском на реке Устье памятника монаху-затворнику Иринарху нет, мало кто знает у нас и о великом духовном подвиге затворника. А надо, и непременно, и всем!

Ведь это один из самых духоносных, спасавших Русь святых подвижников.

...Конец XVI века. Кончается собиравшая Русь династия Рюриковичей. Утверждающийся «Третий Рим» неустойчив. Власть корчится в спазмах боярских распрей, беспощадности Малюты Скуратова, беспомощности Федора Иоанновича, цепенеет от холодной расчетливости Бориса Годунова. Но Русь не рассыпается, переваливает за Уральский хребет, делает Волгу русской от истока до устья, прирастает храмами и монастырями. Ее святой дух сохраняется, духовное семя преподобного Сергия дает всходы. Молятся ее молитвенники в Савво-Старожевском, Кирилло-Белозерском, Соловецком, Прилуцком, Толгском монастырях. О молитвенниках и духовных старцах тогда на Руси знали все, на них надеялись, к ним обращали взор в трудные минуты: «...моли Бога о нас!..» И они молили, понимая свое высокое предназначение. Таким молитвенником и был монах-затворник Иринарх из Борисо-Глебского монастыря, возведенного по благословению Сергия Радонежского в XIV веке. Тридцать лет провел Иринарх в затворе, несколько пудов весили его наплечные, нагрудные крестообразные вериги, поясные связи, путы ножные, оковцы для рук и перстов, аршинами прибавлялась цепь, которой приковывал он себя в келье. Спал он два-три часа в сутки. Молил за обиженных, за несчастных, за Отечество. Его затворничество и тяжесть наложенных на себя нелегких запретов и тяжелых вериг поистине непостижима для нас. Но, может, за эти и другие духовные подвиги, за эти невиданные трудности, непрерыв-

ные моления, молитвенное сосредоточение и искание горнего и даровал ему Господь дар Провидения и Пророчества.

И вот в начале XVII века явившееся видение дало ему знать, что на Русь надвигается пожар, идет Смутное время, ступят на ее земли очередные ватаги литвы и ляхов. Видится ему, как будет нанесен удар по Вере Православной, расцветет предательство, возрастут запасы зависти и неверия. «Поеди к Москве и повеждь сие царю», — повторил ему голос свыше¹. Иринарх отковывает себя от стен кельи и как всегда босой (свою обувь он отдал много лет назад страннику и с тех пор не обувался) идет в Москву. Путь неблизкий, сотни верст! Но он молится и идет. Идет, чтобы предупредить, уберечь. Молва несется впереди его. Царь Василий Шуйский, отложив разговор с боярами, прием иноземных послов, встречает гремящего «железами» монаха в Благовещенском Соборе Кремля. Тот, перекрестив государя, говорит: «Открыл мне Господь Бог, грешному старцу, что видел есми граду Москве пленену быть от Литвы и всей Российской земли. И аз оставив многолетнее в темнице сидение и труды, сам к тебе прииде возвестить. И ты благочестивый Царю, стой о Вере Христове мужеством и храбрством о благочестии»².

Царь не сомневается, не переспрашивает, не перепроверяет и принимает это сообщение как истину, на которую надо искать ответ. Он провожает монаха, взяв его под руку, подносит Иринарху дары, предлагает отвезти царским возком, но тот отказывается от даров («не затем пришел») и, не задерживаясь ни минуты, идет пешком босой обратно в монастырь, в келью молиться.

Василий Шуйский не справляется с царской ношей, и вскорости его свергают с престола, а поляки уже шныряют по землям Руси. Один из мощных боевых отрядов гетмана Сапеги, грабя города и села, захватывает Ярославль, идет дальше. На пути — Борисо-Глебский монастырь. Гетману докладывают: «Все сбежали, лишь в одной келье сидит прикованный старый монах, молится за русского царя, кляня польского короля». Кто-то предлагает по привычке отсечь голову строптивцу. Сапега останавливает: «В коей земле житии, тому царю прямити. Хочу видеть храброго монаха». И видит он старца в холодной келье в железзах, кланяется, поразившему его старцу, спрашивает, как он может терпеть сию муку? «Бога ради сию темницу и муку терплю в келии сей» — «А что обо мне скажешь?» — «Уходи из Руси, гетман, — ответил монах, — иначе погибнешь». Гетман в душевном смущении уходит из кельи и говорит: «Правда в батьке велика», не дав сподвижникам за эту дерзость прикончить старца.

Предвидение сбылось — Сапега позднее погиб. А русский народ, испытав насилие, издевательство от захватчиков, предательство бояр, поругание веры, поднимается против иноземцев. Иринарх благословляет на борьбу блистательного полководца М. В. Скопина-Шуйского, передает ему Крест. Но победа еще не созрела, погибает и полководец.

Народное желание вышвырнуть захватчиков нарастает. В Нижнем Новгороде создается земское ополчение, названное позднее Вторым ополчением. Оно и направляется на Москву. Ополчение идет медленно вдоль Волги,

---

¹ Цит. по: *И. Забелин*. Безвестный герой Смутного времени. 1875.

² Житие преподобного Иринарха Затворника.

в него вливаются всё новые и новые отряды. Но поляки еще превосходят силой и наглостью. И бояре еще толпятся у трона новых хозяев. В стане русских нет еще единодушия, да и казачки, как обычно, грабя мирных жителей, перебегают периодически из стана в стан. Господствует еще Смута... Русь на краю гибели. Предводители Нижегородского ополчения стараются из всех сил упрочить его крепость. Кузьма Минин мечется, собирает ратников и деньги, покупает припасы, телеги, лошадей, оружие. Князь Пожарский пытается обучить разношерстное, полукрестьянское ополчение строю, владению оружием. Но не хватает какой-то скрепы, какого-то соединения ополченцев. Они еще не войско. В Ярославле, куда подошли ополченцы, военные людишки начинают роптать, разбегаться, уходят на кормление... И тут вспоминают Ириарха. К нему в Борисо-Глебский монастырь скачет гонец. Всадник еще не успел после встречи в келье выехать за стены монастыря, а весть несется впереди его: «Старец прислал просфору, благословил поход на Москву! С нами Крестная Сила!»

Почти бегом возвращаются в войско Пожарского отъехавшие и сбежавшие ополченцы. Все наполняется духом освобождения столицы, все жаждут положить жизнь за други своя, спасти поруганное Отечество. Всюду звучит: «В поход на Москву! Крест на Кремль!»

Войско выступает твердой поступью для освобождения Руси и ее столицы, приходит в Ростов. Пожарский и Минин скачут оттуда в Борисо-Глебский монастырь, склоняются перед старцем и получают медный Крест на вызволение от врага Москвы и Руси. Пред Ириарховым Крестом ополченцы клянутся одолеть врага. Вскоре Кремль был взят, захватчики убиты, рассеяны, бежали.

Князь Пожарский вернул затворнику Крест. На Руси Земский Собор избирает на престол Михаила Романова. Воцаряется новая династия. Россия заслужила тогда Царя. Смутное время закончилось. Россия возвращалась к своей духовной сути. Ириарх, как бы исполнив свой долг перед Святой Русью, упокоился в 1616 году. По смерти угодника Божия остались его вериги: «142 медных креста, 7 “трудов” плечных, железная цепь в 20 сажень, которую он носил на шее, ножные железные путы, 18 медных и железных “оковцев”, которые одевались во время неусыпных бдений на пальцы рук, пудовые “связни”, носившиеся на поясе, и железная палка, которой он смирял свое тело и изгонял невидимых бесов»¹.

...Два великих сына Отечества Минин и Пожарский возвещают врагам на Красной Площади: «Не ходите на Русь! Погибнете!» А всех соотечественников призывают верно служить народу и быть достойными сынами Родины.

А над нами и над ними в небесах парит дух святого Ириарха — великого вдохновителя великого похода сынов нашего Отечества по спасению России, сказавшего в последнем своем слове перед кончиной: «Аз отхожу от вас телом, а духом с вами неразлучно».

Вечная память и слава прославления святому монаху Руси — Ириарху.

---

¹ Житие преподобного Ириарха Затворника. С. 57.

Точка ЗРЕНИЯ

Евгений ТИТКОВ «ИСТОРИЮ МЫ ВЫБРАСЫВАТЬ НЕ МОЖЕМ»

*О сталинском
повороте к Церкви*

Евгений Павлович Титков — родился в с. Глыбочка Шаблыкинского района Орловской обл. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета. Служил офицером в Советской Армии. Окончил аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор монографий об образовательной политике Екатерины Великой, о епископе Дамаскине, Патриархе Сергии (Страгородском). Опубликовал серию научно-популярных книг о Великой Отечественной войне. Лауреат премии «Александр Невский». Главный редактор альманаха «Арзамасская сторона». Живет в г. Арзамасе Нижегородской области.

В сентябре 1943 г. с разрешения советского руководства состоялся Архиерейский Собор Православной Церкви, избравший митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси. Этот момент в отечественной историографии рассматривается как поворотный во взаимоотношениях Советского государства и Русской Православной Церкви. Допустив избрание Патриарха, открытие православных приходов и духовных учебных заведений, правительство СССР откровенно признало несбыточность своих планов разгрома Церкви и устранения ее из жизни народа.

В 1999 г. в журнале «Наш современник» и в ряде коммунистических и патриотических средств массовой информации (газеты «За Родину, за Сталина», «Русский вестник» и др.) были опубликованы сенсационные материалы, призванные свидетельствовать, что еще перед войной, в 1939 г., сталинское руководство начало радикально менять государственный курс по отношению к Православной Церкви, прекратив гонения на духовенство и верующих. В ноябре-декабре того же года оно осуществило массовую амнистию осужденных по церковным делам, в результате которой «на свободу» из лагерей вышли 12 860 чел. и «из-под стражи» — 11 223 чел., т. е. 24 тысячи. Кроме того, планировалось освободить еще около 15 тыс. чел. из числа 50 тыс. продолжавших отбывать наказание. Эти данные приводились в обоснование утверждения о повороте сталинского руководства навстречу Церкви еще до войны.¹

Однако эти данные и приводимые в их обоснование источники в 2008 г.

¹ Дудко Д. Он был верующим // Наш современник. 1999. № 12; За Родину, за Сталина. 1999. № 7.

были подвергнуты резкой критике И. А. Курляндским. Он утверждает, что якобы все указанные документы были сфальсифицированы, и вопреки версии о «либеральном повороте» Сталина к Церкви и верующим и прекращении гонений, конец 1930-х — начало 1940-х гг. характеризуются новыми жестокими репрессиями по церковным делам. «Мнимой версией» назвал Курляндский утверждения целого ряда авторов о повороте Сталина к Церкви в конце 1930-х гг.¹

Мы попробуем представить некоторые из фактов, свидетельствующие о том, что в политике и в мировоззрении руководителя Советского государства уже в 1930-х гг. происходили существенные изменения, качественно ускоренные в связи с начавшейся Великой Отечественной войной. С определенной долей условности их можно квалифицировать как *сталинский поворот к Церкви*.

Слова «поворот к Церкви» нельзя воспринимать как обозначение некоего процесса, обусловленного, так сказать, сдвигами конформистского толка в идеологии Советского государства. В таком случае сам этот процесс будет выглядеть хитроумным ходом Сталина, затевающим лукавую игру с «мнением народным» накануне пресловутых массовых репрессий 1937 г. Подобная позиция, на наш взгляд, глубоко ошибочна, поскольку не учитывает ни культурно-исторических факторов, определяющих значимые идеологические тенденции в Советском Союзе начала 30-х гг., ни последовательных, стратегически сильных и обдуманых шагов Сталина, стремящегося идейный базис «страны победившего социализма» преемственно связать с национальной идеей русского народа, которая не мыслилась им вне многовековых традиций православного христианства.

Необходимо в данном отношении подчеркнуть, что Сталин никогда не обладал абсолютной полнотой власти, а в 30-х гг. — времени индустриализации и коллективизации страны, к тому же прошедшему в напряженной борьбе с оппозицией — тем более. А потому эти шаги не всегда были однозначны и полноценны. Только лишь, пожалуй, с середины 30-х гг. позиция Сталина в отношении идеологического курса страны начинает реально воплощаться в политических решениях. И точкой отсчета здесь является открытое письмо Сталина членам Политбюро от 19 июля 1934 г. «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», в котором подвергалась жесточайшей критике позиция Энгельса по отношению к царской России как «тюрьме народов».

21 января 1936 г. в «Известиях» Н. И. Бухарин в связи с днем памяти В. И. Ленина назвал обломовщину «универсальной чертой» русского национального характера, которую смог преодолеть только гений Ленина. Кстати сказать, основные положения этой статьи были обнародованы Н. И. Бухариным еще 9 лет назад, в памфлете «Злые заметки» (1927), призванном, по большому счету, очернить память о Сергее Есенине как русском национальном поэте. Вместе с тем «разбором» поэзии Есенина Бухарин не ограничивается, жестоко клеймя прошлое великороссов: «Оно — в темноте. Оно — в мордобое. Оно — в пьянстве... Оно — в матерщине. Оно — в дряблости, неуважении к труду, в хулиганстве. Оно — в “ладанках” и “иконах”, “све-

---

¹ Курляндский И. А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 3–16.

чечках” и “лампадках”. Оно — в остатках шовинизма... Оно — в свинском обращении с женщиной. Оно — во внутренней разнузданности, в неумении работать над собой, в остатках обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы. И все это наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас, — подводит итог Бухарин, — воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно-рыдающей поэзией Есенина...»¹.

После такой уничижительной оценки русского народа и его исторического прошлого уже не вызывает удивления циничный отзыв о русской классической литературе, которая, по мысли несостоявшегося вождя, является собой «кокетничанье своей собственной интеллигентской слюнявостью, бессилием, безволием, жалкой дряблостью»².

Заметим, что и в памфлете, и в статье Бухарин для большей весомости своих умозаключений обращается к работам В. И. Ленина. Но если «Злые заметки» имели нужное для Бухарина продолжение — многочисленные антиесенинские сборники, фильм С. Эйзенштейна «Против есенинщины», — то статья в «Известиях» получила достойный и адекватный ответ.

Спустя три недели, в день памяти А. С. Пушкина, в газете «Правда» была напечатана редакционная статья «Об одной гнилой концепции», в которой явно чувствовалось авторство Сталина: «Вряд ли тов. Бухарин сумеет объяснить с точки зрения своей “концепции”, как это “нация Обломовых” могла исторически развиваться в рамках огромнейшего государства... И никак не понять, как русский народ создал таких гигантов художественного творчества и научной мысли, как Пушкин и Лермонтов, Ломоносов и Менделеев, Белинский и Чернышевский, Герцен и Добролюбов, Толстой и Горький, Сеченов и Павлов».

Вкупе с открытым письмом Сталина эта статья, по сути дела, определенно свидетельствовала о начавшемся процессе реабилитации русской культуры и русской истории. Последовавший через несколько месяцев известный разгром «исторической школы» академика М. Н. Покровского явился одним из знаковых событий этого процесса.

Год спустя страна с масштабным размахом отметила столетнюю годовщину со дня смерти А. С. Пушкина. В популярных печатных изданиях уже не находится места вульгарно-классовым трактовкам жизни и творчества великого поэта. Наоборот, он признается и в новое время национальным гением, образцовой личностью поэта и гражданина.

В этом же году начались съемки легендарного фильма «Александр Невский». По верному замечанию современного историка П. Мультипули, «мощный образ благородного защитника земли русской, созданный Черкасовым, возвращал России не просто национального героя, но прославленного Церковью святого». Не лишним в этой связи будет заметить, что с января 1935 г. по март 1938 г. прекращается издание журнала «Безбожник» (с началом войны он и вовсе прекратил свое существование).

На этом фоне во многом показательной предстает история с постановкой оперы-фарса Д. Бедного «Богатыри» (ноябрь 1936), ради запрета кото-

---

¹ Бухарин Н. Злые заметки // О писательской этике, литературном хулиганстве и богеме. Л., 1927. С. 10.

² Там же. С. 11.

рой — беспрецедентный для того времени факт — было создано внеочередное заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Текст постановления, который мы приводим полностью, убедительно свидетельствует о самой сути жесткой сталинской позиции, позиции русского патриота в отношении истории своей страны и, что особенно важно, значительной роли в этой истории Православной Церкви.

*«Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о за-
прете пьесы Д. Бедного «Богатыри»
13 ноября 1936 г.*

№ 44. п. 202 — О пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного

Утвердить следующий проект постановления Комитета по делам искусств: Ввиду того, что опера-фарс Демьяна Бедного, поставленная под руководством А. Я. Таирова в Камерном театре с использованием музыки Бородина:

а) является попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси, как положительный революционный элемент, что противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции;

б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главные из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа;

в) дает антиисторическое и издевательское изображение Крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры,

Комитет по делам искусств при СНК Союза ССР постановляет:

1. Пьесу «Богатыри» с репертуара снять, как чуждую советскому искусству.

2. Предложить т. Керженцеву написать статью в «Правде» в духе настоящего решения¹.

Председатель Комитета по делам искусств Платон Керженцев немедленно опубликовал в «Правде» в указанном духе статью «Фальсификация народного прошлого»².

Откликов на это постановление — и публичных, и официальных, по большей части одобрительных — было немало. Многим из авторов откликов виделся в этом решении Политбюро ЦК ВКП(б) добрый знак грядущих перемен в идеологическом курсе Советской России. Именно так воспринял это постановление русский поэт С. А. Клычков: «Демьяну Бедному влетело поделом. Этим постановлением реабилитируется русская история, а то все у нас дерьмом называют. Надо было. Теперь начинают признавать прогрессивное значение за многими фактами; пожалуй, поймут, что и кулик мог быть полезен. С другой стороны, постановление как бы реабилитирует христианство; может быть, поймут, что и сейчас верующий не подлец, потому что красть не станет»³.

¹ Правда. 1936 г., 14 ноября.

² Правда. 1936 г., 15 ноября.

³ Центральный Архив ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 121. Л. 102. Копия. Машинопись.

Через год Сергей Антонович Клычков по ложному доносу будет арестован и приговорен к расстрелу. И его судьба, как и многих других, разделивших с ним трагическую участь, — это тоже наша история, которую мы «выбрасывать не можем». Расстрел Клычкова был своеобразным ответом Сталину, свидетельствующим, что его курсу сопротивлялись весьма могущественные силы внутри руководящей элиты того времени.

Вместе с тем издевательское отношение Демьяна Бедного по отношению к Крещению Руси после цитированного постановления Политбюро ЦК ВКП(б) навсегда решило его творческую судьбу: он быстро исчез с арены культурной жизни страны.

О постепенной эволюции взглядов властной элиты страны свидетельствует и другой ряд фактов и событий, имевших место в 1930-е гг. В 1934 г. намечаются изменения в официальных взглядах по отношению к историческим деятелям дореволюционной России. 22 сентября 1935 г. для командного и начальствующего состава Красной Армии и Флота были введены персональные воинские звания — лейтенант, капитан, майор, полковник. Слово «офицер» официально вновь обрело положительный смысл. В обычную жизнь народа была возвращена Елка, правда, новогодняя, а не Рождественская. С тех пор слова «Родина», «Великороссия», находившиеся под запретом, снова вошли в широкое употребление. 20 апреля 1936 г. ЦИК СССР отменил существование для казаков ограничения в воинской службе. Вскоре приступили к формированию отдельных казачьих частей.

Обратим внимание на некоторые личностные черты руководителя Советского государства. Один из противников Сталина, зарубежный исследователь Л. Регельсон признавал, что важным мотивом, вызвавшим восстановление Церкви во время войны, могло быть личное чувство Сталина: пробуждение в нем «Страха Божия» под влиянием катастрофических неудач первых месяцев войны. Такому движению души могло способствовать воспитание, полученное в детстве от верующей матери, и духовное образование Сталина: ведь он окончил Духовное училище и почти 5 лет обучался в Тифлисской Духовной семинарии. Будучи учащимся Духовной семинарии, он исповедовался у старца и каждый месяц приступал к таинству Причастия. Надо иметь в виду, что уже в предвоенные годы Сталин не выступает лично с антирелигиозными призывами. Тогда же, подбирая библиотеку для дачи, Сталин приписал для сведения исполнителей: «Прошу, чтобы не было никакой атеистической макулатуры».

В конце 1930-х гг. в И. В. Сталин уже довольно четко и недвусмысленно выражает свое отношение к Церкви и ее служителям. Известна его позиция на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1939 г., рассматривавшем некоторые итоги ликвидации церквей в Москве и на территории прилегающих районов, где было полностью разрушено 150 храмов, а 300 оставшихся были переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников. Планами архитектурных застроек предусматривался снос еще 500 оставшихся строений храмов и церквей. По настоянию Сталина ЦК ВКП(б) принял решение считать невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, которые следует считать памятниками архитектуры древнерусского зодчества. Органам советской власти за подписью секретаря ЦК И. Сталина было предписано принимать меры вплоть до дисциплинарной и

партийной ответственности по охране памятников архитектуры древнерусского зодчества.

Даже жестокие репрессии 1937 г. по отношению к священнослужителям, преследования православных верующих не дали власти желательного ей результата. С уничтожением большей части духовенства вера в Бога не исчезла у колоссального количества людей. А на страницах органа ЦК ВКП(б) журнала «Большевик» появилось признание, что отсутствие молитвенных зданий и служителей культа не дает преодоления веры, такого рода борьба «лишь укрепляет позиции религиозных организаций»¹. В закрытых циркулярах различных административных органов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов.

Как пишет М. В. Шкаровский, «отчасти это было связано с постепенным изменением курса советского правительства с интернационально-коммунистического на национально-патриотический». Положительное отношение к христианизации Русского государства становится официальной советской доктриной. В 1938 г. на экраны вышел знаменитый фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский», прославлявший Святого Князя, мощи которого в 1922 г. были вскрыты, а через 4 месяца изъяты из Троицкого собора Александро-Невской Лавры и переданы в антирелигиозный музей².

Это были лишь первые симптомы, и вплоть до осени 1939 г. серьезных перемен в религиозной политике Советского государства все же не произошло. Значительную активность проявлял «Союз воинствующих безбожников» во главе с Е. Ярославским (Губельманом). На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. он выступил с призывом активизировать борьбу с религией и церковниками «всех мастей». Члены совета «Союза воинствующих безбожников» критиковали комсомол за слабую антирелигиозную работу и требовали усилить борьбу с религиозными пережитками в молодежной среде.

Многие тогда ожидали, что Е. Ярославский объявит о планах третьей «безбожной пятилетки». Ведь он уже до того, на IV расширенном Пленуме Центрального Совета «Союза воинствующих безбожников» в 1938 г., заявлял о необходимости воссоздания антирелигиозной организации из 5–6 миллионов членов. Однако третья «безбожная пятилетка» так и не была провозглашена. Не состоялся и планируемый III съезд «Союза». IV Пленум Центрального Союза СвБ, почти сплошь состоявший из кооптированных членов, в 1938 г. решил провести III съезд «Союза безбожников», но... Е. Ярославский и его «команда побоялись настоять на этом перед Сталиным, который все меньше, судя по всему, видел проку в деятельности этой организации». «Союз безбожников» переживал глубокий кризис, и только усилиями прессы искусственно создавалось впечатление о его кипучей жизнедеятельности.

В конце 1930-х гг. не проявлял активности в борьбе с религией и комсомол. Указания партийного руководства в этой сфере были противоречивыми и непоследовательными. Не испытывал склонности к данному «участку работы» и новый руководитель комсомола Н. А. Михайлов, сменивший

¹ *Фоманов Н.* Против благодушия и беспечности в антирелигиозной работе // *Большевик*. 1937. № 20. С. 43.

² *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 года). 3-е изд. М., 2005. С. 95.

арестованного в 1938 г. А. В. Косарева. В 1938–1939 гг. ЦК ВЛКСМ не обсудил на заседаниях бюро и секретариата ни одного целевого вопроса по антирелигиозной работе среди детей и юношества. И даже в текстах постановлений Пленумов ЦК о работе организаций ВЛКСМ в деревне, в школе никаких указаний комитетам комсомола по части активизации антирелигиозной работы вообще не было¹.

На позицию советского руководства большое воздействие оказывал факт сильного влияние Церкви в западных областях, присоединенных к СССР в 1939 г. Считаясь с новыми массами православного населения и нуждаясь в деятельности Московской Патриархии на присоединенных территориях, Советское государство в конце 1939–1940 гг. стало вводить религиозную терпимость в стране, значительно уменьшило масштабы антицерковных акций. Как отмечал западный историк У. Флетчер, «Патриарший местоблюститель митрополит Сергей впервые с тех пор, как возглавил Церковь, оказался в таком положении, что мог требовать уступок от правительства». Процесс закрытия церквей остановить сразу было невозможно, но такая тенденция наметилась. Существенно изменилось положение Московской Патриархии. Теперь угроза ее ликвидации была полностью снята; более того, хотя и крайне осторожно, убирались некоторые запреты. Патриарший местоблюститель вновь стал совершать архиерейские хиротонии, замещать пустующие кафедры.²

Естественно, что все назначения совершались Московской Патриархией с ведома Советских властей — таковы были в тот период условия существования Русской Православной Церкви в СССР. Архиереев Московской Патриархии в новых областях страны воспринимали именно как представителей Москвы. По воспоминаниям прибалтийского духовенства, митрополит Сергей (Воскресенский), став экзархом Прибалтики, сразу повел себя решительно и властно. «Чувствовалось, что приехал не представитель гонимой большевиками Церкви, а полномочный представитель Москвы, облеченный большой властью», — отмечали прибалтийские священнослужители. В частности их поражало, как легко Владыка добивался прямой телефонной связи с различными организациями в столице СССР.

Конечно, это были лишь первые шаги Советского государства по смягчению своей линии в отношении Церкви. Несмотря на эту своеобразную «осторожность» в политике по отношению к Церкви, и в 1939–1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в ней считалось строительство безрелигиозного общества. В связи с этим все большую озабоченность властей начинала вызывать активизация церковной жизни в СССР, отчасти под влиянием примера новых западных областей. На присоединенных территориях оказалось большое количество советских военнослужащих, членов их семей, и многие из них активно включились в религиозную жизнь. Даже коммунисты и сотрудники НКВД крестили своих детей, иногда родственники военных специально для этой цели привозили своих детей из РСФСР. На службах в храмах присутствовало немало советских офицеров и солдат.

Как только пик репрессий спал, деятельность Церкви и на остальной территории СССР активизировалась. Репрессии 1937–1938 гг. породили

¹ *Алексеев В. А.* Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Россия молодая, 1992. С. 179.

² *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 105.

у определенной части граждан страны страх перед неясным будущим, за близких, за свою судьбу, и он лишь усиливал религиозные настроения. Яркую картину, воспроизводящую эти настроения в предвоенном Ленинграде, нарисовала в своих воспоминаниях эмигрантка Наталья Китер: «В воскресенье и праздничные дни эти храмы были так переполнены, что не могли вместить всех притекавших... В эти дни причащались почти поголовно. В Пасхальную ночь 1941 г. тысячные толпы народа стояли плечо к плечу вокруг храмов, с горящими свечами в руках, и единодушно пели пасхальные песнопения, не обращая внимания на ряды конной милиции, тщетно пытавшейся их разогнать, т. к. все уличное движение вокруг храмов было нарушено...»¹.

Постепенно в ЦК ВКП(б) накапливалось все больше докладных о «тревожной ситуации» на «церковном фронте». Приходили известия с мест о распаде местных отделений «Союза безбожников», о возрастающей активности церковников.

Реакция на такие сигналы последовала. Появляются критические материалы о бездеятельности комсомола на «безбожном фронте», а 15 июля 1940 г. было принято Постановление ЦК ВЛКСМ об усилении борьбы с религиозностью: «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Бухарской комсомольской организации». Но это уже был последний документ ЦК комсомола, посвященный вопросам «безбожной работы» среди молодежи не только в предвоенный период, но и вообще в 40-е гг.

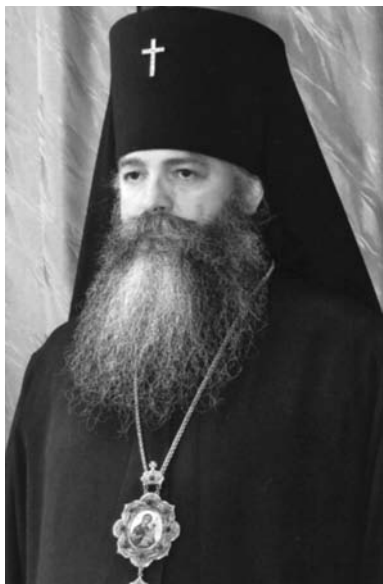
Таким образом, многочисленные факты свидетельствуют, что в 1939 г. произошло изменение курса государственной религиозной политики, закончился десятилетний период открытого наступления на Церковь. Положение Церкви улучшилось. И следует подчеркнуть, что без Сталина это изменение не могло произойти. И хотя в 1940 г. правительство вновь начинает ужесточение курса, свидетельствующее о противоречиях в высших эшелонах власти, Церковь сумела выстоять, выжить как институт. Все планы искоренения религии в СССР терпели неудачу, и это постепенно все больше осознавало советское руководство.

Война резко изменила ситуацию. Великая трагедия обострила религиозные чувства народа, властные верхи страны на мощный всплеск религиозности труженников тыла и бойцов Красной Армии отреагировали спокойно и индифферентно. Почти полностью прекратились гонения на Церковь и преследования за веру.

И что бы ни утверждали противники Сталина, говорить о его повороте к Православной Церкви можно с достаточным основанием. Этот поворот, или, по крайней мере, ослабление давления на Церковь осуществлялись в рамках общего сталинского курса, начатого еще в первой половине 1930-х гг., когда началось переосмысление духовно-нравственных идеалов, возвращение в школьный и вузовский курсы обучения истории России. Этот поворот в культурной и духовной политике центральной власти осуществлялся под непосредственным руководством И. В. Сталина. И потому мы сегодня с полным основанием можем повторить его утверждение: «Историю мы выбрасывать не можем...».

---

¹ Цит. по: *Шкаровский М. В.* Указ. соч. С. 109.

**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(Горянов)**

«...ОСТАЕТСЯ ОДНА РОССИЯ»

*К 200-летию изгнания
войск Наполеона
с Земли Русской*

Добившись власти почти над всей континентальной Европой к началу 1812 года, Наполеон перестал принимать во внимание договоренности союза, заключенного им с Императором Александром I. Французский диктатор, мечтавший о мировом господстве и находившийся к нему в достаточной близости, не нуждался более в поддержке России, которая единственно и оставалась препятствием его грандиозным планам. «Через пять лет, — говорил французский император, — я буду господином мира; *остается одна Россия*»¹. Если взять эти слова из контекста, то они обретут вековые

¹ Самые знаменитые войны и битвы России. М.: Вече, 2002. С. 297.

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Член Союза писателей России. Лауреат премии «Имперская культура». Правящий архиерей Курганской епархии.

Император Александр I Павлович

и мировые аналогии. Кажется, именно с такими словами задумывали свои походы польские интервенты в XVII веке, эта же фраза пульсировала в алчном мозгу Гитлера, захватившего всю Европу, и сегодня, на своем шипящем английском эту мысль, уверен, нашептывают друг другу засорившие весь мир своими военными базами наши американские «друзья»-политики, или не знающие русской поговорки о том, что не стоит дважды, тем более трижды, наступать на одни и те же грабли, или не представляющие, что такое грабли и почему на них не стоит наступать. Но это сегодня, а тогда, в начале XIX века, Наполеон находился в эйфории от своих талантливых и достаточно легких побед.

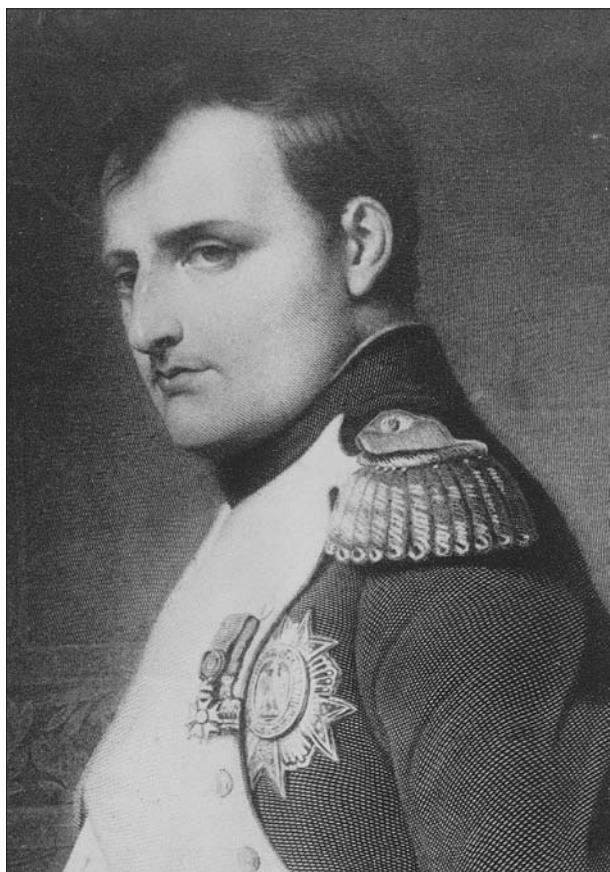
К началу 1812 года французский император склонил к союзу против России большинство европейских стран и даже ее бывшего союзника — Пруссию. Причем прусский король потребовал за участие в будущем походе Курляндию и Ригу. Лишь Англия не вошла в союз с Наполеоном, но и она тогда находилась в традиционно недружественных отношениях с Россией. У российских границ Наполеон сосредоточил огромную по тем временам группировку войск общей численностью примерно 480 тыс. человек. Кроме французов в походе мировых сил против России участвовали поляки, итальянцы, бельгийцы, швейцарцы, австрийцы, голландцы, немцы и другие европейские народы. Обязательно бы поучаствовали, наверное, и американцы, если бы в то время не находились в протогосударственном состоянии. Только разгром Россией Швеции и Турции, а также искусство российской дипломатии помешали Наполеону привлечь на свою сторону эти страны для организации грозных северо- и юго-западных флангов поддержки. Чем не мировая война?

Поход против России не был неожиданным, он тщательно готовился. Так, например, учитывалось даже то, что на малонаселенном и обширном театре военных действий огромная армия не сможет питаться лишь за счет реквизиций. Поэтому Наполеон создал на Висле крупные интендантские склады. Лишь в одном Данцинге хранился 50-суточный запас продовольст-

вия для 400 тысяч человек¹. Несмотря на то, что было разработано несколько планов ведения кампании, Наполеон выбрал привычный для себя план «молниеносной войны» с использованием генеральных сражений для разгрома основных сил противника. Его огромная, многоязыкая армия не предназначалась для затяжной войны, а только для быстрых и победоносных действий.

Со стороны России наполеоновской тьме противостояли силы в два раза меньшие, общей численностью примерно 240 тыс. человек. 1-й армией, прикрывавшей границу вдоль Немана, командовал генерал Барклай-де-Толли, 2-я армия находилась под командованием генерала Багратиона. Часть русских сил оставалась на Кавказе, где продолжались боевые

Наполеон I Бонапарт

действия против Персии. Исходя из общей ситуации, русское командование избрало оборонительный план действий. Несмотря на слабую тактическую проработку грядущей кампании, российские вооруженные силы были готовы к достойному сопротивлению мировому врагу. В чем же состояла эта готовность и откуда она взялась?

В ученых исторических кругах принято считать, что в начале XIX века русское общество было разобщено, разделено на два противоборствующих, не понимающих друг друга социальных лагеря, даже говорящих на разных языках. Высшее общество было поражено масонскими настроениями и симпатиями. Чаще всего уничижительны характеристики русского Императора Александра I, которые даются ему нашими современными либеральными историками. Вот, например, будто опираясь на подлинные прижизненные свидетельства, что говорит о характере русского Царя Ю. М. Лотман: «Слабовольный, но злопамятный Александр I испытывал к Наполеону личную ненависть: он навсегда запомнил унижения, которым неосторожно подверг его торжествующий император Франции... Александр I с глубоким недоверием относился к М. И. Кутузову и Ф. В. Растопчину, однако он вынужден был предоставить обоим важнейшие должности, уступая общественному

---

¹ Самые знаменитые войны и битвы России. М.: Вече, 2002.

Михаил Богданович Барклай-де-Толли

мнению... Одновременно Александр I, глубоко не доверявший России, превеличивал слабость своей Империи»¹. И добавляет знаменитый историк и литературовед, ссылаясь на некое письмо собственно Императора Александра: «Письмо свидетельствует о неверии в себя, несправедливо низкой оценке главных русских полководцев и о паническом страхе Царя перед Наполеоном»². На этих же страницах историк, будто в противовес своим доводам добавляет, к образу Императора — победителя Наполеона: «Государственным деятелям Александр в эти дни охотно повторял понравившееся ему выражение, что он, скорее отпустит бороду и будет питаться

одним хлебом, чем пойдет на мир с Наполеоном». Чем не портрет старца Феодора Козьмича, чем не свидетельство отчетливой религиозной ориентации русского Царя, готового на нравственные подвиги и духовные победы, стремление к которым не замечает «гордый взор иноплеменный»?

Хотя, конечно, однозначную оценку сложной социально-политической ситуации в России накануне Отечественной войны дать трудно. Вступление на престол Императора Александра I было встречено с воодушевлением и оживлением в русском обществе. С этим царствованием связывали реализацию идеалов гуманизма и просвещения, усилились надежды на справедливое государственное устройство жизни, на укоренение религиозно-нравственных идеалов. Вообще, следует отметить особое религиозное воодушевление в начале века, которое, впрочем, принимало иногда весьма странные формы. Это можно, наверное, связать с тем, что Александр I, вслед за своим отцом Павлом I, попустил проникновение идей масонов, деятельность которых в свое время запретила Екатерина II, отправившая, например, в ссылку известного литератора Новикова. Впоследствии Павел I освободил опального просветителя. И среди государственных деятелей, близких Императору Александру, оказывается много масонов преимущественно «новиковской школы». В начале XIX века в Петербурге появляются проповедники протестантского толка, а зачастую и вовсе неопределимой конфессии (Фес-

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 315.

² Там же. С. 316.

слер, Госнер и т. п.). Особенностью сектантства этого времени является распространение его в высших слоях петербургского общества. Достаточно назвать кружок Татариновой, идущий от скопчества. Активным деятелем масонства, издателем и переводчиком разнообразной мистической и масонской литературы был А. Ф. Лабзин, дважды пытавшийся издавать такого же толка журнал «Сионский вестник» и пользовавшийся покровительством обер-прокурора Синода, а затем министра соединенного духовного ведомства князя Голицына¹.

Если говорить об истории масонства, то начало явного символического масонства относится к 1717 году. Как историческое явление оно разветвлено и происходит от древних еретиков, гностиков, манихеев, тамплиеров и т. п. Учение его высших степеней переполнено оккультизмом и Каббалой. Как пишет выдающийся философ Лев Тихомиров: «Есть нечто “сверхмасонское”, но о чем дальше намеков не идут наши сведения. Тайна хранится прочно, и подбор деятелей, очевидно, производится очень усовершенствованными способами, быть может, именно теми, на которые наводит теория “сомнамбул” и “гипнотизеров”. Вся же эта непроницаемо темная сила увеличивается, по убеждению и утверждению Копена Албанселли, еще новым этажом <...> преследующим цели всемирного владычества Израиля и держащим в своих руках как видимое масонство с его 33 степенями, так и неведомые степени невидимого масонства или “иллюминатства”². Трудно проницаемы остаются действия масонства, но в этом отношении, начиная с конца XVIII века, антимасонскими писателями и обществами разоблачено множество сведений о тех, кто стремится к тому, чтобы встать выше всех исповеданий, кто имеет своей целью установить «натуральную религию на развалинах религий, установленных на Откровении»³. Как писал масонский журнал «Revue Masonnique» в первой половине XIX века: «огромное большинство масонов не только не допускает христианства, но борется

Петр Иванович Багратион

¹ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред.-составитель митрополит СПб и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб., 1994. С. 102.

² Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. М., 2004. С. 514.

³ Там же. С. 519.

Митрополит Амвросий (Подобедов)

с ним до последней крайности»¹.

Среди широких ино-родных религиозных влияний начала XIX века нужно отметить католическое. Еще в конце XVIII века из-за французской революции 1789–1793 годов начинается прилив в Россию французских эмигрантов, церковных деятелей и дворян. Они составили некий католический религиозный противовес религиозному и политическому рационализму петербургских салонов. При Павле I Мальтийский Орден получил покровительство русского двора. При Павле I при дворе распространилась мысль, что существенной разницы между католицизмом и Православием нет. В XVIII веке, а именно в 1773 году, папа римский Климент XIV был

вынужден под давлением некоторых королевских дворов Европы закрыть иезуитский Орден. Иезуиты также стали проникать в Россию, в основном через Польшу. В доме на Фонтанке, рядом с дворцом Юсуповых был даже открыт иезуитский пансион аббата Николя с огромной платой за образование — 11–12 тыс. руб. в год, в котором обучались дети аристократических семей. Интересно, что многие из осужденных по делу 14 декабря обучались в этом пансионе.

В то же время с марта 1801 года Санкт-Петербургскую и Новгородскую митрополию возглавлял Владыка Амвросий (Подобедов), уроженец Переславского уезда Владимирской губернии. Во всех местах своего служения Владыка Амвросий в первую очередь заботился о духовном образовании, везде занимался устройством и улучшением семинарий и церковных училищ, заботился о благосостоянии церквей и монастырей. По его ходатайству или при непосредственном участии была открыта Духовная семинария в Севске, Духовное училище в Орловском Успенском монастыре, в Брянске, он организовал Духовные училища в Боровске и Белеве. Много сделал Владыка, занимая кафедру в Казанской архиепископии: кроме епархиальных дел он заботился о восстановлении кафедрального собора, зданий консистории, семинарии, архиерейского дома и школ новокрещеных. Для семинарии Амвросий пригла-

¹ Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. М., 2004. С. 523.

сил из Москвы способных наставников, лучших семинаристов посылал в Московский университет и Духовную академию, в главную Александро-Невскую и Троицкую семинарии. По поручению Императора Александра I митрополит Амвросий много заботился о том, чтобы ввести медицину в семинарский курс и посылать лучших семинаристов в медицинские институты с тем, чтобы они, сделавшись сельскими священниками, не оставляли своих прихожан в их телесных немощах. Очень много Владыка сделал, возглавляя Санкт-Петербургскую митрополию, где под его ближайшим руководством была преобразована Санкт-Петербургская Духовная академия. Воспитанники академии долго руководствовались книгой

Алексей Андреевич Аракчеев

преосвященного Амвросия «Руководство к чтению Священного Писания», который видел цель духовного образования в «твердом и основательном изучении религии» и говорил: «К познанию Религии, основанной в догматах ея на Священном Писании и преданиях древних, нужно знать самые сии древние источники и части наук, непосредственно к ним прилежащих... изучение древних языков и наипаче греческого и латинского, основательное познание языка славянского и славяно-российского, познание древней истории и особливо священной и церковной, познание лучших образцов духовной словесности и, наконец, учение богословское во всех его отделениях. Из сего открывается, что главною целью духовного просвещения должна быть ученость... сие есть первое начало, на котором должны быть основаны Духовные училища»¹. При Амвросии академия собрала лучшие ученые силы, включающие 6 профессоров, 12 бакалавров, среди ее преподавателей были будущие епископы: Иннокентий (Смирнов), Феофилакт (Русанов), Филарет (Дроздов) и др. В 1801 году при Амвросии Синод удостоился присутствия Императора Александра I. При Императоре обсуждались вопросы — освобождения духовенства от телесного наказания и о способах привлечения раскольников в Православную Церковь. В 1812 году Владыка Амвросий обратился с воз-

¹ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред.-составитель митрополит СПб и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб., 1994. С. 107.

Михаил Илларионович Кутузов

званием ко всем сословиям России, призывая стоять во имя веры против общего врага.

Кажется, на протяжении всей своей истории Россия существовала только в трех основных регулярно повторяющихся состояниях: в ожидании агрессии, в подготовке к ее отражению, собственно в освободительной, отечественной войне и в состоянии преодоления ее разрушительных последствий. Много сказано русскими философами о природе войны вообще и применительно к России в частности, особенно войны с западным миром, который, по мнению Н. А. Бердяева, «влечет к себе таинственная глубина русского Востока... Но славянская раса не заняла еще в мире того положения, которое заняла раса латинская или

германская... Великий раздор войны должен привести к великому соединению Востока и Запада»¹. Но это скорее европейская точка зрения, взгляд как бы со стороны наших извечных противников. С точки зрения русского мира правильнее звучат христианские слова о том, что меч не прейдет до кончины мира, что в любой войне надо искать религиозную причину, под какие бы лозунги ее не прятали. Ф. М. Достоевский ближе многих подошел к разгадке этого неумного стремления Запада к российским рубежам: «...все, конечно, от объявленных намерений и целей наших! «Великий восточный орел взлетел над миром, сверкая двумя крылами на вершинах христианства»; не покорять, не приобретать, не расширять границы он не хочет, а освободить, восстановить угнетенных и забитых, дать им новую жизнь для блага и человечества. Ведь как ни считай, каким скептическим взглядом ни смотри на это дело, а, в сущности, цель ведь эта, эта самая, и вот этому-то и не хочет поверить Европа! И поверьте, что не столько пугает ее предполагаемое усиление России, как именно то, что Россия способна предпринимать такие задачи и цели. Заметьте это особенно. Предпринимать что-нибудь не для прямой своей выгоды кажется Европе столь непривычным..., что поступок России принимается Европой за безнравственный факт, опас-

¹ Бердяев Н. А. Душа России. / Русские философы о войне. М.2005. С. 250.

М. И. Кутузов на Бородинском поле. С. В. Герасимов

ный Европе и угрожающий будто бы ее великой цивилизации»¹. И кажется, продолжает мысль великого русского философа С. Н. Булгаков: «Необходимо глубоко проникнуться сознанием духовной связанности и некоторого единства этой новоевропейской цивилизации и ее духа, чтобы в ныне совершающемся ощутить не просто войну, отличающуюся лишь небывалою обширностью своего театра и кровопролитностью, но кризис новой истории, и неудачу дела новоевропейской цивилизации. Ее творческое начало есть, конечно, дух нового европейского человека, как он определяется в своем отрыве от мистического центра, в отходе от Церкви и общей секуляризации, рационализации, механизировании жизни: внерелигиозный гуманизм и иссушивающий, обеднивший и обмирщивший христианство протестантизм суть два основных русла для этого духовного потока, который становится все более могучим по мере удаления от первоначальных истоков»².

II

И вот такой темный поток, несущий обломки старой системы, разгромленной французской революцией, направился в сторону России, извечно и неумолимо готовящейся, но не всегда готовой к войне. Военная статистика начала XIX века³ является дополнительным свидетельством ошибочности расхожего образа «слабовольного и злопамятного» Императора Александра I, в начале царствования которого происходили вот такие военные преобразо-

¹ Достоевский Ф. М. Признание славянофила / Русские философы о войне. М., 2005. С. 20.

² Булгаков С. Н. Русские думы / Русские философы о войне. М., 2005. С. 307.

³ Русская военная мысль. XVIII век. Terra Fantastica. М., 2003. С. 382–389.

*Казанская икона Божией Матери
в Санкт-Петербурге*

число первых доведено до 30, вторых до 11. В 1810 году были образованы полковые рекрутские депо. В Отечественную войну все полки действующей армии имели по два батальона — первый и третий. Средние, вторые батальоны играли роль запасных, давая кадры пополнениям и обучая эти пополнения для своих полков. С 1809 года принимаются строгие меры к упрочению субординации и дисциплины в войсках, в частности, в офицерской среде, сильно было распутившейся после смерти Императора Павла. За время переформирования русской армии с 1806 года к 1812 году пехота увеличилась в два с лишним раза, конница в полтора, в строю 11-и артиллерийских полков число орудий с 1264 возросло до 1576. Большие перемены произошли в центральном военном управлении. Весною 1812 года было выработано «Положение об управлении большой действующей армией» — самый важный из военных статуты России после «Устава Воинского» 1716 года. Во всех этих грандиозных делах, конечно, особо следует означить заслуги военных министров Барклая-де-Толли и Аракчеева.

Вооружение русской армии обеспечивала достаточно развитая в то время военная промышленность. Так, российские заводы ежегодно изготавливали по 150–170 тыс. ружей, 800 орудий, свыше 765 тыс. пудов снарядов¹. Качество русского оружия, в целом, не уступало, а в ряде случаев и превосходило европейские аналоги. Например, ресурс русской пушки тех лет (по числу выстрелов) был в два раза выше французской. Однако вражеские силы превосходили силы русского государства не только по численности, но и по экономическому потенциалу, вклад в который вносили лучшие ев-

вания. В 1806 году сформировано 18 постоянных пехотных дивизий. В 1809 году, к окончанию Шведской войны, число их доведено до 26. В 1810 году учреждены постоянные «пехотные корпуса». В эти корпуса вошла лишь часть всех дивизий (по две дивизии на корпус), а именно стоявшие на западной границе. В 1811 году, с перевооружением пехоты новыми ружьями взамен прежних мушкетов, мушкетерские полки стали называться пехотными. В 1811 году, в преддверии решительной борьбы с Наполеоном, сформировано еще 4 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, так что к началу 1812 года

¹ Самые знаменитые войны и битвы России. М.: Вече, 2002. С. 299.

Молебен накануне Бородинского сражения. Н. С. Самокиш

ропейские страны. Со времен Батыея Россия не видела такого нашествия, которое несло ей в случае ее поражения огромные территориальные потери и политико-экономическую зависимость, то есть статус колонии Старого Света. Но Наполеон не достаточно оценил мощь единой Империи, способной к достойному сопротивлению, и ее незримые, но мощные духовные преимущества.

Войска Наполеона пересекли границу России без объявления войны (ср. с 1941 годом) 12 июня (ср. 22 июня 1941 года). Эту вероломную агрессию французский император представил человечеству как войну за возрождение Польши (ср. начало Второй мировой войны). Заявив о восстановлении Польского королевства, император Франции объявил мобилизацию польских военных во французскую армию, даже тех, кто служил в российских вооруженных силах. Русские начали с отступления, так как после французского вторжения 1-я и 2-я наши армии оказались отсечены друг от друга. За исключением нескольких особенных военных событий, нет необходимости в этой историко-философской статье говорить подробно о дислокациях и ведении боевых действий. При этом следует отметить, что в русской истории Отечественная война 1812 года превзошла все другие войны по количеству битв. В среднем, на каждый месяц здесь приходилось по пять сражений. И, наверное, следует вспомнить хотя бы названия наиболее значимых из них: сражение при Мире, сражение при Островно, сражение у Кобрина, сражение у Городечны, сражение под Красным, битва за Смоленск, бой у Валутиной Горы, Бородинская битва, Тарутинский маневр, сражение при Чернишне, сражение при Малоярославце, сражение у Полоцка, сражение у Вязьмы, опять сражение у Красного, битва на Березине. И в каждой вой-

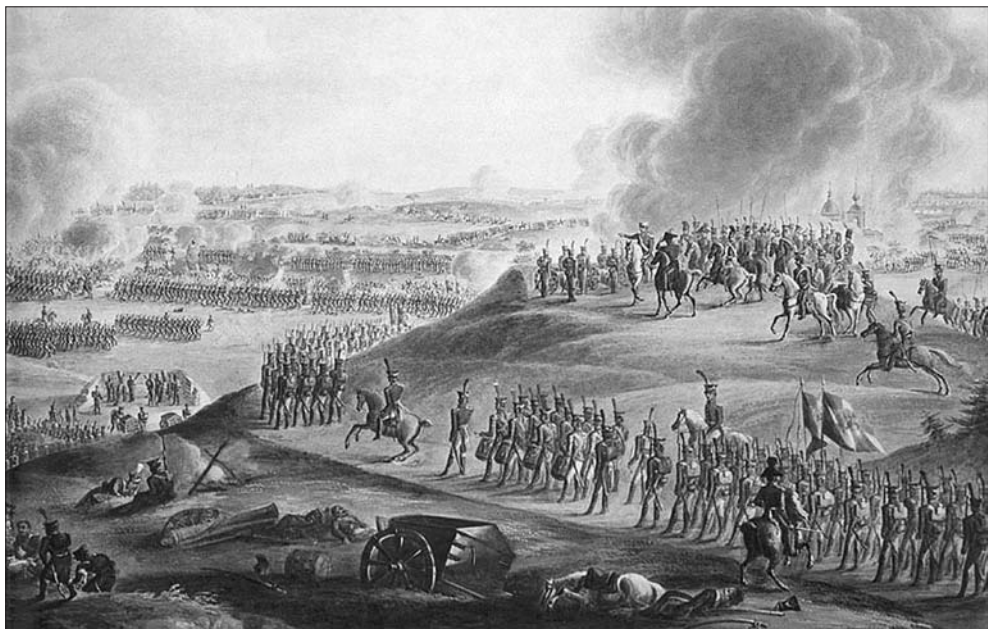
Кутузов осматривает позицию при Бородине. В. Шевченко

сковой операции участвовали лучшие русские люди, генералы, офицеры и солдаты отдавали свои жизни за Отечество.

Не знаем мы их имен. Слава Богу, что имена командующих и ряда офицеров благодаря портретной галерее 1812 года в Эрмитаже еще на слуху у нашего народа. Нелегкая задача выпала на долю талантливых героев-полководцев Барклая-де-Толли и Багратиона, встретивших первыми противника, принимавших мудрые решения об отступлении, навязывая тем невыгодную Наполеону затяжную войну, в которой время, климат и огромные пространства работали на русских. Отступление от Смоленска вызвало в русском обществе открытое противостояние «немцу» Барклаю. Его несправедливо обвиняли в трусости и измене, так что Император Александр вынужден был назначить нового главнокомандующего — Михаила Илларионовича Кутузова. Кутузов не мог отправиться к войскам, не помолившись в Казанском соборе, перед образом Божией Матери Казанской, которая была явлена Господней милостью для спасения земли русской от нашествия польских завоевателей.

Фигура полководца Кутузова в современной русской истории тоже подвергается критике, принижается фактическое значение его полной победы над Наполеоном, которая не оставила диктатору никаких шансов на реванш. Многими иностранными историками, как, например, в монографии Дэвида Чандлера «Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя» убедительно высказывается мнение, что Наполеон проиграл не потому, что русские были сильнее, а потому что стал угасать его полководческий талант. Им поддакивают наши либеральные ученые, считающие, что Бородинское

*Бородинское сражение 26 августа 1812 г.
Акварель неизвестного художника XIX в.*

сражение не было выиграно, так как была сдана Москва, а значит, не было и русской победы. Говоря о Кутузове, о методах и средствах ведения им освободительной войны, следует говорить о полководческом его почерке. Осторожный и осмотрительный командующий всегда действовал в привычной для себя манере, когда успех достигался за счет ошибок получившего инициативу противника.

Вот пример из русско-турецкой кампании 1811 года. Чтобы не распылять силы, Кутузов оставил ряд крепостей, предварительно их разрушив. Основные свои войска он сосредоточил на важнейшем стратегическом направлении у Рушук, через который шла главная дорога на Бухарест. Здесь полководец стал дожидаться дальнейших действий турок. Нескрываемая пассивность и общее ослабление русских сил на Дунае подтолкнули турецкое командование к активным действиям, в результате которых турки напоролись на русский артиллерийский огонь. Не желая рисковать своим войском, цenia каждую солдатскую душу, Кутузов снова отошел на левый берег Дуная, взорвав рушукские укрепления. А потом 7-тысячный отряд генерала Маркова скрытно переправился на правый берег и наголову разбил 20-тысячную турецкую армию. Этот рушукско-слободзейский маневр Кутузова решил исход русско-турецкой войны накануне наполеоновского вторжения.

Значение Бородинской битвы, в которой обе стороны сражались на-смерть, для русских войск заключалось в том, что они не дали себя одолеть захватчикам в генеральном сражении. По сути, на Бородинском поле столкнулись два стратегических метода: активный натиск Наполеона и умелое маневрирование и вынуждение противника совершить ошибку Кутузова.

Битва за Москву между французами и русскими произошла в районе села Бородино 26 августа 1812 года, в день Владимирской иконы Божи-

Эпизод Бородинского сражения. Н. Богатов

ей Матери. К Бородино Наполеон привел лишь треть начавшей войну армии. Остальных, как губка, впитало пространство от Немана до Смоленска. Часть погибла, часть осталась охранять растянутые коммуникации, часть осела в госпиталях или просто дезертировала. С другой стороны — дошли лучшие. Французам противостояла 132-тысячная русская армия, в которой насчитывалось 21 тысяча необстрелянных ополченцев-ратников.

Ожесточение обеих сторон во время боя было необычайным. «Многие из сражавшихся побросали свое оружие, сцеплялись друг с другом, раздирали друг другу рты, душили один другого и вместе падали мертвыми. Артиллерия скакала по трупам как по бревенчатой мостовой, втискивая трупы в землю, упитанную кровью... Крики командиров и вопли отчаяния на 10 разных языках заглушались пальбой и барабанным боем. Ужасное зрелище представляло тогда поле битвы. Над левым крылом нашей армии висело густое черное облако от дыма, смешавшегося с парами крови... В одно и то же время взорам представлялись день, вечер и ночь», — вспоминал историк лейб-гвардии Московского полка Н. С. Пестриков. Но когда император французов сам поехал на линию огня оценить ситуацию, он оглядывал новые позиции русских, и «видно было, как они, не теряя мужества, смыкали свои ряды, снова вступали в битву и шли умирать», — вспоминал находящийся в тот момент с императором генерал Сегюр. Наполеон увидел армию, которая не убегала, а готовилась драться до конца.

Утомление войск обеих сторон было страшное. Кавалерия совершала свои атаки уже рысью, а артиллерия постепенно замолкала, и к шести часам вечера бой почти прекратился. Русская армия, отступив на пушечный

Подвиг солдат Раевского под Салтановкой. Н. С. Самокиш

выстрел от позиции, которую она занимала с утра, стояла готовая к атакам противника, хотя убыль в рядах ее была невосполнимая. Наполеон, имевший еще не тронутую гвардию, не решился пустить ее в дело, посчитав, что «...в 3-х тысячах верстах от Франции не следует жертвовать последним резервом». Вскоре он отвел войска на исходные позиции.

В Бородинском сражении русские потеряли 44 тысяч человек, французы — свыше 58 тысяч. Эту битву порой называют «битвой генералов». В ней с обеих сторон погибло 16 генералов. 49 французских генералов были ранены, восемь из них скончались в тот же день. У русских было выведено из строя в боях 23 генерала. Таких потерь в генеральском составе Европа не знала уже сто лет, что свидетельствует о крайнем ожесточении данной битвы. «Из всех моих сражений, — вспоминал Бонапарт, — самое ужасное то, которое дал я под Москвою. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми». За Бородино Кутузов получил чин фельдмаршала.

III

Главный результат Бородинской битвы состоял в том, что она не дала Наполеону возможности одолеть русских в генеральном сражении. Это был крах его стратегического замысла, за которым последовало и поражение в войне. В целом, здесь столкнулись две полководческие концепции. Одна предполагала активный натиск и победу над противником в генеральном сражении собранными в один кулак силами. Другая — отдавала предпоч-

Портрет Дениса Давыдова 1814. А. О. Орловский

тение умелому маневру и навязыванию неприятелю заведомо невыгодного для него варианта кампании. На российском поле победила маневренная доктрина Кутузова¹.

Оставление Москвы, был убежден русский полководец, еще не значит сдача России. «С потерей Москвы не потеряна еще Россия... Но если будет уничтожена армия, погибнут и Москва, и Россия», — эту мысль высказал Кутузов своим генералам на совете в Филях. На победоносный бой у стен Москвы у русских войск сил уже не было. Но зато, заняв Тарутино, Кутузов отрезал наполеоновским войскам возможность наступления на Петербург и

тем самым навязал Наполеону дальнейший ход кампании. Казалось, Кутузов полагался больше всего на волю Божию, на то, что Господь не оставит Россию, не отдаст в рабство чужеземцам православный народ, живущий на земле Престола Божия. И слова гениального Лермонтова «Не будь на то Господня воля, не отдали б Москвы» — отражают глубинный, метафизический смысл произошедших событий, истинное значение которых открывается только верующему сердцу.

Многие влиятельные лица не верили в победоносный исход войны. Мать Царя, его брат, Великий князь Константин, даже генерал Аракчеев советовали подписать мир с Наполеоном. Многие представители политических кругов тоже считали, что России более необходимы внутренние реформы и социальные перемены, чем победа над Наполеоном. Но Александр I был непреклонен в своей решимости воевать до победного конца. Император говорил, что будет сражаться против врага со своим народом даже в Сибири до тех пор, пока последний захватчик не покинет Русскую Землю. Эта уверенность в Царе поддерживалась спокойствием и мудрыми стратегическими действиями и планами Кутузова. «Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущества, наложить на вас тяжкие оковы, но он не мог и не может победить и покорить сердца ваших. Таковы россияне!» — эти слова Кутузова озаменовали начало истинно народной Отечественной войны².

¹ Самые знаменитые войны и битвы России». М.: Вече. 2002. С. 311.

² Там же. С. 312.

Русские офицеры и солдаты впервые посмотрели друг на друга как на соучастников общего великого дела, почувствовали необходимость общаться на одном языке. Новый стиль взаимоотношений особенно проявился в партизанской войне, которая справедливо связывается с именем Дениса Давыдова, хотя и не была его изобретением. В своих воспоминаниях Давыдов пишет, что потребовались совершенно новые навыки взаимоотношений, даже изменение внешнего вида, ведь крестьяне не могли отличить русских от французов, так как у них была похожая, шитая золотом форма. «Тогда я на опыте узнал, что в Народной

Генерал А. П. Ермолов. 1843 г. П. Захаров

войне должно не только говорить языком черни, но и принаравливаться к ней и в обычаях, и в одежде, — пишет Давыдов, — Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным»¹.

На борьбу с захватчиками поднялось все население страны независимо от сословий или национальной принадлежности. Кроме Давыдова народными отрядами командовали Василиса Кожина, Герасим Курин, Александр Фигнер и мн. др. В заслугу Кутузову можно поставить то, что он сумел объединить действия армии с патриотической борьбой населения, которая в ту пору была немыслима без христианских святынь. И глубоко национальный образ святителя Николая стал своего рода народным орденом, символом Божией помощи во благом деле Отечественной войны. Такой духовный народный порыв благотворно сказался и на мировоззрении представителей русской элиты, которая за время войны приблизилась и к Богу, и к народу. Духовный перелом произошел и с Царем Александром I. Как рассказывал он сам при посещении Валаама в 1819 году, тогда (в 1812 году) он понял, что «когда положишься прямо на Бога, и призовешь Его на совет и в помощь, то дело устроится так хорошо, что прежний наш план окажется ничтожным»². Войну Государь воспринимал как «попущение Божие», «чтобы смирить нас». В Валаамской иноческой обители венценосец предстал сми-

¹ Денис Давыдов. Сочинения. М., 1962. С. 320.

² Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред.-составитель митрополит СПб и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб., 1994. С. 110.

*Чудотворная икона
Божией Матери Одигитрия Смоленская*

ренным «благочестивым путешественником», начиная с неожиданного прибытия в обитель и принятия благословения всех иеромонахов и заканчивая посещением крохотной кельи схимонаха Николая, где государь ел репу, «по-солдатски» очищая ее зубами. Очевидно, не легко давалось Царю постепенное воцерковление, которое началось с осознания возможной гибели России с того часа, когда враг только ступил на ее Святую Землю, и продолжалось за чтением Библии, к которой Император серьезно обратился лишь в 1812 году и стал ее регулярно читать, хотя и по-французски. Воцерковление Царя продолжалось

и в торжественный для него день, когда Императора-победителя встречал в Казанском соборе Владыка Амвросий, кажется, так недавно обращавшийся к народу русскому с воззванием стоять во имя веры против общего врага¹.

Наиболее видная личность Александра I являет пример того, что происходило во время войны и продолжалось после ее победоносного завершения со многими русскими людьми разных сословий. И в данном случае справедливы слова Н. А. Бердяева: «Война может принести России великие блага, не материальные только, но и духовные блага. Она побуждает глубокое чувство народного, национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду, мелкие счеты партий, выявляет лик России, кует мужественный дух. Война изобличает ложь жизни, сбрасывает покровы, свергает фальшивые святыни. Она — великая проявительница»². И никакое обывательское масонское сознание не смогло превысить и тем более повлиять на национальное, великорусское самосознание, на религиозное призвание русского народа. И в этом смысле справедливо понимание опасности масонства русским мыслителем Львом Тихомировым: «Но если наиболее полное раскрытие этой организации желательно и необходимо для целей самозащиты современного общества и государства, то, во всяком случае, для самозащиты гораздо важнее нечто иное. Нам нужно строить наше общежитие так, чтобы оно было здоровым и сильным. Если нам и современному миру угрожает опасность со стороны масонства, то главным образом вследствие

¹ Как теперь нам кажется, высокомерно (авт. арх. Константин).

² Статья Н. А. Бердяева «Душа России».

*Минута молчания у памятника М. И. Кутузову
перед уходом на фронт. 1943 г.*

того, что мы стали сами подрывать свою общественность и государственность нерациональной их перестройкой... Россия в среде народов казалась наиболее свежей силой, проникнутой идеальными настроениями... Нужно сознать себя и установить свое государство по-своему, и тогда — что могут нам значить масоны?»¹

«Идеальные настроения» формировала в России во многом Русская Православная Церковь. Значительна была ее роль в армии. Во все времена русской истории священнослужители участвовали в освободительной борьбе и военных сражениях вместе с народом. Основной задачей военного духовенства было совершение богослужений и треб. В военное время для воинов это было особенно важно, так как постоянные опасности и возможная гибель требовали духовной поддержки. Каждый полк имел своего священника, свою походную церковь и, как правило, свою икону, считавшуюся покровительницей данного армейского подразделения.

Во время Отечественной войны в русской армии находилась также общероссийская святыня — Смоленская икона Божией Матери, воспринимавшаяся всеми как истинная Путеводительница — Одигитрия. 5 августа 1812 года при оставлении русской армией г. Смоленска эта икона, по распоряжению генерала А. П. Ермолова, была вынесена из Благовещенской церкви, где она временно находилась в связи с перестройкой Одигитриевского храма — места своего постоянного пребывания. В своих записках А. П. Ермолов отметил: «Я приказал вынести из города образ Смоленской Божией Матери, укрывая его от бесчинств и поруганий святыни. Отслужен моле-

¹ Тихомиров Л. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 237.

бен, который произвел на войско полезное действие». Молебен проходил на городской площади при большом стечении народа. Священник, читавший Евангелие, закончил чтение словами: «Пребысть же Мариам с нею яко три месяцы и возвратися в дом свой». Интересно отметить, что икона вернулась в Смоленск ровно через три месяца. Генерал М. Б. Барклай-де-Толли, исполнявший обязанности главнокомандующего, распорядился, чтобы Смоленская икона Божией Матери «постоянно следовала за войсками». Икона Смоленской Божией Матери передвигалась с русской армией, сопровождая ее во всех событиях и битвах 1812 года вплоть до освобождения Смоленска. По свидетельству генерал-лейтенанта П. П. Коновницына, «войска с благоговением зрели посреди себя образ сей и почитали оный благоприятным залогом Всевышнего Милосердия. При одержании над неприятелем важных побед и успехов приносимы были всегда пред иконою благодарственные молебствия».

Накануне Бородинской битвы, 25 августа, Смоленскую икону Божией Матери пронесли по всему военному лагерю. Вечером перед ней в присутствии М. И. Кутузова был отслужен молебен. Участнику сражения Ф. Н. Глинке при описании этого события удалось передать настроение, царившее при этом в русском лагере: «Духовенство шло в ризах, кадила дымились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала. Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить досыта своей кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышались рыдания. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли», его примеру последовали генералитет и вся армия.

Французы, имевшие возможность наблюдать за русским лагерем, слабо понимали, что там происходит. Религиозность русского народа они считали проявлением невежества, чувствуя себя носителями разума, просвещения и цивилизации в стране варваров. Мнение о религиозной процессии русских и сравнение настроений двух армий зафиксировано в воспоминаниях многих французских военачальников. Так, Фэн писал: «Кутузов направил процессию всех чинов, чтобы явить знаменитое чудо, которое хранилось в Смоленске. Каждый солдат обращался с мольбой к символам мученичества, и все встали на колени, повторяя религиозный стих, чтобы обрести дух». Лежен повествовал о том, что «Русские солдаты повиновались не рассуждая, рабство замкнуло их в тесный круг, и все их чувства были сведены к небольшому количеству незначительных потребностей, стремлений и мыслей. Кроме того, не имея возможности сравнивать себя с другими народами, они были самонадеянны и доверчивы в силу своего невежества». Сравнивая русский лагерь с французским, Сегюр отмечал: «У французов не было ни военного, ни религиозного парада, никакого смотра, они не прибегали ни к каким попыткам возбуждения. Французы искали подкрепления в самих себе, будучи уверены, что истинная сила и воинство небесное скрываются в человеческом сердце». «У нас не было ни проповедников, ни пророков, ни даже продовольствия, — писал Рапп, — но мы несли наследие долгой славы, мы должны были решить, кто должен установить законы для мира: либо татары, либо мы».

Отметим, что «носителей наследия долгой славы» накануне Бородинской битвы Наполеон вдохновлял возможностью прославиться в сражении

и разорить имущество чужой страны. Его воззвание заключалось в следующем: «Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Победа зависит от вас; нам она необходима; она даст нам обильные припасы, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину. Ведите себя как под Аустерлицем, Фридландом, Витебском, Смоленском, чтобы самое отдаленное потомство приводило в пример ваше поведение в этот день. Пусть о вас скажут: “Он был в этой великой битве под Москвой”».

5 ноября 1812 года, когда русская армия освободила Смоленск, М. И. Кутузов решил вернуть городу его святыню. В ноябре же 1812 года благодарные жители Смоленска поднесли М. И. Кутузову написанную по особому заказу икону с изображением Смоленской крепости, над которой парящие в облаках ангелы, окруженные местночтимыми святыми, держат образ Смоленской Божией Матери.

Отечественная война 1812 года ослабила масонские настроения, и даже их всплеск в 1825 году не поколебал основ Русского Православного Царства, которое благодаря и войне, объединившей на духовной основе национальные силы, осталось преградой грядущей разрушительной революции и отодвинуло ее на сто лет. Зато в недрах войны подтвердилось и окончательно сформировалось созревавшее на протяжении долгой русской истории триединство идейной национальной ориентации: Православие, Самодержавие, Народность. По сей день не утихают споры об истинной сути и трактовке этой триады. Но то, что ее обозначил Уваров, как подметил С. М. Соловьев — безбожник, либерал, не прочитавший за всю свою жизнь ни одной русской книги, — свидетельствует не об ошибочности этой формулы, а о ее зримой объективности, которую не мог не заметить даже этот предприимчивый государственный деятель, писавший и говоривший только по-французски и по-немецки. А чтобы понять механизм действия этой формулы необходимо чаще обращаться к русской истории. «Что есть история? — спрашивал себя Карамзин, и сам же отвечал: «память прошедшего, идея настоящего, предсказание будущего»¹.

Знания и память о войне 1812 года позволяют нам сегодня, когда разрабатывается план «утилизации России», и многие наши недруги в мечтах о мировом господстве опять повторяют: «остается одна Россия», прогнозировать ее будущее и быть уверенными, что она останется во веки веков неприкосновенной под защитой Божиего Промысла и Русской Православной Церкви, только если российский народ будет стремиться жить по заветам Христа Спасителя и по законам Его Церкви.

---

¹ *Ермашов Д., Шириняц А. У истоков российского консерватизма: Н. М. Карамзин. М.: Изд-во. Московского университета, 1999. С. 60.*

История и современность

Андрей САХАРОВ

«НЕ УСТУПАЯ НАПОЛЕОНУ»

**Александр I
и Наполеон Бонапарт**

*К 200-летию
Бородинского сражения*

Андрей Николаевич Сахаров — родился в 1930 г. в г. Кулебаки Нижегородской области. Окончил МГУ; главные направления научной деятельности — история дипломатии, внешней политики, идеологии и культуры древней Руси, исследование западной историографии, истории России. Доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук; член Союза писателей России, автор книг серии «ЖЗЛ», других литературно-художественных произведений. Ответственный редактор и член редколлегии ряда научных изданий. Заслуженный работник культуры. Директор Института российской истории РАН. **Живет в Москве.**

Начало XIX века Россия встретила урегулированием своих отношений с европейскими державами. Были восстановлены дружественные отношения с Англией, возобновились дипломатические отношения с Австрийской империей. Александр I заявил, что он отказывается от вмешательства во внутренние дела иностранных государств и признает в них тот политический строй, который поддержан «общим согласием» народов этих стран. С Францией сохранялись прежние дружественные отношения, однако Александр с каждым месяцем проникался все большим недоверием к Первому консулу Франции. В основе этого недоверия лежала не только политика, всё возрастающая экспансия Франции на европейском континенте, о чем немало было написано нашими историками, но и отношение Александра к внутривнутриполитическим проблемам «Франции, на что не обращалось внимания».

Будучи поклонником идей Французской революции, республики, конституционного строя и горячо осудив диктатуру и террор якобинцев, молодой российский Монарх Александр I внимательно следил за развитием событий во Франции. Уже в 1801 г., размышляя над стремлением Наполеона возвысить свою власть во Франции, над его международными претензиями, которые активно продвигал министр иностранных дел Талейран, Александр заметил: «Какие мошенники!» А в 1802 г., когда Наполеон объявил себя пожизненным консулом, Александр написал Лагарпу: «Я совершенно переменяю, так же как и Вы, мой дорогой, мнение о Первом консуле. Начиная с момента установления его пожизненного консульства, пелена спала: с этих пор дела идут все хуже и хуже. Он начал с того,

что сам лишил себя наибольшей славы, которая может выпасть на долю человеку. Единственно, что ему оставалось, доказать, что действовал он без всякой личной выгоды, только ради счастья и славы своей родины, и оставаться верным Конституции, которой он сам поклялся передать через десять лет свою власть. Вместо этого он предпочел по-обезьяньи скопировать у себя обычаи королевских дворов, нарушая тем самым Конституцию своей страны. Сейчас это один из самых великих тиранов, которых когда-либо производила история»¹. Как видим, забота о конституционном строе Франции заботит Александра. Причем вовсе не обязательно считать это демагогией, так как все последние годы Александр исповедовал именно эти взгляды, да и письмо носило сугубо личный, закрытый характер. К тому же Александр совершенно верно уловил державные претензии «маленького капрала».

С 1803 г. экспансия Франции возрастает. Бонапарт организует Булонский лагерь для подготовки войск ко вторжению на Британские острова, занимает Ганновер и Неаполитанское королевство. Русский посол в Париже начинает демонстрировать свое неприятие этой политики Наполеона, что вызывает ярость Первого консула. Расстрел Наполеоном герцога Энгийенского, отпрыска Бурбонов и родственника петербургского двора, вызвал шок в российской столице. Русское правительство заявило протест. В нем, в частности, говорилось, что Наполеон нарушил нейтралитет другого государства (герцог был схвачен в Бадене) и права человека. После провозглашения Наполеона императором Россия пошла на активное сближение с Пруссией, а затем и с Англией. Дело шло к европейской войне. Так силой обстоятельств, скорее силой своих гуманистических устремлений, неприятием циничного попирания Наполеоном законов собственной страны, а также принципов легитимизма, устоявшейся в Европе системы, Александр вынужден был отказаться от своей позиции невмешательства в европейские дела, хотя противостояние с Францией на этом этапе не было вызвано интересами России. Но уже в это время стремление осчастливить Россию путем начавшихся реформ все больше начинает соседствовать в душе Александра с желанием «спасти» Европу от французского тирана. И не надо это желание преуменьшать или подменять его понятием «спасения реакционных режимов Европы» и т. д., так как оно лежало в общем русле мироощущения Александра I в то время.

Для России военное противоборство с Францией было объективно нежелательно, поскольку уже в это время намечалось естественное стремление сторон путем политических комбинаций добиться для себя желаемых результатов. Россия стремилась развить успехи русско-турецких войн и претендовала на проливы и Польшу, присоединение Молдавии и Валахии, в сферу интересов России входила и Финляндия. Наполеон стремился обеспечить свободу рук в борьбе с Англией и распространить свою власть на Южную и Центральную Европу. На этом пути были возможные компромиссы, но была возможной и война. Последующее развитие событий показало закономерность и того, и другого. И все же следует сказать о двух основных тенденциях, которые диктовали поведение Александра. Первая — это, конечно, политика России как великой европейской державы, способной поделить Европу с Бонапартом, и крепнувшие самодержавные амбиции

---

¹ Цит. по: Валлотон А., Александр I. М., 1966. С. 68.

русского Императора. Вторая — его либеральные комплексы, которые перелились с внутренней политики на международную арену. Именно в это время у Александра определяется идея, позднее выраженная в организации Священного Союза, о возможности устройства европейского мира на основаниях гуманизма, сотрудничества, справедливости, уважения прав наций, соблюдения прав человека. Уроки Лагарпа не пропали даром. Так, направляя в 1804 г. Новосильцева в Англию на переговоры, он дал ему инструкцию, в которой начертал идею заключения между народами общего мирного договора и создания лиги народов. Вот что он писал в этом документе: «Конечно, здесь идет речь не об осуществлении мечты о вечном мире, но все же можно было бы приблизиться к благам, которые ожидаются от такого мира, если бы в договоре, при определении условий общей войны, удалось установить на ясных и точных принципах требования международного права. Почему бы не включить в такой договор положительного определения прав национальностей, не обеспечить преимуществ нейтралитета и не установить обязательства никогда не начинать войны, не исчерпав предварительно всех средств, предоставляемых третейским посредничеством, что дает возможность выяснять взаимные недоразумения и стараться устранять их? На таких именно условиях можно было бы приступить к осуществлению этого всеобщего умиротворения и создать союз, постановления которого образовали бы, так сказать, новый кодекс международного права»¹. Замечательный документ, хотя и весьма преждевременный для той поры. Тем не менее Александр был едва ли не первым государственным деятелем Европы, выдвинувшим идею правового регулирования международных отношений, чем задолго предвосхитил реальные шаги в этом направлении уже во второй половине XX века.

И все же все эти рассуждения в то время остались химерой. Реальность оказалась прозаичной. Англия стремилась к союзу с Россией для сокрушения Наполеона. Появилась новая антифранцузская коалиция в составе Англии, России, Австрии, Пруссии. При этом русские претензии к Турции, а также по отношению к Польше были удовлетворены. Русские войска двинулись в Европу. Цель великой абсолютистской державы перевесила благие фантазии либерального молодого человека. Но эти фантазии оставались в его уме, и они возникнут вновь, как только для этого появятся подходящие обстоятельства.

Уже в это время проявляется то упорство в борьбе с Наполеоном, которое, несмотря на временные компромиссы, демонстрировал Александр все последующие годы. Он отказался встретиться с французским императором и миром решить спорные вопросы, требовал от Наполеона уйти из Австрии и Италии, вернуть Францию к границам 1789 г., что было уже откровенной утопией. И дело было не только в геополитических вопросах, разделявших Францию и Россию, и не в изменившихся оценках Александром личности Наполеона, но и в том, что французский император нанес Александру ряд личных оскорблений: расстрелял герцога Энгиенского, отказал в просьбе Царя наградить орденом Почетного Легиона генерала Беннигсена, что Царь расценил как намек на участие генерала в убийстве Павла; в этой же плоскости следует расценивать публикацию в столичной газете «Парижский Мо-

---

¹ Цит. по: Валлотон А., Александр I. М., 1966. С. 74.

нитель» с ведома Наполеона статьи, в которой в ответ на обвинение в связи с расстрелом герцога говорилось о роли Англии в убийстве Павла и о том, что убийцы ушли от возмездия. Александр воспринял это как персональный выпад, а таких вещей самолюбивый Государь не забывал.

2 декабря 1805 г. объединенная русско-австрийская армия вопреки предостережениям М. И. Кутузова встретила с Наполеоном под Аустерлицем. Разгром союзников был полным. Разбились в прах и иллюзии Александра. Он возглавил войска, определил их диспозицию, был уверен в победе... Когда же войска побежали, и катастрофа стала очевидной, он разрыдался. Александр в тот день едва избежал плена, потеряв связь со штабом, с войсками. Он укрылся в избе моравского крестьянина, затем скакал несколько часов среди бегущего войска, был утомлен, грязен, двое суток не менял потного белья, потерял багаж. Казаки достали ему вина, и он немного согрелся, уснул в сарае на соломе. Но сломлен он не был, а лишь понял, что бороться с таким соперником, как Наполеон, необходимо во всеоружии физических и духовных сил и всех сил Империи. Отныне для него — крайне самолюбивого, претендующего на роль благодетеля России и Европы, Наполеон стал смертельным врагом, и с 1805 г. он целенаправленно и упорно шел к его уничтожению. Но на пути к этому были еще новые поражения на полях Пруссии, Тильзит, Эрфурт, 1812 год, пожар Москвы, европейский поход русской армии, новые поражения от Наполеона.

Современники отмечали, что после Аустерлица Александр во многом переменился. Л. Н. Энгельгард, близко наблюдавший Царя в то время, записал: «Аустерлицкая баталия сделала великое влияние над характером Александра, и ее можно назвать эпохою в его правлении. До этого он был кроток, доверчив, ласков, а тогда сделался подозрителен, строг до безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто говорил ему правду»¹. С этого времени Аракчеев становится при нем более заметной фигурой, а деятельность Негласного комитета постепенно замирает. И хотя реформаторские усилия Царя продолжают — все так же неторопливо и осторожно, — но время былых увлечений и откровений уже проходит: жизнь, система берут свое. По существу, первое же столкновение с Наполеоном преподало Александру жестокий жизненный урок, который он весьма основательно усвоил.

Это проявилось уже во время переговоров в Тильзите, где императоры беседовали с глазу на глаз в домике на плоту посреди Немана.

Тильзитский мир резко переориентировал русскую внешнюю политику. Россия присоединилась к континентальной блокаде против Англии, вынуждена была отказаться от поддержки Пруссии, которую расчленил Наполеон, но получила свободу рук в отношении Турции и Швеции, а это означало, что Россия отныне могла предпринять соответствующие шаги по присоединению Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, а также Финляндии. Для России подобная уступка со стороны Франции носила принципиальный характер. Однако в польском вопросе, в стремлении Александра создать под своей короной единую Польшу, Наполеон оказался непреклонен: герцогство Варшавское оставалось под протекцией Франции. По существу, монархи совершили один из очередных разделов Европы. Александр продемонстрировал Наполеону свое обаяние и дружелюбие и, кажется, обманул

---

¹ Зазыкин М. В. Тайны Императора Александра I. Буэнос-Айрес, 1952. С. 39.

его. Своей супруге Жозефине Наполеон писал из Тильзита: «Я только что имел свидание с Императором Александром, я был крайне им доволен! Это молодой, чрезвычайно добрый и красивый Император; он гораздо умнее, чем думают»¹. Наполеон в беседе со своим адъютантом Коленкурсом посчитал Царя красивым, умным, добрым, человеком, который ставит «все чувства доброго сердца на место, где должен находиться разум...» Это была большая ошибка Бонапарта и, возможно, начало его будущего поражения. Между тем Александр писал своей сестре Екатерине Павловне о том, что у Бонапарта есть одна уязвимая черта — это его тщеславие, и что он готов принести в жертву свое самолюбие ради спасения России. Несколько позднее в беседе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и его женой, очаровательной королевой Луизой, Александр говорил: «Потерпите, мы свое воротим. Он сломит себе шею. Несмотря на все мои демонстрации и наружные действия, в душе я — ваш друг и надеюсь доказать вам это на деле ... По крайней мере, я выиграю время»². Им он также советовал: «Лыстите его тщеславию»³.

Сегодня, сопоставляя все факты, все данные о тильзитской встрече двух императоров, нельзя не прийти к выводу, что это была действительно дуэль двух выдающихся личностей, двух крупных политиков. И в этой дуэли Александр не только не проиграл французскому гению, но и превзошел его. Потерпевшая поражение в войне, потерявшая в битве при Фридланде цвет своей армии, вынужденная пойти на мир, Россия усилиями Александра I сумела оградить свои границы от вторжения победоносного противника, сохранить свой престиж, не встать в один ряд с разгромленной, оккупированной, униженной Пруссией и оттесненной на вторые роли Австрией, над которой висел дамоклов меч нового удара со стороны Наполеона. Александр сумел в этих труднейших условиях, имея в виду не только разгром своей армии при Фридланде, но и потрясшее Наполеона упорство русской армии при Прейсши-Эйлау в феврале 1807 г., исключительно за счет дипломатического и политического таланта встать вровень с победителем. Но и сделав ряд серьезных уступок, прежде всего в экономической области (участие в континентальной блокаде Англии), он добился на континенте определенных преимуществ, получил гарантии в далеко идущих перспективах. Думаю, что прав был Н. К. Шильдер, когда, анализируя противоборство Наполеона и Александра в Тильзите, писал: «Он (Александр. — А. С.) среди обстоятельств, возникших после 2-го (14-го) июня (день сражения при Фридланде. — А. С.), сделал все для спасения России от ожидавших ее неминуемых бедствий и для упрочения будущего ее величия. Государь обнаружил в этом деле замечательную стойкость, выдержку и политическую прозорливость; если этот замечательный в его жизни подвиг не был оценен современниками, то, по крайней мере, потомство должно восстановить истину и воздать должную дань признательности памяти своего венценосного вождя»⁴.

¹ Цит. по: *Вандаль А.* Наполеон и Александр. Т. II. Ростов-на-Дону, 1995. С. 85.

² *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. II, СПб., 1897. С. 202.

³ Цит. по: *Вандаль А.* Указ. соч., Т. II. С. 92.

⁴ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. II. С. 210.

Эти слова тем более значительны, что сразу же после заключения Тильзитского мира Александр I испытал на себе сильнейшее давление со стороны определенных кругов русского общества. Именно в это время неукротимая вдовствующая Императрица встала в центр оппозиции своему сыну. Тильзитский договор стал для нее тем прекрасным поводом, который она использовала для того, чтобы излить всю свою неутоленную жажду власти, общественного лидерства, от которого ее долго отвращали и Екатерина, и Павел, а теперь вот и Александр. К тому же она ненавидела Наполеона, который сурово обошелся с ее родными немецкими землями, унизил Пруссию и ее королевскую семью. Мария Федоровна в своем салоне открыто осуждала новую политику Александра, не понимая ее вынужденного характера, подогревала оппозиционные настроения в обществе, не умея просчитать долгосрочные цели Императора. Супруга Александра I Елизавета Алексеевна с возмущением писала об этом своей матери в Баден в августе 1807 г.: «Императрица, которая как мать должна была бы поддерживать, защищать своего сына, по непоследовательности, вследствие самолюбия... дошла до того, что стала походить на главу оппозиции; все недовольные, число которых очень велико, сплываются вокруг нее, прославляют ее до небес, и никогда еще она не привлекала столько народа в Павловск, как в этом году»¹. Одновременно со стороны оппозиционных кругов была начата атака на Сперанского, которая, в конце концов, закончилась его ссылкой. Заговорили и о необходимости убрать с трона Александра и заменить его кем-то из более решительных противников Наполеона. Называли даже Екатерину Павловну, но за всей этой политической возней угадывался почерк Марии Федоровны и близких к ней людей. Таким образом, Александру I в эти послетильзитские дни приходилось бороться не только с наполеоновской дипломатией, не только нейтрализовать недовольство Англии и успокаивать своих друзей — прусских короля и королеву, но и противостоять сильной внутренней оппозиции, грозящей переворотом.

Уже в эти годы Александр ощущает все более сильное личное одиночество. Всегда закрытый, осторожный, одинаково ровный со всеми, он мог быть самым собой лишь с очень близкими друзьями — Волконским, Голицыным, камердинером. Пожалуй, этот его круг доверенных лиц и исчерпывается. В нем нет практически ни одной женщины. В дни Тильзита это одиночество Александра было особенно ощутительным. И лишь один человек, кажется, заменял ему иногда и мать, и друга — это была его сестра Екатерина Павловна. И не случайно, когда уже после переговоров в Эрфурте Наполеон запросил ее руку, Александр пришел в ярость, и это было одной из тех тайных причин, которые определили охлаждение отношений между двумя европейскими властелинами. Но до этого было еще далеко. Впереди был еще Эрфурт, где Александру предстояло продолжить свою непростую игру с гениальным полководцем и незаурядным политиком.

На пути к Эрфурту — второму свиданию с Наполеоном и очередных с ним переговоров — Александр I продолжил эту линию: выдержка, спокойствие, доброжелательность, игра на тщеславии французского императора и стремление получить для России определенные внешнеполитические выгоды. Продолжалась торговля по поводу Польши, проливов, Константинопо-

---

¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т II. С. 211.

ля, Дунайских княжеств, Финляндии, немецких государств и т. д. Одновременно Александр слал секретные письма в Англию, успокаивая британский кабинет, выражая свое твердое желание к борьбе с Бонапартом. Недоверие, скрытность, двуличие — таким представал Александр в своих отношениях с Наполеоном в 1807–1808 гг. В это же время Коленкур передавал в Париж слова Александра о том, что Наполеон покорил его в Тильзите.

Свидание в Эрфурте принесло России несравненный успех: Наполеон согласился на аннексии Россией Финляндии, Молдавии и Валахии, но воспротивился захвату Босфора и Дарданелл. Одновременно он понудил Россию выступить на его стороне в случае войны Франции с Австрией. Русский Император, спасая своего незадачливого союзника, прусского короля, добился от Франции уменьшения контрибуции с Пруссии. Настоял он и на уходе французских войск из Великого герцогства Варшавского.

И здесь Александр продолжал двойную игру. Талейран записал позднее в своих мемуарах: «Милости, подарки и порывы Наполеона были совершенно напрасны. Перед отъездом из Эрфурта Александр собственноручно написал письмо императору Австрии, дабы развеять возникшие у него по поводу свидания опасения»¹.

Переговоры в Эрфурте, несмотря на внешнюю сердечность, были весьма напряженными. В один из моментов Наполеон швырнул на землю свою шляпу, на что Александр возразил: «Вы — вспыльчивы. Я упрям. Гневом от меня Вы ничего не добьетесь. Давайте разговаривать, рассуждать, иначе я уеду»².

В Эрфурте Александр добился еще одного несомненного успеха: он заручился на этих переговорах на будущее время поддержкой министра иностранных дел Франции Талейрана. Во время тайной аудиенции у Александра I Талейран сказал ему знаменательные слова, которые указывали на то, что министр предает своего повелителя: «Государь, зачем вы приехали сюда? Вам надлежит спасти Европу, а вы достигнете этого, только ни в чем не уступая Наполеону. Французский народ цивилизован, его Государь не цивилизован. Русский Государь цивилизован, а его народ нет. Следовательно, русскому Государю надлежит быть союзником французского народа»³.

Таким образом, наиболее ярко личность и государственная практика Александра I раскрылись в его противоборстве с Наполеоном, противоборстве, которое привело французского императора на остров Святой Елены, а Александра надломило и опустошило настолько, что он, видимо, не мог оправиться от этого до конца своих дней на троне.

---

¹ Цит. по: *Валлотон А.* Указ.соч. С. 121.

² *Талейран.* Мемуары. М.-Л., 1934. С. 355.

³ *Вандаль А.* Указ. соч. Т. II. С. 439.

ПОЭЗИЯ

Евгений ЮШИН

«ЧТОБ ПОЧУЯТЬ РОДИНУ ДУШОЙ!»

Евгений Юрьевич Юшин — родился в 1955 году в г. Озеры Московской обл. Детские годы прошли на Оке и на Воже: в рязанской деревне Лужки. Школу и пединститут закончил в Улан-Удэ. С 1978 г. работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же руководил ЛИТО «Магистраль». В 1986 г. перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», где сначала руководил отд. поэзии, а в 1999 г. стал главным редактором. Стихи Е. Юшина широко публиковались в центральных журналах, альманахах и газетах, транслировались по радио и телевидению, переведены на болгарский, немецкий, французский языки. Он автор девяти поэтических книг, лауреат многочисленных литературных премий. **Живет в Москве.**

* * *

Ни отца, ни мамы. Жизнь делю:
До — и после. Полсудьбы не стало.
Как же сильно их теперь люблю!
Что же раньше так любить мешало?!

Подарили поле мне и лес,
Подарили заводы и звезды,
Эти зори в пажитях небес,
Эти молчаливые погосты.

Молодые яблоки в саду.
Прикушу — и вспомню дорогое...
С XXI веком не в ладу
Мы с тобой, село мое, изгой.

Потому, что — деньги, суета,
Нанотехнологии и нано —
Совесь, честь —
и ходит без креста
Наножизнь, покачиваясь пьяно.

Свищут ливни, стонут ковыли.
Вот ведь как, родимые, бывает:
Нет цивилизации вдали,
Изжила себя и умирает.

Мы живем в трагическом краю.
Мы живем в трагическое время.
Мы — на самом, может быть, краю,
Землю удушающее племя.

ЛЕТОМ 2010

Как шмель огромный,
влажный глаз коня
Последнего, быть может, на Мещере,
Вдруг отразил клокочущее море,
Рассудок потерявшего огня.

Привычно у ограды стог дремал.
Но сердце встрепенулось, придушило,
И кровь пошла ознобом, и заржал,
Зверья, конь,
и задышали жилы.

И люди выбегали из дворов
С иконами, с детишками, с узлами...
Утробное мычание коров,
Как полымя стелилось над домами.

И зарычали ветер и огонь,
Когтями золотыми небо рыли.
И полетел дымами старый конь,
Опережая огненные крылья.

И ни луны, ни солнца над землей!
И в небо поднимается деревня,
И оседает черною золой
На пажити и серые деревья.

Но конь летит!
Последний, может быть!
Уж он-то должен
вырваться из плена!

Горит в Мещере...
Прошлый век горит.
И роет землю огненная пена.

Густое пламя сходится в кольцо
И нет нигде спасения на суше.
И оседает на мое лицо
Горячий пепел горестной Криуши.

Смотрю на неживые небеса,
Но ржание далекое, родное,
Я слышу, слышу.
Душит дым глаза,
И меркнет смертный мир
передо мною.

МОЛЕНИЕ О КРЕСТЬЯНАХ

...Сохрани же, Господь, нашу светлую, щедрую землю
От пожаров, потоков и прочих негладных бед.
Я и сам возмущенье твое человеком приемлю,
Потому что страшнее, наверное, хищника нет.

Не наказывай всех. Эти люди в деревне у леса
Виноваты ли в том, что доверились власти чинов —
Не смогли отстоять свои вольные чистые веси
И погрязли в морщинах полей и мозолях дорог.

Не губи их, Господь. Без того им по жизни досталось
Колотить и рубить, отправлять сыновей на войну.
Кроме этой избы с огородом у них не осталось
Ничего.
Ничего не вменяй им, Всевышний, в вину.

Сохрани им любовь к этим пажитям, синим болотам,
Буеракам и песням в исчерченных плугом полях.
Здесь полынь на меже пахнет кровью и дедовским потом,
И ладонями бабушки теплится мята в лугах.

УХОДЯЩЕЙ ДЕРЕВНЕ

У крыльца задумалась крапива
Молодая, с нежною иглой,
Скоро встанет жестяною гривой
За седым забором, за ветлой.

Вот она взошла, хотя скосили,
Выдернули с корнем, а растет!
Как и мы — от корешка России.
Ловит дождь у маминых ворот.

Шелестит, поет... Сорняк! Отродье!
Но весною нежной, но листвою
В пенных щах гуляет половодьем,
Лижет губы зеленью густой.

Не поймет ни Азия такого,
Ни Европа это не поймет:
Ждет крапива у крыльца родного,
Ловит дождь у маминых ворот.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди...

Сергей Есенин

Расскажи мне, река... На охрипшем в ветрах крутояре
 Сколько стрел просвистело и песен угасло в веках?
 На поречных лугах гомонят до полночи татары,
 И потеет конина, шипит в раскаленных углях.

Только пляска кривая теней да подлунная птица...
 Петушиным пушком догорают седые угли.
 И черствы, что копыта, под утренним заревом лица —
 Пролетают войска серым ветром дорожной пыли.

Миновали века. Но наследство — оно неизбежно.
 Мне навстречу бежит татарчонок, а тоже, ведь, — Русь.
 Также листья ему шелестят сокровенно и нежно,
 И в глазах его светит такая рязанская грусть!

Не сама ли земля — хоть каких ты кровей и замесов —
 Тайным током любви, словно пульсом втекает в виски.
 Вот пшеница плывет, разбиваясь волною у леса,
 Облака над холмами роняют свои лепестки.

Хорошо на заре править лодку в кувшинках — на заводь
 И ловить молодых ветерков быстротечную грусть.
 И тогда наплывает, как песня, далекая память,
 И росой на сердце мерцает рассветная Русь.

НА РЕКЕ ПРЕ

Здесь пахнет Севером и Русью,
 И у мостов, волной хрипя,
 Проходит Пра и словно бусы
 Озера нижеет на себя.

Здесь, накреньясь, сосна-калека
 Земную зацепила ось.
 Стоянку каменного века
 Скопа оглядывает вскользь.

Толпятся дикие угоры,
 И белой искрой — там и тут, —
 Мерцают, словно волчьи взоры,
 По темноте костры бредут.

Теснятся струги со снастями,
 И комариный пляшет гуд,
 И деревянными костями
 Телеги тяжкие трясут.

Спасая жизнь, спасая веру,
 К груди прижавши топоры,
 Уходят топью староверы
 В молитвословные боры.

Рычат века. Все ближе, ближе
 Гармонь колхозной городьбы.
 А Пра плывет и нижеет, нижеет
 Туманы, судьбы и гробы.

И город давний, деревянный —
 Сады, песок да лебеда —
 Встречает улочкою пьяной,
 Туда петляющей, сюда.

На рынке — солнце с новостями
 И тополиный пляшет пух,
 И щуки с гладкими хвостами
 Уныло плятятся на мух.

Улыбки, встречи... Душу пели
Мы под гармошку, под баян.
Какие войны одолели!
Какие жизни пролетели
И в сизый канули туман!

То гром ружейный, то небесный.
То стяг Победы, то полон.
Неужто были бесполезны
Все жертвы прожитых времен?!

Зачем все это было, было,
Зачем терзало и трясло,
И все, что гены прозносило,
Травой тяжелой поросло?!

И для чего от века к веку
Мы ищем смысл бытия?

Вполне достойно человеку
Жить незлобливо и любя.

Любя, как есть! Не тщась, не мучась!
Душой открытою принять
Полей родительскую участь,
Лесов напевных благодать.

Вот эту даль — с рекой и песней,
Вот этот серенький мосток
Любить, как любишь в поднебесье
Звезды рождественской росток.

Любить, как мать, любить, как Бога,
Как жизнь случайную свою, —
Сырую от кровей дорогу
И в ней — родную колею.

* * *

Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги.
И все, что недавно лежало в снегу,
В весенней запенилось браге.

Пустынные дали разбил ледоход,
Задвигали скулами льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.

Выводит петух засидевшихся кур.
От облака — длинные тени.
У Любки-буфетчицы — синий прищур
И солнцами светят колени.

Анюта соседу несет молока.
Наладил сетенку Василий...
Пока что не громко, пока что слегка,
А все ж, оживает Россия.

* * *

Я вырос в городе уездном
В пятидесятые года
С каким-то чувством бесполезным,
Что счастье будет навсегда.

В саду мелькала кепка деда.
Я с ним на пасеку ходил.
И зеркальцем велосипеда
Мне зайчик солнечный светил.

Вареньем пахло, огородом.
И в тишине по вечерам
Гармонь бродила за народом
И мы шныряли по садам.

Открыты, чисты, незлобливы
Мы ликовали, — Боже мой! —
Когда в весенние разливы
Летел Гагарин над страной.

Трубили в горны пионеры,
Знамена яркие несли.
Мы жили в счастье, но без веры,
А значит, слабыми росли.

И вот теперь, когда сломались,
И век, и песня, и страна,
Мы в новой жизни потерялись
Безвольно, горестно, сполна.

Не встали мы с тобой ни разу
За лес и песню у реки,
Когда банкирчик пучеглазый
Всю даль скупал за медяки.

Звенят чеканные монеты,
И воровской жирует класс,
А счастья — нету, счастья — нету
Ни у него и ни у нас.

В СТАРОМ ДОМЕ

Как прежде ровен статных сосен шум.
Года — прошли, скорее — пролетели.
Я в дом вхожу,
    как будто в старый трюм —
Давно корабль уплыл от колыбели.

Но свет избы, желанный и родной,
И пятна солнца на полу дощатом
Все эти годы прожили со мной
И в трудную минуту были рядом.

Какой потерей полнится душа!
Как будто я стою на пепелище,
И вот душа все что-то ищет, ищет.
На месте все — и нету ни шиша.

Вздохнут сиротски форточка и дверь,
И по-сиротски скрипнет половица.
Они теперь до смерти будут сниться
Средь горьких неминуемых потерь.

Кровать, сундук и вековая пыль.
Не возвращайтесь в детские просторы!
Пусть давние леса твои и горы
Живут в тебе, как прожитая быль.

Но как влечет в родимые места!
Как хочется из мира нажитого
Попасть туда,
    где у крыльца родного —
Отец и мать,
    и жизнь твоя — чиста.

* * *

Горевые русские селенья
Прячутся в чащобах у болот.
Денег нет — варенья да соленья
До весны сосед не сбережет.

Разошлась капуста на закуску,
Разбрелись под рюмочку грибы.
За село снесли тропой узкой
Зимние студеные гробы.

Будет по весне сирень вихриться,
День придет просторный и большой.

Дачники приедут из столицы,
Чтоб почуять родину душой.

Примут от земли печаль и сладость,
Пропоют про луг и лошадей,
Но поймут, что жизнь уже промчалась
На сырых асфальтах площадей.

Подытожат прибыли-утраты,
Соберутся — и растаял след.
И, как будто в чем-то виноваты,
Будут избы щуриться вослед.

**Валентина
ЕФИМОВСКАЯ**

«СЕМЬ СЕДМИЦ ПРЕОДОЛЕНЬЯ»

Валентина Валентиновна Ефимовская — потомственный житель Петербурга, родилась в Ленинграде. Поэт, критик, публицист, автор четырех сборников стихов, многих литературно-критических статей, посвященных современным поэтам, прозаикам, философам, художникам. Публикуется в России и за рубежом. Заместитель главного редактора журнала «Родная Ладога». Лауреат всероссийской поэтической премии им. Н. Гумилёва, премии «Имперская культура» в номинации критика. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Склонил Симеоне спину.
Анна стояла в слезах.
Было уютно Сыну
У Матери на руках.
К чайной службе ранней
Не сделалось меньше туч —
Откуда же в Божьем храме
Солнечный этот луч,
Теплый, резвый, весенний?..
Младенца взял Симеон,
Приветствуя мира Спасенье
От адовой тьмы времен!

2

Не отведашь из ручья водицы —
Погребен под снегом ручеек.
Почему же оживились птицы,
Прославляя пасмурный денек
Щебетаньем, вроде неуместным,
Радостным круженьем в облаках?
Может быть, явился им, небесным,
Симеон с Младенцем на руках?!

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Пахнет солнечною елью
Капелька смолы,
Легок Чистый понедельник.
Мытые полы,
Напоен печалью сладкой
Вешний ветерок,
Рядом с «постною» лампадкой
Тонкий образок,
Сушек маковых колечки,
Скромные столы,
Под нетопленную печкой
Горсточка золы —
Чтоб от «масляной» — ни крошки:
Правильный зачин,
А в раскрытые окошки —
Благовест-помин.
Семь седмиц преодоления —
Искупленья срок.
Светлый праздник Воскресенья —
Ведомый итог.

ЕФИМОНЫ

Темно по углам и в нишах.
Вечерние свечи тают.
Все глуше, печальней, тише
Диакон молитву читает.

Лики икон все строже...
Люди кладут поклоны,
И слышно: «Помилуй, Боже!»
Стояния. Ефимоны.

Канун, аналои в черном
До Светлого Воскресенья.
Здесь каются не притворно
И веруют во спасенье.

Помилуй мя, Боже! Помилуй!
Очисти мя, Сила Святая!
Диакон седой уныло
Молитву о всех читает.

А в окнах светлей с востока,
И падают с крыш сосульки,
И булькает в водостоках,
И веселы эти бульки.

Над храмом кружат вороны, —
Им, суетным, там не место.
Стояния. Ефимоны.
Но как же весна чудесна!

ПЕРЕД ВЕЧЕРНЕЙ

Похоже на осенний вечер,
Но пахнет талою землей...
Сегодня робок влажный ветер
И месяц сдержан молодой —

Умерил свет свой над полями,
Чтоб нам скорее увидеть,
Как светят окна в дальнем храме,
Сгущая в сердце благодать.

КАЗАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ПОСЕЛКЕ ВЫРИЦА

В лесном краю, в грибном краю,
Средь сосен островерхих
Возносит маковку свою
К небесной выси церковь.
Рассветы, звезды, облака
Крестом благословенны,
А рядом Оредеж-река
В красе своей смиренна.

Та церковь златом не блесит,
Но благостным свеченьем
Заря сруб храма золотит
В час праздничной вечерни,
Когда, как в дедовой Руси,
Взывая к Божьей силе,
Поют здесь: «Господи, спаси
И сохрани Россию!»

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

В горле, будто льдинка, тает
Воздуха глоток.
Снова верба расцветает
В свой пушистый срок.

Грею прутик шелковистый
В зябнущей руке,

Ослепительный, лучистый
Снег на бугорке.

А в Земле Обетованной
Пальмы пьют росу...
Я ко образу с осанной
Вербу принесу.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Страшно! Страшно! Господь умирает.	Даже солнце тогда побледнело
Тяжек крест. Напряжённа толпа.	И исчезло совсем поутру.
Не постичь ей — за что убивают.	
Струйкой кровь с венценосного лба.	И казалось, что завтра не будет,
	И не верилось в милость небес...
Бездыханно поникшее тело.	Вечно! Вечно! Счастливые люди
Прядь влажна на песчаном ветру.	Будут плакать от слова «Воскрес»!

ПАСХА

Светлое Святое Воскресенье —	С паперти разбросанные крошки
Вкруг собора тающий снежок,	Делят долгожданные грачи.
После торжества богослуженья —	
Пасхи освященный куполок.	Этот храм земной — небес начало.
	Радостно сияет нынче крест.
Пальцы пахнут ладаном немножко,	Святой Боже, что бы с нами стало,
На запястье — капелька свечи,	Если б Ты однажды не воскрес!

ПАСХАЛЬНАЯ РАДОСТЬ

Какая радость воскресать	Неутомимо, горячо
От зимнего успенья,	Творить молитву Богу;
В нарядном храме постигать	Объяв душою свод небес
Смысл вечного спасенья;	Все города и веси,
Ладони озарив свечой	Ответить на «Христос воскрес!» —
И доверяясь слогу,	«Воистину воскрес!»

ПАСХАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ

На светлой Пасхальной седмице	Отныне — до раннего лета.
Смиренней, теплей ветерок,	И сгинут нечистых полки,
Вкуснее глоточек водицы,	И в щедром сиянии света
Нежнее сорок говорок.	Созиждут гнездо голубки.
В любви растворится сомненье.	И верится: бед не случится,
Торжественен дякона бас.	Над миром взойдет благодать,
Спаситель обрел Воскресенье!	И станет с иконы Царица
Он будет, Всещедрый, средь нас	На славу Сыновью взирать.

МОЕ ЛЮБИМОЕ

Мое любимое: нагой букетик вербный,
На пасхе сдобной из изюмин крест,
Над звонницей рассвета купол чермный,
Пред трапезною — галочий насест.

Лампадок светы над священным прахом —
Амвросий, Варсанофий, Иринарх —
Напомнят мне подвижников-монахов
Таинственные эти имена.

Мое любимое: паренье белой птицы,
Успенья паутинная вуаль,
Церковной Книги мудрые страницы
И литургии радость и печаль.

Мое любимое... ты счастье и страданье,
Перед Причастьем жаркая слеза
И светлое на Бога упование,
Когда мой сын целует образа.

ВЫШЛА КНИГА

Валентин Семёнов. Прости нас, Россия! Стихотворения 1992–2011 годов. — СПб.: Издательский Дом «РУССКИЙ ОСТРОВ», 2012. — 88 с.

В новый сборник петербургского поэта, ученого-психолога, профессора Валентина Евгеньевича Семёнова вошли избранные, ранее не публиковавшиеся стихотворения, написанные за последние два десятка лет — время острой рефлексии и художественного осмысления всего того, что стало со страной и людьми...

Проникновенный лиризм, социальная и политическая направленность, характеризующие поэтический стиль Валентина Семёнова непротиворечиво сочетаются с умиротворенной православной созерцательностью и молитвенностью. Стихи поэта не оставят равнодушными взыскательных читателей.

Пути ПОЗНАНИЯ

**Митрополит
Калужский и Боровский
КЛИМЕНТ**

РЕЛИГИОЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА*

*Публикуется с небольшими сокращениями.

Мы живем в непростое время. Пережив 70-летнее атеистическое духовное порабощение, наш народ, вместо того чтобы вернуться к своим историческим православным корням, увлекается прозападными идеалами. Большинство наших соотечественников в своей жизни утратили те основополагающие ценности, которые на протяжении многих веков определяли сознание наших предков и служили основополагающим камнем в устроении жизни. В первую очередь, это была живая искренняя вера в Бога. Да, сейчас мы прилагаем все силы для того, чтобы вернуть наш народ к Творцу, но все же в большинстве своем он остается глубоко бездуховен, хотя подчас и отождествляет себя

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) — родился в п. Удельная Раменского района Московской обл. В 1978 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия, пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона. Год спустя рукоположен во иеромонаха и назначен преподавателем в МДС. 1981 г. — возведение в сан игумена, 1982 г. — возведение в сан архимандрита, хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии и назначен управляющим патриаршими приходами в Канаде и временно в США (с 1987 г. только США). В 1989 г. возведен в сан архиепископа. С 1990 г. — архиепископ Калужский и Боровский. 1993–1996 гг. — член Общественной Палаты при Президенте РФ. В 2003 г. назначен Управляющим делами Московской Патриархии и постоянным членом Священного Синода. 2004 г. — возведение в сан митрополита. С 2006 г. — Председатель Комиссии по сохранению духовного и культурного наследия Общественной Палаты РФ. Имеет церковные и государственные награды. **В настоящее время правящий архиерей Калужской и Боровской епархии.**

с Православием. И дело здесь во многом вовсе не в нас заключается — так мало по-настоящему верующих людей, как мне кажется, лишь из-за того, что Россия давно преклонила пред материальными бездуховными западными ценностями и ими живет. Принцип «бери от жизни все» глубоко проник в сознание современников, а сознание определяет бытие. Нельзя служить двум господам — Богу и мамоне, потому что рано или поздно человек потеряет любовь к Богу, истратив все силы на служение

Константин Леонтьев

земному. Самое печальное заключается в том, что большинство наших сограждан, формально называя себя верующими, уже давно стремятся к умножению личных материальных ценностей, к вершинам карьерного роста и стяжанию тщетной славы, физическому, нравственному, душевному и духовному комфорту. Даже Церковь они хотят видеть такой, которая им была бы удобна. Не понимая Евангелие, они ищут причины не в себе, а в словах Христа. Им нужна Церковь, где было бы комфортно, они забывают, что путь христианина — это постоянное крестоношение и следование узким путем. Быть христианином — это подвиг, а если человек называет себя православным, но не идет вслед за Христом, то недалек тот день, когда он восстанет против Бога, как это случилось в 1917 году.

Чем же так важно для нас сегодня наследие Константина Николаевича Леонтьева? Только ли красивой датой и желанием почтить память уроженца Калужской губернии? Вряд ли. Основная причина, как мне видится, кроется в необычайно пронизательном мировосприятии Леонтьева, поражающем современного читателя своей глубиной, честностью и актуальностью. В частности он предупреждал о том, что Европа рано или поздно станет объединяться, превращаясь в одно большое государство, как это мы видим сегодня. Но он указывал, что это единение будет внешнее и к внутреннему единству не приведет, что будет создавать внутренние проблемы нового общеевропейского образования.

Леонтьев был патриотом нашего Отечества, он переживал и болел за него. Но мы прекрасно знаем, что в то время в высших кру-

гах Российской Империи и среди большинства мыслящей интеллигенции царило прозападное настроение. Ряд европейских культур, переменяя друг друга, становился для них идеалом, к которому они устремлялись, и было модным говорить то на английском, то на французском, то на немецком языках. Вместе с этим происходило внедрение в жизнь его современников идеализированных западных ценностей, против чего резко выступал Константин Николаевич, считая, что «демократия для России всегда губительна». Он понимал ментальность русских людей и говорил о невозможности строительства в России демократического общества по западному принципу, ибо ментальность русского человека религиозна, и источник власти он видит в Боге.

«Конец венчает дело». Мы знаем, что путь духовного поиска Леонтьева не простой. В своей жизни он менял свои мировоззренческие взгляды, а поэтому поистине ценными являются те его мысли, которые были изложены уже в Оптиной пустыни монахом Климентом. Он вполне воплотил в жизнь идеалы послушания, о чем красочно может свидетельствовать сцена с графом Львом Николаевичем Толстым. После того как последний посетил Леонтьева и попытался навязать свои идеи, Константин Николаевич вежливо их отклонил и после отъезда Толстого решил разнести в пух и прах все его учение, написав в столичных газетах обличительное слово. Это дошло до отца Амвросия, и последний попросил этого не делать. Леонтьев, несмотря на свое крайнее негодование, беспрекословно послушался и исполнил волю своего духовного отца.

Думаю, мы еще много интересного услышим о Константине Николаевиче Леонтьеве, поэтому желаю всем помощи Божией в плодотворной работе.

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге (Лесное). В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г. и № 1 за 2012 г.

Рассмотрим, хотя бы кратко, курс обучения молитве, и именно с той стороны, которая может дать помощь человеку в скорби его.

Конечно, многие из нас об этой науке имеют понятие, но, во-первых, «повторение — мать учения», говорит пословица, а во-вторых, каждый раз, повторяя выученное, мы узнаем что-нибудь новое.

Начнем же с азбуки молитвы. Эта азбука хорошо изложена в «Аскетических опытах» епископа Игнатия (Брянчанинова). Он сам изложил азбуку на основании слов Святых Отцов, иногда епископ Игнатий даже буквально приводит такие слова.

Что же самое важное в молитве? На что необходимо прежде всего обратить внимание наше?

А это есть внимание в молитве. Душа молитвы — внимание (святой Симеон Новый Богослов).

«Как тело без души мертво, так и молитва без внимания — напрасна. Без внимания произносимая молитва обращается в пустословие, и молящийся так сопричисляется к призывающим имя Божие всеу»¹.

«Качество истинной молитвы состоит в том, что во время молитвы ум находится во внимании, а сердце сочувствует уму»².

И, попросту рассуждая, и мы скажем, что внимание крайне нужно в молитве. Если ты сам себя не слышишь и даже не думаешь о том, о чем говоришь, то как Господь услышит тебя?

Как же достигнуть внимания в молитве?

И. Совет преподобного Иоанна Лествичника.

¹ Аскетические опыты. Т. I. С. 146.

² Там же. Т. II. С. 163.

Закljučай ум в слова молитвы, т. е. не думай ни о чем, как только о тех словах, которые произносишь (Лествица, XXVIII, 17).

II. Совет преподобного Серафима Саровского.

Имей глаза на устах (или закрытыми) (Наставление о молитве № 11).

III. Совет преподобного Досифея.

Произноси слова с крайней неспешностью и будешь заключать ум в слова молитвы.

Читай слова так редко, как школьник 1-го класса, который впервые начинает складывать из букв слова, и будешь удобнее заключать ум в слова молитвы: ни одно слово твоей молитвы не будет произнесено, не будучи одушевлено вниманием¹.

Вот и «Азбука молитвы». Главное — слова преподобного Иоанна Лествичника: «Закljučай ум в слова молитвы». Иначе: ни о чем не думай, как только о словах молитвы.

Конечно, в несколько дней этого не достигнешь, достигается это трудом упорным и медленно подвигающимся.

«А какой труд нужно употреблять, я уже не раз упоминал, — пишет епископ Феофан. — Произвольно мыслям блуждать не позволять, а когда невольно отбегут, тотчас возвращать их назад, укоряя себя, жалея и болезнуя о таком настроении»².

Святой Лествичник на это говорит, что «надо с усилием заключать ум в слова молитвы».

Прочное умиротворение мыслей есть дар Божий, но дар этот не дается без усиленных трудов! И одними своими трудами вы ничего не достигнете, и Бог вам не даст, если не потрудитесь всеуСИленно. Таков закон неотложный.

И вот представьте себе, что мы с вами уже проходим этот первый курс обучения молитве, и проходим успешно.

Мы научились заключать ум в слова молитвы, т. е. ни о чем не думать, кроме как о словах молитвы, — и Господь нам в этом помогает, — мысли посторонние уже не лезут в голову, в том числе и мысли о переживаемой скорби. Душа отдыхает от горьких дум... Хоть на малое время — на время молитвы — сердце не ноет, не стонет. И человек уже в этом увидит пользу молитвенного делания и потянется к нему.

Но это мало. Дело в том (говорят святые подвижники), что самое важное сделано: начало положено, и дело молитвы подвигается дальше.

Святые Божии говорят, что, когда ум находится во внимании, сердце недолго противится уму и начинает сочувствовать словам молитвы.

А как это «сочувствие» выражается? А вот как об этом пишет епископ Игнатий:

«Ум, заключаясь в слова молитвы, привлекает сердце в сочувствие себе»³.

«Это сочувствие сердца уму выражается умилением, которое есть благочестивое чувство, соединяющее в себе печаль (о грехах) с тихим кротким утешением»⁴.

¹ Аскетические опыты. Т. II. С. 16.

² Епископ Феофан. Что есть духовная жизнь. Сб. о молитве, № 30.

³ Аскетические опыты. Т. II. С. 164.

⁴ Марк Подвижник. О мнящих от дел оправдаться, гл. 34. Добротолюбие. Т. I.

«Когда с нами усилие, тогда с нами Бог», — говорит преподобный Серафим Саровский.

И вот, когда придет это умиление во время молитвы, свои мысли-думы все оставьте, опуститесь вниманием с головы в то место, где вы переживаете это благодатное чувство, и не смотрите по сторонам. К вам райская птичка прилетела, бойтесь, как бы ее не спугнуть. Улетит, тогда много слез прольете, пока снова добьетесь.

Переместитесь всем вниманием туда, где это чувство переживаете, — в сердце, и там и молитва Вездесущему и Всеведущему... Там вы будете наедине с Богом, и там вам никто не помешает. И говорите Ему все, что на сердце наболело. Он все услышит. Он все поймет. Он и утешит, и приласкает, и много, много легче станет скорбь.

Это вот и есть то, о чем говорит епископ Феофан в своем письме № 115: «Когда совершается что-либо вам противное, готовое огорчить и раздражить, скорее бегите вниманием к сердцу».

Епископ Феофан считает молитву с вниманием (или умом) в сердце очень высоким достижением и упорно, настойчиво убеждает своих читателей добиваться этого великого блага.

Нет ни одной работы епископа Феофана, где бы он не касался этого пункта учения о молитве.

Стань умом в сердце. Вот он кратко так формулирует это свое учение. Из многочисленных писаний епископа Феофана об этом приведу несколько выдержек:

«Царствие Божие внутрь вас есть. Поелику Сын Божий в тебе, то и Царство Его в тебе, если хочешь этого. Вот Царствие Божие внутри тебя, грешник... Войди в самого себя, ищи усерднее и без труда найдешь его... Вне тебя — смерть, и дверь в ней — грех... Войди в себя, пребывая в сердце твоём, ибо там Бог»¹.

«Надо из головы сойти в сердце. Теперь у вас помышление о Боге в голове. А Сам Бог как-то вне, и выходит, что работа внешняя. Пока вы в голове, мысли не улягутся спокойно, все будут толкаться, как снег или толкаши-комары летят.

Уединение да чтение — два крыла в этом занятии»².

«Помнится мне, что вы писали, что от внимания даже голова болит. Да, если только головой работать; а когда сойдете в сердце, никакого труда не будет: голова опустеет и помыслам конец. Они все в голове, и одни за другими гонятся и управиться с ними нет возможности. Если же найдете сердце и сумеете стоять в нем, то всякий раз, когда начнут посещать помыслы, стоит только низойти в сердце — и помыслы разбегутся.

Это будет уютный уголок, безопасное пристанище. Не поленитесь низойти. В сердце — жизнь, там и жить надо. Не думайте, что это дело совершенных... Нет, это дело всех, начинающих искать Господа»³.

Что значит быть умом в сердце?

---

¹ Преподобный Ефрем Сирин. Сб. № 167 (III). Епископ Феофан. Православное учение о спасении, 1900. С. 129.

² Епископ Феофан. Сб. № 168. Письма о христианской жизни. С. 28–29.

³ Письма о христианской жизни. С. 53.

«А вот что значит. Знаете, где сердце? Как не знать? Чему же учились? Так станьте там внимательно и стойте неотходно и будете умом в сердце: ум не отличен от внимания, — где внимание, там и ум... Но стоять там надо не просто — с сознанием, что стоите перед Господом или перед Всевидящим Оком, а чтоб так стоять, старайтесь иметь возгрезным какое-либо чувство к Господу — страха, любви, упования, преданности, сокрушения сердечного и т. п.

Се норма внутреннего строя.

Внимательно наблюдайте, и, как только заметите, что этот строй нарушился, спешите восстановить его»¹.

«Имейте всегда в намерении одно — держать себя пред Господом так, как следует, а на то, что вне вас происходит, не обращать большого внимания.

Когда память Божия есть, сознание предстоит пред Господом со страхом и благоговением, и припадаем к Нему в полной преданности Его святой воле.

Се норма должного держания себя в отношении к Господу Богу»².

«Ищите Господа?.. Ищите, но только в себе. Он недалеко от каждого из нас. Близ Господь всем призывающим Его искренне.

Найдите место в сердце и там беседуйте с Господом. Это приемная зала Господня! Кто не встречал Господа, тот встретит Его там. И иного места Он не назначал для свидания с душами»³.

«Когда мы в сердце — тогда мы дома. Когда не в сердце — нет нас дома. Вот о чем больше всего надо иметь заботу»⁴.

«Стать над сердцем, стать умом в сердце, из головы перейти в сердце — все это одно и то же.

Существо дела — в сосредоточении внимания и стоянии перед невидимым Богом, но не в голове, а внутри груди — к сердцу и в сердце. Когда придет Божия теплота, тогда все уяснится»⁵.

Старец-схимонах Валаамский отец Агапий обратился за советами к епископу Феофану Затворнику.

Вот одно из таких писем. Вопрос старца Агапия: «Есть ли какая разница: молиться со вниманием внутри сердца или при устах, внимая словам молитвы со смиренным и покаянным чувством при неотходном памятовании Бога Вездесущего и Всезрящего со страхом и благоговением?»

Ответ епископа Феофана: «Последние слова, что я подчеркнул, составляют дух молитвы. У кого это есть, тот стоит в сердце, ни о словах, ни об устах помышлять ему некогда, И на ум не приходит. Эти слова: “при устах, внимая” — новая выдумка, нигде у отцов не встречаемая... Ваши слова подчеркнутые составляют существо молитвы...

Все прочее — наклонение головы, стеснение дыхания, сидение на стульце, введение слов молитвы через ноздренное дыхание, и эти — конец языка и губы — будь не будь, это простая обстановка, ничего не имеющая существенного.

Обстановка молитвенного труда — несущественное дело. И при сей обстановке некая теплота приходит на сердце; но это — наша трудовая, а не благодатная...

---

¹ *Епископ Феофан*. Письма к различным лицам. С. 33.

² Письма к разным лицам. С. 33. Сб. 177.

³ Письма 25. № 762. Сб. 117.

⁴ *Епископ Феофан*. Т. VIII. № 1283. С. 179.

⁵ Там же. Т. II, письмо № 315.

Считать и эту благодатной — есть прелесть...»

Такие выписки из творений наших подвижников можно делать без конца. Здесь приведены более характерные. Не думайте, что это так легко и просто, не полагайте: вот встану на молитву, возьму молитвенник, и дело готово.

«Я — молитвенница, да еще какая: по моим молитвам усопшие Царство Небесное получают, живые больные — исцеляются», — как думала одна мне известная девушка. А это уже прелесть вражья!

А еще одна такая скороспелая молитвенница писала об этом Оптинским старцам: «Вот уж месяц молюсь, как вы учите, и все еще ничего не выходит».

И ей старец Леонид (в схиме Лев) отвечает: «Нет, голубушка, так скоро не бывает: посиди у моря, подожди погоды».

И в самом деле, нескоро получится великий дар Божий — внутренняя молитва. Я вам указываю здесь порядок молитвенного делания, и внутренняя сердечная молитва есть очень высокая ступень. Что касается различных степеней молитвы, то епископ Феофан говорит об этом так¹:

«Есть степени молитвы.

Первая степень — молитва телесная — более в чтении, стоянии и поклонах. Внимание отбегает, сердце не чувствует, охоты нет; тут труд, терпение и пот. Несмотря же на то, положи пределы и делай молитву.

Это делательная молитва.

Вторая степень — молитва внимательная.

Ум привыкает собираться в час молитвы и всю ее проговаривать в сознании, без расхищения. Внимание срастворяется со словом писанным и говорит, как свое.

Третья степень — молитва чувства.

От внимания согревается сердце, и что там — в мысли, то здесь становится чувством... Там — слово сокрушительное, здесь — сокрушение; там — прошение, а здесь — чувство крайней нужды получить просимое.

Кто перешел к чувству, тот и без слов молится, ибо Бог есть Бог чувства.

Потому это и есть предел молитвенного воспитания — став на молитву, переходить от чувства к чувству.

При сем чтение может прекратиться, равно как и мышление, а пусть будет только пребывание в чувстве с известными молитвенными знаками.

Когда молитвенное чувство дойдет до непрерывности, тогда начнется молитва духовная, которая есть дар Божий, дар Духа Святого, молящегося за нас. Это — последняя степень молитвы, постигаемая человеком».

Но есть не постигаемая умом молитва или заходящая за пределы сознания². Продолжение — выписки из творений епископа Феофана.

«У кого нет умной, внутренней молитвы, у того и никакой нет, ибо только умная молитва и есть настоящая молитва, Богу угодная».

Она должна составлять душу домашнего и церковного молитвословия; так что, коль скоро ее нет при этом, то молитвословия те имеют только вид молитвы, а на деле совсем не молитва.

Ибо что есть молитва?

---

¹ Епископ Феофан. Путь ко спасению. С. 241–242.

² Преподобный Ефрем Сирий. Сборник о молитве Иисусовой, № 1.

Молитва есть ума и сердца к Богу вознесение — на славословие и благодарение Богу и испрашивание у Него потребных благ душевных и телесных¹.

Существо молитвы, стало быть, есть умное к Богу восхождение из сердца.

Становится ум в сердце сознательно перед лицом Бога и, исполняясь должного благоговения, начинает изливать перед Ним свое сердце.

Вот и умная молитва!

Но такова должна быть всякая молитва. Внешнее молитвословие домашнее и церковное дает только слово или форму — душу же или существо молитвы носит всякий сам в себе, в своем уме и сердце.

Весь церковный молитвословный чин наш, все молитвы, сложенные для домашнего употребления, исполнены умного обращения к Господу. Совершающий их — молящийся этими молитвами — не может избежать сего умного обращения к Богу, разве он только совершенно невнимателен и сам ни одного слова молитвы не слушает (мысли в голове в ту пору совсем не о молитве, а не знай где)².

«Без умной молитвы никогда нельзя обойтись. Не возноситься к Богу молитвенно — мы не можем, ибо природа наша духовная того требует. Вознестись же к Богу мы иначе не можем, ибо Бог умственен.

Есть, правда, умная молитва при словесной или внешней — домашней или церковной, и есть умная молитва сама по себе без всякой внешней формы или положения телесного, но существо дела там и здесь — одно и то же. В том и другом виде она обязательна для мирских людей»³.

Спаситель заповедал:

«Ты же, когда молишься, войди в клеть твою и, затворив двери, помолись Отцу Небесному, который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Клеть эта, как толкует святитель Димитрий Ростовский, означает сердце. Следовательно, заповедь Господня обязывает тайно в сердце умом молиться Богу. Заповедь эта на всех христиан простирается.

Вот и апостол Павел это заповедует, когда говорит, что должно всякой молитвою и молением молиться на всякое время духом (Ефес. 6:18). Заповедует умную молитву — духовную. И заповедует ее всем христианам без различия. Он же всем заповедует: «непрестанно молиться». А непрестанно иначе нельзя, как умом!

Прочитает кто эти слова Богомудрых Учителей Церкви, думаю, скажет: «Ой, как трудно!»

Да, очень трудно, но... «Без труда не вытащишь и рыбки из пруда», говорит пословица. Что легко приобретается, легко и теряется, и мало жалеют его, а что трудно приобретается, то и ценится дорого.

А притом я уже говорил: Господь не оставляет человека погибать, а посему, если не хочешь с добра за дело взяться, то жди «Божьего сверла». И не кричи, не стони, не ропщи, если оно просверлит сердце твое — сам напросился, того захотел.

---

¹ Преподобный Ефрем Сирий. Сборник № 2.

² Епископ Феофан. Письма к разным лицам. С. 133.

³ Там же. С. 331—383.

Ольга КУЛИКОВСКАЯ— РОМАНОВА «РОССИЯ ОБЪЕДИНЯЕТ ВСЕХ В ЛЮБОВЬ!»

*К 400-летию
Династии Романовых*

Ольга Николаевна Куликовская-Романова — родилась в Югославии. Вдова Тихона Николаевича Куликовского-Романова. Закончила Мариинский Донской институт благородных девиц (филиал Смольного), эвакуированный из Новочеркасска во время Гражданской войны в г. Белая Церковь, Югославия. Получила медицинское, коммерческое, архитектурное образование, владеет семью языками. В 1991 году вместе со своим супругом Тихоном Николаевичем организовала благотворительный Фонд «Программа помощи России» имени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, своей свекрови. После смерти мужа в 1993 году возглавила деятельность Фонда. Почетный академик Российской Академии Художеств (2005), автор множества публикаций, а также нескольких книг. Член СП России. **Живет в Канаде.**

Два десятилетия на родине действует Благотворительный фонд имени Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны.

Поздравляя журнал «Родная Ладога» с пятилетним юбилеем, с удовольствием расскажу по просьбе редакции и о нашем памятном торжестве — двадцатилетии работы в России Благотворительного фонда имени Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны — сестры Царя-страстотерпца Николая и моей свекрови.

Минуло почти сто лет одиночества России без Романовых. Земля наша по-прежнему без Царя — вдова, а народ — сирота. Но крушение безбожного коммунистического ига в 1991 году дало надежду на возрождение Веры и Отечества. В Россию начали возвращаться из зарубежного изгнания представители Династии Романовых. По мере своих сил и возможностей наряду с потомками русских беженцев первой волны мы стали передавать гражданам новой России сохраненные в эмиграции духовные богатства и традиции некогда великой Империи. Прославление Царской Семьи во главе сонма Новомучеников и Исповедников Российских XX века Архиерейским собором Русской Православной Церкви в 2000 году стало всенародным покаянием в грехе бого- и царетолкательства, явилось «знамением единства» всех православных людей во Христе.

Мученический подвиг святых Царственных страстотерпцев, Великой Княгини Елизаветы Феодоровны озарил особым светом жизнь и смерть других членов Императорской Фамилии. В их ряду и светлый образ сестры Императора Николая Второго — Великой Княгини Ольги

Александровны, о которой на родине узнали во многом благодаря деятельности Фонда ее имени, созданного сыном Тихоном Николаевичем и мной двадцать лет назад в Канаде.

В день памяти святителя Николая Мирликийского Чудотворца, небесного покровителя святого Царя-страстотерпца Николая II Александровича, 19 декабря 2011 года, в Москве, в актовом зале Российского государственного торгово-экономического университета состоялось торжественное собрание друзей Благотворительного фонда имени Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны. Оно было посвящено 20-летию деятельности Фонда в России.

Представить себе трудно, что двадцать лет прошло, как в декабре 1991 года я впервые ступила на русскую землю. Родина, которая грезилась во снах, «земля обетованная», куда мечтали вернуться родители, стала явью. Династия Романовых, Русь, казалось, навсегда ушедшая, Божиим промыслом возвращались. Мы постигали новую Россию, а народ обращался к своим корням и истокам. И должна признаться, быть оказалась ярче и больше сказки. Страна погружалась в очередную смуту. А простые люди, как всегда, нуждались в помощи и любви.

Когда мы с Тихоном Николаевичем решили увековечить память Великой Княгини Ольги Александровны, то ничего лучшего не могли придумать, как создать Благотворительный фонд Ея имени. «Багрянородная» сестра святого Царя-мученика Николая всю свою жизнь оставалась верна идеалам добра и милосердия. При жизни она не только создавала и попечительствовала десяткам богоугодных заведений, но организовала и возглавила собственный госпиталь для раненых в годы Первой мировой войны. Мы поставили своей целью вернуть светлый образ Великой Княгини на родину. Вернуть не просто, рассказывая в кругу новых друзей об этой прекрасной русской женщине, а воплощая в реальные благотворительные дела ее жизненный девиз: «Быть, а не казаться!»

Большой друг нашей семьи, дочь Великого Князя Константина Константиновича, известного поэта «К.Р.», почетный председатель Объединения князей Романовых, попечитель зарубежных кадет Княжна Вера Константиновна поддержала нашу идею. В семейной переписке мы живо обсуждали дела только что родившегося фонда. В письме от 12 июня 1992 года Княжна Вера Константиновна написала Тихону Николаевичу: «Посылаю свою лепту на основанный тобою фонд имени твоей матери — святое дело». А узнав о результатах моей очередной поездки и регистрации филиалов Фонда в Москве и Санкт-Петербурге, Княжна Вера Константиновна благодарила «за чудное описание, — как она выразилась, — **похода Ольги на Родину**. Какой она молодец — недаром казачка», — похвалила Княжна меня.

После образования штаб-квартиры Фонда в Торонто, за что надо поблагодарить власти Канады и провинции Онтарио, а также некоторых прихожан и сестричество храма Святой Троицы в Торонто, и наших филиалов в обеих российских столицах, что стало возможным после начавшихся в России перемен, деятельность Фонда стала развиваться следующим образом. У сердобольных канадцев мы выпрашивали медицинское оборудование, лекарства, одежду, продукты питания и т. д. Все

это собиралось в одном месте. На пожертвования русских людей со всего света, а это были небольшие суммы — в 5, 10, 20 долларов мы нанимали большие морские контейнеры. Грузили их всем нашим канадским «русским миром» и отправляли на Родину. Затем, вслед за контейнером, отправлялась и я, в одиночестве или с моим заместителем и дочерью в одном лице — Татьяной. Из Москвы и Санкт-Петербурга помощь расходилась по всей стране. За машинами с «гуманитаркой» следовала и я. В начале—середине смутных 90-х годов прошлого века за всем требовался хозяйский глаз да глаз.

Не стану утомлять читателей подробным перечислением всего доставленного фондом в те годы на родину. Детальная информация есть в регулярно издававшихся бюллетенях Фонда, а также содержится в моих книгах. Отмечу только главное: за прошедшие годы Фондом из Канады в Россию было отправлено 29 сорокофутовых морских контейнеров общим весом свыше 620 тонн и общей стоимостью содержимого свыше 3 миллионов долларов. Перечислим самое главное: 42,5 тонны муки, 24 тонны сахара, 400 больничных функциональных кроватей с матрацами и столиками, 6 тонн физиологического раствора (интравенозной жидкости), лекарств на 600 тысяч долларов, сердечных и почечных катетеров на сумму 778 тысяч долларов, 76 инвалидных колясок, 3 мини-автобуса для перевозки инвалидов-колясочников, 4 операционных стола, 2 зубоврачебных рентгена, 19 аппаратов «искусственная почка» (диализатор), 1 аппарат «обратного осмоса» для очистки воды, 66 обеденных столов и стульев, 60 больничных кресел, 7 специальных гидравлических подъемников для тяжелобольных, 1 урологический аппарат, 3 электрокардиографа, 70 тонн одежды, непортящиеся продукты (крупы, растительное масло, жиры, концентрированные супы, яичный порошок, дрожжи и др.).

В конце 90-х годов прошлого века непосредственно в России, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Фондом проведены три крупные благотворительные акции по оказанию помощи монашествующим и жителям Валаама, Соловков и пострадавшим от землетрясения на Сахалине. Важно, что оказанная нами помощь нередко выручала людей из беды, а случалось — и сохраняла жизнь в прямом значении этого слова. Со временем список больниц, детских учреждений, приходов, гимназий и школ, которым оказал помощь или попечительствует наш Фонд, составил сотни наименований и значительно превысил перечень тех заведений, чьим попечителем и благотворителем являлась сама Великая Княгиня Ольга Александровна.

Первое десятилетие моего «постижения России» промелькнуло, как один день. Оно подарило мне счастье познакомиться с удивительными русскими людьми, ставшими друзьями Фонда. Не устаю лично, устно и письменно благодарить всех жертвовавших своим временем, силами, денежными средствами на благое дело милосердия и сострадания к ближнему. Бог им воздаст по заслугам, и мы не забудем!

На рубеже тысячелетий стало ясно, что Россия медленно, но верно восстанавливается после очередной революции. Не прекращая гуманитарной и медицинской помощи нуждающимся, Фонд сделал акцент на культурно-просветительской, образовательной, книгоиздательской, мемориальной про-

граммах своей деятельности. Рубежным событием в этом отношении стало прославление святых Царственных страстотерпцев во главе Новомучеников и Исповедников Русской Православной Церковью Московского Патриархата в 2000-м году. В этот знаменательный день мне посчастливилось молиться в Храме Христа Спасителя и даже освятить на Престоле домовую икону Августейшей Семьи. В том, что ко благовремению состоялась канонизация Царственных страстотерпцев всей полнотой нашей Матери-Церкви, есть и вклад нашего Фонда.

И в последующем Благотворительный фонд имени Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны участвовал во всех важнейших событиях, направленных на объединение разорванного бунтами и революциями некогда единого «русского мира». А именно: в освящении Храма-на-Крови в Екатеринбурге, куда я передала семейную реликвию — икону Божией Матери «Троеручица», перед которой молилась Царская Семья; в торжествах по случаю столетия прославления преподобного Серафима Саровского; в перенесении праха Императрицы Марии Феодоровны, бабушки Тихона Николаевича, из Дании в Россию, в подписании Акта о каноническом общении между Русской Православной Церковью За границей и Московского Патриархата, в паломничестве главной святыни русского Зарубежья — Курской-Коренной иконы Божией Матери на родину и др.

Причисление к лику святых Царственного брата Великой Княгини Ольги Александровны, помимо прочего, имело еще одно важное значение для деятельности Фонда ее имени в России. Как известно, Великая Княгиня Ольга Александровна была прекрасным художником-акварелистом. Теперь, после 2000-ого года, стало возможным проведение выставок ее работ на родине. За минувшие десять лет экспозиция посетила многие города, от обеих столиц до Тюмени и Сургута. И везде, если судить по книгам отзывов, встречала восторженный и благодарный прием зрителей. Вместе с выставкой по городам и весям путешествовала и я. За эти годы было организовано и проведено сотни встреч с посетителями, на которых рассказывала им о творчестве «Августейшей художницы», о талантливых представителях Династии Романовых, о воспитании и образовании детей в Императорской России и т. п. А вместе с тем Фонд проводил в тех местах, где экспонировалась выставка, благотворительные и гуманитарные акции. Не отказываясь ни от чего хорошего, Фонд продолжает развиваться, следуя жизненному девизу своего председателя: «Только вперед!»

За прошедшие двадцать лет, смею думать, наш Фонд имени Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны оказал влияние на становление и развитие всей благотворительной деятельности в России. Он привнес в эту важнейшую сферу человеческого общежития христианские идеалы милосердия, сострадания, помощи и любви к ближнему. Следуя традициям, заложенным еще ведомством Императрицы Марии Феодоровны, фондом Государя Александра Третьего, Великой Княгиней Ольгой Александровной, наш Фонд показал пример совместного общественно-государственного и международного сотрудничества в этой области. Оказывая помощь другим, мы приобрели наше главное богатство — любовь и поддержку русского православного народа, всех людей доброй воли вне зависимости от религиозной и национальной принадлежности, разделяющих высокие идеалы

милосердия и благотворительности. Воистину, Россия объединяет всех в любовь!

Опираясь на такой мощный фундамент добродетели и общенародную поддержку, наш Фонд с уверенностью смотрит в будущее. Среди фондовских программ, разработанных специально к приближающемуся 400-летию Династии Романовых, родилась еще одна — наиважнейшая. **По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси наш Фонд совместно с Новоспасским мужским ставропигиальным монастырем начинает сбор средств на отливку и установку 1000-пудового колокола-благовестника.** Выбор пал на Новоспасский монастырь, и потому что там находится усыпальница бояр Романовых, и потому что в начале 90-х годов эта обитель дала приют нашему Фонду. Создаваемый «Царский Благовестник» посвящен святым Царственным страстотерпцам и будет установлен на главной монастырской звоннице в дни празднования 400-летия Династии. Надпись на колоколе гласит: **«БЛАГОВЕСТВУЙ ЗЕМЛЕ РАДОСТЬ ВЕЛИЮ, ХВАЛИТЕ НЕБЕСА БОЖИЮ СЛАВУ. В ГОД 400-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ».**

Да поможет нам Бог в этом благом начинании. Призываю всех читателей журнала «Родная Ладога», всех добрых людей разных вероисповеданий и народов присоединяться к нам. Издревле на Руси благовест сзывал людей «во дни торжеств и бед народных» на молитву и подвиг. Отзовемся и ныне всем сердцем на призыв к единению и любви!

Мимотекущий 2012 год объявлен нынешней Верховной властью Годом российской истории. Важнейшие его вехи — 400-летие прекращения смуты и освобождения Отечества от польского нашествия и 200-летие Бородинского сражения. Через своих святых и героев, через венценосных благодетелей невско-ладожская земля навечно вписана в общероссийскую летопись побед и свершений. Освободив Русь от инородного и иноверного ига, русский народ предуготовил восшествие на Всероссийский престол юного боярина Михаила Феодоровича — первого Царя Династии Романовых, 400-летие которой будет отмечаться в следующем, 2013 году. События эти неразрывны, они текут друг за другом, как волны одной реки. Рядом они поставлены и в концепции празднования Года российской истории, разработанной под эгидой синодального отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества и принятой Общественной палатой Российской Федерации.

Благотворительный фонд имени Великой Княгини Ольги Александровны вступил в новый этап своего развития. Продолжая идти «только вперед» средним «Царским путем», не сбиваясь ни вправо, ни влево, фондовый корабль держит твердый курс к новой цели: достойно отметить 400-летие Династии Романовых во главе со святой Царской Семьей. Прежде, чем ударить в набат, надо вознести колокол. И Царский Благовестник будет отлит и установлен, в чем я твердо уверена.

По благословению

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси КИРИЛЛА

Благотворительный фонд имени Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны совместно с Новоспасским мужским ставропигиальным монастырем объявляет сбор средств на отливку и установку 1000-пудового колокола-благовестника. Соберем, как всегда водилось на Руси, по копейке, по рублю необходимые миллионы, и возрадуются наши сердца, когда зазвонит «Царский Благовестник», знаменуя очередную победу Православия на нашей земле. Колокол будет установлен на главной монастырской звоннице в 2013 году в дни празднования 400-летия Династии Романовых.

Посильная лепта каждого русского человека, каждого гражданина страны любой веры и политических убеждений послужит богоугодному делу преодоления смуты и возрождения единого Отечества. «БЛАГОВЕСТВУЙ ЗЕМЛЕ РАДОСТЬ ВЕЛИЮ, ХВАЛИТЕ НЕБЕСА БОЖИЮ СЛАВУ. В ГОД 400-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ».

Ольга Николаевна Куликовская-Романова,

Председатель благотворительного фонда
имени Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны

СБЕРБАНК РОССИИ

Региональный благотворительный общественный фонд
имени Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны
«Программа Помощи России»

ИНН 7709169070, КПП 770201001

Банковские реквизиты:

РУБЛЬ:

р/с 40703810100020008700 в ОАО «Сбербанк России», г. Москва
к/сч. 30101810400000000225, БИК 044525225

ДОЛЛАР США:

р/с 40703840400020008700 в ОАО «Сбербанк России», г. Москва
к/сч. 30101810400000000225, БИК 044525225

ЕВРО:

р/с 40703978000020008700 в ОАО «Сбербанк России», г. Москва
к/сч. 30101810400000000225, БИК 044525225

Русские СУДЬБЫ

Татьяна ДОРОНИНА

ВОПРЕКИ ВРЕМЕНИ

Из дневника актрисы

Татьяна Васильевна Дорони-на — родилась в Ленинграде. Народная артистка СССР (1981), художественный руководитель Московского художественного академического театра им. М. Горького, трижды лауреат титула «Лучшая актриса года». На Международном кинофестивале в Тегеране в 1973 году удостоена приза за лучшее исполнение женской роли в фильме «Мачеха». Лауреат премии им. Николая Симонова, Лауреат премии им. Евгения Лебедева. Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Дружбы народов, орденом Почета. Главная экономическая награда: «Актриса Эпохи» (специальная номинация). **Живет в Москве.**

25.11.1997

Съемки «Трех тополей» проходили на Оке, рядом с Рязанью. Есенинское село Константиново было недалеко, и в свободный от съемок день мы туда поехали. Дом родителей Сергея Александровича стоял на дальнем от въезда конце села, на левой стороне. Мемориальная доска белела на темно-серой бревенчатой стене дома и выглядела неуместной и ненужной. Она белела своей холодной мраморностью и цифрами, обозначающими короткий срок, короткий век и относительность короткого срока, отпущенного судьбой русскому гению. Относительность к тому, что гений успел за столь короткий срок — состояться.

Он состоялся вопреки — времени и повсеместному несчастью для всей России — революции.

В этой избе он не жил. Это «послепожарная» изба, новая, выстроенная на том месте, где стояла «старая» — та, в которой он «растил себя поэтом». За избой, в глубине двора, стоит небольшой сарай. Так вот именно сарай его дыхание и хранит.

«А вот место, где стояла церковь», — сказал экскурсовод, и мы в очередной раз поразились, какие освященные красотой места выбирали истинно верующие для христианских храмов. Мы перешли дорогу и пошли к реке, и охватило нас, и очаровало, и восхитило все вокруг. Простор, низкое небо, сияющая неторопливость реки — было тем, что породило понятие «Есенин» во всей своей пронзительности и нежном совершенстве. Есенин рожден и освящен этой истинно русской, светлой, чистой, благоуханной красотой.

*...Где-то у меня живут
отец и мать,
Которым наплевать на все
мои стихи.*

*Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрывает зелень.*

Белоголовый, ловкий и не «в рост пошел». Как соединить быт русской избы — с ее теснотой, чугунами, ухватами, пойлом для коров, керосиновой лампой — тусклой и чадающей, с полатями, где сохнут тулупы, русской широкой печью, на которой сохнут валенки, с вечным кисловатым запахом сырой овчины, скисшего молока, закваски для хлеба, только что смолотой муки и капусты, — как соединить все это со строчками стихов, написанных пятнадцатилетним отроком:

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленёночек маленький матке
Зеленое вымя сосет.*

Чувствовать красоту Божьего мира столь нежно и целомудренно — это при относительно и безусловно малом запасе слов, которые он слышит вокруг... И слова эти скудные, и фразы короткие, и перемежаются эти простые слова — привычным матом, и называются естественные и простейшие функции человеческого организма — тоже буквально и просто. И вдруг мальчик «переходного» возраста находит для растущего дерева — свое слово, им от жалости к дереву рожденное: «кленёночек». Он сам был этим кленёночком, которому дали вырасти немного, отпустили ему срок недолгий, а потом ломали его ветки, рубили корни, гнули ровный и стройный ствол. А когда согнуть не смогли — набросились и ломали, кору сдирали, и рубили, и резали, и палили — в тупой своей звериной ненависти уродов к человеческому совершенству.

Экскурсовод в музее, что был расположен тогда в бывшем доме Кашиной, водил нас по белым небольшим залам и старался успеть рассказать за короткое время «всю есенинскую жизнь». Был этот милый экскурсовод изящен и белокур, и одержим, и душевен. Я хотела спросить его, не из местных ли он, да постеснялась. Местные многие носят фамилию Есенин. Говорят, вся деревня была с одной фамилией.

Подойдя к стенду с фотографией Миклашевской, экскурсовод трогательно заметил: «Если признаются поэты в любви к женщине столь простым циклом стихов, значит, любовь не была взаимной». «Принцесса Брамбилла» по сцене и печальная большеглазая актриса «по жизни» — принимала признание затравленного, одинокого, более чем она сама, поэта, как естественные для красавицы комплименты, высказанные в непривычной форме искреннего, высокого слога. «Твой иконный и строгий лик по часоу висел в рязанях».

Поэт возвысил актрису — до Богородицы, актриса «внутренне» это «вознесение» сочла правомочным, но ее боязнь боли, еще одной сердечной боли — очевидно, была столь велика, что пойти навстречу Сергею Александровичу она не решилась. Ее совершенное лицо, помещенное в центре стенда, украшало, освещало этот стенд, как единственный по красоте и чистоте знак рокового 25-го года.

Есенинские сестры — Александра и Екатерина — были еще живы и в момент нашего приезда были в Константиново. Встретаться с нами они не

стали, экскурсовод сказал, что они в ссоре, да еще и неважно себя чувствуют. Потом, через двадцать лет, когда стали публиковать правду об убийстве русского гения, я подумала, что нежелание сестер встречаться, то есть возвращаться памятью к трагичному, ужасному в жизни — естественно и понятно.

Со школьных лет, в то «безъесенинское» время, когда в библиотеках не выдавали книг с его стихами, и я записывала их «с голоса», я полюбила стихи Сергея Есенина на всю жизнь. Они мне казались молитвами, обращенными к Богу, благословляющими все, что создано Господом — природу, женщину, любовь, способность восторга и душу. Когда в первый раз я пришла на Ваганьковское и подошла к небольшому холмику с крестом — боль и острая жалость захлестнули и заполнили все вокруг. Теперь Есенин — «давленный», «вдавленный» белым мрамором в глубь земли, безнадежно похоронен.

Я пытаюсь красиво поставить цветы в узкие мраморные ложбинки, вода в них темная, гнилая, и кажется мне, что «его» там нет, что взгромодили этот мрамор для того, чтобы так и осталось на уровне «версии» убиение в аптечном складе гостиницы «Англетер» той кровавой рождественской ночью.

Рушили гостиницу вопреки желанию ленинградцев. Не помогло долгое стояние толпы рядом с гостиницей, не помогли выкрики, не помогли маленькие, написанные от руки плакатики. Наши правители не ведают, что глас народа — это глас Божий.

И ухнули бесформенным тяжелым чугунным ударом по старой кладке екатерининских времен. Боялись раскрытия преступления даже через многие годы. И не зря боялись. И подтвердили еще раз этим «разрушением по приказу», что нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Опубликованные ныне бухаринские статьи о «есенинщине» и русском народе открыто и нагло, цинично и бесстыдно подтверждают факт казни истинно народного поэта.

Он любим, как никто другой. Где бы я ни читала стихи Есенина — в Киеве, Ташкенте, Вильнюсе, Риге, Минске и так далее, и так далее, — ответ слушающих, внимающих этим стихам везде одинаков: пронзительная тишина, когда читаю, и овация, когда заканчиваю. И еще записки из зала с просьбой читать далее и «любимое», а «любимых» стихов так много и выстраиваются они длинным рядом, подтверждая наличие живых и трепетных душ — в «бестрепетное» и бездуховное время.

Читать его стихи было счастьем всегда, но особенно радостно было читать в огромном зале имени Чайковского. Зал построен амфитеатром, белые спинки кресел, как рамы, — разделяют слушающих. Они со сцены не смотрятся общей массой, а каждый отдельно, каждый в белой раме и на синем фоне бархата, и каждый не случаен, а единственен, каждый пришел слушать именно стихи. То есть самое совершенное, на что способен человек, — принять в душу мир, понять, почувствовать его и то, что понял, увидел, пережил сердцем своим — отдать людям, как формулу и как молитву в совершенной законченной форме стиха.

Поэт — это мерило всего и вся, в нем все: философия, история, этика и все искусства, и главное — душа времени. Есенин — душа русская на все времена, потому что его время было роковым. Окрестили народ, как

«пададь и мразь». «Пусть для сердца тягуче колко, эта песня звериных прав. / Так охотники травят волка, зажимая в тиски облав». Облава — на народ! Он писал отчаянно смелые против «облав» стихи, находясь сам в окружении людей, которые эту облаву осуществляли. Облаву — расправу! Он понимал, чувствовал, предчувствовал и... не сдавался. «Так охотники травят...» — это про всех и про себя.

«Охота на волков» у Владимира Высоцкого, мне кажется, — взята из «Волчьей гибели» Сергея Есенина. Странно, что он не поставил посвящения Сергею Александровичу.

...В тот вечер я читала «Мою Россию» перед переполненным залом, и те, которые «переполняли», были столь однородны в своем восприятии, столь восприимчивы и понимающие, и жаждали — еще и еще. И получилось, что после обозначенной в афише программы я читала «еще» — сорок минут.

Я сидела в гримерной, из зала доносились настойчивые аплодисменты, а у меня не было уже никаких сил. Тут вошел помощник режиссера и вместе с букетом цветов подал мне визитную карточку. Я взяла маленький белый кусочек плотной бумаги и прочла: «Есенин». Закрыла глаза рукой, подержала на веках пальцы, отдышалась, открыла глаза, прочла: «Есенин».

Из всех даров, коими меня баловала жизнь, этот — особый. Я верю в особенность жизненных знаков, я полна предчувствиями, которые всегда сбываются, верю в числа, в цифры, в неслучайность грозы. Я прошу прощения у хлеба, когда его отдаю птицам, я разговариваю с деревьями. Все так. Но это! Очевидно, потрясение отразилось на моем лице, потому что принеся визитку сказал: «Это сын. Сын!» Я еще раз взглянула на карточку: Есенин Константин Сергеевич. «Простите, простите», — сказала я и встала. Мои глаза, мой взгляд не поднялся выше уровня середины галстука. Я ожидала увидеть «изящного» и среднего роста. Передо мной стоял высокий брюнет, с чуть курчавыми волосами. Лицо тоже совсем не похоже на портреты моего любимого поэта, но очень приветливое и какое-то размягченное, нежное лицо.

Константин Сергеевич сказал: «Я слышал, по-моему, всех, кто читал и читает Есенина. Яхонтова слышал. Качалова — тоже. Вы читаете лучше. Вернее всех. Душой читаете. А за “Волчью гибель” вам премию нужно давать».

Если бы это все было сказано актером или режиссером, то есть людьми, имеющими отношение к моей профессии, я была бы счастлива. Но то, что это сказал сын Есенина, я приняла как нечто большее, нежели оценку моего труда. Моя работа — смысл моей жизни, то, ради чего стоит жить — и то, что все в жизни оправдывает. Для меня эта оценка прозвучала как знак от Него, от Самого. Я столько раз прослушивала пластинку, на которой записан голос Есенина. Лучше самих поэтов стихи никто не читает. На пластинке записаны голоса Бунина, Брюсова, Блока, Ахматовой. Но среди этих неповторимых голосов, этих особенных, личных интонаций — есть один голос, который берет в полон и не отпускает. Ибо это не голосом прочитанное, а судьбой продиктованное.

Когда я готовила есенинскую программу, я старалась не повторить (Нет! Это невозможно!) всей возбудимостью, данной мне, всеми нервами, с полной затратой сил, не жалея, не оставляя ничего «про запас» для дальнейшего, — читать его судьбу, его свет, его любовь, его веру.

И вот, когда мне это в какой-то мере удалось, он и прислал мне своего сына, и сказал мне этот сын слова, которых я и не надеялась услышать.

Константин Сергеевич приходил на спектакли, звонил мне несколько раз, поздравлял с премьерами, с праздниками. Последний его звонок оставил во мне тревогу и горечь. Он говорил тусклым голосом, чувствовалось, что он не здоров, и еще что-то чувствовалось, о чем ему хотелось рассказать, но что-то или кто-то ему мешал. И я поняла только, что дома у него не все ладно и не так, как хотелось бы. Вскоре кто-то прочел в спортивной газете некролог и сказал мне об этом перед спектаклем. Я шла на сцену и не успела спросить, где именно некролог напечатан и когда панихида. Осталась у меня только его визитная карточка и память в сердце — благодарная и светлая.

Через несколько лет в «Литературной России» я прочла публикацию о том, как его близкие делили наследство при его жизни. Горько и больно.

30.11.1997

«Напишите о “сегодня”». Трудно. Трудно писать. И я понимаю — почему «сегодня» не порождает поэтов, почему нет настоящих пьес, почему оскудела проза. Не пишут. Слишком больно. Душе больно. Она полна только болью — наша душа. За землю, на которой мы живем; за людей, которые живут в муке; за стариков, которых гонят толпами в огромную общую могилу; за детей, которых продают, калечат, убивают, бросают в мусорные баки. Статистика, опубликованная в печати, должна бы привести в чувство наших правителей. Но азарт, с которым рвут на части нашу кроткую и безответную Родину, не имеет аналогов в истории человечества. Безумие разрушения. Сыновья раздирают тело своей матери. Оставлены далеко позади татарские набеги, вражьи нашествия, гражданские войны. Статистика потерь «тогда» и «сейчас» несопоставима. Нарушены все нравственные принципы, законы совести, законы естества. Все противоестественно, как на картинах Босха. Потеря лиц. Чудовища в пророческом «сне Татьяны» у Пушкина — явили свои, скрывавшиеся донине, — уродства и хохочут, глядя на лик Богородицы. «Ярый смех — раздался!» Он звучит чудовищностью звуков из миллионов телевизионных ящиков, магнитол, магнитофонов, музыкальных центров. Сатана завел свою шарманку и — пляшет, и беснуется «будущее» России, кружась в этой дьявольской пляске, забыв обо всем, чем прекрасна жизнь.

Они не живут, они торгуют — покупают и продают себя, своих любимых, свою мать, своего отца, своих настоящих и будущих детей, своих учителей, своих поэтов, свое ОТЕ-ЧЕ-СТВО! Чтобы запечатлеть это — нужен гений Пушкина и Данте. Нужен глас Божий, с призывом:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли!»

Сегодня нужен восставший поэт, а не конформист-поэт. Последних сегодня достаточно. Они вылизывают на презентациях тарелки тех, кто им платит за верную службу. А полученный за предательство своего народа гонорар аккуратно укладывают в надежные банки, которые не лопаются! А такие — за границей. «Скупые рыцари», мнящие себя поэтами, тащат «деньги вдовы» за рубеж. А если поэты — тащат, то что уж тут требовать от «не поэтов»!

Мы остались без поэтов, без молитв. Мы безгласны. Мы онемели. Мы разучились разговаривать о высоком, писать письма, читать подлинную литературу. У нас атрофировалось то, что названо душой.

Тело! Праздники тела для имущих, для конформистов любого толка, праздники дьявола! Безъязыкие, жалкие в своей робости, трусости, предательстве всех и вся, мы не понимаем, что из главных грехов, обозначенных в Святой Книге, мы не миновали ни одного. Мы только множим преступления против заповедей теми сегодняшними греховными обретениями, которые породили сами.

Те — великие, верующие и мудрые, которые творили, свершали подвиг написания Старого и Нового Заветов, не могли предположить, что надо вместо «почитай отца и мать» — писать: «не убивай своего отца и свою мать», вместо «не укради» — писать: «не кради, хотя бы когда тебя поймали за руку и назвали вором». Пойми, что прахом окажется все, что ты наворовал. Сам прахом, и дом твой станет прахом, и дети твои станут прахом и проклянут тебя за позор переданного им имени. Потому что рядом с твоим именем навсегда написано короткое позорное слово: «вор!» И получается вместо «не укради» — «не убивай детей своих и внуков своих, ибо им нести бремя грехов твоих, платить своею жизнью за бесстыдство твое, за алчность твою. И возлагаешь ты на них ношу неподъемную».

Что написали бы сегодня, как предостережение, вместо «не прелюбодействуй» и «не возжелай чужой жены», можно только представить. Так же, как можно представить оценку подобной «развернутой» проповеди теми, кто вершит праздник тела. Сплетение тел, как гигантский клубок — кто из них мужчина, кто женщина, кто «средний», кто живой, кто из них неживой? Но все они ритмично, с оскаленными мордами вместо лиц, с хриплыми животными звуками, мокрые от пота, спермы и крови — совершают акт грехопадения, олицетворяя собою гигантский фаллический кошмар, созданный как предостережение великим скульптором в городе Осло.

Церковные пастыри сегодня не смогут замолить наши грехи, защитить нас перед Господом. Слишком тяжелы эти грехи, слишком их много.

Да и каются в своих грехах не те, которые грешат, а те, которые терпят. Поститься должен тот, кто ест и пьет не в меру, а те, которые живут впроголодь, и так постятся невольно. «Я верю в Тебя, Господи» — означает: я живу по законам Твоим, Господи, обозначенным в Святых Книгах. Митрополит Петербургский и Ладужский Владыка Иоанн — нареченный теми, кто внимал ему, «Добрый Пастырем» — писал: «Пойми, русский человек, — Отечество твое ценой невероятных жертв и страданий, ценой самоотверженного подвига отцов и дедов твоих отстояло духовную самобытность. Под натиском богоборческих сил и соблазнов «общества потребления» пали некогда христианские государства Европы, разменяв «злато на черепки» — возвышенную духовность Божественной истины на блеск супермаркетов и блудливый ассортимент «секс-шопов». Россия же — выстояла. Сегодня она — обескровленная, преданная, обманутая, но все еще страшная врагам своей нерастраченной духовной мощью — осталась едва ли не последним препятствием на пути триумфального шествия мирового зла, до времени скрывавшего свою личину под маской «демократии», «гуманизма», «прогресса». Незыблемой основой этой русской мощи, залогом будущего воскресения Святой Руси была и есть Церковь Православная,

торжествующая ныне свою духовную победу над богоборцами и христоненавистниками. Церковь никого не принуждает — но всех зовет разделить с ней это ее торжество. Вонмите гласу Церкви, придите под благодатный покров Русского Православия — и не будет в мире силы, способной одолеть наше соборное единство.

Многие народы, отступив от веры и Бога, духовно погибли. Утерав свою самобытность и культуру, они полностью растворились в апостасийной «цивилизации потребления», которая сегодня навязывается Западом всему миру как идеал».

Я смотрю на портрет Пастыря Доброго — очень простые, мягкие черты и веселый, чарующий добротой взгляд небольших умных глаз. Нет во взгляде упрека за грехи, нет многозначительного серьеза, нет желания «встать над толпой». Есть только призыв к любви.

Для Владыки Иоанна «возлюбить ближнего» — было естественным, простым, привычным. Он каждого принимал в свое сердце. Он «лечил» собою.

Как редко «по ящику» удастся увидеть и услышать православного пастыря! Когда в «доперестроечное» время я покупала путевку и каждое лето имела возможность «узнавать мир», уезжая в Италию, Францию, Англию, — то, включая по утрам их «ящик», я наблюдала многочасовые проповеди их служителей церковных и понимала, что это у них всегда и обязательно.

Его Святейшество Алексий II не появляется в нашем «ящике» последнее время совсем. Главу Православной Церкви отлучили от широкого общения со своей паствой, как провинившегося школьника. Его высказывания комментируют самонадеянно и нагло те, которые вообще ни во что не верят и поклоняются дьяволу. Это надругательство над Православием, над народом, который от века православный, это низложение понятия «глава Церкви» до уровня среднего чиновника. Будто нет у нас ни Церкви, ни ее главы, ни тех, которые поддерживают свой народ, следуя Великому Учителю. Ваше Святейшество, Алексий, все истинно верующие во Христа — с Вами, любят Вас и молятся за Вас!

Все мои упреки и притязания — это прежде всего притязания и упреки самой себе. Общая вина — следовательно, и моя вина, мое покаяние, моя молитва к Господу о прощении грехов моих и не моих тоже.

Вразуми нас, Господи, и прости нас!

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валентин РАСПУТИН

ПЛАНЕТА СИБИРЬ*

*Публикация
посвящается 75-летию
великого русского
писателя*

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. **Живет в Иркутске.**

* Печатается в сокращении.

Это громадное пространство носит общее прозвище Сибирь, с которым, вероятно, и останется навсегда, потому что ничего другого, кроме Сибири, из него выйти не может.

В. К. Андриевич, историк Сибири

Слово «Сибирь» — и не столько слово, сколько само понятие, давно уже звучит вроде набатного колокола, возвещающая что-то неопределенно могучее и предстоящее. Прежде эти удары то приглушались, когда интерес к Сибири вдруг понижался, то снова усиливались, когда он поднимался, теперь они постоянно бьют со всё нарастающей силой. Сибирь! Сибирь!.. Одни слышат в этом гулком звучании уверенность и надежду, другие — тревожную поступь человека на дальней земле, третьи ничего определенного не слышат, но прислушиваются со смутным ощущением перемен, идущих из этого края, которые могли бы принести облегчение. Сибирь неминуемо чувствуют в себе даже те, кто никогда в ней не бывал и находится вдали от ее жизни и ее интересов. Она сама вошла в жизнь и интересы многих и многих — если не как физическое, материальное понятие, то как понятие нравственное, сулящее какое-то неясное, но желанное обновление.

От богатств самородных, лежащих на поверхности и близ поверхности, до богатств глубинных и производительных — все есть в Сибири, каждому веку она угождала, и в оценках ее, от первых слухов до последних научно-экономических обоснований, постоянно видна превосходная степень. Но уже и теперь, когда Земля почувствовала признаки удушья, она оборачивается на Сибирь: «Это легкие планеты». Уже и теперь... Нетрудно понять, что будет первой и непреходящей необходимостью для человека через трид-

цать, сорок и пятьдесят лет, и для чего Сибирь могла бы явиться воистину целебной и спасительной силой.

Мы привыкли к языку сравнений, но никакие сравнения ничего не скажут о Сибири. Мы можем сопоставлять лишь результаты освоения, дела рук человеческих, не более. Но нет ничего в мире, что можно было бы поставить в один ряд с Сибирью. Кажется, она могла бы существовать как самостоятельная планета, в ней есть все, что должно быть на такой планете во всех трех царствах природы — на земле, под землей и в небе. Ее собственная жизнь, столь разнovidную и разнохарактерную, невозможно обозначить известными понятиями. Со всем тем, что существует в ней плохого и хорошего, открытого и неоткрытого, свершившегося и несвершенного, обнадеживающего и недоступного, Сибирь — это Сибирь, которая имеет свое имя, лежит на своем месте и выработала свой, ни на что другое не похожий характер. Из конца в конец и из края в край над нею витает свой дух, словно бы до сих пор не решивший, быть ему добрым или злым, — в зависимости от того, как поведет себя здесь человек. За четыреста лет, прошедших после покорения Сибири русскими, она, похоже, так и осталась великаном, которого и приручили, и привели местами в божеский вид, но так и не разбудили окончательно. И это пробуждение, это духовное осознание ее самой себя, хочется надеяться, еще впереди.

Слово «Сибирь» так и не расшифровано, точное этимологическое значение его не найдено. Для человека постороннего, знающего о Сибири лишь понаслышке, это огромный, суровый и богатый край — все как бы в космических размерах, включая и космическую выстуженность и неприютность. И в коренном сибиряке он видит скорее продукт загадочной природы, нежели такой же, как он сам, продукт загадочного человечества. Для нас, для тех, кто в Сибири родился и живет, это родина, дороже и ближе которой ничего в свете нет, нуждающаяся, как и всякая родина, в любви и защите — нуждающаяся, быть может, в защите больше, чем любая другая сторона, потому что тут пока есть что защищать. И то, что пугает в Сибири других, для нас не только привычно, но и необходимо: нам легче дышится, если зимой мороз, а не капель; мы ощущаем покой, а не страх в нетронутой, дикой тайге; немеренные просторы и могучие реки сформировали нашу вольную, норовистую душу. Разные взгляды на Сибирь — взгляд со стороны и взгляд изнутри — существовали всегда; пусть и сместившись, поколебавшись и сблизившись, остались они разными и теперь. Одни привыкли смотреть на нее как на богатую провинцию, и развитием нашего края они полагают его скорое и мощное облегчение от этих богатств, другие, живучи здесь и, являясь патриотами своей земли, смотрели и смотрят на ее развитие не только как на промышленное строительство и эксплуатацию природных ресурсов. И это тоже, но в разумных пределах. Дабы не было окончательно загублено то, чему завтра не станет цены и что уже сегодня, на ясный ум, не опьяненный промышленным угаром, выдвигается по-перед всех остальных богатств. Это — воздух, вырабатываемый сибирскими лесами, которым можно дышать без вреда для легких; это чистая вода, в которой мир и сейчас испытывает огромную жажду, и это не зараженная и не истощенная земля, которая в состоянии усыновить и прокормить гораздо больше людей, чем она кормит теперь. В сущности, опершись на Сибирь да еще на некоторые, пока заповедные районы, человечество могло бы начать новую жизнь.

Так или иначе, очень скоро, если оно собирается существовать дальше, ему придется решать главные проблемы: чем дышать, что пить и что есть, как, в каких целях использовать человеческий разум? Земля как планета все более и более устанавливается на четырех китах, ни один из которых нельзя сейчас считать надежным. И если слово «Сибирь» в своем коренном смысле не означает «спасение», оно могло бы стать синонимом спасения. И тогда отсталая, в сравнении с Северной Америкой, колонизация Сибири, в чем долго упрекали старую Россию, обернулась бы великой выгодой; и тогда русский человек не без оснований мог бы считать, что он выполнил немалую часть своего очистительного назначения на Земле.

Покорителем Сибири стал, как известно, Ермак Тимофеевич. То, что и сам Ермак, и его дружина были из казаков, значило очень многое. Казак — татарское слово, оно переводится как удалец, смельчак, человек, порвавший со своим сословным кругом. Казачество зародилось на Руси вскоре после свержения татарского ига и сформировалось в течение XVI века с усилением феодальной и крепостнической зависимости русского народа. Люди, не желавшие выносить никакого, в том числе и отеческого ига, бежали от него в Дикое Поле, в низовья Дона и Волги, основывали там свои поселения, избирали атаманов, принимали законы и начинали новую и вольную, никакому царству, никакому ханству не подчиненную жизнь. Позже русскому казачеству пришлось-таки идти под цареву руку, потому что иначе ему было и не выжить, но тогда, в XVI столетии, еще нет, тогда казаки сами себе были хозяева. Царские власти, играя на патриотических чувствах, могли использовать их против своих беспокойных южных соседей, против Турции, крымских и ногайских татар, но могли за самовольство или в результате дипломатических маневров с теми же соседями наслать на них карательные экспедиции — отношения между Москвой и вольным казачеством всегда были сложными, а в первое время в особенности. Одно хорошо: если России угрожала серьезная опасность, казаки считали своим долгом выступить на ее защиту, откуда бы эта опасность ни исходила, — или от ближней Турции, или от дальней Литвы. В Ливонской войне, как доказывают в последнее время историки, принимал участие накануне своего сибирского похода и Ермак Тимофеевич.

В покорении и освоении Сибири казаки сыграли роль исключительную, почти сверхъестественную. Только особое сословие людей дерзких и отчаянных, не сломленных тяжелой русской государственностью, чудесным образом смогло сделать то, что удалось им. Говоря о фигуре Ермака, трудно не приостановиться и не отдать дань нашей российской слабопамятливости и небрежению... После свержения татарского ига и до Петра Великого не было в судьбе России ничего более огромного и важного, более счастливого и исторического, чем присоединение Сибири, на просторы которой старую Русь можно было уложить несколько раз. Только перед этим одним фактом наше воображение в растерянности замирает — словно бы застревает сразу за Уралом в глубоких сибирских снегах. Однако о Колумбе, открывшем Америку, нам известно все. Что Колумб! — о древнеримских императорах и патрициях мы помним больше, чем о Ермаке. Ну ладно, не мог он вести, как Колумб, судовой журнал, не было возле него, как возле Нерона, замышлявшего убийства, расторопного историка, но ведь не оказалось и совсем никого, кто бы понимал значение его фигуры и величие его похода.

Это уж после спохватились, когда выяснилось, что не знаем ни имени Ермака, ни рода, не запомнили и не записали, в каком году выступил он против Кучума, сколько его отряд насчитывал казаков и чем помогли Строгановы, за один ли переход, как считает известный историк Р. Г. Скрынников, он добрался до столицы сибирского ханства Искера, или ему потребовалось возвращаться после зимовки обратно, а затем снаряжаться вновь. Строгановские летописи мы вынуждены подозревать в неточности именно потому, что они строгановские и могли преувеличивать роль этой фамилии в деле присоединения Сибири; на другой документ, на Синодик тобольского архиепископа Киприана, составленный спустя сорок лет после Ермака по рассказам оставшихся в живых участников похода, мы также смотрим с недоверием: уж очень хотелось преосвященному в интересах местной церкви сделать из Ермака святого, и потому не подходящие для канонизации факты из его жизни он не задумался бы приукрасить или опустить. Не зря говорят: кто владеет настоящим, тот владеет и прошлым.

И вот уже не одно столетие мы гадаем: верно ли, что Ермак, как поется в народных песнях, по Сибири погуливал, подобно Степану Разину, по Волге и Дону да потрагивал не без корысти купеческие и царские караваны? Или народ, путая добродетели, награждает для пущей славы своего героя тем, что за ним не водилось? Спорим: Ермак — это прозвище или усеченная форма имени Ермолай? А может, от Еремея, от Ермила?

Во взгляде на первого сибирского героя и на его подвиг лучше всего, очевидно, следовать известными, проторенными историей путями. Поправки, которые предлагаются нынешними исследователями, не представляются настолько убедительными, чтобы их можно было безоговорочно принять. Так, едва ли есть основания обеливать Ермака в той части его биографии, которая относится к ватажной жизни на Волге, когда пытаются доказать, что не мог Ермак заниматься непотребным, «воровским», ремеслом. Его соратники могли, а он — нет. Не надежней ли в этом факте положиться на народную память и народное чутье, которые редко раздавали понапрасну подобные доблести? Трудно, кроме того, предположить, зная те времена и нравы, чтобы человек, проводивший в Диком Поле не менее двадцати лет и ставший атаманом, уберегся бы от привычных для казацкой вольницы занятий.

Нам теперь уже не узнать, от кого исходила инициатива — от самого Ермака, когда ему понадобилось от греха подальше уйти с Волги, или действительно от Строгановых, решившихся наконец на серьезные действия по отношению к своему восточному соседу, как не узнать, существовали ли у Ермака сомнения, идти или не идти ему тяжелым и опасным походом в Сибирь, но было бы жаль, если бы вместо Ермака против Кучума выступил другой человек. Уж очень подходящ для этой роли именно Ермак, человек из народа, словно бы самим народом отправленный в Сибирь и не оставленный им без славы. Он, да еще Степан Разин стали вечными любимцами русского народа, олицетворением его давних вольнолюбивых устремлений. Но если Степан Разин искал своим бунтом воли на старых русских землях, Ермак открыл, как распахнул, для воли земли новые, сказочные, не имеющие, казалось, ни конца и ни края.

Ермак овладел столицей сибирского ханства Искером, по старым источникам, осенью 1582 года, в августе 1585 года погиб в неравном ночном бою,

после чего оставшиеся в живых из его отряда вынуждены были отойти, а уже в 1639 году енисейский служилый человек Иван Москвитин поставил на берегу Охотского моря зимовье, и русские вышли к Тихому океану, в 1648 году Семен Дежнев проплыл проливом, который отделяет Америку от Азии. Уму непостижимо! Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжелые грузы, зимую в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя с каждым переходом товарищей и силы, пользуясь не картами и достоверными сведениями, а слухами, грозившими оказаться придумкой, нередко в горстку людей, не ведая, что ждет их завтра и послезавтра, они шли все вперед и вперед, дальше и дальше на восток.

Что же вело их на восток, что заставляло, пренебрегая мучениями и опасностями, так торопиться? Обычно выставляют одну причину: жажда наживы, необходимость отыскать новые земли, где природные богатства, и особенно пушнина, оставались еще нетронутыми, и желание, служа царю и воеводе, поставить им под ясак новые народцы. Вело, разумеется, и это, но будь это единственной причиной, казаки-первопроходцы так не торопились бы. Но нет, они спешат. А как, представьте, выдержать спокойную и разумную жизнь, как усидеть на месте, если слышно от кочевников: впереди великая река Енисей, потом великая река Лена, по которой живет большой и мастеровитый народ (якуты), а затем реки и вовсе поворачивают встречь солнцу. Нет, не в русском характере здесь усидеть в спокойствии, ожидая указаний, не в русской стихии быть благоразумным и осмотрительным, оставив родное «авось». Можно быть уверенным, что не только корысть направляла казаков и не только, что уже благородней, дух соперничества в первенстве двигал ими, но и нечто большее. Здесь было словно волеизъявление самой истории, низко склонившейся в ту пору над этим краем и выбирающей смельчаков, чтобы проверить и доказать, на что способен этот полусонный, по общему мнению, и забитый народ. Тут немалой частью энергии для столь могучего порыва явилось народное самолюбие.

Сибири суждено было войти в плоть и кровь России, так оно и произошло. Ермак, острым и быстрым клином, как ножом, вонзившись в ханскую Сибирь, лишил ее прежней власти, казаки-первопроходцы, наскоро пройдя Сибирь насквозь, простежив ее боевыми острогами, словно бы подшили ее к России. Но русской и оседлой Сибирь сделали не воины, не служивые, промысловые и торговые люди, а хлеборобы. Волны, которыми двигала нажива, накатывали и откатывали — за пушниной, мамонтовой костью, за золотом и другими драгоценными металлами — и, выбив, выбрав богатства, опустошив сибирские леса и по тогдашним возможностям сибирские недра, искатели скорого счастья уходили восвояси. А пашенный человек, пришедший на эту целомудренно пустовавшую землю вслед за казаком, между тем распахивал степь или корчевал под поле тайгу и год от года сеял и собирал хлеб, растил детей, умножал семьи и делал теперь уже свой многотрудный край жилым и доступным.

Этот тихий и незаметный, как прежде говорили, угодный Богу труд сделал решающее дело. В конце концов Сибирь покорила тому, кто ее

накормил. Уже через сто лет после Ермака она стала обходиться собственным хлебом, а еще через сто — не знала, что с ним делать. Интересно, что противники строительства через Сибирь железной дороги в XIX веке выставляли одним из главных доводов опасение, что по этой дороге Сибирь беспрепятственно завалит Россию своим дешевым хлебом, а России, мол, и собственного девать некуда.

Он, крестьянин, и прирастил окончательно Сибирь к России, сохой завершив огромное по своему размаху и по своим последствиям предприятие, начатое Ермаком с помощью оружия. И надо признать: Сибирь досталась России легче, чем можно было предполагать. Досталась как великая удача, как небывалый, по слову сибиряка, фарт.

Говоря о характере русского сибиряка, нелишне повториться, что с самого начала его формировала народная вольница. Колонизация Сибири прежде всего была народной, и раньше тех, кого правительство направляло «по выбору» и «по указу», сюда пробирались отряды «вольноохочих». В Сибирь шли люди, уходившие от ограничений и притеснений и искавшие свободы всех толков — религиозной, общественной, нравственной, деловой и личной. Сюда двинулись и те, кто не в ладах был с законом, чтобы скрыться в зауральских глубинах от наказания, и те, кто искал справедливого общинного закона, который бы противостоял административному гнету, и те, кто мечтал о сторонушке, где бы вовсе не водилось никаких законов. Рядом с авантюристом шагал праведник, рядом с тружеником — пустожил и прохода. Религиозный раскол XVII века двинул в Сибирь десятки тысяч самых крепких, самых стойких духом и характером людей, которые отказались признать церковные и государственные нововведения и предпочли им уход из мира в неприступную глухомань. Еще до недавнего времени находили их поселения, где человек в языке, обычаях, верованиях, в одежде и способах существования остался таким же, каким он был триста лет назад. Можно удивляться фанатичности этих людей, но нужно удивляться и их жизнестойкости и твердости, выходящих за границы наших представлений об этих понятиях. Все сходилось в Сибири — и староверческая община, отличавшаяся чистой и крепкой нравственностью, противостояла здесь ссыльно-уголовному братству, которое держалось законами совсем другого рода. Н. М. Ядринцев отмечал: «Эти села потому и носят характер старины, потому в них видны сила и порядок, что главную массу их населения составляют раскольники. И в других раскольничьих селениях Сибири, где бы они ни попадались, в Восточной или Западной Сибири, видна та же порядочность, то же довольство во всем. Самая наружность жителей другого рода, точно они составляют особое племя. Красивые, полные, белолицые, свежие женщины в цветных, опрятных сарафанах, опрятные, почтенного вида старики, красивые парни; во всем порядочность, чистота и довольство».

И теперь человек из семейских, как называют староверов, вызывает даже и в сибиряке особое уважение и интерес: из семейских — значит, как правило, надежный товарищ и отменный работник.

Чтобы выстоять и не опустить руки, мало было сибиряку иметь крепкие силы, надо было иметь еще и крепкий дух, дух гордого сопротивления и неубывающего упрямства: а все-таки выдержу, не уйду, все-таки я сильнее. Не подправил ли Бог этот край Сибирь в самом конце Своего творения, когда Он усомнился в человеке? — вот как, озирая со своего поля рассти-

лающиеся перед ним неласковые дали, в скорбной гордыне мог размышлять в ту пору сибиряк.

Прибавьте к его несчастьям в прошлом еще одно зло — бродяг. Известно, что Сибирь — край каторги и ссылки, куда со всей огромной и законом не устроенной империи сваливали за всякую, большую и малую, провинность, полагая это пользой для малонаселенного края. Почему-то принято считать (надо думать, по воспоминаниям, которые уголовники не пишут), будто сюда направляли едва ли не только политических ссыльных. Кстати, с политическими ссыльными, от декабристов и польских повстанцев до марксистов, Сибири, можно сказать, повезло, хотя сами они, оказавшись здесь, разумеется, не считали, что им повезло. Но добро есть добро, в каких бы обстоятельствах оно ни творилось, и для нашего темного в ту пору и малоизученного края их деятельность в науке, культуре и просто нравственном и личностном воспитании явилась благом. Одно присутствие здесь декабристов, разбросанных в ссылке по всем просторам Западной и Восточной Сибири, имело на общественность такое влияние, что, во-первых, будучи во многих местах разрозненными умами, она стала общественностью и, во-вторых, обрела цели, которые в конце концов привели к открытию Томского университета.

Но Сибирь в основном была наводнена уголовниками. В некоторых углах их насчитывалось больше, чем местных жителей, и понятно, что ничему другому, как своему ремеслу, они их учить не могли. Дело даже не в развращении нравов; коренной сибиряк был достаточно устойчив, чтобы не поддаться ему, — главная беда исходила от густого бродяжничества этих людей. Надзор за ними никуда не годился, убежать с места поселения было намного легче, чем выжить затем в дороге, поэтому человек, решившийся на побег, готов был на все — на воровство, на грабеж, на убийство. Это мы теперь, выпевая жалостную песню о бродяге, который «к Байкалу подходит, рыбацкую лодку берет», сокрушаемся о его погубленной судьбе — предок наш плакал от него горькими слезами. Он держал оружие не только против зверя, но и против темного человека, который в любой момент мог постучать в окно и потребовать все, что ему заблагорассудится. Надо ли удивляться после этого недоверчивости и скрытности сибиряка, его якобы недружелюбности и холодности? Да, недоверчив, холоден, приглядчив, но только поначалу, пока не изучит тебя и не поймет, что ты зла не несешь, — и тогда душа нараспашку, и этот же человек, который вот-вот, казалось, завернет тебя с порога, принимает и угощает как родного брата, без лишних слов и ненужных чувств, но хлебосольно, дружелюбно, с той искренностью и радушием, с которыми и должен радоваться в этом мире человек человеку.

О гостеприимстве сибиряков ходят легенды, быть может, несколько преувеличенные, имеющие, однако, немалые основания, чтобы им появиться и держаться. Деревни и села по рекам отстояли друг от друга далеко и были небольшими, круг людей в них один и тот же, поэтому, истосковавшись в долгом таежном промысле и страдных делах по свежему человеку, сибиряк умел ценить общение и пользоваться им. Оно было для него как праздник. Да и просто отношения друг с другом, со своими соседями и односельчанами отличались основательностью и серьезностью. Сердце по пустякам на мелкие обиды и ссоры не сворачивали, а дружили — так дружили, враждовали — так враждовали, все в полную силу и по полной мере.

Без взаимовыручки и общинного духа обойтись здесь было труднее, чем где-либо в другом месте. Уходя из таежного зимовья, охотник обязательно оставлял сухую растопку, спички, соль, еду — мало ли в каких обстоятельствах может оказаться человек, который придет сюда вслед за ним. Этот закон неукоснительно соблюдался веками и стал исчезать только в самое последнее время. Для тех же бродяг, от которых сибирский старожил много страдал, он, запираясь на ночь, не забывал вынести на специально вырубленное для этой надобности в глухом заплоте окно кринку молока и буханку хлеба: поешь, путник, и следуй дальше. Выносил прежде всего из сострадания, а уж потом — чтобы отвести от своей усадьбы злую руку. И принято было отдавать последнюю копейку, когда по городам и селам, от дома к дому и от избы к избе незнакомые люди, пряча глаза, собирали «на побег товарищу». Но больше всего на характер сибиряка повлияла сама Сибирь — как земля, как мир, в котором он жил и воздухом которого он дышал, как рождающая и несущая его родина. Подобно тому, как «в народах отражается их отечество» (А. П. Щапов), в человеке отражается его отчий край.

Нас могут подавить лишь то величие, та мощь, которые неестественно и резко выделяются среди всего остального, делая сравнение грубым и печальным. Когда же все в природе вокруг соразмерно, выдержано в одном крупном масштабе, это возвышает, в свою очередь, и человека. Генетика земли — вещь столь же изначальная и определенная, как и генетика крови. В виду великой природы и ее неослабевающего торжества человек невольно чувствовал себя значительным и сильным. Малолюдность увеличивала в нем это настроение. Огромные труды, затраченные, чтобы закрепиться и выжить на этой нелегкой земле, способствовали уважению к себе — как к величине того же порядка, что и все вокруг, и даже выше. Весь мир рядом дышал суровым достоинством и свободой, затаенной глубиной и крепостью, и во внешнем покое ощущалось пружинистое напряжение — сибиряк, естественно, перенял этот дух, и, наложившись в нем на стихию прадедовской вольности, он затвердел, пожалуй, чуть больше, чем надо.

Важно еще, что здесь никогда не существовало крепостного права, давившего на человека и физически, и морально, лишавшего его самостоятельности и гнетуще влиявшего на его отношение к труду и вообще к жизни. Сибиряк привык полагаться на себя.

Можно сказать, что во всех своих качествах, удачных и неудачных, плохих и хороших, сибиряк есть то, что могло произойти с человеком, за которым долго не поспевали ограничительные законы.

Но, размышляя о сибиряке как о выделившейся благодаря отбору и местным условиям русской ветви, не следует забывать, что он расселился на огромных территориях, происходил из различных социальных групп и только поэтому уже не мог быть одного лада и одного покроя. Алтаец, выходец из сурового раскола, и забайкалец, предок которого сослан был в рудники, или прямой потомок вольного казака на берегах Енисея — все они мало походят друг на друга. И потому всякие попытки вывести из сибиряка нечто единое и общее имеют весьма приблизительные очертания.

Впрочем, на то он и сибиряк, на то она и Сибирь, чтобы не поддаваться полному извлечению из себя и остаться вещью в себе. Сохраняющая стремительность в одно время года и медлительность — в другое, с неровными

и непрочными в своих границах переходами — это и есть Сибирь. Порывистость и оцепенелость, откровенность и затаенность, яркость и сдержанность, щедрость и сокрытость — уже в понятиях, имеющих отношение не только к природе, — это и есть Сибирь. И, размышляя об этих двух едва ли не противоположных началах, вспоминая, как велика, разнообразна и непроста Сибирь, с той же порывистостью кидаешься вслед беспокойному зову и с той же сдержанностью приостанавливаешься: Сибирь!..

Слишком многое сходится нынче в этом слове.

И так хочется из этого огромного и сложного клубка связанных с Сибирью противоречивых надежд и устремлений, так хочется добыть из него, как волшебное жемчужное зерно, одну простую и очевидную уверенность: и через сто, и через двести лет человек, подойдя к Байкалу, замрет от его первозданной красоты и чистых глубин; и через сто, и через двести лет Сибирь останется Сибирью — краем обжитым, благоустроенным и заповедным, а не развороченным лунным пейзажем с остатками закаменевших деревьев.

ВЫШЛА КНИГА

Александр Раков. ПИШУ СВОЮ СУДЬБУ ДО ТОЧКИ

В издательстве «НАУКА» вышла в свет девятая книга «былинок», 608 страниц, более 400 стихотворений 320 поэтов, 280 иллюстраций, тираж 1000 экземпляров.

Так как я не являюсь профессиональным критиком, оценка будет происходить по принципу «нравится или не нравится», что, естественно, несет в себе некоторую долю субъективности. Но тут же следует себя опровергнуть, потому что главное достоинство книги объективно и заключается в том, что труд написан по-русски, то есть с любовью.

Еще одно достоинство книги Александра Ракова (это проследивалось и в предыдущих книгах «былинок») в том, что он вытащил из «мглы забвения» множество имен поэтов забытых или полузабытых. В этом плане книга «Пишу свою судьбу до точки» и восемь предыдущих — своеобразная антология российской поэзии.

Каждая «былинка» не несет в себе никакой прямой назидательности. Неточно цитируя Лермонтова, скажу, что задача писателя — определить болезнь общества, не давая рецептов излечения. Этот действительно художественный подход к творчеству — еще один плюс книге.

Использование в каждой «былинке» стихотворений (одного или нескольких) естественно дополняет мысли и чувства автора, обогащает их, придает некую творческую соборность, столь необходимую в наше время воинствующего эгоизма. Индивидуальность автора этим только подчеркивается, а не сводится на нет. Хотя в подобном случае легко уйти в сторону, потеряй автор чувство меры. Как говорил еще Гомер, «талант — это чувство меры». Но автор этого чувства, слава Богу, не теряет...

Николай Зиновьев, поэт, Краснодарский край

ФИЛОСОФИЯ ВЫБОРА ЮРИЯ БОНДАРЕВА

*Валерий Сдобняков
беседует
с Юрием Бондаревым*

Валерий Викторович Сдобняков — родился в 1957 году в Красноярском крае, на станции Решеты. Прозаик, публицист. Лауреат литератур-

ных премий имени М. Горького, имени Города (Н. Новгород), лауреат волгоградского фестиваля православных СМИ им. Александра Невского. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Живет в Нижнем Новгороде.

В просторном, светлом кабинете знаменитого писателя среди книг, картин, фотографий по-домашнему уютно. Пока Юрий Васильевич за своим, аккуратно прибранным письменным столом смотрит какие-то бумаги, я оглядываюсь вокруг, привыкая к обстановке. Оттого что комнату заливает полуденное солнце, выглядит она весело, празднично. А может быть это мое внутреннее состояние так меня «веселит». Ведь я сижу в кресле меж тех самых стен, в которых были написаны «Берег», «Выбор», «Игра», «Искушение»... — романы, в 70–80-е годы прошлого века взбудоражившие всю страну. Их читали, по ним ставили спектакли, снимали фильмы. Сколько же здесь, в этом кабинете было передумано? Сколько принято непростых решений и пережито творческих озарений?

Валерий Сдобняков: Уважаемый Юрий Васильевич, я из того поколения, которое входило в литературу, посвящало свою жизнь литературному творчеству, находясь под впечатлением от ваших военных повестей «Последние залпы», «Батальоны просят огня», романов «Тишина», «Горячий снег». Мы учились мастерству по вашим книгам, которые сказали новое слово в русской, советской романистике — «Берег», «Выбор». Содержание этих книг пронизывала горькая, но мудрая, жизнеутверждающая правда. Видимо, потому их так любили и с таким упоением читали. Ваши романы оказались определенной творческой вершиной в русской литературе второй половины XX века. Поэтому я хочу попросить вас поделиться своим пониманием того, что же это за феномен, без которого как без воз-

духа не может обойтись человечество вот уже многие и многие века, и название которому литературное творчество? Что такое литература? Когда вы сами впервые почувствовали тягу к писательству? Что послужило толчком к созданию первого произведения? Когда вы осознали, что писательство — это создание новой духовной реальности, создание новых человеческих судеб, новых миров бытия?

Юрий Бондарев: О литературе можно говорить долго — до бесконечности. Ибо она является основной частью культуры не только нашего Отечества, но и общемировой. Литературу сейчас часто сопоставляют с кинематографом, меньше с театром и тем самым как бы принижают ее, подчеркивают ее несамостоятельность в искусстве. Все это от лукавого. Слышатся утверждения, что кинематограф не только конкурирует, но окончательно занимает место литературы в культурном пространстве жизнедеятельности человека. На Западе тот расцвет литературы, который произошел сразу после Второй мировой войны и затем в 60–70-х годах прошлого века (кстати, в эти же годы и вплоть до 90-го очень сильна была и наша литература, став одной из самых талантливейших и высочайших литератур в мире), сейчас заметно угас. Об этом можно судить по тем редким переводам, которые у нас делаются. Видимо на тот литературный подъем в XX веке большое влияние оказала война. Она всколыхнула мир. Всегда после таких общемировых потрясений возникает движение в искусстве. Это непреложный закон. Искусство ускоряет свое движение и завоевывает новые высоты, что вполне объяснимо. Потому что человеческие чувства в подобных конфликтах обостряются, человек раскрывается какими-то своими совершенно неожиданными сторонами. И когда главные категории человеческой жизни, такие как свобода, мужество, святость, если говорить о душевном состоянии, жертвенность, ненависть, любовь, нравственность и сопротивление несправедливости, начинают иметь главную ценность в жизни, тогда и сам человек начинает многое совершенно по-иному оценивать в себе самом. Периоды мировых катаклизмов способствуют побуждению человека к поиску истины, будят жажду познания истины. Если, конечно, под истиной понимать именно высокую человечность — сохранение свободы и безопасности, защиты от несправедливости. Поиск истины — это необходимое состояние для сохранения человека как феномена и носителя жизни на земле. Чего, к сожалению, не всегда точно понимает политика. Хотя она в идеале тоже должна заниматься человеком, его усовершенствованием, в том числе за счет изменения, улучшения его отношений с внешней жизнью. Это главная задача политики.

В. С.: *Человек еще и духовен. И все сомнения, возникающие в его сердце, идут от духовных смут, духовной неустроенности и духовных заблуждений.*

Ю. Б.: Да, то, о чем я говорил, и есть духовные составляющие человеческой жизни. Мужество, любовь, самопожертвование — это духовные качества. Они питают совесть, нравственность. Ведь нравственность без духовности невозможна. Без нравственности немислимо самопознание и усовершенствование человека. Как нет литературы без писательского опыта, без памяти и воображения. Вот три главных субстанции, составляющих само понятие «ли-

тература». Если есть опыт, но нет воображения — то нет и литературы. Если есть воображение, но нет опыта — то тоже литературы нет. В таком случае написанные произведения становятся или риторическими, или слишком отвлеченными, слишком практическими, не вдохновленными. Если же попытаться дать определение единой формулой, то литература — это вторая действительность, но созданная человеком. Действительность эта не зеркальная, а напоминающая отражение леса в воде. Согласитесь — лес в воде, это совсем не тот лес, который растет на берегу. Если бы литература являлась только зеркальным отражением действительности, то это был бы лишь документ. А отражение леса в воде это и документ, и в то же время элемент прошлого и элемент будущего. Почему? Да потому что это рождает фантазию. Вспомните сейчас берег и лес, отраженный в воде. Это же какое-то чудо, правда? Литература — это, можно сказать, тоже чудо. Вот есть слово «художество», которое сейчас мы довольно часто употребляем. Так вот, в древнерусском языке слово «худое» обозначало волшебство, колдовство и чудеса.

В. С.: *Потребность человека в настоящей литературе была всегда и останется навсегда. То, что происходит сегодня — это искусственное понижение значимости художественного слова. Да и вообще слова, как высокого понятия. Вы посмотрите, как сейчас обращаются с языком, как его коверкают, сколько в печатных текстах и во всевозможных эфирах ненормативной лексики. Это же просто оскорбительно. В то же время настоящей литературе — высокохудожественной и глубоко нравственной чинятся всевозможные препоны. Ее почти не издают или издают унижительно малыми тиражами. После этого еще утверждают — да кому она нужна, ее никто не покупает. И ведь все это делается сознательно, целенаправленно.*

Ю. Б.: Совершенно верно. Я получаю огромное количество писем от читателей. И эти люди читают достойную литературу, а не какой-нибудь суррогат. Но ведь в теперешних библиотеках, как они пишут, не всегда найдешь нужную книгу. Из одного района жалуются, что во всех библиотеках смогли отыскать всего несколько моих книг. А ведь мои произведения в Советском Союзе издали в общей сложности двадцатью пятью миллионами экземпляров. Куда это все делось, куда пропало? Так что потребность в нашей литературе есть, люди читают. Но что действительно грустно — из множества писем только десятков написаны молодыми людьми. В основном же это люди старшего поколения. Молодежь, и в этом вы правы, уже сильно развратили, растлили Интернетом, телевизором, средствами массовой информации, которые ничего не стесняются показывать, ни о чем не стесняются рассказывать. А в молодые годы все воспринимается чрезвычайно остро, доверчиво.

В. С.: *Юрий Васильевич, но ведь вы и все ваше поколение вошли в русскую литературу очень жесткими, даже жестокими произведениями, в которых описывалась война со всей ее неприглядностью: кровь, смерть, муки, разрушения, вой снарядов, грязь, голод, страдания.*

Ю. Б.: Да, наши произведения были очень жесткими.

В. С.: Но как они духовно поднимали, возвышали людей. Грязь, смерть, переживания делали их духовно и нравственно чище, возвышеннее. А сейчас много показывают и подробностей войн, и кровь, но все это, наоборот, только понижает и развращает людей. Когда я перечитывал вашу первую повесть, то невольно задавался вопросом — откуда это все у вас, как вы смогли справиться с навалившимся на вас материалом, как это все преодолели, пережили, воплотили в художественное произведение? Помню, как меня потрясла ваша повесть «Батальоны просят огня». Но ведь вы ее написали, будучи совершенно молодым человеком.

Ю. Б.: А вы — знаете, откуда все берется? Ведь это же я и у вас могу спросить. Все начинается с какого-то одного, кажется, что случайно услышанного, слова. За ним возникает следующее, третье, двадцатое и так далее и так далее. Это трудно объяснить. Этот вопрос имеет какое-то мистическое основание. Ведь трудно объяснить порой, как написано то или иное стихотворение. Зачастую это почти невозможно. Разве что констатировать, что возникло какое-то настроение, затем мысль. Но вперед все-таки настроение. От одной мысли не может возникнуть стихотворение. «И звезда с звездой говорит» — это не от мысли. Лермонтов увидел звездное небо, его мерцание, распадающиеся веером в осеннюю пору лучи звезд и почувствовал, что они разговаривают. Не представил, не осознал, не придумал — почувствовал! А вот мне кажется, что разговаривают деревья. Недавно я смотрел на закат и вдруг заметил, что верхушки елей очень таинственно и нежно освещены угасающим светом. Произошло какое-то шевеление там, вверху, может быть от налетевшего ветерка, и в эту минуту мне показалось, что в каком-то чувстве эти деревья стали прикасаться друг к другу, словно плечами. Они будто говорили друг другу — прощай, солнце зашло, теперь будем ждать утра. То ли эти огромные ели были влюблены друг в друга, то ли еще что-то между ними происходило, но ощущение их причастности друг к другу меня не оставляло в тот вечер. Так возникло чувство, а от него может пойти уже все остальное — вплоть до нового философского осмысления происходящего вокруг нас. Ну а разве вас не удивляет, когда вы выходите в поле (не то, которое сейчас заросшее бурьяном и чертополохом, а настоящее, которое мы еще помним живым, рождающим колос) и видите сказочное разноцветье рассыпанных по его краю цветов. Я хорошо знаю степь, люблю ее, в моих «Мгновениях» очень много о ней пишу. Это поразительно, сколько разных цветов. Не просто зеленый, желтый, красный, а все с переливами, оттенками. И я поражаюсь — почему все так задумано, так происходит, с такой сложностью и красотой. Или тот же художник. Он подходит к холсту, бросает один мазок, затем другой краской следующий, и попробуйте мне объяснить, почему он рядом положил именно эту краску, а не другую. Это загадка. Я у художников спрашивал, как происходит у них творческий процесс? Нет, не смогли ответить. Для них это тоже загадка. Вот и наша работа для нас самих чаще всего нечто неразрешимое, необъяснимое.

Проза же, я думаю, связана с какими-то внешними, земными толчками. Вы идете по улице и вдруг слышите постороннюю фразу. Она вас непосредственно не касается, но вы запоминаете ее и даже думаете про себя — как хорошо сказано. Или напротив — как зло сказано. Но фраза эта в вас засела. Затем вы видите лицо человека, например женское — с

правильными красивыми чертами, с удивившим вас блеском в глазах, и у вас возникает какая-то мысль об этой женщине — кто она, чему радуется, с кем она. Так же в отношении мужчин. Очень часто я смотрю на лицо кого-нибудь из них и задаю себе вопрос — как бы он повел себя возле орудия, когда на него идет шесть танков. И я представляю как. Все это я вижу по лицу. Лицо, между прочим, очень о многом говорит. Я, например, по лицу могу угадать профессию человека. Так что рождение прозы связано вот с такими неожиданными толчками, с какими-то явлениями, которые происходят на ваших глазах, действиями, поступками, переживаниями.

В. С.: *Удивительно то, что все эти случайности одного человека могут подтолкнуть к написанию «Берега» или «Горячего снега», а другого никогда. В этом заключается неведомое нам, необъяснимое для нас чудо. Это чудо называется — рождение художника.*

Ю. Б.: На это у меня тоже есть ответ. Знаете, мне кажется, что бы и кто не говорил, но один из самых страшных пороков, распространенных в среде художников, это зависть. Почему? Потому что превосходство другого таланта, с одной стороны, порождает чувство соперничества, но с другой, и бессилия, оттого, что невозможно заимствовать чужой талант. Потому зависть переходит в ненависть. А это страшное дело. Я глубоко убежден, что заимствовать нельзя не только талант, но и его составляющие — смелость, великодушие, мужество, честность и т. д. Все это уже есть в человеке, в его генах. Все это корнями уходит в дальнюю даль. К прадедам нашим, за прадедов. Где-то, на каком-то периоде в роду был человек, который воспринимал природу не как дрова, а еще и несколько иначе. Тоньше, любовнее, красочнее. У пишущего же человека должен произойти в определенном возрасте толчок, благодаря которому должно что-то возникнуть, чтобы заложенное в генах пробудилось в ином состоянии. Вот мой пример. Я очень обязан маме своей за то, что она с детства приучала нас, своих детей, которых у нее было трое, к литературе. Мама читала нам сказки, детские книги, много рассказывала. Затем мне повезло и с учительницей. Где-то в шестом или седьмом классе она нам дала задание написать сочинение на тему — кто как провел лето. Я написал. И вдруг на уроке русского языка эта учительница зачитывает мое сочинение вслух. А затем после урока в коридоре она мне сказала: «Юра, у тебя что-то есть литературное. Поэтому, когда читаешь книги, то присматривайся, как писатель описывает природу, выстраивает сюжет». Я этого, конечно, все равно не делал, но все-таки и учительница что-то мне дала, что-то во мне пробудила. Но пробудила то, что уже где-то в глубине меня самого жило. Ну а потом, после войны, вечерами, отдыхая от тех гулянок, на которых мы праздновали Победу (а нам тогда заплатили большие деньги за подбитые танки, выпить мы любили, привыкли к этому еще с фронта, с ежедневных ста грамм фронтовых), я оставался один. И тогда что-то начинало возникать в сознании связанное с войной. И я написал первый свой рассказ. Так началась эта моя «болезнь», которая продолжается и по сию пору.

В. С.: *Ваше творчество можно разделить на три определенных периода. Я понимаю всю условность этого деления, но все-таки. Первый —*

это военная проза до «Горячего снега». Второй — где война смешивается с современной действительностью — «Берег», «Выбор». В третьем периоде вы полностью уходите в «кипучую современность» — «Искушение», «Бермудский треугольник», «Без милосердия».

Ю. Б.: Так, конечно, разделить можно. Хотя война у меня присутствует практически во всех романах. Разве что в самых последних ее нет. Но это потому, что сюжеты книг слишком далеко ушли от военного времени. Если бы я ввел в них какие-то военные сцены для более яркого углубления героев, для их характеристик, чтобы читатели их больше полюбили или наоборот возненавидели, то это выглядело бы немного искусственно. Ну, например, я совершенно не представляю, где можно было бы ввести военные сцены в «Бермудском треугольнике».

В. С.: *В ваших романах есть две особенности: всегда потрясающе достоверные изображения войны и переживаний любви.*

Ю. Б.: Да, война — всегда потрясение. Помню свой первый день на фронте: это железный скрип снега под ногами, встречный ледяной ветер, обжигающий до колючей боли лицо, почти срывающий с головы ушанку, одеревеневшие пальцы в рукавицах, ошпаривающее свирепым холодом железо нашего орудия. И первая ночь — подобие сна на снегу, на ветру, под горящими в косматых кругах сталинградскими звездами в черном небе. Тогда мы были молоды, полны надежды и веры, и нами владело неисчезающее чувство: скорее, скорее на передовую! И было потом первое утро войны, когда в крошечном аду перемешались небо и земля, орудия и танки, неузнаваемые лица солдат и пикирующие «Юнкерсы».

В. С.: *Да, тема войны буквально преследовала ваше творчество до самого последнего романа. И в «Мгновениях», и в публицистических статьях вы вновь и вновь возвращаетесь к тем тяжелым и судьбоносным годам для нашего народа. Значит, что-то в той войне, хоть и минуло с ее начала семьдесят лет, что не дает вам покоя?*

Ю. Б.: В интервью, которое я в свое время в ФРГ хотел взять у фельдмаршала Манштейна, был главный вопрос: «Что он подумал, когда понял, что его танковая группа уже не прорвется на выручку окруженной шестой армии Паулюса»? А прорыв этой армии из плотного кольца советских войск был для немцев важнейшей целью в Сталинградской операции. Я сейчас выскажу одну давнюю мысль, которую не использовал в романе «Горячий снег», потому что, с одной стороны, она мне показалась слишком публицистичной, с другой, видимо, не хотел, чтобы она кого-то шокировала. Но эта мысль главная, как мне кажется, для понимания стратегической сути Сталинградской битвы. Так вот, если бы контрудар Манштейна был бы осуществлен успешно, то немцы надежно закрепились бы на Кавказе, а это обстоятельство отодвинуло бы сроки окончания войны не на месяцы, а на годы.

В. С.: *Я такой оценки ранее нигде не встречал, даже в мемуарах наших полководцев. А вы видели танковые бои?*

Ю. Б.: Ну а как же. И главное ощущение от этого было всегда одно — грандиозное зрелище. Во время таких боев мы только «вылавливали» выдвинувшиеся немецкие танки и били по ним — в бок, по моторам, по гусеницам, под башню. А вообще это как бы другая война. Танки двигаются в таком бою, как муравьи растревоженного муравейника, — каждый ловит танк противника на прицел, бьет в упор, делает всякие маневры. Тут наши Т-34 были лучше. Очень маневренный, «реактивный» танк.

В. С.: *Все батальные сцены в ваших романах и в фильме «Освобождение» взяты из пережитого и пережитого?*

Ю. Б.: И я, и режиссер картины Озеров воевали, и все это видели, поэтому ничего придумывать нам не приходилось. Сейчас у нас хотят украть Победу. И при этом забывают, что союзники к нам присоединились только в сорок четвертом году. Однако все лавры они хотят навесить на себя. Молодежь на Западе думает, что это Америка победила Германию. Единственное, когда был жив Черчилль, он о наших победах всегда отзывался положительно, а это был авторитетный политик в мире. Сейчас же мелочь всякая кричит, раздирая голосовые связки, что победили во Второй мировой войне они. Нет, победили мы своим мужеством, своей кровью.

В. С.: *Юрий Васильевич, война такое страшное чистилище, но и она же породила целую плеяду хороших, талантливых писателей, таких как Виктор Некрасов, например.*

Ю. Б.: Он первым написал о Сталинграде. Я его очень ценил, мы с Виктором были близкими друзьями. Когда он приезжал в Москву, то обязательно звонил мне. Он не любил встречаться дома, и мы с ним заваливались в ресторан, там сидели допоздна. Это был настоящий мужик без всякой писательской фанаберии. А в нашей братии достаточно мусора — вы сами знаете. Виктор был лишен беспощадной писательской ревности, которая зачастую переходит в зависть, ну а там и до ненависти недалеко. Я это ощутил на себе.

В. С.: *Кроме Некрасова были и другие хорошие, талантливые писатели.*

Ю. Б.: Константин Воробьев. Он был серьезно ранен, контужен. Во время войны — разведчик и вообще много всего выпало на его долю. Незаконченный роман Воробьева «И всему роду твоему», написанный всего на одну треть, обещал многое. Это книга о судьбе фронтовика. Были Евгений Носов, Виктор Курочкин. Большое дело сделал Константин Симонов, о войне он сказал глубоко и честно. Это очень талантливый человек. Вообще мы должны быть ему благодарны: военную тему он не оставил почти до самой смерти. Он много сделал для справедливого воздаяния должного нашей армии. Я с ним не сошелся близко. Мы пытались сблизиться, все-таки оказались соседи по даче. Как-то он приглашал меня на обед, все было хорошо, по-доброму. Но не произошло того дружеского сближения, которое у меня было с Виктором Некрасовым, Константином Воробьевым. Так бывает, не

всегда люди сходятся. Но Симонов ничем не запятнал себя в жизни, никого не предал. Он вел себя всегда достойно.

В. С.: *Когда вы встречались с Некрасовым, то вспоминали с ним Сталинград?*

Ю. Б.: Знаете, о войне почти не говорили. Войну мы не вспоминали потому, что он знал ее хорошо, я тоже. Что же нам обсуждать, о чем друг другу рассказывать? Как и почему остались живы? Кто это сможет объяснить? Это было покровительство Бога, решение какой-то Высшей Силы, Которая помиловала нас, помогла нам выжить.

В. С.: *Юрий Васильевич, и в заключение несколько слов напутствия нашим читателям.*

Ю. Б.: В политике (как и в литературе) даже выдающийся замысел еще не реализованный сюжет. Наиболее древние формы русского сознания — это духовность, справедливость, любовь, верность, религия, защита родной земли, своей колыбели. Это незаменимые путеводные ориентиры в любом замысле серьезного политика. Поэтому в дни неудач и несчастий только душевное равновесие сохраняет волю и мужество. Нам в последние годы уже не однажды изменяло это ценнейшее качество — мужественное равновесие, совершенно необходимое для обдуманых стойких решений. И еще я хотел бы сказать. Как только человек отстраняется от литературы, он теряет очень многое в самом себе. Потому что литература — это не только познание внешнего мира, внешней жизни. В первую очередь, это познание самого себя. Если литература никак не воздействует на читателя (а такая литература есть) — это пустая литература, только для самовыражения. Поэтому читать надо хорошие книги, находить для этого время, отрывать его даже от сна, от любимого многими телевизора, от Интернета и от прочих развлечений, которые рожают в человеке инертность мышления, поступков, отношения к жизни. Потому читайте, любите книгу и великую русскую литературу.

ПРОЗА

**Нина
ШКОЛЬНИКОВА**

ЛЕБЕДЬ БЕЛЫЙ, ЛЕБЕДЬ ЧЕРНЫЙ

Нина Владимировна Школьникова — родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ, более 30 лет работала в газете «Советский спорт», потом 10 лет была главным редактором газеты «Спорт в школе». **Живет в Москве.**

Трудно, так трудно взяться за перо и отправиться путешествовать в далекие годы детства. И вновь еще и еще раз ощутить это странное состояние: все дни твоей и окружающей тебя жизни живут в тебе одновременно, нерасторжимо. И то, что было вчера, оно и сегодня как бы происходит, длится, переживается. И ты — маленькая девочка, и ты — бабушка уж — это одно и то же. Душа одна, и в глубинных своих чувствованиях она все так же — отбросим поверхностные различия — воспринимает мир, реагирует, печалится, радуется, рвется к чему-то...

И все же начнем. В канун Великой Победы, грех об этом не рассказать. Не оставить еще одного свидетельства, не проявиться.

Итак, лето 1941 года. Мне десять лет. Моя мачеха по имени Тася, крупная, ширококостная, яркая черноволосая казачка, увозит меня на Кубань к своим родителям. На все лето. Мы уезжаем 10 мая с Курского вокзала до Армавира. С нами еще моя малюсенькая грудная единокровная сестренка Жанна, Евгения, и множество багажа. Особенно почему-то мне запомнился черный чемодан. Большой и неподъемный. В нем был сахар. На Кубани, видать, с сахаром была напряженка.

Тася — земная из земных. Как бы теперь сказали: без взлетов. Как я ее называла? Кажется, тетей Тасей. «Мама» никто у меня вырвать был ни в силах. Детским умом я рассуждала и сама с собой и с другими людьми, если случилось, так же, как и теперь, на

склоне лет, рассуждаю: «Мать, какая уж есть, у человека одна...» Но то совсем другая история. А сегодня об ином — о начале войны.

Первый раз в жизни я уезжала так далеко из Москвы. В душе все замерло в ожидании неизвестности. Не помню, в каком ехали вагоне — в плацкарте ли, купейном. Возможно, даже в мягком, что в те времена было неслыханной роскошью. Но отец был, при всей своей любви к женщинам вообще, отменный семьянин, чтущий устои. Он бы не поскупился. Тем более, такое благословение Божье, огонечек — доченька, Жанночка.

Смутно помню суету, напряжение — посреди ночи, в темноте — пересадки в Армавире на местный поезд, который доставил нас в станицу Лабинскую (теперь город Лабинск). Этот рассвет никогда не забыть. Солнце еще не взошло, в сером, как бы окутанном ароматным дымом туманном воздухе наша повозка в одну лошадиную силу медленно плыла мимо цветущих садов, то ли каменных, то ли глиняных домов (не изб!) со ставнями на окнах. Озноб охватывал тело от утренней прохлады, от неизвестности, от новизны впечатлений. С трудом размыкая отяжелевшие от недосыпа веки, я смотрела, смотрела... Мои глаза никогда так хорошо еще не видели! И старалась — инстинктивно! — не пускать в свою душу всю эту новизну, отгородиться от нее. Отгородиться от всего того, что олицетворялось с таким холодным и чужим, далеким словом «мачеха», неизвестно почему и зачем пришедшим в мою жизнь.

Она, тетя Тася, впрочем, относилась ко мне ровно, терпеливо, спокойно. Родственности не было, теплоты, но упрекнуть ее, по совести сказать, не за что. Провинциальная девушка не самой первой молодости Тася каким-то образом пробралась в Москву, что тогда, в 30-е годы, непростым было делом. Имея среднетехническое образование, а, возможно, даже и не имея его, устроилась на завод. Там-то мой отец ее и заметил. Молодой, подающий надежды инженер пролетарского происхождения, что давало благоприятный старт карьере, обладающий к тому же комнатой в квартире со всеми удобствами в новом доме — она сделала блестящую партию, моя мачеха. А то, что к этой «партии» в виде довеска прикладывалась дочка-школьница от первого брака, что ж, без бугорков дороги не бывает. Надо как должное это воспринимать и смириться. Любовью тут и не пахло. Отец этого не замечал? Она была хозяйственна, практична, ласкова, послушна. Чего ж еще?

И так же хозяйственна, спокойна, ласкова была вся ее семья. Отец работал в Армавире, и я его не видела. Мать, не старая еще женщина, хлопотала с утра до ночи по хозяйству, а младшая сестра и брат — юноша 18 лет, работали (возможно, только летом?) на фабрике, где варили варенье. Почти каждый день они приносили в банках пенку с этого варенья (это разрешалось). Так что сладкое в доме не переводилось. Да и вообще он был из тех, про которые говорят: «дом — полная чаша».

Все в нем было устроено разумно, хозяйственно, даже красиво.

Дом не велик, оборудован, обставлен на городской манер. Подробностей комнат не удержала память. Они мало меня занимали. А вот двор, сад... Их так и было две неравные части — двор и сад. Двор шел от самых ворот, высоких, глухих, деревянных, посыпан то ли галькой, то ли мелкими камушками, вытоптан. Во дворе — небольшой сарай и загон (закут?) для огромной, как мне казалось, свиньи с многочисленными поросятами. И — туалет. Небольшая традиционная аккуратная деревянная будочка над выгребной ямой. Как повсеместно на Руси.

А сад — за небольшим заборчиком. Рослые яблони, ягодные кусты по периметру. А в середине, в самом роскошном, открытом солнцу месте, море роз. Море, пожалуй, громко сказано. Сад, как и двор, тоже был небольшим, и каждый клочок земли в нем использован с незаурядной хозяйственной сметкой. Под яблонями рос щавель. Мне разрешалось рвать его, сколько душе угодно. И я частенько сидела в тени под деревьями и жевала один за другим тугие кислые листья.

А розы еще по Москве мне были памятны. Помню, как в какой-то из дней вернулась мачеха с Кубани и привезла с собой целую россыпь пахучих, роскошных цветов. Они заполнили всю ванну в нашей московской квартире.

Свинью с поросятами мачехин брат, Андрей, кажется, его звали, выгонял пасти на ближайшую полянку. И однажды, сама ли я попросилась или велели мне, взялась я привести их домой. Боже, каким же трудным оказалось это дело! Поросята разбегались, свинья не слушалась. Я чуть не плакала, пока кто-то из взрослых не помог. На том мои пастушеские обязанности и кончились.

Но не кончался, каждый день длился вопрос — чем заняться? Чем дальше тянулись дни, тем глубже и безнадежнее охватывало меня чувство тоски. Ни сверстников, ни книг у меня не было. В жаркий полдень наливали мне корыто воды в саду, я могла плескаться в нем, сколько влезет. Но это не радовало, не приносило облегчения.

Один раз ходили с мачехой на речку Кубань. Вроде как купаться. Но река эта столь стремительно несла свои мутноватые потоки, так бурлила и ярилась, что в воду меня, конечно, не пустили. Даже ноги замочить было боязно — собьет вода.

Видит Бог, меня никто не обижал. Ни одного раздраженного, а тем более грубого слова никто не говорил. Я была сыта, быт мой налажен. Чего же еще? В хлопотах будней на меня просто не обращали внимания. Никто со мной, именно со мной, не разговаривал ни о чем, не расспрашивал. Я должна была быть в сохранности, как вещь, которую доверили беречь. А бедное сердечко мое, не разбираясь в хитросплетениях взрослых, рвалось — в Москву, домой! Все вокруг было мне чужим, холодным. Не помню, что я ела, как спала. Одно лишь чувство тоски владело мной. Даль времени казалась беспредельной: до самой осени здесь жить! Век целый!

Иногда мои попечители, так их назовем, приучая к труду и тем самым, объективно говоря, делая благое дело, заставляли меня мыть уборную. Нет, слово «заставляли» звучит слишком резко. Не заставляли, просто говорили: «Помой уборную, вот тебе ведро с водой, вот тряпка». И разъясняли, как и что нужно делать, как это собственно — мыть. Я ведь не умела ничего, и дома ничем подобным не занималась. Само предложение меня не задевало, не унижало, не расстраивало. Мыть, так мыть, тем более что, на мой взгляд, и особой-то грязи там не было. Интересно даже попробовать. И приятно, что справилась. Все в доме трудились с утра до вечера. Почему же не потрудиться и мне?

Однажды, помывши, в порыве, в приступе особо острой тоски, встала я коленами на сырые еще доски и взмолилась: «Господи, помоги мне, сделай что-нибудь, чтобы мы вернулись домой, в Москву». Я крестилась, как умела, склоняла голову и целовала пол перед собой. Меня никто этому никогда не учил. И примера такого не было. Откуда я все это взяла, не знаю. Хотя и раньше, случалось, молилась. Как-то, задолго еще до поездки на Кубань, бабушка застала меня на коленях лицом к иконе, которая (на всякий случай?) висела за шкапом, дала мне подзатыльник и сказала совершенно непонятную фразу: «Ты что, хочешь, чтобы отца в тюрьму посадили...»

А маленький деревянный домик в далекой кубанской станице стал для меня убежищем, утешением, надеждой. Едва ли не каждый день, надежно закрывшись на крючок, бросалась я на колени и молила Господа: «Ну, сделай что-нибудь, чтоб я могла вернуться домой, в Москву. Помоги мне, Господи!». Молитв я, конечно, не знала.

И свершилось! В один прекрасный день, кажется, он был пасмурным, серым, — редкое явление на Кубани — загудели гудки паровозов и фабрик, что-то непонятное и тревожное поползло по улицам и дворам, у взрослых на лицах растерянность, даже испуг. Война! 22 июня 1941 года. В первые часы никто ничего не знал толком, не понимал. Ловили слухи, ждали сообщений по радио. Его не выключали. Сестра мачехи, вернувшись с ночной смены на фабрике варенья, рассказывала: «А вот у нас на фабрике, говорили...». Ее слушали молча, качали головами и бежали к соседям — узнать, тревогу разделить.

А власти станицы, такой далекой от западных наших границ, устроили режим, как только могли: запретили народу передвигаться по улицам. А тех прохожих, кто по бесшабашности или по незнанию обстановки решался высунуть нос за ворота, загоняли в первый попавшийся двор. И выходить не разрешали.

Помню, и к нам попала одна бабуля горемычная. Полдня почти протопталась возле наших ворот. Сколько раз пыталась выдвинуться наружу. И каждый раз свисток милиционера возвращал ее обратно. Пока кто-то уж во второй, наверное, половине дня, когда по радио было выступление и ситуация определилась, не посоветовал ей: «А ты иди, бабушка, иди, а на свистки внимания не обращай, будто

глухая, не слышишь». И помогло! Я с любопытством глядела, как пошлепала наша старушка вдоль пустынной улицы, а милиционеры, надрываясь в свисте, не догоняли ее. Так и ушла.

Весь почти день во дворе нашем толклись соседки. Пробирались дворами, заветными тропками. Без конца обсуждали что-то, охали, спорили даже, тщетно пытаясь заглянуть в будущее. С обомлевшим сердцем я крутилась между ними, присоединяясь то к одной группе, то к другой, силясь что-то понять. Ни слова не могу повторить из их разговоров. Но один рассказ, услышанный тогда, так запал в душу, что на всю долгую жизнь запомнился. И сейчас он встает передо мной подробно и ярко.

«Ой, какой сон я сегодня видела, — рассказывала одна другой, — проснулась в холодном поту. И все думаю: к чему бы это? Будто два громадных — крылья во всю неба ширь — лебедя борются между собой. Один лебедь черный-пречерный, другой белый, сверкает так, аж глазам больно. И черный лебедь побивает белого. А небо все нахмурилось, потемнело, гром гремит так, что земля трясется, молнии сверкают. Совсем уж, совсем забил черный белого. Тот кровью обливается, пятится. Вот, кажется, конец ему уж наступил, не одолеть черного. И вдруг, как встрепенется белый лебедь, как гаркнет, и погнал, погнал черного. От того лишь перья летели во все стороны. И небо сразу просветлело, солнышко выглянуло. К чему бы это, соседуськи?» Черные перья, летящие на фоне темно-серого нахмуренного неба, алая кровь на ослепительно белом... Картина, поражающая воображение. Я плохо спала в ту ночь.

А жизнь, по внешности такая же, потекла своим чередом. Брат и сестра мачехи уходили на работу, сама она вокруг Жанночки хлопотала, мать ее так же твердой рукой вела хозяйство, а я по-прежнему тоскливо слонялась по двору и саду. И время от времени ныряла в свое убежище, становилась на колени и молила: «Господи, помоги вернуться в Москву!»

Взрослые своими будничными делами словно хотели заслонить брешь, что образовалась в их жизни. Но брешь все расширялась, буйные ветры тревоги и неопределенности рушили привычный уклад. И в конце концов все пришло в движение. Отец прислал мачехе телеграмму: «Немедленно выезжайте в Москву». Взрослые озаботились, еще больше помрачнели, поскучнели, а я ликовала: «В Москву! Услышал Господь Бог мои молитвы!»

Легко сказать: «Немедленно выезжайте» А сделать это, уже спустя неделю-другую после начала войны, было совсем нелегко. Женщина с двумя малыми детьми, ехать с пересадкой... Судили-рядили, решили взять в помощники младшего брата Андрея. Было ему в ту пору лет 17, высокий, стройный, красивый юноша. Спокойный, добрый, послушный.

Не помню, как добрались до Армавира. А там — народу, народу! Вокзал забит, даже скверы вокруг него заполнены, словно вся

Россия тронулась с места. Всем куда-то надо было ехать. Спешно. Неотложно. С трудом мы нашли освободившуюся скамейку в каком-то небольшом скверике. И прожили на ней целых шесть дней. Благо, погода была замечательная — теплая, ясная. Как уж там мачеха обходилась с грудной девочкой, я сейчас и представить себе не могу. Что ели, как спали — неважно. Все внимание, напряжение всего существа было направлено на поезд. Они приходили на станцию, один за другим переполненные людьми. И сколько мачеха не бегала, не хлопотала, оставив нас на Андрея, не молила, не плакала даже, никто-никто не хотел нас брать. Шел июнь 1941 года. Горький июнь, предвещающий еще более горькие дни.

Наконец, кто-то мачеху, тетю Тасю, надоумил: «Не ходите по кассам и начальству. Подойдите к поезду, к проводнику, попросите, уговорите, денег дайте». Она так и сделала. И получилось. Может, не с первого раза, но, в конце концов, в итоге спешной посадки оказались мы, все четверо, в плацкартном вагоне на боковой нижней полке. Какое это было счастье!

Как сейчас помню маленький туго спеленутый сверток, лежащий вдоль полки. И из него — прямо мне в душу — голубизна глаз моей маленькой сестренки. А в углу полки, уцепившись рукою за поручень, красивый юноша с копной волос — Андрей. Сестренка моя, спустя год-полтора, погибнет в оккупации. А Андрей, будучи призванным в армию, сложит свои косточки на просторах России. А пока мы все вместе и — едем, едем! — домой.

В Москву прибыли на самом-самом рассвете, едва развиднелось. Мачехе — в Марьину рощу, в семейное гнездо. Мне — на родную Домниковку, к бабушке. Нас никто не встречал. Да и как было знать, каким поездом мы приедем? И когда. «Ты сама добежишь?» — спросила меня тетя Тася. От Курского вокзала до бывших Спасских казарм, с которых начиналась милая сердцу Домниковка, не ближний свет для десятилетнего ребенка. Но какие тут сомнения могут быть. Радость заливала все мое существо, рвалась наружу, требовала действия. Я закивала головой усиленно в ответ: «Да, да, смогу, не заблужусь, дойду, добегу». «Ну, беги».

Освобожденная от какой бы то ни было поклажи, налегке, преодолела я все расстояние, как на крыльях. И вот уже ворвалась на нашу улицу. Излюбленным мною шагом Зуава (это когда при каждом шаге подпрыгиваешь на одной ноге), едва не теряя разношенные сандалии, лечу вперед при полном безлюдьи и в какой-то особенной, настороженной тишине. А глаз ловит перемены. У многих домов мешки с песком штабелями, окна, заклеенные крест-накрест... И редкие дворники в белых фартуках и, как кажется, с бляхами. Какими же удивленными, недоумевающими глазами смотрели они на маленького человечка, летящего на крыльях радости в предутреннем мареве по военной, сосредоточенной Москве.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Юрий ПОМПЕЕВ

ОНИ ЗАБВЕНЬЯ НЕ ПРОСТЯТ

*Патриотический
этиюд*

Юрий Александрович Помпеев — родился в 1938 году в Ленинграде. Детство провел в эвакуации, в новгородской деревне. Выпускник ЛИСИ 1962 года. Работал в Хибинах, там же выпустил первую книгу «Добровольцы шестьдесят третьего». Кандидат технических наук (1971). Член Союза писателей СССР с марта 1974 года. Работал в ЛО издательства «Советский писатель» (1984–1991). С 1993 года — профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. Доктор культурологии (1999). Автор книг «История и философия отечественного предпринимательства», «Очерки по истории европейской научной мысли» и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

«Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Николай Рубцов

Википедия характеризует Невский пятачок как плацдарм на левом берегу Невы, между городом Кировском и поселком Павлово, который удерживали советские войска во время Великой Отечественной войны. До войны на этой территории находилась деревня Арбузово. Повисший над вражеской обороной, выгнутый к юго-востоку, в сторону наикратчайшего расстояния до Большой земли, этот небольшой лоскут отчего пространства таил надежду на вызволение Ленинграда из пыточного блокадного кольца. За кромкой облаков в хорошую погоду отсюда виднелась полоска петербургских шпиль и куполов.

На пятачке стоял непрерывный гул от стрельбы, бушевал огненный смерч. Уже через несколько дней боев в Арбузове не стало ни домов, ни сосен, ни рано выпавшего снега. Кругом воронки, затянутые коркой грязного льда. Здесь и поныне нет ни стен, ни рвов, ни валов, ни бастионов. Плоское пустое пространство с заплывшими траншеями, сухая трава. Несколько памятников, обсаженных тополями. Братские могилы. И все. Тем не менее это — крепость. Место одной из самых кровавых битв Второй мировой войны. Наш народ отстоял эту землю от фашистов — никто в Европе не устоял, а наш народ с неудачными предводителями, ослабленный репрессиями, все-таки устоял.

Не стану вдаваться в хронику Невской битвы: она известна. Один из авторов истории 170-й пехотной дивизии вермахта, наступавшей на Ленинград, Х. Кардель вспоминал: «Только старые командиры, познавшие бойню Первой мировой войны, могли припомнить, что видели нечто

подобное Невскому плацдарму. Лишь изредка торчал раздробленный пенёк дерева на земле, перепаханной тяжелой артиллерией, реактивными минометами и авиабомбами. Подбитые танки стояли возле глубоких воронок и окопов, ведущих к русским траншеям. Из стен окопов торчали руки и ноги убитых русских солдат. Все остальное было засыпано землей после взрывов снарядов. Кругом были минные заграждения».

Так выглядело это место глазами фашистов.

Поэт Арсений Тарковский, тяжело раненный посередине снежного щита, но выживший, глотая холодный и благословенный воздух, чеканил пылающие ненавистью к захватчикам строки:

«Вы нашей земли не считаете раем, / А краем пшеничным, чужим караваем, / Штыком вы отрезали лучшую треть, / Мы намертво знаем, за что умираем, — / Мы землю родную у вас отбираем, / А вам — за ворованный хлеб — умереть».

У верховного командования вермахта было огромное желание переправиться через Неву. Об этом свидетельствует запись в «Военном дневнике» Ф. Гальдера, начальника Генштаба сухопутных войск Германии, от 5 октября 1941 г.: «На Карельском фронте действуют лишь незначительные финские силы, которые, однако, смогут начать наступление, если мы форсируем Неву».

Замысел понятен: в этом случае прекращение связи с остальной страной делало капитуляцию 2,5-миллионного города неизбежной.

Вспомним: в Ленинграде уже в ночь на 23 июня 1941 г. прозвучала первая сирена воздушной тревоги: вражеский бомбардировщик № 1 был атакован зенитной батареей и сбит.

На 21 июля 1941 г. гитлеровцы намечали банкет в гостинице «Астория» по поводу взятия Санкт-Петербурга.

Фольклор это или историческая правда (про фашистский банкет), но с 19 июля 1941 г. в городе были введены карточки на продукты и промтовары.

В июле 1941 г. Анна Ахматова написала четырехстрочную «Клятву»: «И та, что сегодня прощается с милым, / Пусть боль свою в силу она переплавит. / Мы детям клянемся, клянемся могилам, / Что нас покориться никто не заставит!»

Поэтесса Ольга Берггольц вскоре оказалась в группе самозащиты своего дома на улице Рубинштейна и написала об этом в книге «Дневные звезды»:

«Уже сгорели Бадаевские склады — продовольственные запасы Ленинграда, и когда они горели, маслянистая плотная туча встала до середины неба и закрыла вечернее солнце, и на город лег тревожный, чуть красноватый сумрак, как во время полного солнечного затмения — первый вестник голодного мора, уже вступившего в наш осажденный город.

Мы были взволнованы странной листовкой, которую разбросал во время последней бомбежки немец, уже после пожара Бадаевских; она состояла из одной только фразы: “Ждите серебряной ночи”, и, конечно, внизу подлая виньетка и буквы “шт. в з.” — что означало “штык в землю”».

В начале сентября 1941 г. немцы пыточным поясом блокировали город с суши полностью, и не перерезанной осталась лишь узкая полоска через Ладогу. Большого фашисты достичь не смогли, остановились. Поняли: легче — голодом уморить, запретить и уморить голодной смертью, с воздуха

растолочь, превратить в пылающий костер, в груды развалин эту Северную Пальмиру, в пепел, в сажу, в город-труп. В допетровское болото.

Немецкий военно-морской штаб издал секретную директиву «О будущности города Петербурга»:

«Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Предположено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей».

С газетных страниц врезались в память стихи Анны Ахматовой: «Вражье знамя / Растает, как дым. / Правда за нами, / И мы победим!»

Ленинград олицетворял великий искупительный подвиг народа перед судом истории — 900 дней и ночей в пыточном кольце врага, потеряв миллион жителей от голода и холода, бомбежек и артобстрелов, город выстоял, не сдался и потряс мир исполинским духом и мужеством.

Это потрясение спокойно выразил ленинградский поэт Сергей Давыдов, как часть автобиографии: «Ленинградец душой и родом, / болен я сорок первым годом. / Пискаревка во мне живет. / Здесь лежит половина города / и не знает, что дождь идет. / Память к ним пролегла сквозная, / словно просека через жизнь. / Больше всех на свете, я знаю, / город мой ненавидел фашизм. / Наши матери, наши дети превратились в эти холмы. / Больше всех, больше всех на свете мы фашизм ненавидим, мы!»

В том числе и благодаря этому сопротивлению летом и осенью 1941 г. форсировать Неву фашистские войска не смогли. Нева с ее державным течением стала единственной водной преградой в Европе, которую гитлеровцы не одолели. К августу 1941 г. моторизованные танковые корпуса противника прошли 750 км по земле Прибалтики и оказались практически у стен Ленинграда, предвкушая достаточно скорый его захват. В тот момент немцам даже не могло прийти в голову, что сражение за город на Неве отвлечет на себя почти пятую часть сил вермахта, продлится 900 дней и в итоге будет проиграно.

Помогала родная природа России. Александр Прокофьев, красный боец еще гражданского лихолетья, такой увидел родную ему Ладогу 1941 г.: «Мы постучали в Ладогу, / В просторы льда, / И Ладога ответила / Нам тогда: / — Давай, давай — я выдержу / Борьбу с бедой, / Давай, давай — я выдюжу / Бои с ордой! / Пускай же не для вида / Гремит окрест: / Ладога не выдаст, / Фашист не съест!»

Споры о том, нужен ли был или нет крохотный плацдарм, вошедший в историю под названием «Невский пятачок», не утихают до сегодняшнего дня. Они ведутся историками, очевидцами тех событий и представителями послевоенного поколения, которые оценивают его целесообразность с точки зрения цены человеческой жизни.

Прямоугольник земли длиной 2 км и шириной 800 метров вместил многое: и героизм бойцов, стоявших насмерть, и неоправданные приказы командиров, бесцельно губившие людей, и печально знаменитые заградотряды НКВД.

Владимир Путин, отец которого воевал на пятачке, так ответил журналистам: «Я думаю, что на войне всегда бывает много ошибок. Но если ты воюешь и думаешь о том, что вокруг тебя все ошибаются, никогда не побе-

дишь. Они тогда думали о победе». Отец Путина, Владимир Спиридонович, солдат 330-го стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии, получив в ноябре 1941 г. тяжелое ранение на Невском плацдарме, был искалечен той войной навечно.

Бои на Невском пятачке стали одними из самых кровавых эпизодов не только в битве за Ленинград, но и в истории всей Второй мировой войны. Когда поисковики просеяли грунт, взятый с одного произвольно выбранного квадратного метра Невского пятачка, в нем обнаружилось около 10 кг осколков и 38 пуль.

Сегодняшние кинематографисты открывают для зрителя, что телами погибших бойцов оставшиеся в живых укрепляли окопные бруствера. Но именно об этом писал в 1941 г. сражавшийся на Невском пятачке поэт Сергей Наровчатов:

«Здесь мертвецы стеною за живых! / Унылые и доблестные черты, / Мы баррикады строили из них, / Обороняясь смертью против смерти. / За ними укрываясь от огня, / Я думал о конце без лишней грусти: / Мол, сделают ребята из меня / Вполне надежный для упора бруствер. / Куда как хорошо с меня стрелять, / Не вздрогну под нацеленным оружием... / Все, кажется, сослужено... Но глядь, / Мы после смерти тоже службу служим!»

Эти настроения пророчески высказывают посетители сайта Невского пятачка в Интернете:

«Сюда приходили умирать, чтобы жили другие... Это похоже на электромагнитную индукцию, ибо участники событий, пропустившие сквозь себя ток Истории, были из того же “материала”, что и мы с вами».

Абсолютно верное суждение. Оно так перекликается со строками поэта Ивана Демьянова, служившего шофером на Дороге жизни:

«Когда от бомб, казалось, мир оглох / И друг мой пал из нашей роты первым, / Я знал — нужны не слезы и не вздох, / А мой свинец, мой шаг вперед и нервы! / Мне смерть страшна, но в битвах не робел, / В атаку шел, других не гнул ниже... / Шел смело в бой не потому, что смел, / А потому, что трусость ненавижу!»

Рядом с могилами в мае 1999 г. на пятачке, пропитанном болью и отчаянием, поставлена часовня Святого Георгия Победоносца. Она была построена за 11 дней. Целесообразность религиозного символа на месте боев вызывала некоторые сомнения: в СССР вера в Бога не поощрялась по умолчанию.

Но есть известная истина: на войне атеистов не бывает. Более того, в нашем городе около сорока священнослужителей были награждены медалями «За оборону Ленинграда». В вымирающем от голода городе ежедневно совершалась Божественная литургия. В храмах молились о даровании победы нашему воинству. Икона Казанской Божией Матери — покров города и всего народа, перемещалась из одного храма, попавшего под обстрел, в другой, становившийся кафедральным. Исполнялось предсказание старца Митрофания, высказанное Петру I: «До тех пор, пока Казанская икона будет в столице и перед нею будут молиться православные, в город не ступит вражья нога». На богослужениях иногда присутствовало командование Ленфронта во главе с Л. А. Говоровым.

С покровителем российского воинства связана и дата главного праздника России: сломили врага и привели к славной Победе нашего народа в день

Святого Георгия Победоносца на Пасху 1945 г. Парад Победы на Красной площади был тоже неслучайно назначен на 24 июня и приурочен к дню Святой Троицы в том памятном году. Тем самым подчеркнуты ценности русской Православной цивилизации, ее подвиги и жертвы.

Особый интерес вызвал у меня размещенный в Интернете рассказ Валентина Бирюкова, старейшего ныне священнослужителя Новосибирской епархии. Он в составе орудийного расчета защищал Невский плацдарм, в грязи, под шрапнельным огнем, в багровой каше торфа, летящей брызгами вверх. А затем и Дорогу жизни, был ранен, и не единожды:

«Много страшного пришлось повидать. Запомнил, как при бомбежке дома летели по воздуху, как пуховые подушки. А мы молодые — нам всем жить хотелось. И вот мы, шестеро друзей из артиллерийского расчета, все крещенные, с крестиками под гимнастеркой, решили: будем жить с Богом. Молились, взывали к Господу, когда истребители немецкие зависали прямо над нами. Страх исчезал, Бог нас миловал. Никто из нас никогда не лукавил. Икон не было, но у каждого на груди крестик. И горячая молитва. И Господь спасал нас в самых страшных ситуациях».

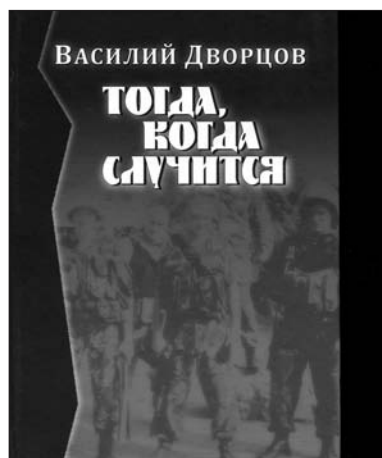
Рассказ священника так перекликается с эпическими строками древнерусской летописи: «Истинно вам говорю: война — сестра печали, горька вода в колодцах ее, и многие из вас не вернутся под сень кровли своей. Но идите. Ибо кто, кроме вас, оградит землю эту».

ВЫШЛА КНИГА

Василий Дворцов. Тогда, когда случится. — Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2010. — 432 с.

«Тогда, когда случится» — повесть о красивых и сильных русских людях непростых, но достойных судеб. Пятьдесят сибирских милиционеров на крохотном пятачке ОКПМ в Грозном две тысячи третьего года... третьего года «мира»...

«Нескончаемый патерик» — сборник рассказов о столь разных путях обретения веры, об опыте воцерковлений, о принятии монашества.

Почка ЗРЕНИЯ

Сергей КУРГИНЯН

ТРИ ЦВЕТА ВЕМЕНИ ИЛИ ПЕРЕСТРОЙКА-2

*Экспресс-анализ митинга,
состоявшегося 10 декабря
2011 года в Москве
на Болотной площади*

Сергей Ервандович Кургиян — родился в 1949 году в Москве. Окончил Московский геологоразведочный институт и Театральное училище им. Щукина. Кандидат физико-математических наук. Организатор Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургияна). Автор многих книг, а также сотен аналитических и публицистических статей в российской и зарубежной прессе. Главный редактор выпускаемого Центром научно-публицистического журнала «Россия-XXI» и альманаха «Школа целостного анализа». Руководит интеллектуально-дискуссионным клубом «Содержательное единство». Живет в Москве.

В истории не бывает случайностей. Митинг, который я хочу обсудить, происходил на Болотной. И было в нем, согласитесь, что-то болотное. Гнилое, трясинное, невнятное, мутное, примитивное и одновременно коварное. Митинг на Болотной, письмо Навального, дрожащие губы представителей нашей блистательной самонадеянной элиты — все это слишком напоминает события конца 80-х годов, приведшие к распаду СССР. Я знал, что это повторится, и это повторяется. Однако сейчас и мы другие, и общество другое, и возможности для диалога с обществом у нас, хочешь не хочешь, но другие.

Давайте-ка выявим суть нынешней политической ситуации. И давайте освободим эту суть от словесных побрякушек. Так в чем эта суть, которая становится все яснее с каждым новым заявлением, с каждым новым политическим шагом? Неужели кому-то хочется свести всё опять к дешевому противостоянию, к представлению на моральную тему, в котором авторы отводят себе роль доброго Буратино, а своим противникам — роль злого Карабаса-Барабаса?

Дело не в том, что авторам хочется быть добренькими, а остальным они делегируют роль злодеев. Дело в том, что само это детское сказочное противопоставление не отвечает остроте текущего политического момента. Если мы хотим вернуться в историю, из которой мы очевидным образом выпали, оказавшись не где-нибудь, а именно на болоте, то надо распрощаться с политическими детскими сказочками и говорить взрослому, на настоящем языке. То есть признать, что дело не в отдельных злодеях и не в отдельных добрых людях, и не в людях вообще, не в гнусных карабасах-барабасах, а в социально-политическом раскладе сил.

Надо признать, что есть правящий (а точнее даже, господствующий) класс, класс криминальной буржуазии. Я предупреждал о том, что в результате «перестройки» на сцену выйдет именно этот класс, предупреждал об этом 20 лет назад — и вот он созрел, этот класс. Он вышел, он пожирает страну.

Попытки разделить этот класс на карабасов и буратин — бесплодны, лживы, бесперспективны. Грубее всё, обнаженнее, асентиментальнее, беспощаднее. Уж давайте попытаемся провести демаркационную линию так, как она на самом деле проходит.

Наверное, и в криминальный класс буржуазии — господствующий класс, пожирающий страну, — входят отдельные честные люди. Даже наверняка такие люди существуют. И что?

Я же не говорю, что это класс, состоящий из жуликов и воров. Я говорю совсем другое. Я говорю, что это класс-жулик, это класс-вор, это класс-бандит, это класс-пожиратель и т. д.

Повторяю, я не о классе, состоящем из плохих людей, говорю, а о плохом классе. Напрягитесь и почувствуйте разницу. Если сейчас не почувствуете, будет поздно, потому что вас втянут в разборку, суть которой от вас, как пушечного мяса, скроют так же, как скрыли эту суть в конце 80-х годов прошлого века, когда шла разборка под названием «перестройка-1».

Приглядитесь пристальнее — ведь столько лет прошло, столько ужасов навалилось на наши плечи, столько всего страшного, недетского мы испытали. Неужели и после этого приглядеться пристальнее нельзя? Приглядитесь, только приглядитесь сами, и вы без труда обнаружите за всякого рода красивыми и не очень красивыми словами, которые извергались пузырями на Болотной, — очередную разборку внутри господствующего класса-бандита. Того класса, в который вы очевидным образом не входите и никогда не войдете.

Цель этой разборки, равно как и предыдущих, — не в том, чтобы вас спасти, чтобы облегчить вашу участь или даже создать желанную для кого-то «движуху», то бишь развлечения. Цель этих разборок — внутриклассовый передел собственности и власти. Класс состоит из групп. Эти группы борются за то, кому именно достанется почетное право вас обкрадывать, пожирать, уничтожать и т. д.

Итак, господствующий криминальный класс — вот главное. Это базис, как говорил Маркс.

Каков базис, такова и надстройка. Каков господствующий класс, такова и политическая система. Криминальный класс может построить только криминальное государство. Освободиться от криминального государства можно двумя способами — изгнав криминал (позитивный способ) и разрушив государство, к чему как раз и призывают, по сути, на этой самой Болотной.

Если государство рухнет, то не факт, что удастся построить новое. А если не удастся построить новое, то почетное право грабить вас и пожирать вас будет уже не у отечественного криминального класса, а у иноземного оккупанта, который будет это делать вместе с местными полициями. А кто станет этими полициями, как вы думаете? Догадайтесь с трех раз.

Держу пари, что это будут уцелевшие представители того самого господствующего криминального класса, который оправданно ненавидят и против которого вроде бы восстают. Ведь и в конце 80-х годов тоже восставали

против номенклатуры, и чем это кончилось? Ельцин — не номенклатура? Против привилегий восставали, и чем это кончилось? Вот будет опять то же самое, просто видно невооруженным глазом, что будет именно так.

Итак, разборка эта произойдет, и даже если в «болоте» одни упыри удушат других, то речь будет идти о том, что уцелевшие представители преступного класса вступят в еще более тесный сговор с иноземными оккупантами и начнут грабить Россию, уничтожать ее, растаптывать, оскорблять еще гораздо более сильно. Вот и все, чем пахнет «болото», этим и только этим. Нюхайте, слушайте, запоминайте, следите за этим и разбирайтесь.

Вот этот запах, он и есть запах «перестройки-2».

Дело, кстати, не новое. Оккупанты всегда зачищают строптивых и опираются на покладистых. То же самое произойдет при триумфе «болота». Оккупанты иноземные и их приспешники вырежут строптивых бандитов, входящих в класс-бандит, и возьмут в услужение покладистых бандитов из того же самого класса. Это делали все колонизаторы. И это будут делать все неоконизаторы. А у нас сейчас на дворе эпоха новой колонизации, еще более форсированной. Именно этим дышат и Ливия, и Египет, и многое другое. Это и у нас происходило — при татаро-монголах. А что они делали? Они как раз и вырезали строптивых вожakov и покладистых ставили, давали им ярлык на княжение, так ведь? То же самое происходило (недолго, правда) и при поляках в эпоху Смутного времени, и при нацистах на оккупированных территориях. Это мировая практика — посмотрите, что происходит сейчас в Африке, в Южной Америке, в других странах третьего и четвертого мира.

Разборка, которую мы лицезрели на Болотной площади и будем лицезреть в ближайшие месяцы, по сути своей является конфликтом строптивых бандитов с бандитами покладистыми. Это — суть происходящего. Все остальное — бантики, демагогия, жалкие полусгнившие слова, под которые разрушали страну в конце 80-х годов. И под которую ее пытаются опять разрушить сейчас, точнее, доразрушить. Все, что и тогда было уже не первой свежести («Мы ждем перемен...» и т. д.), теперь уже просто смердит.

Повторяю, суть в том и только в том, что часть правящего криминального класса, которую я бы назвал «строптивные бандиты», обидела завтрашних оккупантов — то есть США и НАТО. Строптивные бандиты проявили возмутительную, с точки зрения этих иноземных сил, амбициозность — они отказались платить нужную дань своим иностранным хозяевам. Это не значит, что они перестали воровать, просто они слишком много стали класть себе в карман, а это ужасное преступление. Они возомнили себя «императорами тайги», то бишь великой суверенной Россией. Они захотели быть чуть ли не на равных с элитами, с хозяевами мирового капитализма.

А у хозяев дела идут все хуже и хуже. В этом суть времени. А значит, им надо кого-то ограбить. У них — чем хуже дела, тем больше просыпается аппетит, тем больше просыпается грабительский инстинкт, им просто нужно кого-то ограбить этак на пару триллиончиков долларов, причем быстро. А еще им надо, чтобы строптивные бандиты из страны с отвратительным названием Россия, той страны, которую они как раз и намылились грабить, не стали с ума великого работать на Китай, т. е. на их главного конкурента. Не стали поставлять туда сырье. Не вознамерились вступить с Китаем в

союз по геополитическим вопросам. По той же иранской проблеме, например, или по сирийской.

Итак, мировыми хозяевами было принято решение зачистить российских строптивых бандитов и поставить на их место бандитов покладистых. Для этого иноземцы срочно начали мобилизовывать группу наиболее к ним близких покладистых бандитов. Но у этой группы абсолютно верных иноземцам покладистых бандитов не было никакой массовой поддержки. Поэтому иноземцы рекомендовали этим вошедшим с ними в особо близкий контакт покладистым бандитам для начала поддержать любые силы, которые смогут разгромить «Единую Россию» как оплот строптивых бандитов.

Байденом было подчеркнуто, что поддержать надо любые силы, хотя бы и КПРФ, но только для начала. Никто не хотел политической победы КПРФ — нужен был политический кризис, а не такая победа, полномасштабный кризис любой ценой. Преуспевшие на выборах противники «Единой России», поддержанные покладистыми бандитами и их иноземными покровителями, должны были заявить о чудовищных фальсификациях и этим соорудить кризис. Они и заявили — с ума великого или по наущению. Это заявление тут же подхватили внесистемные силы, лишенные серьезной электоральной поддержки, но способные вывести сколько-то людей на улицы.

Одно дело получить 10, а то и 20 миллионов голосов по стране, а другое дело вывести на улицы 10 и даже 100 тысяч людей.

Что в результате оказалось? Что и Миронов, заявивший о чудовищной фальсификации, и Зюганов, заявлявший об этом с особой активностью, таскают каштаны из огня для несистемной оппозиции. Или, как минимум (буду говорить осторожнее), их пытаются заставить это сделать — я очень надеюсь, что произойдет некоторое опаматование.

Вот в чем смысл игры.

Сначала понизить потенциал «Единой России» с помощью Зюганова, Миронова и Жириновского. Потом начать уличную игру, в ходе которой системные силы будут скомпрометированы и подчинены, по сути, несистемным. И с помощью такой игры обеспечить потом на третьем ходе победу своим ставленникам — этим самым покладистым и верным им до конца бандитам, а также несистемным оппозиционным силам, тесно связанным с этими бандитами. То есть в результате задача состоит в том, чтобы, используя для начала благородный потенциал протеста, рост советских настроений и прочее, в финале создать формат власти, позволяющий приступить к последнему завершающему этапу ограбления и расчленения страны. Вот в чем смысл игры.

Как только те, кого грабят, помогут покладистым бандитам скинуть строптивых бандитов, покладистые бандиты, естественно, начнут грабить обездоленных еще сильнее. Во-первых, потому, что им надо иноземцам дань выплатить в полной мере. А во-вторых, потому, что им самим надо напоследок побыстрее обогатиться.

Они зачем рвутся к власти, покладистые? Потому что им надо быть поближе к кормушке и красть им нужно будет побыстрее. Им надо будет не просто обогатиться, а побыстрее, потому что дань иноземцам нужно будет выплатить неподъемную, а значит, ограбить обездоленных нужно будет

окончательно. После чего государство рухнет, а обездоленных, которых перестанут судорожно доить, надо будет забить на мясо.

И опять-таки, ничего нового и избыточно-экстравагантного в том, что я говорю, нет, потому что, буквально, то же самое происходит повсюду и, буквально, то же самое происходило в момент распада СССР.

Итак, не надо нам про карабасов-барабасов и буратин камлать на болоте, ухать, верещать, аки кикимора. Нет этого расклада. Другой расклад — между бандитами строптивыми и покладистыми. Точка.

«Чем строптивый бандит лучше покладистого?» — спросят меня.

Отвечаю: ничем он не лучше до тех пор, пока не начинает огрызаться на иноземца. Если иноземец действительно обрек его на заклятие и если он, строптивый бандит, поэтому начинает огрызаться, то да, он лучше того, кто лижет иноземцу сапог.

Почему? Не потому, что у него драйв, а потому, что огрызнуться-то он не зубами должен — он же не волкодав, не волк, не лев и не тигр. Огрызнуться он может, только создав дееспособное государство со всеми его слагаемыми: сильной армией, идеологией, культурой, промышленностью и т. д. Бывали в истории очень редкие случаи, когда строптивные бандиты, начав огрызаться, преуспевали, и в какую-то нормальную колею входили, о чем говорит опыт тех же США. Называется это на научном языке «выход из первоначального накопления капитала».

Пока я не вижу у наших строптивных бандитов никаких поползновений к тому, чтобы по-настоящему огрызнуться, понимаете? Все, что они изображают на эту тему, это пока — ничто, это не называется «огрызнуться». Это «и нашим, и вашим». Это все более напоминает какие-то такие «слова в полусне». Не огрызаются они по-настоящему.

Кроме того, я не уверен, что, даже захотев огрызнуться по-настоящему, они смогут. Чтобы это смочь, нужно же государство построить, как инструмент огрызания хотя бы. Ладно уж, не священной истории, не метафизики, не чего-нибудь, но хотя бы этого огрызания... Так это надо суметь построить. Это дело-то непростое.

Я далеко не уверен в том, что строптивные бандиты действительно строптивные. Я не уверен, что даже если они строптивные, то они смогут построить государство, а значит как-то облегчить бремя народа. Потому что нельзя, не облегчив бремя народа, создать сильное государство. Все эти сказки о том, что-де государство, значит, пухло, а народ хирел... Так не бывает. Нужен сильный солдат, как-то образованный, в достаточном количестве своя техника, а значит, своя промышленность, а значит, многое, многое другое. Нужно, чтобы этот солдат был не бандитом, нужна идеология, а значит, нужна культура и т. д. Много слишком нужно. Когда народ так грабят, то он не обязательно даже сопротивляться начинает и протестовать, он может просто умереть, может просто не вынести креста государственности, что на наших глазах, как мне кажется, и происходит. Это — главный процесс, все остальное рябь.

Так вот, я вовсе не уверен, что наши так называемые строптивные бандиты: а) действительно строптивные, б) дееспособные, и, наконец, в) для меня это вовсе не наилучший вариант, не об этом я мечтаю, не к этому тянется моя душа.

Но все эти три пункта:

- а) не уверен в том, что строптивые;
- б) не уверен в том, что, даже если строптивые, дееспособные;
- в) не люблю мне это —

не значат, что я не должен все это оговорить. И это не значит, что я буду любить покладистых бандитов, которые гордятся тем, что они являются будущими полициями на нашей оккупированной территории.

А ведь именно это скрывается под жалким лепетом о «борьбе за свои права», «восстановленном чувстве собственного достоинства», «выходе из состояния скотского безмолвия», «сброшенном оцепенении», «отказе от рабского и скотского состояния» и прочих дешевках, которые приятно слушать холую с зарплатой от 10 тысяч долларов в месяц и выше. А также вора, временно отодвинутым от кормушки и надеющимся опять к ней приблизиться. Всех же остальных от этого тошнит. Как в моральном, так и в историческом и политическом плане.

Вот под этим углом зрения посмотрим на резолюцию митинга 10 декабря 2011 года на Болотной.

Предположим, что требования, изложенные в этой резолюции, приняты.

Что — первое — отменили итоги «сфальсифицированных» выборов. Просто взяли и отменили, ни в чем не разобравшись, под давлением толпы, никакого отношения к народу не имеющей, состоящей из крайне разнородного и отнюдь не народного контингента. Ну, отменили выборы, дальше что? Отправили в отставку Чурова (дело совсем нехитрое). Кого-то наказали за нарушения.

Предположим, что каким-то образом наказали — неизвестно кого, неизвестно кто, неизвестно как. Ну, наказали, дальше что?

Второе. Дальше — новые выборы, которые почему-то будут честными. А почему они будут честными? Что, изменится законодательство? Кто его изменит? Те, кого «болотники» называют воровской властью? Под давлением «болотной» толпы воровская власть изменит законодательство? Хорошо, она его изменит, а кто его будет соблюдать? «Болотникам» понятно кто — честные люди. А кто такие эти честные люди? Можно имена услышать, а? Правозащитники наши, кто? Договаривайте, называйте имена. Кто такие эти честные люди? И как они будут соблюдать это законодательство? Как? Придет правозащитник на выборы, что-то проблеет, ему местные бандиты скажут: «Пошел на фиг». «Цапок» местный скажет: «Пшел!» И он уйдет. А что он сделает?

Значит, он может что-то сделать, только взяв власть... Это называется «замкнутый круг». Власть должны взять честные люди. Но для того, чтобы они ее взяли, должны быть честные выборы. А для того, чтобы были честные выборы, эти выборы должны контролировать честные люди...

Зачем вы тут потеху устраиваете в трагической ситуации?

Но главное — вопрос о честности тех людей, которые это все будут делать. Кто эти честные люди? Навальный? Каспаров, Лимонов, кто это? Зюганов? Но если Зюганов это будет делать, то его другие обвинят в бесчестности, он же лицо заинтересованное.

Так что скажите сразу, что *всех* бесчестно, чудовищно *проводивших* выборы, надо заменить на честных американцев, которые выборы будут проводить благородно, в пользу «болота». А если окажется, что 60 процентов на этих выборах получил, к примеру, Сванидзе и кто-то, в этом

усомнившись, опять выйдет на площадь, то честные американцы прикажут своим честно победившим сторонникам открыть огонь на поражение, так же, как они приказали в 93-м году Ельцину. После чего начнется окончательный по беспощадности грабеж, предельный или точнее беспредельный. Нет же семантического слуха, совсем нет. Это тоже символ «болота». «Без Путина!» — слышите, как звучит? Не слышите? Так вот такой грабеж и начнется...

Итак, признайте хотя бы, что ситуация такова, и что выходов из нее два.

Один — превращение свирепых бандитов в мало-мальски приемлемую национальную буржуазию, строящую государство.

Если меня спросят, верю ли я в это, то я скажу, что не верю.

Если меня спросят, нравится ли мне это, то я скажу, что не нравится.

Если меня спросят, считаю ли я это перспективным, то я скажу, что я это перспективным не считаю.

Но это возможно, и я должен указать на то, что это возможно. Должен как аналитик, как человек, которому судьба страны дороже его собственных историософских симпатий.

Я не впервые обо всем этом сказал. Я с первой же передачи «Суть времени» говорю только об этом. И говорю об этом сейчас. Потому что когда я начал передачу «Суть времени», я уже знал, что кончится все именно таким «болотом». А еще раньше книги об этом писал, потому что запах «болота» уже с 2005 года чую.

Но это не единственный вариант, этот самый национально-буржуазный, в котором вдруг произойдет «превращение Савла в Павла» и бандит станет национальным капиталистом. Это не единственный вариант.

Есть второй. Поскольку, скорее всего, бандит не станет национальным капиталистом, а Россия должна жить, и это есть главное. Россия выше капитализма. И второй вариант — разорвать решительно с капиталистическим типом жизни как таковым. Слышите? Разорвать решительно с капиталистическим типом жизни как таковым. Не с «ужасным» Путиным в пользу «благородных» Каспарова и Навального. Так можно бесконечно перебирать фигуры, ухудшая и ухудшая ситуацию. Не фигуры надо перебирать, а менять тип жизни.

И это есть мое предложение. Я на этом настаиваю. Надо вернуться к тому, что было поругано двадцать пять лет назад, надо исправить тогдашние ошибки, привнести в проект что-то новое, отказаться от роли неуспевающего ученика в так называемой «школе мировой цивилизации» и вновь взять на себя ответственность за мировую историю. Тогда, наверное, будет голодно, холодно, беспокойно, дискомфортно, но наряду с этими минусами и минусиками будет огромный плюс — счастье возвращения к своей исторической сущности, счастье от ощущения, что не гниешь, не разлагаешься на болоте, не тонешь в его трясине, не умираешь, а творишь историю и самого себя — а это великое счастье.

Никаких других вариантов, кроме как освободиться от первоначального накопления и начать скучную (и по мне, бесперспективную) национально-буржуазную жизнь или освободиться от капитализма и вернуться к своей исторической сути — нет. Есть два этих варианта. Третий — гибель.

На кону стоит судьба России, а значит, и судьба мира. И разменивать все это на понты о «движухе», без которых нет кайфа, и о собственном

достоинстве, которое, кстати, если кто-то когда-то хоть на час потерял, то никогда не восстановит, особенно на «болоте»... Которое, вообще-то говоря, либо есть, либо его нет. Которое, кстати, является производным от исторической судьбы и места в истории.

Может ли быть достоинство при униженности своего народа и растоптанности страны? «Безмерный чувствую стыд, ибо народ мой унижен, и этим унижен я сам»... Вы о каком достоинстве говорите? О достоинстве, которое у вас будет взлетать под небеса, когда вы будете регистрироваться в иноземных комендатурах? О достоинстве полицаев? О чем говорите-то? О вашем беспредельном росте достоинства в условиях беспредельного унижения страны? Может быть, господа митингующие и испытаете оргазм достоинства в тот момент, когда здесь оккупанты будут над кем-то измываться, как американцы над Хусейном или SAS-овцы над Каддафи, но это их личное и очень подлое дело.

Те же, кто поддерживает мое видение ситуации, пусть наденут не **белую** ленту — ленту, просто знаменующую иноземную капитуляцию (белый флаг, белая лента... вы хоть понимаете, какой цвет-то себе взяли? ведь не случайно же взяли его на «болоте»?), а ленту другого цвета: **красного**, если вы за второй вариант, или **георгиевскую** — если вы за первый. Если вы хотите национально-буржуазного развития, национально-освободительной борьбы за подлинный капитализм, с которым еще неизвестно что нужно будет делать. Капитализм в отдельно взятой стране? Социализм можно строить. Как строить капитализм в условиях краха капитализма в мире, я не знаю. Но если вы этого хотите, если вы не за СССР-2.0., а за что-то другое, наденьте георгиевскую ленту.

А если вы за СССР-2.0. и за тот второй вариант, при котором мы возвращаемся к своей исторической сущности, производим соответствующий исторический апгрейд и идем вперед по пути, завещанному нам нашими великими дедами и отцами, вот тогда наденьте красную ленточку. **И противопоставить красную — георгиевской, нас друг другу — не удастся.** Сначала мы поганой метлой изгоним иноземную нечисть с ее приспешниками, а потом будем бороться за поддержку народа в вопросе о судьбе России и в выборе исторического пути. Это будет спор любящих Россию.

Перестройка-2 — это затея тех, кто Россию ненавидит и презирает. Перестройка-2 не пройдет.

ПОЭЗИЯ

Вадим ТЕРЁХИН

ШЕСТОЕ ФЕВРАЛЯ

Вадим Фёдорович Терёхин — зам. министра — начальник управления культуры, искусства и кинематографии Министерства культуры Калужской обл., действительный государственный советник Калужской обл. III класса. Родился в 1963 году в пос. Песоченский Тульской обл. Закончил Казанское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск и Московский литературный институт им. М. Горького. Служил на космодроме Байконур. Секретарь Союза писателей России, председатель правления Калужского областного отделения Союза писателей России, секретарь Совета по культуре и искусству при губернаторе Калужской обл., член Совета клуба православных писателей им. Святителя Иоанна Златоуста под патронатством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. **Живет в Калуге.**

* * *

Предчувствуя скорую встречу,
Шатаясь меж улиц и звезд,
Находишь соцветие речи,
Чей умысел явно не прост.

Ему повинуюсь я слепо,
Повержен зловещей судьбой.
Быть может, бездонное небо
Опять поделилось с тобой.

Быть может, Оттуда явилась
Тончайшая хрупкая нить,
Тебе наказав Божью милость
На белом листе сохранить.

А может на уровне клетки,
Чья суть первобытно чиста,
Вложили далекие предки
Свой голос вот в эти уста.

И ночью, когда на досуге
Ты в дебри сознания проник,
Очнешься, услыша в испуге
Повисший над джунглями крик.

И хочется дикому детству,
Ответствуя, не изменить:
Над собственным несовершенством
Угромо по-волчьи завывать.

ШЕСТОЕ ФЕВРАЛЯ ИЛИ ПЕРВЫЕ ПИСЬМА ОТ МУЖЧИНЫ

Внучке — Злате Голыжиной (Терёхиной)

I

В круглом, как шар, животе
С той стороны тычет пальчик.
Как там тебе в темноте?
Девочка ты или мальчик?

В узких дверях бытия
Тянется к свету упрямо
Юная смена моя,
Кто называть будет мамой

Ксюшу — любимую дочь,
Львенка, рожденного летом.
Кто мне сумеет помочь
Стать скоро дедом-поэтом.

Здравствуй, невидимый мир!
Быть тебе снова и снова
В каменных нишах квартир
Вестью дыханья иного.

II

Ты кричала в трубку телефона
Из роддома, спящего в снегу:
«Папочка, я больше не могу!»
И пространство лопалось со звоном.
Таяла промерзшая земля.
Человек родился во Вселенной
Помощью от Ксении Блаженной
В светлый день шестого февраля.

На окно мороз ложился вязью.
Иссыхала дерганная ночь.
И никак нельзя тебе помочь
Было лишь одной мобильной связью,
Рвущейся по поводу и без.
Я молил: «Скорее, стань же мамой!»
В церкви, понимая, что из храма
Можно докричаться до небес.

III

Обещали мне колокола,
Что сегодня не допустят зла.
И мороз в ответ им вторил звонко
Треском раздвигающихся льдин.
Совпадает праздник именин
Маминых с рождением ребенка.

Совпадают время и число.
Видно, мои просьбы донесло.
И ответ пришел путем тернистым.
Трижды новость огласил петух,
И вселился животворный дух
В чадо под защиту Пречистой.

Так была молитва горяча.
И стояла церковь, как свеча.
Облегчала горькие напасти.
Усмиряли люди естество.
Каждый в ней, не ведая того,
К твоему рождению причастен.

IV

Твой муж, как все отцы, чего-то ждал.
И требовал шутливо и картинно
Родить ему, конечно, только сына

И говорил, что ждать уже устал.
Но ничего не мог переиначить.
Курил, ходил от стенки до дверей.
Так все отцы в наивности незрячей
Хотят юнцов, а любят дочерей.

Так все отцы, когда вам станет хуже
И скрутит оглушающая боль,
К себе в тот миг примеривают роль
Теперь уже не мальчика, но мужа.

V

Дочь завела карапуза.
Внучка явилась на свет.
Бабкой становится Муза.
Дедом ворчливым — поэт.

Выпала с неба награда
Нам за какие труды?
Золото — девочка Злата,
Капелька чистой воды.

В помощь надеждам безмерным,
Как неожиданный снег,
Как очищенье от скверны,
Послан нам был человек.

Кротость, любовь и беззлобие.
В люльке на каждом шагу
Морщится Божье подобье
И говорит нам: «Агу!»

VI

Твой мир еще непогрешим.
Как ангел, ты пребудешь с нами,
Напитанная небесами
И нежным запахом своим,
Разоружающей улыбкой,
И беззащитностью чела
Пророчишь нам о жизни зыбкой,
Откуда ты сюда пришла.

Среди других твоих отличий —
Незнание зла и кроткий нрав.
Ты понимаешь щебет птичий,
Дыхание цветов и трав,
Язык цикад в ночном концерте.
Младенец — вот один, кто чтит,
Как человеку говорит
Всевышний о погрязе смерти.

VII

Высокий лоб и длинные запястья —
Твой нежный облик маму повторит.
В кроватке детской безмятежно спит
Три с половиной килограмма счастья.
Сопит всем звукам мира в унисон,
Пришедшая для продолженья рода.
Пока твоя важнейшая работа
Глубокий, крепкий и здоровый сон.

Каким тебе пришелся этот свет?
Ты маму различаешь без ошибки.
И каждой ослепительной улыбке
Ты безотчетно тянешься в ответ.
Взрослеешь не по дням,
а с каждым мигом.
В предчувствии неведомой беды
Боишься, как все люди, темноты.
И одиночество обозначаешь криком.

VIII

Голоси-причитай
Мой любимый скворобушек, Злата.
Ди-ди-ди, ай-я-яй! —
Это, значит, помочь тебе надо.

Ди-ди-ди, ай-я-яй! —
Ты шагаешь с родителем в ногу.
Ди-ди-ди, ай-я-яй! —
Это первая исповедь Богу.

Красный шар, карусель,
И качели, и малые дети,

Что такое капель, —
Все тебе интересно на свете.

Щебечи-говори,
А вчера, что за Божия милость, —
Надувать пузыри
Ты из пены сама научилась.

Я стихи сотворю,
Прошепчу их губами сухими.
И тебе подарю,
И они будут только твоими.

IX

Я столько прожил:
год мне стал как день.
Пора настала дань отдать сединам.
И поглотила сумрачная тень
Те времена, где год
казался длинным.

Ну, как мне удержать
весь белый свет,
И возратить его обратно дому?
Тобой, мой ангел, кто идет во след.
Живое жизнь всегда дает другому.

Пока ты в люльке безмятежно спишь,
Как предок спал
перед последней битвой,
Хочу я верить —
искренней молитвой
Ты, коль захочешь,
жизнь мою продлишь.

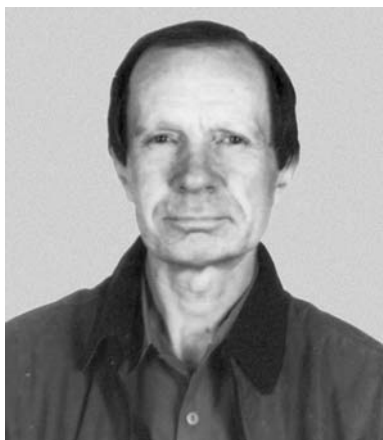
* * *

Кем устрашится естество
В преддверье смертного порога?
Не остается никого
На этом свете, кроме Бога.

Все разлетится в пыль и в прах.
Себя здесь не удержит бытом

Живущий на Его устах
Разноязыким алфавитом.

Чем успокоится душа?
Нам всем дано из милосердья
Жить вдумчиво и не спеша
И предвкушать свое бессмертье.

Валентин СЕМЁНОВ

«С КРАСНЫМ ЧУДОМ ПАСХИ!»

Валентин Евгеньевич Семёнов — доктор психологических наук, профессор, директор НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. Живет в Санкт-Петербурге.

Валентин Семёнов известен творческой интеллигенции Санкт-Петербурга как талантливый ученый, педагог, общественный деятель. Его статьи широко печатаются в газетах и журналах.

Но есть и еще одна сфера деятельности, о которой знают лишь немногие знакомые Семёнова. Это поэзия. Валентин Евгеньевич пишет не одно десятилетие, выражая в стихах свои самые сокровенные мысли и искренние чувства. Он одновременно и лирик, и эпик. Для его поэтического творчества характерны публицистичность и исповедальность.

Как и многим представителям его поколения, поэту пришлось пройти тернистый путь от атеизма до Православия. Человек, зоркий душой и отзывчивый сердцем, Валентин Семёнов стремится понять: что же произошло с русским народом, с Отечеством и почему такое случилось?

Валентин Семёнов пытается познать окружающий мир с помощью науки и искусства одновременно, а это сложный путь. Далеко не всем удастся его успешно пройти. Компасом поэту служит его интуиция, его вера в ближних. В духовном плане лирический герой Семёнова прошел колеей от Савла до Павла.

Борис Орлов, председатель правления
Санкт-Петербургского отделения
СП России

* * *

Из живописи в графику
перемахнули мы:
от солнца, красок, праздника —
в свинцовый мир зимы.

Но Храм родной, мерцающий
свечами изнутри,
все страсти примиряющий,
запел в моей груди.

Как сладко быть на юге,
когда миндаль цветет,
но Родина не всюду,
а там, где твой народ.

И здесь настанут краски —
пастель и акварель,
и с красным чудом Пасхи
пожалует апрель.

* * *

Я родился на Волге:
век XX-й, год 42-й,
в Пост Великий и горький,
враг бомбил город мой.

Но в стране в эту Пасху
был открыт каждый храм.

Сталин — это же ясно —
был не просто тиран.

А родился я в пятницу,
в день страстного Креста,
и за два дня до праздника —
Воскресенья Христа!

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

Ал. К.

Петербургское это окно
исполинским собором полно,
грандиозным немислимо храмом.
Тыщи тонн: колоннады, гранит,
мощный купол — все будто парит,
восходя за пределы рамы.

Стратостатом нацелен в зенит,
на невидимых тросах звенит,
Высшей Волей удержан до срока.
Люд на ярусах сверху глядит
и не знает, что вдруг воспарит
вместе с храмом во славу Бога.

Русским духом намолен, наполнен,
в римском стиле величья исполнен,
храм царит над забытою бездной.
Он однажды взаправду взлетит,
граду благовестом возвестит
о свершившейся Воле Небесной!

* * *

Путь пустынь, разломов и камней,
путь средь сосен, пальм и кипарисов.
Ад и рай — петляет путь людей,
как всегда, безумен и неистов.

Христианство вышло из пещер
и под небом чистым-чистым

здесь ему открылась суть вещей,
и святые имена, и числа.

Лишь Добро и Вера дали смысл
и Любовь духовную от Бога.
Вифлеем. У яслей помолись —
и с Волхвами. Их дорогой.

ВETERAN BEЛИKOЙ OTEЧECтBENNОЙ

*Посвящается
Евгению Ивановичу Семёнову*

К полковнику заходят, и звонят, и пишут —
Пусть он ослеп и просто очень стар.
Своею жизнью и заботою о ближних
Он заслужил ответный этот дар.

Ослепший воин слушает приемник.
«Ну что творят!» — волнуется старик.
Он видит прошлое без кинохроник:
Вот переправа. Взрывы. Чей-то вскрик...

Год сорок первый. Мать листок с молитвой
Ему вручила, чтобы взял на фронт.
И надо же за всю войну — обстрелы, битвы —
Ни разу даже не был ранен он.

Жену любимую он часто вспоминает,
Отца — солдата Первой мировой...
Невестка о святых Руси ему читает —
Он крестится нетвердою рукой.

Он стар и слеп, но бреется наощупь,
Упорно спорит с сыном о былом.
И чует воздух в той осенней роще,
Где тянет связь под пулями ползком...

Восторг победы! Труд. Командировки.
Военный инженер — он щит страны.
Изобретенья. Испытанья. Сроки.
Есть общий смысл, и все вокруг равны.

А ныне что? ... Страна распалась.
На юге, где бывал — теракты и бои.
Кульť денег всюду. Олигархов наглость.
Гнет США... и кто теперь «свои»?..

Полковнику все реже и звонят, и пишут.
Редает круг товарищей, родных.
И вести долетают все трудней и тише...
Но памяти живет спасительный родник!

* * *

Страну, где кладбища не чтут —
постигнет самый грозный суд.

СОКРАТ

«Duty free — лишь товар для инстинктов,
для гламурных пижонов и ксюш.
В общем, пошлость: swarovski, бутылки,
боевая раскраска шлюх,
— так вещал современный философ, —
тьма вещей, что совсем не нужны!
Вот пример потребительства злостный,
крайне вредный для нашей души!»...

Потому богачи-афиняне
и решили две эры назад
яду дать мудрецу-критикану,
что не чтил их продажный уклад...

И с тех пор изваянья Сократа
предлагают в Афинах за плату.

РУССКАЯ РЕЧЬ

«Без Бога — не до порога!» —
вот мудрость народной Руси.
А братья и сестры помогут
на жизненном трудном пути.
Привычное: «благодарю» —
сказал, улыбнулся, забыл.
Но это же *благо дарю!* —
Высокий библейский стиль.
Когда говорим «спасибо»,
Желаем *спаси тебя Бог!*

Вот так в матерщинной России
живет православный слог.
Душа — христианка, воистину,
внезапно безбожник крутой
изрек «слава Богу!» — мистика?
Нет, дух его предков такой.
И день выходной в России —
Не sunday, а *воскресенье!*
В словах наших — крестная сила
Евангельского откровения.

РАСКАЯНЬЕ

...И вот наконец наступает прозреньё —
потемки души озаряет свет,
увы, припозднившегося просветленья...
О, как ты жесток был и слеп!

И сколько обиженных душ человеческих,
и сколько безумных греховных страстей,
и всякой словесной и мысленной нечести...
Простите, о, ближние во Христе!

И слезы стыда обжигают душу,
ведь думал так долго, что не виноват —
не ведал, не видел, не слушал —
и нераскаянно двигался в ад.

Как трудно дойти до такого простого —
до исповедания светлой любви
ко Господу благому нашему Богу
и к тем, кто вокруг и зовутся людьми.

Какое в раскаянье горькое счастье,
но сколько безбожно растрченных лет...
Я плачу у чаши Святого Причастья:
Прости меня, Боже! Спасибо за свет!

* * *

Одинокая звезда
остро светит мне в глаза,
и ночной осенний холод
тихо шепчет: ты не молод.
Я согласен: жизнь не ждет,
но пока не кончен счет,
надо сделать то и это,

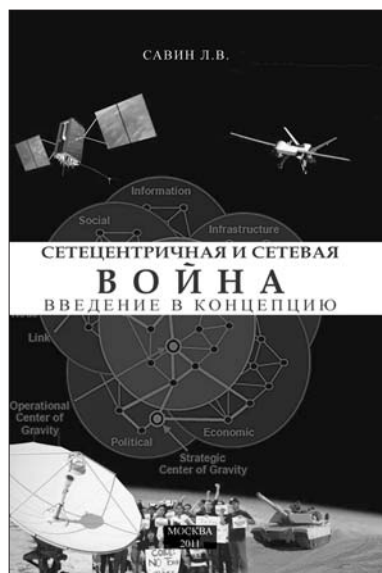
хорошо б еще до лета.
А колючая звезда
говорит мне: так всегда —
много замыслов и дел,
а ведь близится предел.
Отвечаю: только Бог
знает все, и знает срок.

ВЫШЛА КНИГА

Савин Л. В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011. — 130 с.

В монографии рассматривается история появления концепции сетецентричных войн Министерства обороны США (Netcentric Warfare), ее институционализация, основные принципы и влияние на реформы в вооруженных силах различных стран. Как широкий социальный феномен рассмотрена сетевая война (Netwar) и применение информационных технологий в конфликтах.

Книга может представлять интерес для специалистов в области безопасности, конфликтов, международных отношений, а также политологов, дипломатов, военных.

Глеб ГОРБОВСКИЙ

«СТИХИ ПИШУ ПОСТОЯННО, ЭТО СУТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ...»

*Интервью
с Г. Я. Горбовским*

Фото Андрея Скокова

Глеб Яковлевич Горбовский — родился в 1931 году в Ленинграде. Обучался в ремесленном училище, полиграфическом техникуме. Меняя профессии, много ездил по стране. Автор сборников стихотворений и книг прозы. Член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии РФ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

В русской поэзии второй половины XX века голос Глеба Горбовского с годами набирал зрелую силу, обогащался новыми интонациями, и все же, как в дни молодости, оставался таким же доверительно-теплым, душевным, исповедальным.

Поэтический мир Ленинграда-Петербурга невозможно представить без имени Горбовского. Здесь и приступили к изданию его собрания сочинений.

С Глебом Горбовским встретились писатели Иван Сабилу и Александр Скоков.

— У каждого человека, кем бы он ни стал и как бы ни сложилась его судьба, есть особая, забываемая пора жизни — детство...

— Что запомнилось? Арест отца, 1938 год. Мне семь лет. Вошли двое, предъявили ордер. Мы жили тогда в Ленинграде, на Малой Подъяческой, в большой коммуналке. Отец после окончания Ленинградского педагогического института им. Герцена работал в школе учителем русского языка и литературы. Тогда высоко ставили творчество Маяковского. А отец на одном из уроков сказал старшеклассникам, что Пушкин, Блок больше, чем Маяковский. Возможно, были и другие обвинения. Дали отцу 8 лет и 4 года поражения в правах, а, значит, невозможности после срока вернуться в Ленинград. Освободился он из заключения уже после войны, в 46-м.

Война застала меня в Порхове. Поехал на лето к сестре отца, тете Фросе. Родня отца из псковских скобарей, старообрядцы. У них свои обычаи, отношения, особая культура.

Немцы пришли быстро, завели свои порядки... Когда война кончилась, мне было четырнадцать лет, я работал в Латвии, на хуторах. Какие

были у нас тогда развлечения? Как все мальчишки, ездил на места бывших боев, находил пистолеты, гранаты. Разводили костры, подрывали. Часто дети гибли при таких «забавах». О войне тяжело вспоминать, я об этом писал, рассказывал. Мама оставалась всю блокаду в Ленинграде. К выходу отца она уже была замужем. Помню возвращение отца, его встречу. Он родился 14 октября 1900 года, в Покров. А я родился 4 октября. После освобождения отец работал на костромщине, учителем в деревне Жилино. Кругом глухой лес, теперь этой деревни, конечно, нет. При школе была комната, кухня, во дворе банька, там потом жила сестра отца Лукерья. У отца в школе был шкафчик с книгами. Среди них — Тютчев, Некрасов, Блок, Есенин. Все это я читал. Там, в Жилино, стал писать стихи. Отцу не понравилось, что я взял и начал так, что называется, с «нахрапа»... О чем писал? О том, что попадало в поле зрения: увидел церковь старую — написал. Потом в руки попала открытка — за решеткой люди, кажется, с картины Ярошенко «Всюду жизнь». И про этих людей написал. Отцу не понравились мои опыты, он хотел, чтобы я учился, не отвлекался на ненужные занятия. У меня ведь было всего 3 класса. Учился немного в оккупации, среди уроков был Закон Божий. Отец хотел, чтобы я как следует подготовился и сдал сразу за 7 классов. Стихи мои мы с ним собрали и сожгли на костре, посреди четырех берез. Что называется, предали огню. Было мне 16 лет.

— *Но это не отлучило от поэзии?*

— Да, получается так. Я, чтобы продолжить учебу, вернулся в Ленинград. Мама с отчимом уехали в Новороссийск, там и жили. Отец мамы, мой дед — Иван Андреевич Суханов, а бабушка — Агния Андреевна Суханова-Данщикова, первая детская коми-зырянская писательница. Мама с отчимом, когда переезжали в Новороссийск, оставили мне большую комнату на Васильевском острове, в доме 6 по 9-й линии. Комнату пришлось опечатать, так как меня отдали в ремесленное училище № 13, при Балтийском судостроительном заводе. Там было общежитие. Стал я учиться на деревообрабатчика-модельщика, делал формы для изготовления деталей кораблей. Потом стал работать на фабрике музыкальных инструментов «Красный Октябрь», что находилась рядом с моим домом. Выпускали там пианино и рояли.

По-прежнему писал стихи, они привели меня в литературное объединение «Голос юности» при Доме культуры «Трудовые резервы». Это на улице Софьи Перовской, ныне Малой Конюшенной. Нашим руководителем был писатель Давид Яковлевич Дар, муж Веры Пановой. Занятия в литобъединении мне помогли, я ведь был совершенно неграмотным в поэтике. Давид Яковлевич многое нам открыл в области формы. Но это был юношеский коллектив, а я уже считал себя взрослым. Вскоре перешел в литобъединение при Горном институте, где занимался у Глеба Сергеевича Семенова. И начал публиковаться в местной горняцкой газете. Там уже были Олег Тарутин, Леонид Агеев, позже пришел Александр Кушнер. Тогда же я познакомился с Николаем Рубцовым, который работал на Кировском заводе и думал перебраться в Москву. Я, и не только я, не советовали ему переезжать, считали, что его творчеству ближе Питер, северная природа, более размеренная, чем в столице, жизнь. Но он сказал, что хочет учиться, уехал в Москву и поступил в Литературный институт. Я к нему приезжал в общежитие, читали друг другу стихи.

— *Знатоки говорят о Вашем влиянии на творчество раннего Рубцова?*

— Возможно, если к этому добавить, что и его стихи в равной степени оказали влияние на меня.

— *Тогда же проходил Первый поэтический турнир в Ленинграде, участвовали Горбовский, Тарутин, Кушнер, Бродский...*

— Да, а победил никому тогда не известный Герман Сабуров, прочитав стихотворение «Подозрение». То время не было скудным на поэтов, вот несколько имен моего поколения: Виктор Соснора, Леонид Агеев, Майя Борисова, Анатолий Краснов, чуть моложе Иосиф Бродский. С Бродским мы близки не были, но я мог зайти к нему на Пестеля, занять трояк на вино.

— *И вот, наконец, первая книга «Поиски тепла»...*

— Да, вышла она в 1960-м, когда мне было уже 30 лет. Ее хорошо принимали читатели, положительно оценили питерские поэты. По ней в 1963 году меня приняли в Союз писателей СССР. А наиболее известной стала моя четвертая книга «Тишина», это уже 1968 год. Тут же грянула критика — появился огромный подвал в газете «Советская Россия», названный «Рыжий зверь во мне сидит». Разносная статья, которой дала название строчка из моего стихотворения. Что нашли там крамольного? Рыжий зверь сидит в каждом из нас, дай ему только волю. Поддержали меня тогда Михаил Дудин и Александр Прокофьев.

— *Ленинградский поэт Анатолий Краснов в одном из своих стихотворений сказал о судьбе поэта на Руси: «Сперва убьют, а после памятник поставят».*

— Хорошо сказал, но я бы уточнил: поэты, как правило, сами себя убивают. Даже если их убивали — то сначала они убивали сами себя. И не только стремлением к материальному благу. Поэты всегда жили бедно. Если поэт думает о деньгах — он не думает о поэзии. Явился в этот мир поэтом — вот и живи пиитом.

— *К тому же народ наш во все времена не очень-то благоденствовал...*

— Никогда я не смотрел на народ со стороны. Я родился в нем, варился в нем. Работал на судостроительном заводе, на фабрике, в геологических, геофизических экспедициях: на Сахалине, Камчатке, Курилах. Был рабочим, взрывником, поваром. Если сравнивать народы — немецкий, русский, еврейский, то, конечно, у каждого свое — обычаи, нравы, порядки... А так — я сам народ.

— *Многие Ваши стихи о Беларуси, о ее людях.*

— Моя третья жена, Светлана Федоровна Вишневская, из Белоруссии, витебская. Я подолгу жил там, в деревне, на Западной Двине. Слева кладбище, справа Двина. Красивый край, величественная и нежная природа. И языки наши, близкие для понимания. Белорусский язык, украинский — славянские языки, но объединяет их русский.

— *Большинству из нас основную часть жизни привелось жить в XX веке. Немало выпало испытаний...*

— Особенно в войну. Две великие европейские Державы — Россия и Германия попытались жить без Бога и тут же сошлись друг с другом в смертельной схватке. Можно ли отменить Бога? Это обсуждению не подлежит. Во все времена были безбожники, были верующие. Сейчас восстанавливают храмы, в народе есть движение к вере, это хорошо.

— *Еще бы восстановить читательский интерес?*

— Да, к сожалению, меньше читают. Интернет, телевизор — стеклянный глаз. Я смотрю только новости и футбол. Иногда суды — хотя понимаешь, что это актеры, подстава, но делают такие передачи интересно. Как будто всех нас готовят к будущим судам — то ли в качестве жертвы, то ли в качестве обвиняемого. Читают сейчас меньше, это правда, но поэт пишет не для себя, а от себя. Тот, кто писал для себя, а потом пропихивал, проталкивал, не стал поэтом. Мои стихи с 2000 года не издавались, но были публикации в «Литературной газете», в «Нашем современнике». Сейчас с помощью Лидии Дмитриевны Гладкой издается мой семитомник, вышло уже три тома. Стихи пишу постоянно, это суть моей жизни, мой ритуал. Вот сегодня написал стихотворение: «Позвонили ночью в три часа. Усмехнулись, положили трубку...». Думаю издать стихи, написанные в последние десять лет. Точнее, самое лучшее из написанного. Назову сборник «Зал ожидания».

— А переводить приходилось?

— Нет, переводами никогда не занимался, хватало своего. К сожалению, с читателями встречаюсь все реже. Последняя встреча была два года назад, когда меня возили в Москву на вручение Пушкинской премии.

— На Ваши стихи известные композиторы Василий Соловьев-Седой, Станислав Пожлаков, Александр Морозов написали множество песен, которые полюбили и у нас в России, и в других странах. Например, «Папа, подари мне куклу» одна из самых популярных в Китае. А песенку «Когда фонарики качаются ночные» кому только не приписывали, в том числе Есенину...

— Да, многим моим стихам повезло, на них обратили внимание русские композиторы, хотя сам я специально «песенных» стихов не писал. Просто получилось так, что некоторые из них «легли» на музыку, а иные получились для детей, и я этому рад.

— Несмотря на трудности, которые сейчас переживает русская литература и в целом русская культура, в России пишущих людей не становится меньше. Это обнадеживающий факт: значит, есть что сказать, есть что отстаивать. Какое напутствие можете дать молодому стихотворцу?

— Быть искренним, быть самим собой, не отклоняться от себя. Учиться. Читать Пушкина, Блока, Гомера. А когда почувствуешь, что ты, хоть и молодой, но поэт — разговаривай с собой, с миром, с Богом.

— Идут годы, но в памяти остаются многие Ваши стихотворения. Вот одно из них.

Стояла ночь над головой,
не шевелилась, чуть дышала.
Штыком светилося над Невой
лишь Петропавловское жало.
Ах, ночь смятенья моего,
сколь ты темней моих потемок:
милльоны дум на одного —
их больше, чем миров над домом.
Земля осушит реки слез,
она войдет в вино, как лучик.
И не ответит на вопрос,
на самый главный, неминучий.

Тени РОССИИ

Станислав КУНЯЕВ

«...И ЧИТАЛ СТИХИ ИМПЕРАТРИЦЕ»

Есенин в Царском Селе

Сергей КУНЯЕВ

Двадцатого апреля 1916 года Сергей Есенин прибыл в Царское Село, на место своей льготной службы, под покровительство полковника Д. Н. Ломана. Его покровитель был любителем древнерусской старины. В царкосельской квартире «адъютанта Императрицы» побывали в те годы художники братья Васнецовы, Михаил Нестеров, Николай Рерих, Иван Билибин. Захаживали к нему в гости и знаменитый архитектор А. Щусев, и создатель великорусского оркестра В. Андреев. Д. Ломан руководил в Царском Селе строительством Федоровского городка. Это был как бы русский Кремль в миниатюре — пять домов в древнерусском стиле, обнесенных кремлевской стеной, с резными каменными воротами. Городок был задуман как музейный экспонат, призванный воскресить древнее наше зодчество...

Станислав Юрьевич Куняев — родился в 1932 г. в Калуге. Окончил филологический факультет МГУ. Работал журналистом в Тайшете, редактором в журнале «Знамя», секретарем Московской писательской организации. Автор многих сборников стихов, трехтомника мемуаров «Поэзия. Судьба. Россия», сборников критики и публицистики. Лауреат Государственной премии РСФСР. С 1989 г. — главный редактор журнала «Наш современник». **Живет в Москве.**

Сергей Станиславович Куняев — родился в Москве в 1957 г. Окончил филологический факультет МГУ (1980). Работал в издательстве «Современник», в журнале «Москва», зав. отделом критики журнала «Наш современник» с 1992 года. Выпустил книги: «Огнепалый стих»; «Растерзанные тени», «Сергей Есенин», «Жизнь Есенина. Снова выплыли годы из мрака...», в соавторстве со Станиславом Куняевым; документальная повесть о Павле Васильеве «Русский беркут». Член СП России. Член правления СП России (с 1999). Лауреат премий «Зодчий» им. Д. Кедрина (1995), им. С. Есенина (1996). **Живет в Москве.**

Благодаря покровительству полковника Ломана военная служба не была для новобранца тяжким бременем. Ему, правда, пришлось дважды, сначала в апреле и мае, сопровождать раненых из петроградских и царскосельских госпиталей в Крым, а потом, в июне, съездить с эшелоном за новой партией раненых к линии фронта — в Киев, Конотоп, Шепетовку, но по возвращении он подал прошение об отпуске для поездки домой, и ему выписали увольнительный лист «в Рязань сроком на 15 дней». А всего Есенин служил в Царском Селе 11 месяцев, и в течение этого срока отлучался в июне в Петроград, в июне же на две недели в увольнительную в Москву и Константиново после операции аппендицита, в начале июля — опять в Петроград, 17 июля уехал на день в Вологду с Алексеем Ганиным, с которым познакомился в Царском Селе, в октябре опять побывал в Петрограде, 3 ноября на три недели прибыл в Москву, в декабре — снова отлучился в Питер...

Так что в «Автобиографии» 1923 года поэт не очень уж присочинял, когда писал:

«При некотором покровительстве полковника Ломана, адъютанта Императрицы, был представлен ко многим льготам. Жил в Царском недалеко от Разумника Иванова. По просьбе Ломана однажды читал стихи Императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылался на бедность, климат и проч.

Революция застала меня на фронте в одном из дисциплинарных батальонов, куда угодил за то, что отказался написать стихи в честь Царя. Отказывался, советуясь и ища поддержки в Иванове-Разумнике...»

В этом маленьком отрывочке смесь правды и поэтической фантазии. Ко льготам Есенин действительно был представлен. И стихи читал. На концерте, который был дан 22 июля 1916 года в царскосельском лазарете по случаю тезоименитства младшей дочери Императора Великой княжны Марии Николаевны. Одни исследователи считают, что, кроме двух именинниц, на концерте никого больше из Царствующей фамилии не было, что Александра Федоровна лишь должна была приехать, но не приехала. Другие все-таки убеждены, что Сергея Есенина слушали все четыре Великие княжны вместе с матерью и что разговор о «грустной России» произошел именно с ней, после того как Есенин прочитал стихотворение «Русь»:

*Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.*

*Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь — везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мгlistые
На берегах висят галуны.*

Конечно же, невеселое стихотворение написал Есенин, посвященное страшной войне. И лермонтовскую строчку («Но я люблю, за что не знаю сам») по-своему переосмыслил:

*Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.*

И все-таки его выбор для чтения был очень удачен. Он прочитал стихотворение Императрице и княжнам лишь потому, что в нем речь идет о войне как о великой страде народной.

«Понакаркали черные вороны» войну, и вот уже собираются ополченцы, провожают их жены с детишками. И поэт шлет им свое благословение:

*По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.*

Нет в этом стихотворении прямого «ура-патриотизма», но нет и социал-демократического пацифизма, нет и проклятий «империалистической войне». Война в нем как тяжкая, но неизбежная работа, как общее переживание народное, особенно трогательное в те минуты, когда вся деревня, получив весточки с фронта, собирается, и кто-то из баб, умеющих читать, разбирает «каракули», выведенные «в родных грамотках»:

*Собралися над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.*

А где-то между этими избами, среди баб и детей, бродит поэт и шепчет слова «люблю», «верю» — каждый раз по-разному:

Но люблю тебя, родина кроткая!..

*Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.*

«Русь» — может быть, самое «соборное» стихотворение Есенина, никогда, пожалуй, больше он не растворял столь полно свое «Я» в стихии народной жизни, как в этой маленькой поэме:

*Помирлся я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.*

Поэт в «Руси» предстает как бы лишь неким отражателем народного чувства, угадчиком не своих, а общих надежд и переживаний:

*Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха...*

Разгадал я их думы несметные...

*А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерешился в далях за дымами
Над лугами веселый покос...*

Бабы, невесты, ополченцы, ребята, матери... Мир... Просто «Русь». «Русь советская» и «Русь уходящая» будут потом, через несколько лет. Как и «Русь бесприютная»...

Есенин знал, что надо читать в царскосельском лазарете, голос его звенел, и стоял он, как древнерусский рында, в голубой рубахе, плисовых шароварах, желтых сапогах, и похож был не на какого-то опереточного ряженого, а на «отрока Варфоломея» с картины Нестерова...

Но крайне важно вспомнить, что на этом концерте он читал не только «Русь», но и специально написанное по заказу Дмитрия Николаевича Ломана стихотворное приветствие молодым Царевнам. Лишь в 1960 году в газете «Волжская коммуна» был опубликован текст этого приветствия, «не отличающегося большим поэтическим достоинством», как сказано в статье одного из есениноведов.

Текст этот на листе ватманской бумаги был писан акварелью, древнерусской вязью и окружен орнаментом... Конечно, исследователи есенинского творчества, которые делали из него стопроцентного советского поэта, приходили в ужас, вчитываясь в стихотворение, хранимое за семью печатями в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде:

*В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.*

*Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.*

*На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.*

*Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.*

Как странно! То, что казалось адептам соцреалистического литературоведения «монархическими настроениями» поэта, сегодня для нас, как бы заново переживших екатеринбургскую трагедию, кажется чуть ли не предчувствием поэта, угадывающего будущий жребий Царевен. «И кротость юная в их ласковых сердцах», и «скорбь», которая «кладет печать на лбу»,

и обращение к святой Магдалине помолиться за них — все это уже не кажется сентиментальной риторикой, но таинственным образом перекликается со стихотворением, которое читали и переписывали несчастные Царевны перед мученической смертью:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей...*

*И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленье,
Христос Спаситель, помоги!..*

*И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!*

Это стихотворение С. С. Бехтеева (1879—1954), забытого поэта, члена «Русского собрания», сосредоточившего в себе лучшую и умнейшую часть интеллигенции, сопротивлявшейся революционным «бесам», — русскую элиту, заклеянную этими бесами «черносотенной».

Николай Бухарин не знал есенинского посвящения Великим княжнам, когда писал свои «Злые заметки» — посмертный приговор Есенину. Хотя он помнил, что поэт читал стихи Государыне и Царевнам («припадать к государевой ножке»). Но есть нечто роковое в том, что партийный монстр и профессиональный русофоб не удержался и с удовольствием-таки вспомнил о Царевнах, которые, как он бестрепетно написал, «были немножко перестреляны за ненадобностью». Есенин же скорбел о Царских дочерях еще при их жизни. Читаешь бухаринскую палаческую фразу, и тут же в один мистический узел стягивается всё: и эта фраза, и молитва-стихотворение Бехтеева, и мольба Есенина о Царевнах, и его знаменитая строка «не расстреливал несчастных по темницам...».

Императрица распорядилась, чтобы за выступление на концерте молодой поэт был награжден золотыми часами. Все исследователи жизни и творчества Есенина не сомневались, что он эти часы получил, но лишь в 1968 году литературовед В. Вдовин выяснил, что Ломан вручил Есенину обычные часы, а золотые оставил себе. После революции, когда Ломан был арестован как фигура, близкая к Императорскому двору, у него были конфискованы золотые часы фирмы «Павел Буре» за номером 451560, предназначенные поэту. Уполномоченные Временного правительства даже попытались найти Есенина, чтобы вручить ему подарок Императрицы, но якобы не нашли. В докладной было сказано: «Вручить их(часы) не представляется возможным за необнаружением местожительства Есенина».

Так второй раз золотые часы с цепочкой «из кабинета Его Величества» не дошли до Есенина. Прилипли к рукам какого-нибудь «уполномоченного» и пропали уже навсегда.

На этом фактически и оборвались отношения Есенина с меценатами и хозяевами либеральных литературных салонов. О том, как восприняла «чистая публика» известие о чтении стихов Есениным перед членами Императорской фамилии, рассказывал много позже в «Петербургских зимах» Георгий Иванов:

Сергей Есенин и Николай Клюев, 1916 г.

«Кончился петербургский период карьеры Есенина совершенно неожиданно.

Поздней осенью 1916 г. вдруг распространился и подтвердился “чудовищный слух”: “наш” Есенин, “душка” Есенин, “прелестный мальчик” Есенин — представлялся Александре Федоровне в Царскосельском дворце, читал ей стихи, просил и получил от Императрицы разрешение посвятить ей целый цикл в своей новой книге!

Теперь даже трудно себе представить степень негодования, охватившего тогдашнюю «передовую общественность», когда обнаружилось, что «гнусный поступок» Есенина не выдумка, не «навет черной сотни», а непреложный факт...

Возмущение вчерашним любимцем было огромно. Оно принимало порой комические формы. Так, С. И. Чайкина, очень богатая и еще более передовая дама, всерьез называвшая издаваемый ею журнал «Северные записки» «тараном искусства по царизму», на пышном приеме в своей гостеприимной квартире истерически рвала рукописи и письма Есенина, визжа: «Отогрели змею! Новый Распутин! Второй Протопопов!» Тщетно ее более сдержанный супруг Я. Л. Сакер уговаривал расхажившую меценатку не портить здоровья «из-за какого-то ренегата»...

Не произойди революции, двери большинства издательств России, притом самых богатых и влиятельных, были бы для Есенина навсегда закрыты. Таких «преступлений», как монархические чувства, русскому писателю либеральная общественность не прощала... До революции, чтобы «выгнать из литературы» любого «отступника», достаточно было двух-трех телефонных звонков «папы» Милюкова кому следует из редакционного кабинета «Речи». Дальше машина «общественного мнения» работала уже сама — автоматически и беспощадно...

Еще раз-другой в начале 1917 года Есенина приглашали в высший свет: 5 января — на богослужение в Федоровский собор, а 19 февраля — на завтрак с чтением стихов для членов «Общества возрождения художественной Руси». На этом роман монархии и поэзии был исчерпан, и 22 февраля 1917 года Ломан подписал Есенину удостоверение, обязывающее поэта явиться в Могилев для продолжения службы во 2-м батальоне Собственного Ея Императорского Величества сводного пехотного полка...

Но тут наступили сумбурные дни февральской революции, и дальше с поэтом случилось то, о чем он сам откровенно написал в «Анне Снегиной»:

*Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу», и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.*

*Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.*

Стать дезертиром в те дни было легче легкого. 2 марта был опубликован знаменитый «Приказ № 1», обращенный к армии, где, в частности, говорилось: «Немедленно выбрать комитеты от нижних чинов... Всякого рода оружие... должно находиться в распоряжении комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам... Солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане...»

Речь шла об уничтожении армии. А за ее уничтожением, естественно, должен был последовать крах государства. Есенин почувствовал всю грандиозность то ли преображения жизни, то ли надвигающейся катастрофы.

ВЫШЛА КНИГА

Парпара А. А. Гагарин, или Три дня из жизни космонавта. Драматическая поэма в трех частях. — 3-е издание, исправленное. — М.: Издательство Фонда им. М. Ю. Лермонтова. 2011. — 72 с.: ил. (Судьба).

Анатолий Анатольевич Парпара стихи начал писать еще в школе, серьезные публикации состоялись в 1969–1970 годах. В настоящее время — секретарь Союза писателей России, лауреат Государственной премии, действительный член Академии российской словесности, председатель фонда имени М. Ю. Лермонтова. За драматическую поэму «Гагарин, или Три дня из жизни космонавта» А. Парпара удостоен Федерацией космонавтики СССР золотой медали Юрия Гагарина.

Николай СКАТОВ
ПОГРУЖЕНИЕ
ВО ТЬМУ
ИЛИ ПУТЕВОДНЫЕ
ОГНИ

*Русская
классика сегодня**

Николай Николаевич Скатов — родился 1931 года в Костроме. Окончил Костромской гос. педагогический институт. Работал в этом институте старшим преподавателем, исполняющим обязанности зав. кафедрой литературы. С 1962 года работал в Ленинградском гос. педагогическом институте им. А. И. Герцена. С 1987 по 2008 гг. — директор ИРЛИ (Пушкинский Дом). Автор более 200 научных трудов, 17 книг. Доктор филологических наук. Член президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН. Заместитель председателя экспертного совета ВАК РФ. Член научного совета при Совете Безопасности РФ. Член-корреспондент РАН. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* статья печатается в сокращении.

«Русская литература!!! Какой могучий, развернутый, глубоко эшелонированный в веках фронт, наступающий постоянно в одном направлении — к братству, добру, свету. Разрушив первую линию, еще не окрепшую линию, враг наткнется на старую, еще более могучую, удастся повредить ее — он выйдет на еще более старую, чудовищно могучую».

В. Гаврилин

Наше время — и с новой силой — обязывает осознавать неизменную роль литературы в качестве не одного лишь — в ряду прочих — вида искусства, не только одного из способов так называемого духовного производства и, кстати сказать, не просто одного из школьных — среди многих — предметов преподавания.

Я уже не говорю о чудовищности и пагубности всячески внедряемого сейчас мнения, что время литературы вообще-то уходит или даже ушло и место ее — самое большее — скромный лоток на всеобщем рыночном торжище.

Между тем борьба с таким положением должна стоять в одном ряду борьбы с наркотиками, СПИДом, пьянством, то есть со всем, что есть деградация общества или что открывает путь к такой деградации, то есть путь к обезчеловечиванию, окончательному одичанию и озверению, уже четко обозначившийся.

Прежде всего литература есть единственное в своем роде орудие универсального освоения мира, инструмент многосторонне познавательный и всесторонне воспитывающий.

Потому же она чаще всего так или иначе явлена как основа, или исток, или толчок для всех остальных видов искусства, да и вообще духовного существования всего нового времени.

Теснимый всюду, этот фронт сейчас проходит, по сути, уже только через школу — последний укрепленный район. И где-то с обвалившимися

стенами, где-то со сбитыми башнями, где-то с зияющими пробоинами, он пока еще стоит. И — иногда больные и пожилые, подчас неумелые, почти всегда на пределе сил защитники — учителя — еще не все разбежались.

Не потому ли, не тратясь на преодоление всяких оборонных линий, о которых образно пишет Валерий Гаврилин, решили взорвать всё разом? Был и такой план: просто отменить литературу как школьный предмет. Пока, слава Богу, пронесло. И не все очаги сопротивления подавлены. Министрство печати все же имеет кое-какие средства и энергично поддерживает так называемую «социально-значимую», да и просто хорошую литературу. Подобный издательский совет создан в петербургской Администрации и регулярно делает то же самое. Создается Центр — и соответствующие программы — «Русский язык». Но он будет кособоким, если не вовлечет стихии русской литературы. Соответственно и назвать его нужно «Русское слово». Профессор Московского университета Л. Касаткин абсолютно точно пишет, что предмет русского языка в школьной программе нужно повернуть в другое русло — в сторону изучения русской классики.

Тогда и о законах можно не заботиться: старая русская классика ограждает язык надежнее, чем новая русская юриспруденция. Можно без секунды сомнений сказать, что без русской литературы все усилия по спасению русского языка обречены. В качестве языка бюрократии, техники, существенной части науки, бизнеса трудно противостоять английскому. Силу, могущую обеспечить в мире соревновательность русскому языку с английским, может дать только великая русская литература. Лишить его этой силы, к чему предпринимаются ныне могучие усилия, — значит лишить его конкурентной способности на мировом общекультурном поле.

Так что проблемы и с линиями, и с обороной, и с наступлениями остались. А ведь выходит масса книг, на книжных ярмарках глаза то разбегаются — от разнообразия, то собираются в кучку — на авторах, раньше часто просто недоступных. Да один наш Пушкинский Дом сколько выпускает книг. И — слава Богу — без идеологического давления. И они бывали успешными номинантами на выставках, проскакивали и на государственные премии. Но — тиражи... Не буду говорить о специальной литературе. Известно, что Пушкинский Дом как академический институт помимо прочего издает академические, то есть исчерпывающе полные собрания русской классики, научно подготовленные текстологически и обильно комментированные. За нами Лермонтов, Белинский, Тургенев, Достоевский и т. д. Решусь сказать, что и снижения уровня не только не произошло, но текстологическая работа совершенствовалась и комментаторская практика обогащалась. И кадры сохранились. Хотя не нужно думать, что филологи на западе не востребованы: скажем, американская русистика за счет уехавших существенно обогатилась.

Но вот пример: «академический» Некрасов в 15-и томах (в 22-х книгах) — готовился и издавался почти двадцать лет. Тираж первых томов — 300 тысяч экземпляров, последнего тома — одна тысяча. Ладно, Некрасов сейчас — «черная кость». Но отбеленная до блеска — Достоевский. Те же 300 тысяч к одной. Допустим, последние тома подобных изданий, часто как раз особенно трудоемкие, содержат интересные, однако для широкого читателя наименее привлекательные материалы. Но вот впервые начат «академический» Гончаров, самый полный (много новых текстов) и безукоризненно текстологически и комментаторски подготовленный. Вышли первые

четыре тома, и уже «Обыкновенная история» — книга, по которой, как говорил Лев Толстой, учишься жить, — та же одна тысяча.

Неужели в триста раз сократилось число желающих «учиться жить»? Может быть, вообще упал интерес к чтению той же классики? Но неужто же в 300 раз? К тому же по историческим меркам — почти моментально. При этом ценность такого рода изданий (а их могут осуществить лишь академические институты — ИРЛИ и ИМЛИ) не только не уменьшается в 300 раз, но чуть ли не в 300 раз увеличивается. Если воспользоваться терминами экономической науки, то речь идет о производстве средств производства для будущего производства средств потребления. Ибо именно они становятся фундаментом и источником всех последующих изданий: у нас и за границей, для читателей и исследователей, массово и избранно, семейно и учебно, на десятки, а может быть, и сотни лет. Когда пройдет черная полоса. То, что она черная, уже осознается в мире, и все делается, чтобы она осталась полосой. После президентского доклада «Нация в опасности» в Америке принята государственная программа, ставящая целью срочно превратить страну в нацию читателей. Срочно подтягивается и Европа. И здесь нам тоже нужен срочный мобилизационный план и рывок, ибо «нация в опасности».

Причина всего этого у нас в утрате государственной стратегии. Это и разрушение мощной книготорговой и книгораспространительской системы, это, конечно, и материальная ущемленность основного потребителя, так называемой трудовой интеллигенции, да и вообще трудового люда.

И прежде всего — решающая роль телевидения у нас, наверное, единственного в мире, полностью избавившего себя от просветительских программ типа «Российских университетов». А ведь было время, когда публичные уроки лучших учителей собирали телеаудитории, которые и не снились нынешнему и, видимо, строго ограниченному контингенту попсового «созвездия», уже даже не кочующего с канала на канал и из концерта в концерт, а как бы навечно там в кривляньях застывшего.

Иначе говоря, масскультура имеет мощнейший, полностью ей на службу поставленный ретранслятор, которого не имеет та же литература. Как ни странно, но судьба литературы, и прежде всего литературной классики, как важнейшей составной нынешней общенациональной жизни, в большой мере находится в руках телевидения.

Роль телевидения сейчас подобна роли, которую занимал раньше печатный станок. Можно ли представить, чтобы все типографии печатали только пивные этикетки, непристойные открытки, в лучшем случае — комиксы и не печатали книг? Вот так не «печатает» книг наше телевидение, могущее стать могучим орудием возвращения книги для нации, которая в опасности. Может быть, и в ущерб себе. Ах, ущерб? Как же — держите карман шире.

Почему же так важна сейчас русская литературная классика? Дело не только в повышении образовательного уровня, в простом расширении кругозора.

В разное время в своей бездонности русская классика поворачивается разными гранями как для отдельных людей, так и для общества к целому. Потому-то сейчас, как, может быть, никогда еще в нашей истории, такая классика нужна и доступна нам, ищущим, без изъятий, во всей совокупности, даже в своих противоположностях.

Так, не завидуя ни американцам, ни китайцам, попытаемся же воспользоваться такой редкой возможностью: в сложнейших и труднейших услови-

ях сделать свой выбор и найти свой выход. Сейчас нам, потерявшим себя, наверное, прежде всего важно обрести человеческий образ. Когда-то Гете написал обращенную к немцам, пожелавшим тогда стать нацией, ироничную эпиграмму с призывом: сначала стать просто людьми. Вот так и нам с поисками национальной идеи: сначала — обрести Образ и Подobie Божие.

«Для чего живем?» — спрашивал Гоголь и отвечал: «Для высокого». А вот все более — до жути — становящийся современным Некрасов:

*Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...*

*Толпа гласит: «Певцы не нужны веку»!
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь назовет человека
Высокое призвание его?..*

Вот таким напоминанием о высоком призвании человека русская литературная классика прежде всего и нужна нам сегодня, когда столько «культурных» сил оказалось призвано к прямо противоположному: к превращению страны даже не в колонию, а в загон, а человека — даже не в раба, а в скотину.

Менее всего я думаю, что вот обратим мы общество к классике, и по липовым аллеям (а не по заплыванным панелям) начнут прогуливаться тургеневские девушки с томиками Пушкина (а не расхристанные оторвы с пивной бутылкой — «из горла»), направляясь на концерт симфонической музыки Моцарта (а не на стадионные завывания очередной «легендарной» группы).

Речь о попытках восстановления первичных, но главных человеческих начал — совести и стыда, а здесь нет, по общему признанию, более совестливой литературы, чем русская литература. Это — во-первых.

Во-вторых, речь идет о восстановлении места и роли русского слова. И здесь роль русской литературной классики первостепенна.

Наконец, в-третьих, речь идет о восстановлении органичного ощущения Родины — России: и уровень хвалы, и характер хулы, и «военно-патриотическое» воспитание — все это уже только производное.

Прояснению положения, в котором находится сейчас русская литературная классика, помогает учет одного обстоятельства. Для нас такая классика пока еще и предмет гордости, своеобразная национальная витрина и первое свидетельство признания нас в мире. Для Запада первые и самые значимые наши писатели — Л. Толстой, Чехов, но самый для них «главный» — Достоевский. Для России все же и Лермонтов, и Гоголь. Но самый, самый «главный» для нас (и для Достоевского тоже) — Пушкин. Имеет место некая обратная перспектива. Для нас точка отсчета — Пушкин. Для них — Достоевский. Дело и в том, что при всем сродстве всего литературного XIX века есть принципиальная разница между двумя типами и этапами его классики.

Обращу внимание сначала на вещи вроде бы внешние. Еще Белинский, наблюдавший почти за всей первой половиной литературного века, отметил наличие к его середине большого количества талантов и отсутствие гениев в

сравнении с более ранним временем, где меньше талантов, но много гениев. Действительно, в этом более раннем времени мы видим и Крылова, и Грибоедова, и Пушкина, и Лермонтова, и Гоголя, и Тютчева, и сосредоточенность их на кратком, буквально в 20 лет, пространстве.

Чуть более частная, но тоже показательная позднейшая характеристика К. Бальмонта, который отнес — и, кажется, не ошибся — к великим поэтам русской классики XIX века семь человек: Пушкина, Лермонтова, Боратынского, Кольцова, Тютчева, Некрасова и Фета. Нетрудно видеть, что пять из семи — это 20–30-е годы (Тютчев — великий поэт уже к началу 30-х). К началу 40-х все было кончено. Кто не умер, как Крылов, Кольцов, Боратынский, кого не убили, как за какие-нибудь десять лет аж троих — Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, тот замолчал, как Гоголь и Тютчев, на многие годы выпавший из литературного процесса.

Только начинавший в 40-е годы будущий ярчайший представитель нового типа литературы Достоевский и завершавший и, по сути, уже завершивший представитель старого — Гоголь сошлись во взаимной настороженности: «Взгляни на Пушкина, на Гоголя. Написали немного, а оба ждут монументов», — даже раздраженно пишет молодой Достоевский брату. Отметим это «немного» со стороны писателя, который как раз напишет «много». В понимании русской классики это «немного» многое открывает.

С другой стороны, Гоголь, признавая *талант и качества душевные* автора тогда еще только «Бедных людей», тоже почти брюзжит: «Много еще говорливости и мало сосредоточенности в себе: все бы оказалось гораздо живей и сильней, если бы было более сжато».

И это не частные замечания по частному поводу. Упрек заканчивающего Гоголя тоже еще только начинающему Островскому: растянуто. Со своей стороны, преклоняясь перед гением Гоголя, Островский влияние его на себя, тем не менее, отрицал. Действительно, сравнительно с Гоголем, который, по его словам, стремился в том же «Ревизоре» собрать *все дурное и разом* посмеяться над всем, Островский может показаться растянутым. И такие упреки в «говорливости», растянутости многое открывают в понимании русской классики и разных ее сторон и этапов.

Тогда же суть дела понял молодой Достоевский: «Я действую Анализом, а не Синтезом ... Гоголь же берет прямо целое».

Почему же возникла необходимость в этом синтезе? Что он означал? Какое имеет значение для нашей современности, для нынешней школы, в частности, для решения проблем со словом?

Естественно, синтез явлен как целое: «столпных» произведений действительно немного, все они небольшие сравнительно с многотомниками второй половины века и в основном написаны стихами: басня, стихотворная комедия, если и роман, то в стихах («Евгений Онегин»), если и в прозе, то поэма («Мертвые души»). И тоже не случайно: «Дело прозы — анализ, дело поэзии — синтезис», — сказал Некрасов, в сущности повторив, видимо, кем-то ему пересказанного Гоголя.

В этих условиях, в этих жанрах и этими художниками создается и формируется наш современный национальный язык и лексически (по сути, раскручивая потенциал, заложенный в народном слове), и фразеологически: отсюда все наши литературные пословицы и поговорки. Недаром сказано о «Горе от ума», что отдельные словечки и выражения там чуть ли не гениальнее всей комедии. Да чего стоит одна княгиня Марья Алексевна, ни разу

в комедии не появившаяся, лишь один раз названная («Что станет говорить княгиня Марья Алексевна?») и поминаемая как всем известная особа вот уже почти двести лет.

Именно в это время складывается особый тип сгущенных слов, о которых писал еще П. Флоренский и которые составляют опорные начала исторически сложившейся мысли народа, и концентрат которых составляют имена: почти все наши нарицательные имена-типы сложились как раз в это время. В. В. Розанов написал когда-то, что язык даже Льва Толстого — это молоко: хорошее, вкусное, парное теплое молоко. А слово Пушкина, Гоголя, Лермонтова — сливки, гуще которых не бывает.

Вот почему в нынешних условиях эстетической и этической смятенности, языковой сумятицы и утраты многих ориентиров, как никогда, важно обращение к синтезировавшему общественно-национальный опыт этапу русской литературной классики. Именно там новая Россия впервые эстетически явлена как целое и цельное, единое и неделимое.

А самое полное и высшее свое выражение этот синтез нашел в Пушкине. Поэтому он давно и воспринимается как символ, как синоним всей России. И не потому ли так ожесточена сейчас антипушкинская партия?

Другой стороной во многом обернулась великая русская классика во второй половине XIX века: на смену характеру-типу чаще всего приходит характер-личность, аналитически исследуемая на путях кризиса, искуственности зла, свободы выбора, соотнесенных со спасительными страховочными ценностями народного общежития — совести, веры, стыда, которые и позволяют опускаться на любые неведомые глубины.

Как член милующей (увы, не всегда) комиссии я не могу не обратить особое внимание на признания типа: «Почему я только в тюрьме (на зоне) прочитал “Преступление и наказание”?».

С учетом этого нужно строить и программы в школе не как некое отражение вузовских и академических курсов. Ни «Белые ночи», ни, скажем, «Неточка Незванова» не должны, как это допускает программа — по выбору учителя, подменить «Преступление и наказание».

Не обойтись тут и без принципа хрестоматийности, при всей его расплывчатости, условности, неопределенности все-таки несомненного. Что я имею в виду?

Когда-то Мопассан назвал самыми счастливыми писателями тех, кого помещают в книги для детского чтения. Заметьте: счастливыми.

Не всегда и не непременно писателями самыми известными, знаменитыми, выдающимися, великими. Все эти приметы не обязательно и не всегда предполагают хрестоматийность. Выдающийся поэт и один из предтеч Серебряного века Константин Случевский отнюдь не хрестоматиен, а как будто бы непритязательный Иван Никитин — не случайно непременный участник хрестоматий, во всяком случае до последнего времени.

Вероятно, в таком подборе хрестоматийности должны участвовать и ученые, и писатели, и психологи, и специалисты по возрастной психологии, может быть, и медики, и, уж конечно, хорошие учителя.

Между тем программы, учебники и хрестоматии подчас начинаются именами и произведениями, которые продиктованы внешними соображениями.

Если усиленная просоветскость, иногда и бездарная, раньше часто бывала проходным баллом в школу, то теперь место в классе готовы обеспечить бесталанной антисоветчине.

То имя — отнюдь не бесталанного — А. Галича было совсем запрещено, то вдруг предлагается для изучения в школе. А хрестоматичен ли Бродский? Не все хрестоматийно и у Гоголя, и у Некрасова, и у самого Пушкина. Заслуженную славу Окуджаве принесли его песни, но из этого еще совсем не следует, что его необходимо изучать в школе: второстепенный поэт и третьестепенный беллетрист (кроме, может быть, первой повести).

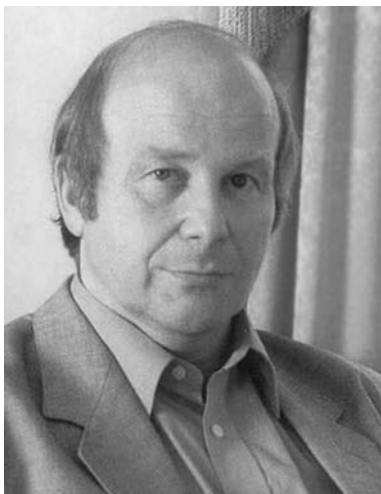
Ф. Г. Углов — великий хирург и непреклонный публицист-боец — за здоровье людей. Но достаточно ли этого, чтобы, по предложению одной из газет, ввести его публицистику в школу? В. Максимов — хороший писатель, но почему конференция по его творчеству сопровождается очередным пожеланием: туда его — в школу. В. Болотов справедливо пишет, что отводимых двух часов на литературу мало для того, чтобы выполнить программу. Да, количество часов нужно увеличить, но одновременно нужно программу сократить. Конечно, если рекомендовать для школьного изучения какое-нибудь «Путешествие дилетантов» (а ведь рекомендовано) и т. п., то никакого времени — ни школьного, ни внешкольного — никогда не хватит. Отбор должен быть строжайшим. Школьный стандарт (по сути, необходимый минимум), во всяком случае, по литературе, вряд ли должен пугать. Важно, каким этот стандарт (уж и словечко, конечно, подыскали) будет, и кого на этой основе хотят готовить. Дело-то опять в обретении критериев.

В разных рекомендациях, программах и учебниках рекомендуют или даже обязывают читать то «Божественную комедию», то «Дон Кихота» (полностью), то «Декамерон», то «Ярмарку тщеславия» Теккерея. Да если не перечитывали, то хотя бы пересчитывали ли авторы программ страницы этих книг? Да и прикидывали ли тиражи, то есть возможность для общей массовой школы их получить? В общем, нужно же в таких делах страницы не только читать, но и считать. При школьном знакомстве с Солженицыным повесть об Иване Денисовиче предпочтительнее книги «В круге первом» не только по сути (хотя и по сути тоже), но и по объему.

И наконец, главное: во-первых, как во Франции — французскую, так и в России должно изучать русскую литературу. Во-вторых, как можно раньше нужно начинать изучение ее истории и — линейно, а не по так называемым концентрам. Конечно, сейчас это очень трудно в связи с полной смятенностью в сроках и профильностях обучения. Но при этом — повторюсь — не опрокидывать в школу вузовское или академическое литературоведение, пусть упрощенное или укороченное. Иначе придется идти по вершкам, а нужно — по вершинам. При этом, в-третьих, знакомство, например, с поэтической современностью, возможно, следует вести не столько персонально, сколько панорамно, не столько с разными именами, сколько с разными произведениями: в ожидании времени, когда определится, какие из имен придут в классы уже как классики.

Ясно, что и кривляющаяся мертвечина поп-культуры, и телевизионные безумства по сути ничтожны и лишь производные от вещей более существенных. И классика сама по себе не спасет. Но все же: нельзя, блуждая в исторических потемках, самоубийственно загасить, пусть немногие, путеводные огни.

Северная СТОЛИЦА

Сергей НЕКРАСОВ

«ЛИЦЕЯ ДЕНЬ ЗАВЕТНЫЙ...»

Сергей Михайлович Некрасов — родился в городе Пушкине в 1947 году. Директор Всероссийского музея А. С. Пушкина, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, доктор культурологии, профессор, член Пушкинской комиссии РАН, член Президиума Международного совета музеев, Международной академии культуры, науки и искусства. Награжден Орденом за заслуги в области искусства и литературы (Франция, 2007), Почетным знаком «За заслуги перед Санкт-Петербургом» (2007), медалями «Автору научного открытия» (1998) и «А. С. Пушкина» (1999). Почетный гражданин г. Пушкина (Царское Село). **Живет в Санкт-Петербурге.**

200-летие Императорского Царскосельского Лицея — важное событие не только для города Пушкина, но и для всей нашей страны. Ведь почти не найдется уголка в необъятной России, где бы не оставили следа своей деятельности или своего пребывания воспитанники Императорского Царскосельского Лицея. Вот почему гостями Лицейского праздника стали люди, живущие в разных уголках России, а также бывшие соотечественники, проживающие ныне за рубежом. Прежде всего, это потомки А. С. Пушкина и воспитанников первого лицейского выпуска. Однако не забудем, что Лицей существовал еще многие годы и достойно продолжил традиции лицейстов пушкинского курса. Среди его выпускников были поэт Л. А. Мей и писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, видные государственные деятели, дипломаты, министры, губернаторы. Из стен Лицея вышло 74 сенатора, 46 членов Государственного Совета, 24 посла и посланника, 29 консулов, видные деятели науки и культуры. Лицей навеки связан с именем нашего великого поэта А. С. Пушкина.

Юбилей Царскосельского Лицея был отмечен как событие российского общенационального масштаба. Торжества открыл премьер-министр России В. В. Путин. По традиции празднование лицейского дня начинается в Царском Селе в полдень 19 октября. Так было и в этот раз. В. В. Путин возложил букет алых роз к памятнику поэту в Лицейском саду, затем, открывая праздник, обратился к собравшимся с приветственным словом. Отметив огромную роль Лицея в истории нашей страны, премьер-министр подчеркнул, что именно профессора и воспитанники Лицея создали в его стенах первый в России музей А. С. Пушкина. Он заметил: «Мы должны быть благодар-

ны тем, кто здесь работал и работает на сохранение для потомков этого памятника культуры».

Затем В. В. Путин подошел к потомкам А. С. Пушкина и лицеистов. Многие из них приехали в нашу страну впервые — ведь большинство гостей живут за рубежом. С некоторыми из них премьер-министру России доводилось встречаться и ранее. Так, например, в дни проведения Форума «Петербургский диалог» в Германии В. В. Путин

уже познакомился с Клотильдой фон Ринтелен, праправнучкой А. С. Пушкина и правнучкой Императора Александра II. Между ними состоялся короткий диалог на немецком языке. А последнему прямому потомку поэта на мужской линии, жителю Брюсселя А. А. Пушкину и его жене М. А. Пушкиной, тоже, кстати, потомку Александра Сергеевича, В. В. Путин несколько лет назад вручал паспорта граждан Российской Федерации.

В Лицейском саду и у стен Лицея развернулось яркое театрализованное представление. Герои лицейского прошлого являлись участникам праздника в костюмах минувших эпох, и даже выпавший снежок, как, впрочем, это было и 200 лет назад, дополнял достоверность событий. В этот день в вестибюле Музея-Лицея был открыт бюст М. М. Сперанского, инициатора создания Царскосельского Лицея, а также новая экспозиция — «Квартира С. Г. Чирикова», гувернера и учителя рисования, — с открытием которой была завершена работа по полной музеефикации лицейского здания, продолжавшаяся несколько десятилетий.

Празднование Дня Лицея завершилось концертом в Большом зале на 3-м этаже. Здесь когда-то происходили все важнейшие события лицейской жизни. 19 октября 1811 года здесь состоялось открытие Лицея, и Император Александр I, пройдя через арку, соединявшую лицейское здание с Екатерининским дворцом, объявил о начале церемонии торжественного открытия Лицея. В этот день под сводами Большого зала впервые прозвучали имена 30 лицейских воспитанников, и среди них — имя Александра Пушкина. А три года спустя в этом зале имя Пушкина, как поэта, который составит славу российской словесности, прозвучало из уст патриарха российской словесности — Г. Р. Державина.

Здесь же 9 июня 1817 года Император Александр I вручил свидетельство об окончании Лицея первым его выпускникам. В тот день впервые была исполнена «Прощальная песня выпускников Императорского Лицея в Царском Селе». С тех пор она стала своеобразным Лицейским гимном. Автором музыки был преподаватель Лицея Теппер де Фергюсон, а текст написал лицеист Антон Дельвиг.

С исполнения этого Лицейского гимна начался праздничный концерт в Лицее в день его 200-летия. Нам очень хотелось, чтобы он был особенным, отличался от всех других концертов, которые проходили ранее. И было решено, что в этот вечер прозвучат только те произведения, авторами кото-

*Вид Лицея и Екатерининского дворца.
Литография С. Госсе
с оригинала А. А. Тона. 1820-е гг.*

рых были воспитанники Императорского Царскосельского Лицея. Действительно, в тот день исполнялись инструментальные произведения Тешпера де Фергюсона, которые крайне редко можно услышать в концертных залах; артисты Василий Лановой и Алексей Емельянов читали стихи А. Д. Илличевского, В. К. Кюхельбекера, Л. А. Мея и других лицейских поэтов. Олег Погудин предложил уникальную программу — исполнение романсов, написанных лицеистом М. Л. Яковлевым на стихи своих соучеников, А. С. Пушкина и А. А. Дельвига.

В этот вечер был воссоздан по сохранившимся чертежам и фейерверк, увенчанный горящим вензелем Императора Александра I.

Среди тех, кто принимал участие в празднике — наш гость из Вены граф А. А. Разумовский. Один из его предков в 1811 г., вместе с Императором Александром I, подписал Устав Императорского Царскосельского Лицея. Сегодня — это ценнейшая реликвия, хранящаяся в Музее-Лицее. Присутствовали также Александр и Мария Пушкины из Брюсселя, оба потомки великого поэта, при этом именно Александр Пушкин является последним прямым потомком поэта по мужской линии. Посетили Лицей в эти дни и герцогиня Александра Анастейша Аберкорн из Великобритании, в жилах которой течет не только кровь Пушкиных, но и Романовых, так как ее дед, Великий князь Михаил Михайлович — внук Императора Николая I. Праправнучкой Пушкина является и Клотильда фон Ринтелен, прадедом которой был Император Александр II. Кстати, в этом году Клотильда возглавила немецкое Пушкинское общество, создателем и бессменным руководителем которого до сих пор был Рольф Дитрих Кайль, в прошлом личный переводчик канцлера Аденауэра. Немецкая делегация была весьма представительной — в нее вошли 24 человека. Это профессора различных вузов Германии, аспиранты-слависты, потомки выпускников Императорского Лицея. Среди них Александр и Дмитрий де Фариа, потомки не только лицеистов, но и князя Платона Зубова, последнего фаворита Императрицы Екатерины II.

Разумеется, на праздник приехали не только зарубежные гости. Москвичка Юлия Григорьевна Пушкина, праправнучка поэта, передала Лицею памятные семейные лицейские реликвии. При этом следует отметить, что выпускником Лицея был не только ее великий прапрадед А. С. Пушкин, но и ее дед, внук поэта, Г. А. Пушкин.

Миниатюрный портрет Императора Александра I, принадлежавший лицейскому учителю математики Я. И. Карцову, поступил в фонды Всероссийского музея А. С. Пушкина от М. С. Глинки.

Парижанин Ю. А. Трубников, потомок лицеистов Трубниковых и ближайший родственник Вырубовых и Горчаковых, в день 19 октября 2011 года подарил Лицею мраморный бюст Императора Александра I в генеральском мундире лейб-гвардии Преображенского полка (1807).

Праправнучка А. С. Пушкина Клотильда фон Ринтелен передала в дар Всероссийскому музею А. С. Пушкина Большую золотую лицейскую медаль. Ею был награжден выпускник Лицея Владимир фон дер Пален.

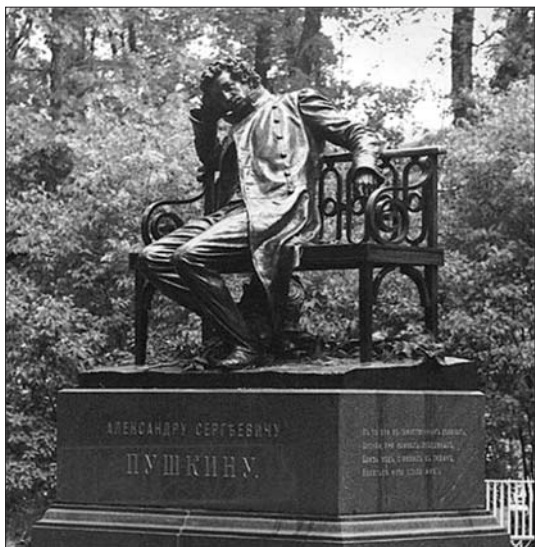
Петербуржец Ю. П. Андреев передал во Всероссийский музей А. С. Пушкина Лицейский значок в виде треуголки (на обороте надпись «Гусару-лицеисту»), а также общелицейский именной жетон с вензелем Императора Александра I. Эти предметы принадлежали его дяде М. М. Красовскому, выпускнику 73 курса (выпуск 1917 года).

Побывали на празднике и директора Пушкинских музеев России и ближнего зарубежья.

Празднование 200-летия Царскосельского Лицея не могло ограничиться одним днем. Театрализованные экскурсии по Царскому Селу, детские балы в Лицее и во дворце князя В. П. Кочубея, вручение Царскосельской художественной премии поэту Андрею Дементьеву, актерам Юозасу Будрайтису и Татьяне Дорониной, кинорежиссеру Юрию Мамину и другим видным деятелям культуры, литературный бал «Евгений Онегин», праздничные концерты в Таврическом дворце и в зале Санкт-Петербургской академической капеллы, — вот далеко не полный перечень юбилейных событий памятной октябрьской лицейской недели.

Особо следует отметить две научных конференции, проходившие 17–18 октября в залах Музея-Лицея и 20 октября в Таврическом дворце. И если международная конференция «Императорский Царскосельский (Александровский) Лицей в истории России», которая открылась в Лицее, была посвящена, главным образом, изучению лицейского прошлого, то научная конференция, проходившая в Таврическом дворце, подготовленная Академией госслужбы при участии Всероссийского музея А. С. Пушкина, ставила своей задачей актуализацию лицейского опыта образования и воспитания государственных служащих в условиях жизни современного общества.

Большое внимание в подготовке Лицейского юбилея его организаторы уделяли экспозиционно-выставочной работе. В 2010–2011 годах была завершена музеефикация всех помещений Царскосельского Лицея. Экспозиция «Живем мы памятью Лицея», разместившаяся во 2-м этаже лицейского здания и рассказывающая об истории Лицея и лицеистов, о создании музея в его стенах, была открыта летом 2010 года в дни празднования 300-летия Царского Села, а 19 октября 2011 года в день 200-летия Лицея распахнула свои двери для посетителей мемориальная квартира гувернера и преподавателя рисования Сергея Гавриловича Чирикова, предполагаемого автора портрета Пушкина, написанного в годы обучения будущего поэта в Лицее. Здесь, в квартире Чирикова, размещенной в арке, соединяющей Лицей с Екатерининским дворцом, по вечерам собирались лицейские воспитанники, обсуждали происшествия дня, импровизировали рассказы о событиях реальных и выдуманных. Известно, что Пушкин во время одного из вечеров у Чирикова в порыве вдохновения написал на стене несколько поэтических строк, которые долго сохранялись заботами хозяев квартиры. Здесь же лицеисты долгими вечерами делали наброски ученических рисунков, поражающих нас сегодня своим мастерством.

*Императорский Царскосельский Лицей.
Памятник поэту А. С. Пушкину*

19 октября 2011.

*Председатель Правительства России
Владимир Путин на торжественных
мероприятиях в Царскосельском Лицее.
Рядом — губернатор Санкт-Петербурга
Георгий Полтавченко и доктор
культурологии, профессор,
директор Всероссийского музея
А. С. Пушкина Сергей Некрасов*

Факсимильное издание рисунков лицеистов первого выпуска, альбом «Отечество нам Царское Село», два тома Лицейской энциклопедии, двухтомник воспоминаний бывших воспитанников Императорского Лицея и многое другое вышли в свет в канун Лицейского юбилея. В разных странах Европы прошли выставки, посвященные Лицею. Версаль, Вильнюс, Таллинн, Хельсинки, Вена, Афины — таков был лицейский выставочный маршрут. Причем выбор этих стран далеко не случаен. Как известно, прообразом Лицея стал древнегреческий Ликей, созданный Аристотелем в середине IV века до н. э. на северо-восточной окраине Афин в роще Ликейон близ храма Аполлона Ликейского. Поэтому выставка «Когда возник Лицей» и научная конференция «Афинская школа и Царскосельский Лицей», проведенные в Афинах, завершили программу Лицейских торжеств. А началась она 17 сентября 2010 года в Версале открытием в день Европейского культурного наследия выставки «Французское Просвещение и русский Лицей в

Царском Селе». Ведь именно во Франции и Германии стажировались будущие профессора Царскосельского Лицея — А. П. Куницын, Я. И. Карцов, И. К. Кайданов и другие, мировоззрение которых формировалось под влиянием идей французского Просвещения. Многие лицеисты первого выпуска (Дельвиг, Гревениц, Кюхельбекер, Корф, Горчаков и др.), и также лицеисты последующих курсов происходили из Прибалтики. Поэтому в Таллине и Вильнюсе юбилейные выставки были дополнены материалами о связях лицеистов с этим краем. А на выставках в Хельсинки и Вене представлены интересные документы о службе в этих местах выпускников Императорского Лицея, как первого, так и более поздних лицейских выпусков.

В дни празднования юбилея Императорского Царскосельского Лицея в Петербурге в Доме Кино состоялась премьера нового фильма «Когда возник Лицей». Премьера этого фильма в Царском Селе прошла в Доме Молодежи «Царскосельский» 8 февраля 2012 года, в день 175-летия роковой пушкинской дуэли на Черной речке.

Мы благодарны всем, кто поддержал наши усилия провести Лицейский праздник достойно. Особая признательность руководству Пушкин-

кого района, воспринявшему юбилей Лицея как важное событие в жизни Царского Села. Мы обязательно вспомним и отметим всех, кто так или иначе оказал нам содействие советом, конкретным деянием или спонсорской поддержкой. Специальные серебряные значки, изображающие герб Лицея, уже отчеканены на Монетном дворе в Петербурге. Их получают на память все лицейские доброхоты. А те, кто еще не успел помочь организаторам лицейских торжеств и созданному в канун юбилея Лицейскому фонду, вполне могут заявить о себе.

Мне посчастливилось родиться в Царском Селе, и я не помню себя без прогулок в наших парках, в Лицейском саду у памятника Пушкину, с самых ранних лет я помню Лицей, его первую скромную экспозицию — Большой зал и два прилегающих интерьера третьего этажа, а также комнаты Пушкина и Пущина на 4-м этаже. Все остальное пространство занимали коммунальные квартиры. Сегодня, когда музеефицировано последнее мемориальное пространство, где воссоздана квартира учителя рисования и гувернера С. Г. Чирикова, работы по возрождению Лицея полностью завершены.

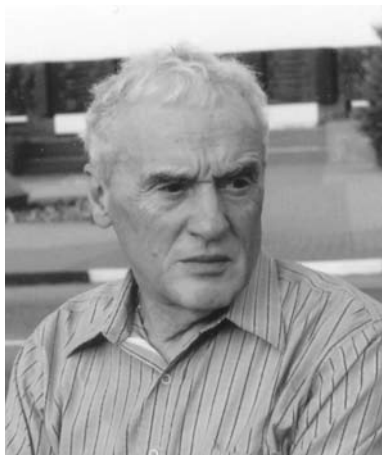
И как поздравление из далекого лицейского прошлого звучат сегодня слова великого лицеиста из его стихотворения «19 октября 1825 года»:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.*

*Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село!*

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

**Александр
КОРОЛЬКОВ**

ПУШКИН О ПОЛУ- ПРОСВЕЩЕНИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Александр Аркадьевич Корольков — родился в Алтайском крае. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, зав. кафедрой в РГПУ им. А. И. Герцена, член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Со времен Петра I и Екатерины II наше отечественное просвещение взывало к обновлению и доби- валось обновления, иногда в виде частичных преобразований, иногда в виде радикальных реформ.

Вхождение в век XXI отмечено почти паническими призывами модернизировать образование в Рос- сии, войти в Болонский процесс, унифицировать с Европой все ступе- ни образовательного пути.

Профессор С. К. Комков («Не- зависимая газета», 10.09.2004) рас- сказал о поучительном простодушии Владыки Германа, который после доклада бывшего министра образо- вания спросил: «Про какую морду все время говорил министр?» Ухо иерарха Православной Церкви вос- принимало слово «модернизация» как «мордонизация», а, скорее все- го, очень точно трансформировало чуждое русской культуре слово в тот смысл, который в значительной степени и несет нашему образованию то, что именуют модернизацией.

В конце XX столетия писатель А. И. Солженицын написал об «об- разованщине» как суррогате образо- ванности, термин отчасти вошел в оборот, в его звучании есть презри- тельная терпкость, сродни словам «вульгарщина», «похабщина»...

Между тем, по-видимому, под- хватившим шершавое слово «обра- зованщина» читателям неизвестно, что Солженицын — вовсе не пер- вооткрыватель явления суррогат- ной образованности, что у него был великий предшественник, воисти- ну узревший то, чего еще никто не усмотрел. Речь идет, конечно же, о неисчерпаемом для нас Александре Сергеевиче Пушкине.

Менее чем за год до гибели Пуш- кин написал для «Современника» ста- тью «Александр Радищев». Оценки свободолюбца, критика самодержав- ной России, прочно обосновавшиеся

в учебниках русской литературы и философии советского периода, совсем не совпадают и, более того, противостоят суждениям Пушкина; не удивительно, что статью Пушкина не переиздавали в обычных двух-трехтомниках, а если и вынуждены были публиковать в академических изданиях, то никогда не обсуждали мысли этой статьи, как обходят, например, до сей поры многие, неудобные для либерализма, мысли «Дневника писателя» Достоевского.

В нынешних поколениях по-разному оцениваются политические, философские взгляды Радищева и его литературные способности, но все же Радищев воспринимается всеми как один из просвещеннейших мужей своего времени. Ошеломляюще звучит пушкинский приговор: «Он есть истинный представитель полупросвещения... Радищев думал подражать Вольтеру, потому что он вечно кому-нибудь да подражал. *Путешествие в Москву*... очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге... Самое пространное из его сочинений есть философическое рассуждение *О Человеке, о его смертности и бессмертии*. Умствования оного пошлы и не оживлены слогом»¹.

Пушкин психологически тонко подметил появление молодежи, готовой отвергать все традиционное, отеческое, родное «по тому же самому чувству, которое заставило его (Радищева. — А. К.) бранить Ломоносова: из отвращения от общепринятых мнений», ибо «соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями»². Такое увлечение новизной только оттого, что эта новизна находит адептов и поклонников в каждом поколении, прежде всего — людей, не укорененных в культуре, неглубоких, верхоглядных. Пушкин уловил (это прочитывается более чем современно в отношении нынешних западников и бездумных нигилистов), что как только исчезает из возносимого запретного учения «прелесть таинственности», «другие мысли столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные» приходят им на смену «и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменяются другими»³.

Если бы такие мысли нашего гения, нашего Пушкина, были бы прочитаны, продуманы, прочувствованы предыдущими и нынешними молодыми людьми, горячими на отвержение наработанного предками, — презрением были бы окружены глашатаи революций, от политических до сексуальных.

Всем правителям России, экономящим на образовании, культуре, следовало бы иметь перед глазами в собственном кабинете предостережение А. С. Пушкина: «Одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия».

Пушкин умел быть абсолютно точным и в образах, и в определениях, требующих, казалось бы, особого, научного склада ума, особой выучки, непохожих на писательские. Пусть попытается кто-нибудь из ученых сказать лучше Пушкина о полупросвещенности. Даже осмыслить и внятно прокомментировать формулу полупросвещенности, данную Пушкиным, — особая философская задача, которая могла бы при вдумчивом отношении стать задачей для диссертационного или монографического исследования. Каждая отделенная точкой с запятой фраза в пушкинском определении полупросве-

¹ Пушкин А. С. Александр Радищев // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 1947. С. 274–276.

² Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 5. С. 275, 269.

³ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 5. С. 269.

щения должна в таком исследовании стать заглавием раздела. Всмотритесь, вникните в это определение: *Полупросвещение — это «невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком; слепое пристрастие к новизне; частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему»*¹.

В нынешних клише авторефератов диссертаций, да и в самих диссертациях, необходимо прописать актуальность темы исследования. Нет ничего более актуального, чем показать, что модернизация образования — это ярчайший феномен полупросвещения. В модернизации есть все, что являет собой полупросвещенность — и презрение ко всему прошедшему; и изумление перед своим веком с его инновациями, информационными революциями; и слепое пристрастие к новизне; и неспособность постигнуть целостность преемственного становления культуры, цепляние за частное и частичное в культуре, провозглашаемое общечеловеческим.

«Так вы против обновления образовательного процесса, против прогресса?!» — снисходительно, или презрительно, воскликнет апологет модернизации.

Я — за ту модернизацию образования, которая нетождественна модернизму, как нетождественна модернизму в литературе, в искусстве новизна творчества подлинных писателей, художников, не перечеркивающих традицию национального преемства, а возвышающих ее, открывающих ее непостигнутые дотоле горизонты.

Модернизировать образование можно в той мере, в какой можно модернизировать культуру. Не будем забывать, какие плоды принес искусству, литературе, культуре модернизм. Были на этом пути талантливые находки, но все же модернизм — это искривление могучего древа культуры, ибо подлинность в культуре не перестает возрастать как обновление традиций. Модернизация, в отличие от модернизма, не может отворачиваться от классики, от культуры как культа духовных ценностей, культа традиций. Быстрее и красивее мы будем шагать в образовании, если избавимся от хромоты, от припадания на одну ногу — модернизации как модернизма. В нынешних университетах постдипломного образования, институтах повышения квалификации учителей такое прихрамывание очевидно: изучают менеджмент, деловые игры, маркетинг, но не озабочены невежеством в собственной национальной культуре, в культуре духовной, нравственной.

Модернизация как новизна — это один необходимый полюс развития образования, другой полюс, не менее необходимый, — это внутренняя логика исторического становления национальной школы, национальной культуры, национальной личности, это полюс традиций, требующих неперемennого освоения каждым поколением.

В конце 2004 года в Петербурге праздновался юбилей, превосходящий возраст города на более, чем два столетия — пять веков, а точнее 525 лет певческой традиции Санкт-Петербургской Капеллы: от хора государевых певчих дьяков до певческой капеллы им. М. И. Глинки. Понятно, что адрес государевых певчих менялся вместе с изменением столицы России.

Певческую традицию надо бы отмечать всей России, ибо Россия всегда пела, православная Церковь хранит традиции духовного пения, была и традиция народных песен, всякий праздник, всякое событие в жизни человека, семьи, государства органично соединялось с песенным творчеством. Зада-

---

¹ Пушкин А. С. О народном воспитании // Указ. соч. Т. 6, кн. 1. С. 53.

димся вопросом: о какой модернизации в сфере певческого образования (не консерваторского — там пусть судят профессора консерваторий, а школьного образования, если школа не снимает с себя обязанности музыкально-певческого обучения и воспитания) следует нынче беспокоиться? По-видимому, не о подготовке к музыкальным шоу — этот процесс идет успешно и без усилий учителей. Подлинное обновление (если угодно, модернизация) певческого образования нынче предполагает не еще большее приобщение к афро-американским ритмам, не наращивание сценической разнузданности (в этом наши школьники преуспели и их пение соответствует мировым стандартам, созданным шоу-бизнесом), подлинное обновление в этом образовании должно пробудить усыпленную традицию русского пения, кое-что необходимо даже реанимировать. Если образование — это вхождение в культуру, то певческая культура — важнейший компонент русской культуры.

В фигурном катании, в изобразительном искусстве, в музыке используется понятие «школа»; школа должна быть во всем — и в математике, и в медицине, и в технических науках, и в ремеслах. Если утрачивается школа как выпестованные в череде поколений мастерство, методики, сам дух творчества, то или данная область заваливается, деградирует, или по крупницам восстанавливается, возрождается — и это тоже обновление, тоже модернизация, коль уж кто-то заморожен последним словом и не может не обозначить им все, что несет в себе дух творчества.

Унификация образования возможна и необходима там, где возможен равный базовый профессионализм, но унификация образования невозможна и противопоказана там, где имеется уникальность школ, научных направлений, где речь идет о подготовке в сферах национальной культуры.

Конечно, замечательно, что европейские страны и США, наконец, начинают признавать не только качество специалистов — выпускников Новосибирского, Петербургского или Московского университетов, но и их дипломы о высшем образовании. Не забудем, однако, что новосибирские физики, математики, программисты ценятся за рубежом России не потому, что они получили стандартное европейское образование, а потому, что они превосходят европейские стандарты. Ценность образования определяется не только и даже не столько стандартами, сколько способностью выпускников преодолевать стандарты, иначе говоря, способностью творчества.

Научные школы неповторимы, за пределами стандартов образования, если взять только биологию, были школы Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, А. Н. Северцова, И. И. Шмальгаузена, С. С. Четверикова, К. М. Завадского, только такие и подобные им школы позволяли и позволяют говорить о качестве образования в стране. «Он — ученик академика Алферова» или «он имеет университетский диплом европейского образца» — эти рекомендации никогда не могут быть уравнены.

Вхождение в европейское сообщество университетов, как и вхождение во все сферы культуры, предполагает одно непреложное условие: входящий должен обладать индивидуальностью, т. е. неповторимостью, уникальностью, и чем богаче эта индивидуальность, тем богаче будет и сообщество.

Такая неповторимость еще более, чем в естественных и точных науках, сказывается в образовании гуманитарном. Как можно подвести под общий знаменатель знания китайской культуры (истории, искусства, языка, философии, религии) в университетском образовании различных стран? Без экспертиз можно констатировать, что только в Китае достигается аутентичное

постижение китайской культуры. Сколько бы ни было в Европе факультетов славистики и русистики, подлинное вхождение в русскую культуру совершается в русских университетах.

Опьянение от возможностей модернизации захватило реформаторов образования до такой степени, что уже объявляется излишней фигура профессора в студенческой аудитории. Оказывается, лекция становится отныне архаичной формой обучения. И уже всерьез обсуждается один из путей модернизации образования — максимализация самостоятельной работы студентов при минимуме аудиторных занятий, особенно лекций. И это говорится в стране, где хорошо известна, десятилетиями проверена эта модернизированная форма обучения, при которой студент два раза в год встречается с профессорами. Называется это обучение заочным, и не на пустом месте выросло присловье: «Заочное образование, как заочное питание».

Разумеется, модернизация образования — это чуткое отношение к техническим, информационным достижениям века. Даже в монастырском уединении монахи не чуждаются модернизации, используя и компьютеры, и Интернет, и видеотехнику, и мобильную телефонную связь. Весь вопрос в том — как и для чего используются эти новшества и что чему подчинено. Как в жизни человека чаша весов может склоняться либо в сторону доминирования телесного над духовным, либо духовного над телесным, так и в образовании складывается иерархичность целей, задач, устремлений, и эта иерархичность подобна соотношению души и тела в жизни человека. Как известно, еще Кант задумался над несовпадением культуры и цивилизации, а философы XIX—XX столетий, как русские так и западноевропейские (К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, О. Шпенглер, Н. С. Трубецкой и др.), с тревогой обнаружили острые противоречия между культурой и цивилизацией, часть которых ныне становится очевидной даже для обыденного сознания. Можно быть вполне цивилизованным человеком, но не иметь и проблесков культуры. Можно быть обвешанным цивилизационными суперновинками (от мобильного до автомобиля, от видеоаппаратуры до головокружительных бытовых приборов), но не нести в душе ничего из того, что просветляло человека, делало его культурным. Это противоречие проявляется как в жизни каждого человека, так и в жизни народов, поколений, и одна из сторон противоречия способна брать верх над другой.

В сущности, слово «модернизировать», при точном переводе, означает осовременивать, делать современным, а осовременивание вовсе не означает отвержение традиции. Беды в искусстве и в литературе начинались тогда, когда модернизация превращалась в сбрасывание «с парохода современности» Пушкина, когда растаптывались культурные, в том числе национальные, святыни, когда начиналось оригинальничанье под лозунгами индивидуального самовыражения. Модернизация не случайно с необходимостью и успехом протекала в производственной, технической сфере и обретала сомнительные формы в культуре. Поскольку образование — это не только вхождение в культуру, но и приобщение к предметно-практической деятельности, постольку модернизация не только не противопоказана образованию, но необходима особенно в периоды радикальных преобразований науки, техники и информационных средств. В то же время, поскольку образование все-таки формирует личность в культуре и, прежде всего, в родной национальной культуре, постольку образование обязано знать о ловушках односторонней модернизации, приводящих к модернизму.

**Лиляна
БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ**

ЗОЛОТОЕ ПЕРО НОВИЦЫ ДЖУРИЧА

Лиляна Булатович-Медич — родилась в 1940 г. в Томашево, Черногория. Окончила филологический факультет Белградского университета. Член СП Сербии. Член СП России. Лауреат премии «Имперская культура» и «Золотой Витязь». Известная сербская писательница и журналистка. Автор многих книг, вышедших в Сербии и за рубежом и неоднократно переизданных: «Ратко Младич» (1996) — 6 изданий, «Радован» (2002) — 3 издания, «Завет матери Радована Караджича» (2003) — 2 издания, «Репорт коменданту» (2009, 2010). Член редакционного совета журнала «Родная Ладога». **Живет в Белграде, Сербия.**

В нынешние времена активными силами зла, стремящегося к мировому финансовому и идеологическому господству, бессовестно и безвозвратно уничтожаются невосполняемые природные богатства, культурные достижения земной цивилизации, все элементы красоты человеческого бытия. Только силами доброты и веры можно противостоять этому процессу, только любовью во всех ее проявлениях — спасти мир.

Новицу Джурича (1956 г. р., г. Колашин, Черногория) мы представляем первым из сербских поэтов, о которых хотелось бы рассказать на страницах нашего журнала «Родная Ладога». Пишу — «нашего», потому что с ответственностью отношусь к своему членству в редакционном совете этого всемирно известного издания и с радостью с ним сотрудничаю. Не только уникальные качества прозы и поэзии Новицы Джурича хочется отметить в статье, но рассказать о добром, отзывчивом человеке, ярком писателе, заботящемся о сохранении СЛОВА, СВОБОДЫ, ПРАВОСЛАВИЯ. Так о поэте, прозаике, борце за исконные ценности своего народа и в связи с выходом его новой книги прозы «СВЕТ И ТЕНИ ПОД ЛОВЧЕНОМ» написал Митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий, уважаемый, эрудированный иерарх нашей Церкви:

«Все на земле приходит и уходит. Остается человеческое имя и подвиг, сохраняющиеся в памяти Божией, в слове устном и письменном. Непреходяща красота творения Божиего, воплощенная в слове, она сберегается в зенице Ока... В предисловии к четырем главам своего сборника писатель кратко представляет нам портреты святейших людей: святого Савы, святого Василия

Острожского, Владыки Данило, святого Петра Цетиньского, Владыки Раде и его матери Иваны. Он описывает их подвиги и чудеса, неподвластные времени, вошедшие в память народа и жизнь современников, надеемся, и будущих поколений. Писателю интересны и другие личности, придававшие смысл времени, в котором они жили и в котором живем мы, сохраняя живую память, честь и достоинство своего народа. Все эти личности, как будто ожившие на страницах книги, каждый по-своему, доказывают и свидетельствуют нам о том, что над всеми земными беспорядками и ужасами все-таки «мудрая сила торжествует»; равно как словесные и моральные законы властвуют над законами природного порядка вещей и бытия».

В современные, кажется, безнадежные времена, в эпоху уродования человеческого духа, мятущегося над пропастями тяжких грехопадений, поэт Джурич на пути своего творчества и своей жизни собирает искры веры и человечности и возводит их на трон НАДЕЖДЫ. Силой своей поэзии он добивается, чтобы под его родным небом сиял свет правды. Осознавая и сберегая в себе страдания матери, которая его родила, личное и всеобщее горе народа от потерь и гонений, от разлуверенности и предательств, прежде всего от несчастья в Косове, он несет в себе глубочайшую ВЕРУ В СЛОВО, которая противостоит всем страданиям и неправдам. Единый свет небесный и земной сосредоточен для поэта в его дочери, названной любимым у сербов именем — Милица.

Поэт, журналист, верующий человек, борец за исконные сербские национальные ценности, за Православие, за сербский язык, за кириллицу — Новица Джурич с гордостью получил в 2010 году премию «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РОССИИ», которой Союз писателей России оценил его сборник, состоящий из пятидесяти стихотворений, под названием, звучащим как призыв, несущий в себе боль и гнев: «СКАЖИ МНЕ, ЧТО Я ЖИВ!» Это была его тринадцатая книга и восьмой сборник поэзии!

Организационный комитет в сотрудничестве с Союзом писателей России и Фондом русской словесности выбрал сборник именно этого поэта среди 562 поэтов и 2236 произведений, присланных из более чем 30-и стран мира. Поскольку писатель сам не стремился на этот конкурс и не подавал свою заявку, а жюри самостоятельно выбрало его по публикации в Интернете, Джурич подчеркивает, что его «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РОССИИ» кристально чисто. Наверное, не случайно, что и рецензент этой книги, профессор, доктор философских наук, Радойка Вукчевич, считает, что поэзию Джурича «по своей необыкновенной, уходящей в глубинные пласты национального духа, чистоте можно назвать КРИСТАЛЬНО ЧИСТОЙ, и что в теоретическом смысле эта книга, получившая премию, «может характеризоваться точным понятием эвристически чистой поэзии». В связи с этим необходимо добавить также и следующий вывод рецензента:

«Новица Джурич воспринимает язык как уникальное наследие, тогда как версификация воспринимается как своеобразная наука, требующая соблюдения общепринятых правил. Для нашего поэта форма является вдохновением, придающим его стихам нечто романтическое, создающее уходящую вглубь связь его личного и внешнего миров. Он с грустью осознает, что между ним и мировой историей, особенно историей Черногории, существует огромный и несовершенный мир, с помощью которого можно установить равновесие относительно всех грехов цивилизации...»

Книга поэзии «СКАЖИ МНЕ, ЧТО Я ЖИВ!» Джурича состоит из нескольких разделов под названиями: «Ни мечты, ни тени», «Босиком по словам», «Порабощенный свет и спасение души», знаменательно, что эпилог под названием «Коль я не умру» составляют стихотворения: «Грех», «Слово», «Человек», «Вечность», «Цветение», «Молчание» и «Смерть». Другой известный сербский поэт Момир Войводич считает, что Новица Джурич «освоил свой ритм, и слово его журчит, как родник, до которого не долетит какофония Запада и гомон западных гуннов, уничтожающие алтари Святого Саввы в Косове в начале третьего тысячелетия Христианства. Джурич о своей боли по Косову рассказал матери, думая, что «лишь она одна сможет разделить его боль».

Поэзия Новицы Джурича — это глубокая исповедь сокровеннейших чувств, заключенных в метафоры, в картины, в красивейшие слова сербского языка. Его ответ матери на просьбу отправиться на рассвете по родным черногорским деревням, по всем святым для каждого серба местам, в Дачаны — для него как обращение к Богу, завещание истории, предостережение от беспамятства и боль, окаменелая, нестираемая боль по Лазаревому полю, по одинокому Кресту Дачанскому, по попраным святым церквям и монастырям в Косове. Это и клятва в том, что жажда родного запаха сирени в Косове в душе сербской и в сердце православном никогда не угаснет. Поэтому еще не опубликованное стихотворение «БОГ ЗНАЛ, ЧТО ОН БОГ» предстает перед нами как его поиск убежища от всех человеческих бедствий и горя: «Видишь ли, Боже, / кто-то плачет, / это человек плачет. / Не дай пролиться слезам, / когда птица поет, / когда ребенок поет / и пчела. / Помоги нам / остаться людьми / в метяхах и беспокойствах. / Возьми меня, Боже, в Свои объятия, / я человек. / Человек не хотел стать Богом, / а Бог, как Бог / Он знал, что Он — Бог.

Что же может означать название книги «СКАЖИ МНЕ, ЧТО Я ЖИВ!», отмеченное «ЗОЛОТЫМ ПЕРОМ»? Из какого небытия, из какого лирического созерцания, из каких повседневных безумств призывает Новица Джурич? Кажется, что это не приказ, не желание, а мольба из моря беспокойства, крик из неволи, из мрачных предсказаний. Нам остается искать ответы и предостережения поэта, тщательно вчитываясь в каждое слово и в каждое стихотворение, погружаясь в историю и тревожное настоящее, при этом опираясь на собственную мощь и веру в будущее, в ИСТИННОЕ СЛОВО!

Новица Джурич является автором многочисленных репортажей и интервью, имеющих собственную художественную ценность как литературные произведения. В большинстве посвященные нравственным и духовным ценностям его родной Черногории, они впоследствии были собраны в пяти книгах. В них отражается и поэтический путь художника, «поиски окончательного или по крайней мере почти результирующего выражения некоего закона, в котором как константа — вера в героические времена, в Византию, в Православие, в звон колоколов Патриарших, вера в свободу Косово и в косовскоую Черногорию» (Джордже Бруйич, эссе «Не спи, пока я вижу сны, мне нужен свидетель»). Надо сказать, что среди книг Джурича особое место занимают его интервью и беседы с Десанкой Максимович, одной из самых талантливых и знаменитых сербских поэтесс прошлого века.

Что касается неопубликованных, но важнейших биографических данных, следует вспомнить, что Новица Джурич еще и журналист: постоян-

ный член-корреспондент белградского ежедневника «Политика»; редактор в Подгорице печатного издания и одноименного сайта «СРПСКЕ НОВИНЕ ЦРНЕ ГОРЕ». Он также является председателем Союза журналистов Черногории. Недавно поэт участвовал в заключительном этапе учреждения Матицы Сербской в Черногории, он был приглашен наряду с цветом сербской интеллигенции. Джурич даже был избран в Руководящий комитет этой, весьма значительной организации, так необходимой особенно сегодня, когда национальная идея вытесняется. Миссия Матицы Сербской — создавать, расширять и защищать духовное и культурное единство сербского народа, где бы он ни находился, в каких государствах и юридических рамках не пребывал, в каких политических системах он бы ни существовал!

Поэтому не удивительно, что Новица Джурич в расцвете своих творческих сил был удостоен премии «Велько Влахович» Союзом журналистов Черногории за свою творческую и общественную деятельность!

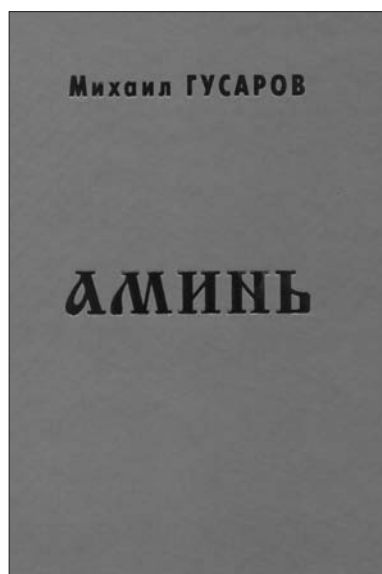
В заключение хотелось бы подчеркнуть, что литературная и созидательная деятельность человека такого творческого потенциала, как Новица Джурич, подвижника, многогранной личности, борца за Православие и православные народы, имеет огромное значение для нашего общего СЛАВЯНСКОГО БРАТСТВА.

ВЫШЛА КНИГА

Гусаров Михаил. Аминь: стихи. Изд. 3-е
исп. и доп. — М., 2011. — 344 с.

«Аминь» (что с древнегреческого можно перевести как «Да будет так») — так назвал поэт Михаил Гусаров книгу стихов, написанных в последние двадцать лет. Это, по сути дела, опыт и итог не только творческих, но и духовных обретений автора. Обретений весьма важных в наше время новых надежд на возрождение России и новых «постхристианских» вызовов нашей православной цивилизации.

Мир поэта — это та духовная традиция, которая каждому русскому человеку может дать убежище и спасение.

Точка ЗРЕНИЯ

Николай ДОРОШЕНКО

«САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ ГЛОТОК ВОДЫ» или «КОГО РЯДОМ С ПУШКИНЫМ НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ ПОСТАВИШЬ?»

Николай Иванович Дорошенко — секретарь правления Союза писателей России, главный редактор газеты «Российский писатель» и одноименного известного сайта. Родился 16 сентября 1951 года в селе Сухиновка Глушковского района Курской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (отделение прозы, семинар Ф. Ф. Кузнецова). Повесть Н. Дорошенко «Запретный художник», удостоена Большой литературной премии России. **Живет в Москве.**

Николай Дорошенко рассказывает о современной литературе, о творчестве, о себе, о популярном сайте «Российский писатель».

Герои моих повестей — это люди, выброшенные на обочину жизни. Независимо от своего материального благополучия они вынуждены жить в пространстве чужом, не соответствующем их духовному строю, их представлению о том, что хорошо и что плохо. Если хотите, это еще одна «волна» эмигрантов, только спрятавшихся не за границей, а в себе самих.

Героями высокой литературы вроде бы всегда являлись те, кто в соответствии со своим нравственным выбором «делают» нашу с вами жизнь, и те, кто этому «делателю» противостоят. Это, скажем так, *искупительные жертвы* текущей жизни, такие как, например, гоголевский Акакий Акакиевич или пушкинский станционный смотритель, беловский Иван Африканович, шекспировские Ромео и Джульетта.

Сегодня из серьезной литературы исчезли типы созидателей, типы людей, готовых к подвигу. А ведь это в полном смысле слова трагические герои. И именно на контрасте с ними могут быть наиболее различимы все те адовы бездны, в которые сегодня сползает Россия.

Не литература, а бездушный телевизор нам показывает, как в Сербии те, кто сербов предал, сдают гаагскому судилищу тех, кто сербов не предал; как ливийцы растерзали Каддафи, вытащившего их из нищеты; как Россия мордует единственного своего союзника Лукашенко только потому, что он Белоруссию не сдает под власть мирового финансового душегуба; как в Европе, где государства уже давно возглавляют клерки сателлитного типа, вдруг все

ополчились на главу Венгрии, проявившего свою *личностную* ответственность за судьбу родной Венгрии. И это лишь то, что телевизор показывает. А сколько подобных, но невидимых голгоф?

Наверное, чтобы написать об уже вселенском одиночестве таких *последних героев*, надо быть писателем, способным это одиночество вместить в собственную душу.

А типологическим героем литературы и самого массового искусства — кино, как и в реальной жизни, является милиционер или следователь. И это не случайно. Если социальная структура нашего общества уже упрощена до предела и люди поделены всего лишь на два сословия — на воров и «лузеров» — милиционеров не обойти. Потому что сословная граница проходит именно по ним, «органам правопорядка», тоже разделяя их лишь на воров и «лузеров».

Если же сравнивать этот уже пост-исторический тип нашего государства с историческим, где самый верхний этаж занимали люди долга, а самый нижний — люди жизни, то в пост-историческом государстве все оказывается перевернутым с ног на голову. И это уже не болезнь, не вырождение, не разложение, а, наоборот, прорастание и устремление к некоему будущему типу постчеловеческого сообщества.

Когда-нибудь литература должна это почувствовать и адекватно отобразить.

И от литературы наших ветеранов «горячих точек», при всем том, что каждая война уникальна и заслуживает своего художника и летописца, уже обреченно и привычно ждешь сюжета возвращения Героя из мира воинского братства и долга в мир, где выше всего ценится измена своей стране и своему человеческому достоинству. Да, пригнуть голову и выжить в этом перевернутом мире гораздо проще, чем на линии огня. Но что происходит при этом в душах современных Ахиллесов и Гекторов, вроде бы уже шагнувших в само историческое или, как говорили древние греки, в «богоравное» бессмертие, но вернувшихся с войны и обнаруживших, что именно бессмертие их уже не в цене?

Совпадает ли литература с текущим литературным процессом? Вернее так: совпадает ли современная русская литература с видимой для самой широкой публики частью текущего литературного процесса? Нет, не совпадает. И все дело в том, что настоящая литература противоречит не только смыслам государственной политики в области литературы, но и смыслам жизни и уровню человеческой развитости наших политических и финансовых элит. То есть представьте, что в эпоху Возрождения такие же элиты деляли бы заказы шабашникам и нравственным уродам, а настоящие мастера вынуждены были бы расписывать лишь стены своих лачуг. Разве, глядя на Сикстинскую Мадонну, написанную шкодливыми малярами, мы бы могли знать или хотя бы предположить, что современником этих маляров был художник уровня Рафаэля? Вот и сегодня лишь редким знатокам известно, что в городе Орле живет поэт Ирина Семенова, которую можно поставить в один ряд, например, с Анной Ахматовой.

Вообще, поэзия наша сегодня как никогда богата именами. И государству понадобились, как я понимаю, невероятные усилия, чтобы этот факт сохранить от народа в глубочайшей тайне.

Я знаю многих нынешних вроде бы вполне приличных писателей — своих ровесников и помоложе, — которые, как оголодавшие львы, вдруг

стали покорно тянуться к руке, обещающей сытую жизнь. И, конечно же, на характере их творчества это начинает отражаться. Однако все то в литературе, что не является выражением внутренней свободы писателя, может, на мой взгляд, представлять интерес лишь для тех специалистов в области социальной психологии, которым человечество представляется в виде примитивной пищевой цепочки.

Поэтому в современном литературном процессе я могу выделить лишь две тенденции: с одной стороны, конечно же, вот эту тенденцию отсеивания в коммерческие и в номенклатурные жанры, а с другой стороны, тенденцию уже не бытового, уже метафизического сбережения высокой литературной традиции. Так в обезвоженной пустыне, уже и не надеясь на спасение, берегут в фляге самый последний глоток воды.

Берегут лишь потому, что за последним глотком наступит уже абсолютная пустота.

Когда Шукшин мечтал «прорваться в будущую Россию», историческое время представлялось устремленной ввысь вертикалью. И Шукшин взволнованно гадал в своем еще недостаточно чистом и светлом настоящем: а что взять в более чистое и светлое будущее? Не буду ли я там, среди людей, конечно же, более чудесных, со своими рассказами о чудиках выглядеть допотопным монстром?

Я педалирую, но согласитесь, что при мысли о будущем в современниках Шукшина было больше надежд, чем страха.

Может ли быть сегодня уверенность в том, что через сто лет в Вологде, например, мы услышим русскую речь? Или есть у нас уверенность в том, что если мы освоим новый вологодский язык общения, то сможем поговорить с новым населением Вологды о «Ладе» Белова?

Да, в тот период, когда Флоренция создавалась как архитектурный шедевр, напичканный шедеврами живописными, ею правили не ангелы, а люди, готовые на любые преступления ради накопления капитала. Но только по одному такому их свойству, как чувство красоты и жажда красоты, можно было верить, что потомки их обречены на более человеколюбивые нравы.

А где вы в России, Европе или в США видите сегодня политические и финансовые верхушки, которые не вылутили из себя то уважение к красоте, которое, по Достоевскому, может спасти мир?

Почему США после великой литературы XX века, на которой я вырос, в XXI веке поставляет нам одну только пошлость? Кто-то из американских президентов, как наши Горбачев и Ельцин, свою страну предал и умышленно опустил?

На самом деле историческая вертикаль вдруг сдулась, обмякла и макушка ее нагнулась книзу.

Почему так случилось — это не моя тема.

Я же могу лишь сказать о том, как нам, русским писателям, на мой взгляд, распорядиться своим талантом сегодня на виду у будущего времени, надвигающегося на нас в виде апокалиптического чудовища, и на виду у времени настоящего, украсившего себя уже не Петром и Февронией, а супружеской четой Пугачевой и Галкина, а белую армейскую кость отдавшего в кормление торговцу мебелью.

Да просто оставаться самими собой.

Например, мои родители пережили голодомор в 30-е годы. Когда я достиг того возраста, чтобы узнать, что французы едят лягушек, я недоуменно спросил у матери: а как же вы голодали, если лягушек у нас полно? И мать восприняла этот вопрос как оскорбление над памятью всех умерших от голода.

Тут речь идет не о сохранении своих телес, а о сохранении своей бессмертной души.

Неужели вы думаете, что когда первые христиане, брошенные львам на съедение, упрямо пели псалмы, то рассчитывали, что пение их будет записано на магнитофон той студией, которая *«ориентирована по-прежнему на “литтпосы”?»*

Неужели, если бы они не пели, эти псалмы звучали бы теперь в наших храмах?

Дух веет, где хочет.

Видимо, утешением для нас может являться то, что писательство, как и рыбалка, это всего лишь образ жизни. Я, например, очень даже люблю сплестать слова в какие-нибудь живые картинки и мысли. Это очень и очень уютное для меня занятие.

Ну, еще это и пребывание в том человеческом облике и в том человеческом достоинстве, внутри которых я чувствую себя не как в плацкартном вагоне, а как в своем родном доме.

Да, круг людей, которым наше писательское занятие может показаться важным, сужается. Но вспомните, как некий человек много-много лет продолжал сохранять в надлежащем виде уже никому ненужный, давно всеми забытый аэродром. Хотя и никто его об этом не просил. Никто ему гонораров за это не платил. А однажды с летящим в небе пассажирским самолетом что-то случилось. Летчику нужно было срочно приземлиться. И никому ненужный аэродром оказался нужным, чтобы спаслись все пассажиры.

Надо и нам сохранять свои аэродромы. Надо укреплять связи со всеми такими же *охранителями*, чтобы хоть друг друга не растерять.

И еще — надо нам, русским писателям, радоваться, что свою живую, сострадательную к людям душу мы все-таки сохранили, что и тем читателям, которые хотят сохранить свой человеческий образ, есть куда приземлиться.

Меня мучит незнание ответа на вопрос о соответствии божественной природы власти и ее безблагодатными проявлениями.

Видимо, всякая власть от Бога, но не всякая власть — Богу угодна. В том смысле, что Богу угодную власть, как и победу, надо себе еще добыть. И не только молитвами, а и всей своей жизнью, ответственной перед Богом и перед добрыми людьми.

Нынешняя власть именно нашему православному нравственному чувству и, значит, Богу противостоит. Потому что узаконивает воровство, жестокосердие, моральное разложение и прочую мерзость.

То есть власть наша, захаживающая в храмы, на самом деле куда более богоборческая, чем та, что была атеистической.

Вот и Церковь должна относиться к ней соответственно. Не думаю, что если на наших глазах нашего ближнего кто-то станет грабить, то надо ограничиться одними молитвами о вразумлении всех грабителей.

Кстати, преодоление смуты начала XVII века и изгнание самозванцев стало возможным прежде всего потому, что патриарх Гермоген не устранился оказаться в яме.

Да и нынешнее возрождение религиозности в мусульманском мире началось с того, что нашествие «либеральных ценностей» мусульмане восприняли как агрессию со стороны самого дьявола. И глядя на гей-парады в некогда великой Европе, теперь они убеждаются, что религиозное чувство их не обмануло.

А теперь о противостоянии «космополитов» и национальных сил: оно обострилось гораздо раньше, не после 70-х, как принято считать, а после 1917 года, когда именно антинациональные силы стали у нас уже государственной властью.

Нельзя не обратить внимания на то, что тогдашние аналоги К. Собчак ходили в красных косынка и вместо «Дома-2» в обнаженном виде проводили, например, шествия под лозунгом «Долой стыд!»

Или, если тогда Джек Алтаузен мог написать вот такие стихи:

*Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал,
Случайно им мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Россию!
А может, лучше было не спасать?*

— то нынешний аналог Алтаузена, Эдуард Багиров, тоже считающий себя писателем, в «Новой газете» от 10 февраля 2012 года пишет так: «Россия всю жизнь являлась в моем подсознании разнузданно пьяной, горластой и плохо вымытой тупорылой бабой...». Или — он же о Санкт-Петербурге: «Ненавижу этот быдлогород всеми фибрами души... Сжег бы собственными руками. Заживо. Или еще одну блокаду бы устроил, чтоб снова вместо хлеба жрали казеиновый клей и известку со стен обгладывали. Животные. Животные. Деревенщина...»

Лишь через 19 лет, в 1936 году, когда поэт Демьян Бедный написал русофобское либретто комической оперы о крещении Руси, сначала Молотов, затем и Сталин все-таки возмутились. В результате Демьян Бедный был выселен из Кремля, где, как «самый прогрессивный писатель», привык квартироваться. Но — случилось это, видимо, прежде всего потому, что в Германии Гитлер уже пришел к власти, а американские банкиры уже стали инвестировать фашистский военно-промышленный комплекс. Так что «возж-дам мирового пролетариата» в целях даже собственной безопасности ставку делать пришлось на патриотизм.

Новый антинациональный крен начался уже при Хрущеве. Например, во время его «оттепели» было разрушено церковей гораздо больше, чем до войны. Соответственно, в культуре и литературе стала господствовать так называемая «эстрадная поэзия». И если сейчас на телевидении принято рассказывать о гонениях Хрущева на Вознесенского и прочих «эстрадников», то при этом принято и умалчивать, что на самом деле эти якобы борцы с

советской властью в юном возрасте получили квартиры в сталинских высотках и дачи в Переделкино, в то время как, например, национальный поэт Рубцов долго вообще не имел своего угла.

Да и при Брежневе глава КГБ Андропов национальных писателей (он называл их «русистами») боялся куда больше, чем диссидентов.

Кульминационным же моментом этой государственной русофобии стал донос А. Н. Яковлева в «Литгазете» на писателей-почвенников. Но Брежнев побоялся идти на обострение, и Яковлева из ЦК услал послом в Канаду.

Андропов же, придя к власти, успел расправиться лишь с журналом «Волга», напечатавшим знаменитую статью Михаила Лобанова «Освобождение».

Что касается того, что надо бы хоть остатки моих лет посвятить прозе, отказаться от руководства сайтом «Российский писатель», о чем твердит моя жена и убеждают друзья, то скажу так: не могу я, как Архимед, чертить на песке что-то более важное, чем мои родные и уже, к сожалению, горящие Сиракузы.

Полемика, страстность — в них есть ощущение правды. Мне скучно читать писателей, к правде равнодушных, заменяющих живую гармонию мертвой алгеброй.

И даже не полемика «подпитывает» творчество, а сама жизнь, в которую мы бросаемся, не раздумывая, от которой невозможно спрятаться. *«Страстный разум писателя и умное, глубокое его сердце»* не могут ни «противоборствовать», ни каким-то способом *«творчески взаимодействовать»* между собой. Чтобы написались на бумаге поэтические строки, надо, чтобы и ум, и сердце срослись в тебе в единый горячий и живой комочек. Тогда и читатель правду твою не только умом поймет, а и сердцем примет.

Утверждение, что публицистика иссушает мой мозг, мне могло бы показаться верным только в одном случае: если б я писал публицистику по заказу, если бы это была рутинная работа.

Например, после школы я был приглашен в местную районную газету. И большие очерки о вызвавших у меня сочувствие доярках или ткачихах я писал за один присест, особо не задумываясь. А вот коротенькие информешки о том, как некие труженики в очередной раз перевыполнили план, хоть и складывались из готовых штампов, но — мой ум действительно иссушали. Но точно так же нас иссушает любая тупая работа. Например, за всю свою жизнь я, может быть, раза три пропылесосил дома ковер. Но уверен, что ущерб своему мозгу нанес невосполнимый. А вот если жена поручает мне работу, требующую сообразительности, я не только не иссушаюсь, а, как и всякий нормальный человек, становлюсь гораздо «сочнее».

Опять же, мне не приходится выбирать между публицистикой и прозой. Времени на прозу, требующую регулярной, не урывками, работы, чаще всего у меня нет.

И то, что в современной нашей литературе проза стала в количестве ярких имен заметно уступать поэзии, объяснение имеет самое простое: отдаться трудоемкой и непродажной прозе, значит, остаться без средств к существованию.

А вдохновение меня посещает, но чаще всего в обнимку с необходимостью отвлекаться на что-то иное.

А наш писательский сайт должен быть не только моей, а нашей общей заботой. Проблема не только в средствах. Требуется огромная работа, чтобы

сайт «Российский писатель» стал в какой-то степени полным путеводителем по литературной карте России. Чтобы в бесконечных интернет-пространствах читателю можно было найти ту дверку, сквозь которую легко попасть на сайты всех региональных писательских организаций, всех региональных писательских изданий, а также на все личные писательские сайты.

Если у какой-то региональной писательской организации или у какого-то издания сегодня нет своего интернет-ресурса, то завтра — будет. И мы, конечно, должны не отставать от входящих в наш обиход коммуникационных технологий.

Политика Союза писателей в отношении литературных объединений вчера и сегодня обусловлена тем, что именно литературные объединения становятся не только плавильными котлами для будущих профессиональных писателей, но и самыми устойчивыми литературными центрами в во всех наших городах и весях.

Наш сайт планирует создать путеводитель по литературным объединениям. То есть мы заведем страницу, где будут собраны адреса сайтов всех наиболее значимых, исполняющих роль местных литературных центров, литобъединений. Кроме того, если у вас появится автор для наших рубрик «Новое имя» или «Дебют», мы будем только рады.

Что касается патронажа, то, в первую очередь, он должен осуществляться местным отделением нашего творческого Союза.

А ссылку на наш сайт мы будем только приветствовать. Чем больше людей узнает о нашем сайте, тем больше у русской литературы будет читателей.

Что касается полемики на нашем сайте?.. Однажды суд прислал мне на экспертизу книгу Владимира Сорокина. До сих пор отвращение от этого исполнения гражданского долга у меня не прошло. Проще было бы поработать день-другой ассенизатором.

Прилепина я попытался почитать добровольно. И хотя до Сорокина ему далеко, но тоже возник вопрос: а прячет ли он от своих детей то, что пишет?

То есть мне та публика, которая с русской литературой разминулась, интересна только как некое общее явление, а не как кладезь, из которого я могу что-то для себя драгоценное зачерпнуть.

Не могу я представить Прилепина и в качестве полемиста на нашем сайте. Когда полемизировали славянофилы с западниками, то, как свидетельствует Герцен, они были подобны двуглавному орлу, который смотрел в противоположные стороны, но при этом сердце у него билось одно.

А о чем могут полемизировать люди, принадлежащие к разным даже не типам, а видам культур?

А блуждать по Интернету я люблю. От кого-то услышу об интересном и мне еще незнакомом авторе, начинаю его через поисковик искать. И если нахожу, то не упускаю возможности почитать.

Что касается жанра поэмы? Я не уверен, что поэма сегодня не востребована. Не так давно заглянул я в «Евгения Онегина» и не смог остановиться. А заодно и «Бориса Годунова» перечитал. С удовольствием прочел я и поэму Ирины Семеновой «Командор», написанную уже в наши дни. Прочел, не отрываясь, исключительно ради наслаждения великолепным художественным текстом. А затем еще и над всем тем, что из поэмы успел понять, невольно поразмышлял. А посмотрев фильм «Троя», я не мог не поваляться часок-другой на диване с «Илиадой» Гомера.

Наверно, поэма ни читателем и, тем более, ни временем не востребована, а самими поэтами. Поскольку требует и труда, и вдохновения не на час, а на месяц или на годы. Но если кому-то труда и вдохновения хватит на такие сроки, и поэму он напишет, и если, строчку за строчкой, вы будете ее читать и наслаждаться, то — что вас заставит не дочитать эту поэму до конца?

Но, видимо, имеет смысл поверить в то, что и в прозе, и в поэзии большие объемы будут утрачивать популярность. Это у керосиновой лампы, без телевизора, без Интернета, да еще и под завывание вьюги можно было по вечерам проглатывать многотомные романища и огромные, страниц на 300, поэмы. А теперь ритм жизни ускорился и всегда есть куда глаза воткнуть.

Что касается «этноцентричности» современной литературы, в которой ее сегодня обвиняют, то скажу так: человек становится даже зубоцентричным, когда у него болит зуб.

Если Шекспир и Пушкин представляли народы, стремительно вырастающие из своих одежд, то сегодня я приезжаю к себе на родину и, подобно солдату из стихотворения Исаковского «Враги сожгли родную хату...», уже вижу лишь остатки тех многих сел, которые еще вчера были живыми. А помимо этого, вполне зримого физического убывания, — убывание духовное из учебных программ, из культурного и информационного пространств. Даже условия экономической деятельности создаются сегодня в России такими, что русский человек оказывается недееспособным.

Я бы даже сказал, что и русская поэзия, и сама русская жизнь сегодня еще не достаточно этноцентричны для того, чтобы русский народ мог преодолеть угрозу полного исчезновения с лица земли.

Например, вся внутренняя политика в СССР стала вдруг этноцентричной, когда Гитлер стал приближаться к Москве.

Вот отрывок из самого этноцентричного стихотворения той поры, написанного Константином Симоновым, которого в этноцентризме вроде бы не заподозришь:

*...По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.
Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,
За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.*

Когда-то я руководил газетой «Московский литератор». Вспоминаю ту пору, которая теперь кажется мне увиденной во сне.

Я в ЦДЛ впервые зашел в 1977 году (кто-то меня провел по своему писательскому билету). Помню, мы с трудом нашли себе пару свободных стульев в Пестром зале, который гудел, как улей. Два убежденных седи-

ми писателя, которых я сразу узнал по журнальным фотографиям, вели какую-то необыкновенно азартную беседу. Сейчас никто не поверит в это, но беседа эта была о литературе. А за соседним столом кто-то гудел стихи своим захмелевшим товарищам. И чуть поодаль кто-то на кого-то уже заматывался, но драчливая рука была благополучно поймана и усмирена.

Мои предварительные провинциальные фантазии о литературной столице оказались слишком бледными перед этим, столь могуче мне явленным, кипением литературных страстей.

Потом я был принят на работу в Московскую писательскую организацию, которая тоже располагалась в ЦДЛ. И пришлось бывать на очень частых писательских собраниях, где страсти кипели не менее бурные, чем в буфетах.

Писатели тогда были, как дети. А я со своею крестьянской степенностью казался себе глубоким стариком.

Пришлось мне захаживать и к живущему рядом с ЦДЛ Леониду Максимовичу Леонову. Я со школьных лет знал его по той фотографии, на которой он стоит с Есениным, и оба одеты франтовато, и — совсем еще молодые. А теперь он был уже высохшим до прозрачности стариком, из дома он не выходил, и все дотачивал свой роман «Пирамида». Мне было жалко тех глав, которые он выбраковывал, на мои краткие просьбы: «да зачем же...», «да оставьте вы эти странички...» — он, как обиженный ребенок, начинал мне объяснять, что «у романа голова не должна быть шире плеч», что «если в сюжете правый бок выпирает сильнее, чем левый, то сюжет этот будет уродлив». И полуслепые глаза его под линзами очков пылали огнем, сухенький голос его наполнялся какою-то отнюдь не стариковской энергией. Только потому, что у него где-то внутри помещались два-три раскаленных вулкана, мог он без усталости — больше тридцати лет! — полировать и полировать свой роман.

Да, уже забыты многие сотни тех прозаиков, книги которых теперь я беру в руки и поражаюсь строжайшему совершенству каждой фразы. Ну, скажем, кто теперь знает такое имя, как Георгий Семенов? А я помню каждую страницу его повестей и на вкус, и на цвет, и на запах. Увы, сейчас уже с таким тщанием, с такою ревностью к мастерству — пишут крайне редко.

А в «Московском литераторе» раз в неделю заседал партком, на котором в «разном» обязательно поднимался вопрос о замене главного редактора. Все тут же начинали метать друг в друга громы и молнии, но при голосовании всегда не хватало одного или двух голосов, чтобы меня из редакторов изгнать. И я еще долго оставался внутри тогдашних писательских яростнейших сражений.

И вот теперь я вспоминаю прежние бури писательские, сравниваю их с нынешними уже более чем постными обсуждениями во все том же ЦДЛ новых писательских книг. Писательский народ в большей массе своей, скажу я вам, очень и очень поскучнел, заугромел, облупился, скукожился. Особенно в более молодых поколениях. На контрасте с этими поколениями иногда заходит ко мне уже 95-летний Семен Иванович Шуртаков, чтобы по косточкам разобрать какую-нибудь мою повестушку. «Да ладно, Семен Иванович, — утешаю я его с превеликим изумлением и восхищением, — что написалось, то и написалось...» «Э-э-э, не-е-ет, — не успокаивается Семен

Иванович, — ты не отмахивайся, ты, понимаешь ли, если уж замахнулся, то, понимаешь ли, вот так теперь не отмахивайся!..»

Только человек, глубоко верующий в то, что литература, это тебе не хухры-мухры, может вот так огорчаться по поводу того, что какую-то важную линию в сюжете я не развил в должной степени.

Писатель при жизни должен быть живым человеком, а не восковой фигурой из музея мадам Тюссо.

Только такой живой, как Семен Иванович Шуртаков, писатель мог отдать всю наличную часть своей Госпремии на строительство памятника погибшим землякам у себя на родине. А уж гражданская это позиция или личностная — какая разница?

Та литература, в которой рядом стоят великий Пушкин и чудесный Гаршин, — это всего лишь сублимированное в искусство слова религиозное чувство, свойственное человеку от природы. А если писатель такое чувство в себе придушил, то ему уже «все позволено». И рядом с Пушкиным его на книжную полку не поставишь.

ВЫШЛА КНИГА

Наше время. Антология современной литературы России (поэзия и проза): Стихотворения, роман, биографические статьи, библиография // Составление и предисловие — Б. И. Лукин. — М.: «Издательство литературного института им. А. М. Горького»; М.: Издательство журнала «Юность»; Литературный фонд «Дорога жизни», 2011. — 416 с. (Серия «Наше время»).

Очередной том уникальной по содержанию серии «Наше время» составили поэтические и прозаические произведения писателей, родившихся в шестидесятые годы XX века.

В данный том «Современная литература России» включены произведения двадцати одного поэта и одного прозаика. Традиционно в обширные поэтические подборки, охватывающие весь творческий путь авторов — с первых публикаций до наших дней, — включены и насыщенные глубокими философскими раздумьями сочинения, и интимно-лирические стихи. Биографические статьи от первого лица и фотографии авторов приносят ощущение личной встречи с писателем, откровенной беседы. Библиографический материал, дающий отклики на выход предыдущих томов, адреса рассылки по университетам и библиотекам позволят исследователям и любителям современной литературы получить наиболее полную информацию о жизни и творчестве писателей, чьи произведения включены в антологию «Наше время».

Том дополнен CD-диск с электронными версиями предыдущих томов, вышедших в 2009 и 2010 годах.

Рекомендуется как учебный материал для преподавателей и студентов-филологов. Антология адресована самому широкому кругу любителей словесности.

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Ольга СОКУРОВА

ДЕТИ ПОБЕДЫ НА ЛИТЕРАТУРНОМ ФРОНТЕ

В рубрике публикуются литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

Речь в этой статье пойдет о книгах последнего времени, авторы которых, как и автор самой статьи, объединены местом жизни, временем рождения и мировоззрением. Все мы связаны судьбой и работой с аристократически прекрасным, трагическим и великим городом, явившим в страшное время блокады жертвенное благородство и исключительную стойкость духа. Все мы принадлежим к поколению детей Победы. Цена, заплаченная за нее, была столь велика, что вот уже более 65 лет продолжается в стране, худо-бедно, но все-таки мирная жизнь — срок для России неслыханный. Это тот срок, в который уложилось наше действительно счастливое детство, увлекательные и беззаботные годы учебы (говоря диким языком современных чиновников, годы *бесплатно* предоставляемых народу «образовательных услуг»). В этот срок вошли еще годы, когда был набран «опыт — сын ошибок трудных», и годы, в которые были осмыслены эти ошибки. Мы *успели* (благодаря Победе нам была дарована такая возможность!) пересмотреть и осознать многое в себе, в этом мире, в стране, в истории, наконец, созреть душою для того, чтобы прийти к вере, укрепнуть в ней и постараться по этой вере жить.

Да, срок отпущенной нам мирной жизни поистине огромен. Это и есть цена Победы, о которой принято сегодня много говорить и спорить. Вопрос о такой цене рассматривается, как правило, со стороны понесенных потерь, и исподволь проводится мысль, что столь непомерные потери, столь великие жертвы были напрасны. Наши отцы и деды судили иначе, чем их прагматичные потомки. Они думали, говорили и пели: «Мы за ценой не постоим...»

Мне вспоминается многосерийный документальный фильм, со-

зданный еще в советские времена — кажется, он назывался «Неизвестная война». Я не столько вслушивалась в текст комментариев к фильму, сколько всматривалась в выражение лиц людей на драгоценных кадрах военной кинохроники. Вот тревожные, серьезные, сосредоточенные лица тех, кто, сгрудившись, слушает по уличному репродуктору сообщение о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну... Вот измученные, обреченные лица новобранцев 1941 года... Вот матерински любящее, заботливое, сострадающее лицо старой женщины в платке, вновь и вновь поднимающей руку, чтобы осенить крестным знамением проходящие (отступающие?) колонны воинов. Некоторые оглядываются на нее, словно в ней и в этом благословляющем жесте вся их надежда... А вот лица солдат и партизан 1943–1944 годов. На них появилось какое-то новое выражение. Я вдруг поняла: это лица людей, *преодолевших страх смерти*. С такими людьми уже ничего нельзя сделать, их не одолеть. Это лица победителей. Грех считать таких людей просто «пушечным мясом», которое нещадно бросали на истребление военачальники. Россия выиграла войну не горами трупов, а силой духа. Ее защитниками были личности, *сознательно* положившие живот свой за други своя — за всех нас. Ведь, согласитесь, существует большая разница между пассивной, невольной жертвой и волевой жертвенностью, христианской по своей сути. Цена Победы — это огромное число пожертвовавших собой и неизмеримо большее число спасенных ими. Они отдали себя, чтобы жизнь на земле продолжалась и чтобы она была достойной. Те страны, которые не были готовы платить такую цену, сдавались врагу. Россия взойшла на крест...

Между тем нынешние «правдолюбцы», которые точно так же обязаны павшим и живым участникам Великой Отечественной войны самим фактом своего существования, швыряют в них, уже беззащитных, комья грязи и пытаются развенчать народную, священную войну как ложный миф. Но живы мы, дети Победы — *свидетели*, призванные защитить тех, кто добыл ее для всех.

В мире и в стране идет жестокая информационная война. В условиях новых электронных технологий *слово* стало мощнейшим оружием массового поражения. Но оно может быть и высоко боеспособным средством осуществления национальной безопасности.

Речь в этой статье пойдет о детях Победы, которые сегодня сражаются на передовой за Жизнь, за Правду, за Россию. Сражаются оружием слова.

Один из них — Александр Леонидович Казин. Он родился в победном сорок пятом, 21 ноября, в день архистратига Михаила, полководца ангельских сил. Вместе с Георгием Победоносцем и Ильей пророком Архангел Михаил, победитель демонов, является покровителем русского воинства.

Среди возможных предков писателя были воины разных эпох: Тимофей Казин, принимавший участие в ливонском походе Ивана Грозного в 1577 г., Андрей Казин, убитый под Смоленском в 1634 г., адмирал Николай Глебович Казин, начальник Морского Кадетского корпуса в 1851–1854 гг. Родители А. Л. Казина, Леонид Александрович и Мария Борисовна, во время Великой Отечественной работали на фронтах военными врачами. В конце войны их медсанбат стоял в немецком городке Мариенвердер. Уже после того, как отгремели победные залпы, в августе 1945 г. Леонид Александрович умер от брюшного тифа. Мария Борисовна вернулась в родной Смоленск. Вскоре

там родился сын, нареченный Александром. Однако дома его привыкли звать Леней — в память об отце. Через много лет он получил имя Леонид при крещении. В преемственной связи с отцом — не только кровной, но и воспринятой через святое имя — чувствуется что-то глубинное, неслучайное.

Многочисленные труды доктора философских наук, профессора, известного православного писателя и публициста А. Л. Казина отмечены поистине богатырским размахом и меткостью мысли, афористической точностью ее выражения. Их автора отличает стратегическое понимание главных направлений идейной и духовной борьбы, умение быстро и активно отражать удары (так называемые «вызовы времени») и уверенно переходить в контрнаступление по всем этим направлениям. В то же время в его книгах и статьях есть «врачующий простор», в них действует не агрессивная, а добрая и спокойная сила, направленная не на истребление, а на вразумление, исцеление и созидание. Таким образом, на духовном уровне он продолжает дело своего отца, врача и воина.

В обобщающей книге А. Л. Казина «Великая Россия»¹ собраны наиболее значимые его работы по теории и истории культуры, по исследованию основных особенностей русской Православной цивилизации, по актуальным вопросам современной политики.

Книгу завершает раздел с выразительным названием «Русская Победа». Но начинается этот раздел неожиданно — с повсеместно и часто звучащих разговоров о тотальном поражении России в конце XX в. Автор книги предлагает не торопиться с выводами и призывает вспомнить о коренном отличии в языческом и христианском представлении о том, что такое победа и как следует понимать поражение. Он отмечает, что победа современного Запада, который «фактически находится в плену у своих агрессивных по отношению к Божьему миру технологий» — это «гигантская пиррова победа прометеевско-фаустовского модерна, отвергнувшего христианские ценности <...>. Запад вошел сегодня в гедонистическую фазу своей истории, воспроизводящую “обратный ход” духовной эволюции Европы». Это может предвещать «в обозримом будущем геокультурную катастрофу..., опасную как для самого Запада, так и для большинства народонаселения планеты...»²

Между тем «русская христианская цивилизация всегда строилась не по удобству, а по правде в ее соборном понимании, — как раз в этом и состоит ее сила. <...> Русская победа — не в хитром приспособлении к онтологии греха (превращение греха в “конфетку”), а в глубинной верности Спасителю. Вопреки всем личным и коллективным падениям русский человек еще способен на жертву Богу — вот где победа Святой Руси»³. Истинная победа, согласно нашей традиционной системе ценностей, напоминает автор книги, состоит не в видимых успехах, не в захвате материальных благ, не в утверждении земной власти, не в благополучной жизни «для себя». «Провидение сделало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами, — утверждал в свое время П. Я. Чаадаев»⁴. Представление о

¹ Казин А. Л. Великая Россия. Религия. Культура. Политика. СПб.: Петрополис, 2007.

² Казин А. Л. Указ. соч. С. 599.

³ Там же. С. 599–600.

⁴ Там же. С. 601.

Победе выведено в книге А. Л. Казина за рамки земного существования человека и народа.

«Спасение души и есть христианская победа», — этот главный тезис автор стремится довести до ума и воли каждого из своих современников.

Книга «Великая Россия» в 2008 г. была удостоена Всероссийской литературной премии «Александр Невский».

В 2010 г. — в очередной юбилейный год Победы, совпавший с его собственным 65-летием — увидела свет новая книга А. Л. Казина «Русские чудеса». В ней собраны мысли и наблюдения автора, которые формировались и шлифовались на протяжении последних лет, и потому в нее вошли статьи, уже публиковавшиеся ранее, и статьи, вышедшие в свет впервые. Книга посвящена чуду русского бытия, чуду русской мысли и чуду русского литературного слова. Главное чудо состоит, по мнению автора, в том, что Россия сумела сохранить свое внутреннее духовное единство, свое сакральное ядро на всех крутых поворотах истории, при самых разных политических и экономических режимах. Что бы ни происходило на поверхности жизни, какие бы ни наступали смены вех — Россия возвращалась к Божьему замыслу о самой себе. В этом усматривает А. Л. Казин цикличность русской истории. Основная мысль, которую он хочет донести до читателя, состоит в том, что *«история России — русского народа, культуры, государственности, Церкви — представляет собой уникальную борьбу за сохранение православного ядра нашей цивилизации в условиях вызова со стороны противостоящих русскому миру сил»*¹.

Таковыми враждебными и опасными силами являются на сегодняшний день, как считает автор книги, с одной стороны, либеральные «прорабы прогресса», с другой стороны, этнонационалисты, которые рассматривают нацию как биологическое явление. Последовательная борьба и с теми, и с другими ведется на страницах книги, и в ходе этой борьбы выявляется в этих, казалось бы, полярных, силах, нечто общее: стремление очернить нашу историю, расчленив единство национального бытия и нивелировать, поставить под сомнение, в конечном счете, разрушить сакральное ядро русской цивилизации. Разумеется, все это прикрыто информационной завесой: декларациями о благих намерениях, о стремлении развенчать ложные мифы и открыть последние истины.

Но вот что замечательно: именно отношение к Великой Отечественной войне предельно проясняет позиции спорящих сторон, и тайное становится явным. Казин напоминает в своей книге, что резолюция ОБСЕ уравнивает фашистскую Германию и Советский Союз как виновников Второй мировой войны. Некоторые доморощенные «телеисторики» и эротические писатели подхватывают и на все лады смакуют эту мысль. Нашелся и священник, который провозгласил героем войны генерала Власова, пошедшего на услужение немцам. «Хоть с чертом, но против совдепии», — и ведь клирик одобрил этот выбор, забыв, очевидно, как много было свидетельств чудесной помощи Божьей Матери и святых нашим воинам на полях сражений, как споспешествовали они нашей крестной Победе над оккультным рейхом. Священное отношение русского народа к празднику 9 Мая он назвал «победобесием», а сам народ презрительно обвинил в пожизненном вранье и слу-

---

¹ Казин А. Л. Русские чудеса. История и судьба. СПб.: Петрополис, 2010. С. 9.

жении злу. К нему присоединился один из «прорабов перестройки», в 1990-е годы столичный мэром, а ныне тибетский маг, вызывавший «дух генерала Власова». На его стороне — и озлобленный либерал-диссидент, обозвавший ветеранов «жлобами» и «палачами на расстрельных полигонах».

А. Л. Казин справедливо утверждает, что «подобная нигилистическая критика Родины не ограничивается ее прошлым, центральным своим острием направляясь в настоящее и будущее»¹. И далее автор книги очень точно объясняет подоплеку развернутой в последнее время информационной кампании по изменению взглядов на военное прошлое нашей страны:

«Если задаться известным вопросом — кому это выгодно? — то придется признать, что вышеописанные акции по разоблачению “русских мифов” работают прежде всего на те закулисные силы, которые стремятся пересмотреть итоги Второй мировой войны, обесценить соглашения, достигнутые державами-победительницами в Тегеране и Ялте, и тем самым лишить Россию идейной и юридической легитимации в современном мире. Некоторые из деятелей отечественного либерализма открыто призывают Россию отказаться от правопреемства по отношению к Советскому Союзу, то есть фактически зачеркнуть не только 70 лет нашей истории XX века, но всю отечественную историю. Их стараниями мы уже оказались почти в границах XVII века. Что еще надо сделать, чтобы вытеснить эту “неправильную” страну из международного культурного и политического пространства, превратив ее в вечного изгоя?»²

В этих словах содержится строгое и своевременное напоминание о том, что бои за честь, свободу и независимость нашей родины продолжаются. Пока что, по преимуществу, в информационном пространстве, на словесном фронте. Но значение этих боев очень велико, поскольку от их исхода зависит состояние народного духа. В книгах и статьях А. Л. Казина содержится спокойная убежденность: «Бог хочет, чтобы Россия существовала — в этом все дело. С точки зрения любого *ratio* — политического, экономического, социокультурного — России уже давно не должно было бы быть, и, однако, она есть и будет. Конечно, наша история осуществляется как испытание: благополучием и комфортом здесь не пахнет. Но разве для сытости и удобства изгнан человек из рая? Русский — тот, кто любит Россию и свободно разделяет ее земную и небесную судьбу»³.

К числу любящих Россию и разделивших ее крест людей относится Людмила Николаевна Разумовская. Семья ее матери, Ольги Федоровны Кондратьевой, была раскулачена в годы коллективизации. Но началась война, и Ольга Федоровна ушла добровольцем на фронт, скрыв свой возраст (ей было только 17 лет). Сначала служила медсестрой, затем шифровальщицей в контрразведке. Вместе с войсками Калининского фронта участвовала в боях за Ржев, Псков, Калининград, Прибалтику. Пережила в эти годы «военно-полевой роман». После войны в Риге родилась ее единственная дочь. Совсем вскоре первая семья распалась. Девочку воспитывал отчим, давший ей свое отчество, фамилию и настоящую отцовскую любовь. Николай Николаевич Разумовский был родом из Белоруссии, и также про-

¹ Казин А. Л. Русские чудеса. С. 320.

² Там же. С. 334–335.

³ Там же. С. 342–343.

шел войну от начала и до конца. Освобождал родной Витебск, Польшу, Германию. Имел ранения, был награжден боевыми орденами. Войну окончил в чине капитана. Продолжал служить в армии до 1959 г., потом попал под так называемое «хрущовское сокращение». Умер рано, в 40 лет. Как вспоминает Людмила Николаевна, это был прекрасный человек — добрый, скромный, заботливый; его золотые руки неустанно трудились, создавая нужные и красивые вещи.

Дочь фронтовиков стала известным драматургом, остро чувствующим время, пронизательно и честно отражающим его духовные и социальные проблемы. Такие пьесы Л. Н. Разумовской, как «Дорогая Елена Сергеевна», «Сад без земли», «Медея», «Сестра моя Русалочка», «Конец восьмидесятых», «Владимирская площадь» и другие, со времени своего создания и по сей день идут на подмостках многих театров Европы, Азии, США, Канады. На родине у каждой из них была своя драматическая, но порой и счастливая судьба.

В 2010 г. вышло новое произведение Л. Н. Разумовской, на сей раз написанное в жанре «большой прозы». Роман получил емкое название «Русский остаток»¹. Как представляется, это произведение стало настоящим событием в современной отечественной культуре.

Героиня романа Галина Преображенская — провинциальная девочка из неблагополучной и неполной семьи. Вырвавшись после окончания школы из постылой домашней обстановки, она едет в Ленинград и поступает в университет. У нее случайные и беспорядочные представления о жизни и людях, случайные знакомства и связи. Казалось бы, волей случая, увязавшись за подругой в авантюрную поездку на окраину Москвы, она встречается с большой и пожизненной своей любовью. Именно с приходом настоящего чувства начинается постепенное углубление, преобразование ее личности. Фамилия Преображенская обнаруживает в этом отношении свой символический смысл. И в другом отношении фамилия дана героине не случайно: она указывает на принадлежность к священническому роду. Галина не знает об этом. Долгое время она думает, что отец был посажен в тюрьму за «уголовщину», и всеми силами стремится вырвать из сердца память о нем.

В ее судьбе просматривается судьба поколения, которое во многом состояло из послевоенных Иванов не помнящих родства. Но к лучшим представителям этого поколения постепенно возвращалась родовая, историческая и духовная память. Они каким-то чудом «продирались» к правде, казалось бы, навсегда для них закрытой. Исконно русское правдоискательство является главным достоинством автора романа и ее героев. Все они — дети русской Победы. И все они продвигались в трудных поисках правды непрямыми путями, часто ошибаясь, падая, переживая перемены и катастрофы в своей жизни. Перед каждым из них тем или иным путем раскрывались семейные тайны, разворачивалась история рода. И каждая такая история заставляла задуматься о тайнах Большой истории, о причинах и смысле той непомерно великой крестной ноши, которая легла на Россию в XX в. и под которой стонет и сгибается она по сию пору. И не просто задуматься, а выстрадать, пропустить через сердце эту тяжесть и боль, всем существом приобщиться к ней, а значит, вновь укорениться в родной почве, получить

---

¹ *Разумовская Л. Н. Русский остаток. СПб.: Алетейя, 2010.*

прививку к общему могучему дереву Русского креста. В результате масштаб романа оказывается поистине огромным.

Нужно отметить, что Людмила Разумовская сочетает в себе женскую способность к чуткому пониманию и сопереживанию личной и общей боли — и поистине мужественную отвагу в обнаружении, назывании, бескомпромиссно правдивом и беспристрастном осмыслении всех самых трудных тем русской истории XX в. Таких, например, как февраль 1917 г. и его перекличка с февралем «перестройки», как личность и политика Сталина, как трагедия и роковые ошибки движения генерала Власова, причины и ход чеченской войны, роль Запада в прошлой и современной судьбе России, последствия олигархического захвата власти.

Все эти и многие другие, не менее острые ибольные темы, поднимаются и обсуждаются на страницах романа в трудных спорах, в захватывающих динамичных диалогах, построенных с настоящим драматургическим мастерством. Самое главное их достоинство — в том, что в ходе этих предельно искренних разговоров ломаются привычные, умело навязанные нам штампы и стереотипы, и правда проступает во всей своей сложности и многогранной, подчас противоречивой сути. Причем ни сам автор, ни ее герои вовсе не настаивают, что это — правда в последней инстанции. Последняя точка отнюдь не поставлена, и читатель может включиться в дальнейшее осмысление этих сложных и общественно значимых тем. В таком приглашении к духовному и интеллектуальному сотрудничеству в сфере постижения наиболее спорных страниц истории видится еще одно несомненное достоинство книги.

Честность, бесстрашие и силу души автор книги обнаруживает и в выявлении самых болевых проблем современного общества, с его культурным одичанием и вопиющей безнравственностью. При этом, глубоко сострадая бедствующему и вымирающему народу, Л. Н. Разумовская не впадает в крайность «народобожия», не делает попыток национального самооправдания. В ее романе мы находим честное и трезвое признание и беды, и вины человека и народа, а также горький, но убедительный диагноз гибельных процессов, происходящих в России и мире.

В то же время книга Людмилы Разумовской не оставляет чувства безнадежности. Свет истины, веры, добра проникает в души главных персонажей романа и постепенно разрастается, утверждается в них. Герои показаны в трудностях своего духовного роста. По мере того, как изменяются, преобразуются они сами, меняются и их отношения. Чем взыскательнее становятся они к самим себе, чем строже судят себя за совершенные когда-либо грехи и проступки, тем терпеливее, мягче, благодарнее они относятся друг к другу, тем мудрее принимают то, что происходит в их жизни — даже самые дорогие утраты, даже собственный земной конец.

Роману дано прекрасное и точное название. В словосочетании «русский остаток» угадывается отсылка к известным евангельским словам о том, что лишь остаток спасется. И в самом деле, сейчас, как никогда, мы можем убедиться, что широкий путь ведет к гибели. Увы, многие из наших современников предпочитают, не задумываясь, идти именно этим облегченным путем. Но каждый из нас, подобно героям романа Л. Н. Разумовской, может войти в спасительный русский остаток, если решится встать на узкий и трудный путь правды, веры, милосердия, покаяния и любви.

Петербургский писатель и журналист Александр Раков, как и А. Л. Казин, и Л. Н. Разумовская, принадлежит к послевоенному поколению детей Победы, многие представители которого отличаются редкими и неистребимыми качествами внутренней свободы, независимости взглядов, национального и личного достоинства. Его отец, Григорий Иванович, в 1939 г. окончил с отличием университет по специальности «немецкий язык и литература», поступил в аспирантуру Пушкинского Дома. В 1940 г. был призван в ряды Красной армии, освобождал Западную Белоруссию. Во время Великой Отечественной войны сражался сначала на Западном фронте, затем окончил офицерские курсы, с декабря 1943 по август 1945 г. служил в Политуправлении Украинского фронта. Брал Берлин. Был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, несколькими медалями «За отвагу», которые приравнялись к почетному Георгиевскому кресту дореволюционной русской армии. Имел и другие медали — «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», польскую награду «За Одер-Нейсе-Балтику». После войны служил в Австрии. Александр Раков родился в Вене, затем разделил судьбу многих детей из офицерских семей: переезжал с отцом из страны в страну, из города в город — набирал впечатления для будущих трудов.

Отец был многосторонне одаренным человеком, имел превосходный литературный вкус. Из немецких поэтов выделял и любил Рильке, который так глубоко понимал душу России. Григорий Иванович писал письма о литературе старшему сыну, Эдуарду. Но письма этигодились младшему, который, как и отец, начал заниматься на университетском филфаке, а позднее стал опытным журналистом и набирающим опыт писателем. Особенно запомнилось ему отцовское слово «сгущение» — в рассуждениях о литературной форме. Это слово стало для него путеводным.

Дело в том, что Александр Раков нашел свой, весьма интересный и необычный «малый жанр» художественно-документальной прозы. Он определен самим автором совсем не академично, зато образно и метко — «былинки». Былинки связаны с былью — жизненной былью и еще былью сердца, совести и ума. Они несут в себе впечатления, чувства, размышления, воспоминания, которые спонтанно, ненароком посещают душу и «высеваются» на словесное поле во всей своей непосредственности, живой первозданности. В «былинках» нет торжественной героики былин. Но они связаны с вечной сутью бытия и с насущными заботами, тревогами, радостными и скорбными мгновениями жизни и напряженной духовной битвой за жизнь.

Раков честно обнажает самые болевые ее точки. Он пишет о нищих ветеранах, о бомжах, о брошенных или жестоко замученных животных, об уничтоженных в материнском чреве детях, о нашем непонимании родителей, непоправимой вине перед ними. Будоражит душу его потрясающий рассказ о послевоенной судьбе безруких и безногих «самоваров» на Валааме, которым мы обязаны жизнью и которых власти постарались проводить с глаз долой, подальше от наступившего в стране относительного благополучия. В его книгах можно найти размышления о детском алкоголизме, об униженном женском достоинстве. Он не побоялся поместить исповедь ВИЧ-инфицированного человека, которая дает возможность заглянуть в еще одну бездну, разверзшуюся у нас под ногами. В последней книге «былинок» скупое, без комментариев, сообщено, что единственный в стране батальон, созданный для поиска неучтенных воинских захоронений, Министерство

обороны решило сократить «в целях оптимизации расходов». Есть страницы, которые читать невыносимо тяжело — такое страдание и сострадание они вызывают. Но читать необходимо: с сердца сдирается короста забвения, безразличия, самоуспокоенности.

Автор «былинок» нередко осуществляет смелые попытки публичной исповеди в тех своих грехах, которые продолжают мучить совесть. И происходит ответное движение: совесть читателя оживает, страдает, вспоминает — работает... Вовлечение читателя во внутреннее пространство повествования, побуждение к духовному труду — одно из самых ценных качеств книг Ракова.

Еще одно важное их достоинство — живое чувство соборности, которую А. С. Хомяков некогда определил как «свободное единство в любви». Это чувство побудило автора выбрать необыкновенно доверительную интонацию в разговоре с читателем — разговоре близких людей, которым нечего друг от друга скрывать, ведь у нас одна общая историческая судьба, одна страна, одна вера. Между тем в наше время люди, к сожалению, очень разобщены, каждый предпочитает жить «на особинку». Мы можем утратить уникальное свое богатство, уже давно недоступное остальному миру — роскошь настоящего человеческого общения.

*Это жажда разговора со своим.
Это детское братанье — навсегда.
И наивное: потом договорим.
А потом и не бывает никогда.
Это вечное желание мое
Всех собрать и воедино, и навек.
Это то, что называется «свое»,
По чему тоскует русский человек.¹*

Надежда Мирошниченко

А. Г. Раков включил эти стихи в последнюю книгу «былинок», которая названа очень светло: «О жизнь, нечаянная радость...» (2010).

Сплав стихов и прозы — еще одна характерная и неповторимая, «каноническая» особенность жанра «былинок». Стихи множества известных, малоизвестных и совсем не известных поэтов, включенные в каждую книгу, возвышают, облагораживают прозу, обобщают конкретные жизненные впечатления, дают возможность мысли оторваться от земли и воспарить вверх.

Такой сплав авторской прозы и «чужих» стихов еще раз убеждает в том, что истина — одна на всех, и мы часто мучаемся одними и теми же вопросами, темами, одними и теми же физическими, духовными болезнями и социальными проблемами. Автор умеет подобрать стихотворные цитаты так, что они органично, «без швов», срастаются с авторской прозой и, сливаясь друг на друга, усиливая друг друга, способствуют очень мощному смысловому, эмоциональному и нравственному воздействию на читателя. В результате создается то самое «сгущение», о котором когда-то писал отец.

---

¹ Цит. по: Раков А. Г. О жизнь, нечаянная радость. СПб.: Православный Санкт-Петербург, 2010. С. 183.

Приведу пример. В одной из «былинок» идет разговор о современных проблемах, и вдруг автор опять сворачивает к разговору о войне, определив свое пожизненное «ранение» ею строкой поэта Николая Глазкова: «Я не был на фронте, но я инвалид Отечественной войны!» И далее цитируется исключительная по силе «Баллада о молчании» Роберта Рождественского. В ней рассказывается о том, как наши сдвинули с перевала дивизию «Эдельвейс», и метельным ноябрьским вечером был получен приказ взять штурмом одну из укрепленных немецких позиций, что казалось невыполнимым: с трех сторон пулеметы, с четвертой — отвесная скала. Командир, как и его бойцы, отнюдь не был альпинистом, он вырос в Рязани. Но он поставил задачу: взять ночью штурмом стену-скалу и предупредил, что если кто-то сорвется, *должен молчать*: «там у них — патрули!» И вот начинается штурм:

*Лезли,
почти сроднясь со стеной, —
камень светлел под пальцами.
Пар
поднимался над каждой спиной
и становился
панцирем.
Молча
тянули наверх свои
каска,
гранаты,
судьбы.
Только дыханье слышалось и
стон
сквозь сжатые зубы.
Дышат друзья.
Терпят друзья.
В гору
ползет молчание.
Охнуть — нельзя.
Крикнуть — нельзя.
Даже —
слова прощания.
Даже —
когда в озноб темноты,
В черную прорву
ночи,
все понимая,
рушишься ты,
напрочь
срывая
ногти!
Душу твою ослепит на миг
жалость,
что прожил мало...
Крик твой истошный,*

*неслышимый крик
мама услышит.
Мама...¹*

Роберт Рождественский

А. Раков не ведет долгих разговоров — он точной, продуманной стыковкой разных текстов показывает, что наши нынешние проблемы, наши современные души проходят проверку строгой тишиной минувшей войны.

О сложности создания малой литературной формы и о несомненной ее перспективности в условиях сегодняшнего стремительного времени говорил Ю. В. Бондарев при вручении Александру Ракову в 2009 г. Международной премии им. М. А. Шолохова за предыдущий сборник публицистических и философских размышлений «На милость дня». Приведем дословно высказывание Бондарева: «Я давно понял, что в короткой речи, если она насыщена тем, что у тебя на душе болит, можно выразить очень многое. А у вас очень много боли. Я не увидел никакого подражания кому бы то ни было». Далее выдающийся писатель-романист признал, что короткой литературной форме принадлежит будущее и работать над ней сложнее, чем писать большой роман: «...в романе тебя движет сюжет, какие-то коллизии, взрыв характеров. А в короткой форме нужны настроение и мысль»².

Юрий Бондарев — честный и мужественный человек, и он настоящий писатель. Писатель-фронтовик. Получить из его рук премию особенно почетно. Это равносильно признанию боевых заслуг, включению в братство по оружию. То, что оружием является писательское слово, дела несколько не меняет. Мы уже говорили о том, что бои за Россию продолжаются. И становятся все тяжелее:

*Был День Победы взрывом счастья,
В нем гасла даже боль потерь.
Стучали радостно и часто
Сердца людские. А теперь?
Идут года, а с ними беды —
Как из прорвавшейся сумы.
И чем мы дальше от Победы,
Тем ближе к пораженью мы.³*

Николай Зиновьев

Эти горькие строки, включенные А. Г. Раковым в последнюю книгу «былинок», принадлежат кубанскому поэту, имя которого стало широко известным в последнее время. Его правдивые, сдержанные в своей трагичности и тем более сильные стихи находят живой сочувствующий отклик во многих сердцах. Но все же приведенные строки кажутся слишком пессимистичными в финале. Да, ныне мы несем огромные потери, не сопоставимые ни с каким былым историческим лихолетьем, даже с ужасами прошлой жесточайшей и Великой войны. Но дух, но сердце не хочет и не

¹ Раков А. Г. О жизнь, нечаянная радость... СПб.: Православный Санкт-Петербург, 2010. С. 82–83.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 301–302.

может согласиться с окончательностью нашего поражения. Во временных же поражениях русский характер только закалялся и креп — таково его удивительное свойство. Капитулировать мы не собираемся, хотя внутренне готовимся к еще пущим испытаниям. И обо всем этом свидетельствует последняя книга А. Г. Ракова.

В этой книге, как и в других, можно найти и немало светлых страниц — о послевоенном детстве, о мальчишеских играх, о родительском доме, о первой любви. И о благодатных дарах сегодняшней жизни — встречах с духовным отцом, общении с близкими и дорогими людьми, с любимыми котами, знакомой вороной, со всей родной северной природой. В книгах А. Ракова от страницы к странице все более наполняется и распахивается полный жизни и движения космос, в котором собраны и с любовью благословлены былинки и звезды, люди, звери, птицы...

«Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир всецелою, всемирною любовью. Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не возносись над животным: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя — увы, почти всяк из нас!»¹

Эти строки из итогового романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» очень близки Татьяне Михайловне Горичевой. Она — известный в нашей стране и в мире православный философ, общественный деятель, писатель, автор живых, содержательных, глубоких книг о России и Западе, о духовных проблемах современного мира, о наиболее значимых явлениях русской и европейской культуры². Кроме того, с недавнего времени она является вице-председателем Русско-французского общества защиты животных.

В одном из наиболее развернутых и содержательных интервью с Т. М. Горичевой, напечатанном в газете «Вечный зов», она называет себя солдатом последней войны³. Она действительно находится на передовой: в мире идет невиданная по размаху и напряжению схватка мертвого с живым. Мертвое наступает на живое, вытесняет, уничтожает его.

«Сегодняшняя ситуация такова, — пишет Т. Горичева, ссылаясь на данные современной науки, — что число вымирающих и вымерших в результа-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-и т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 289.

² За рубежом изданы следующие книги Т. М. Горичевой: «Взыскание погибших» (1982), «Опасно говорить о Боге» (1983), «Сила христианского безумия» (1984), «Дочери Иова» (1986), «Сила в бессилии» (1987), «Дневник путешествий» (1989), «Нечаянная радость» (1990), «Человек непрестанно ищет счастья» (1990), «Святая мать-земля» (1993), «Только Бог может спасти Россию» (1995), «Блажен, иже и скоты милует» (2010). На родине изданы: «Православие и постмодернизм», «Христианство и современный мир», «Об обновленчестве, экуменизме и “политграмотности” верующих», «Святые животные», «Только в России есть весна», «Дневники 2003–2009».

³ См.: Горичева Татьяна. Я — солдат последней войны... // Вечный зов. Независимая ежемесячная газета. 2008, № 6 (116). С. 4–5.

те человеческих действий животных драматически растёт. Каждый час исчезает приблизительно три вида животных, и эта тенденция усиливается... От 20 до 30 видов растений и животных вымрет в ближайшие годы...»¹

То, что творит современное потребительское общество с нашими меньшими братьями в ужасающих условиях современных боен, их немногочисленные защитники не случайно сравнивают с концлагерями третьего Рейха. «Повсюду вокруг нас совершаются массовые убийства, на которые закрываем глаза в общем солидарном усилии... мы не чувствуем грязи своих поступков»², — утверждает в книге «Жизнь животных» немецкий ученый Гетце. С ним солидарен французский философ Жак Деррида: «...Человек делает все, чтобы скрыть свою жестокость, чтобы вообще забыть о том, что можно назвать геноцидом в отношении к животным... Однако говорить о геноциде надо с пояснением: уничтожение видов, конечно, идет полным ходом, но существует также и организация искусственного выживания, inferнальная, погружающая животных в такие условия жизни, которые человек в прошлом назвал бы монструозными. Как будто бы вместо того, чтобы бросить весь народ в газовую камеру или крематорий, медики или генетики (например, нацистские) решили организовать искусственное осеменение, чтобы потом подвергнуть новые поколения все той же участи, бросить все в тот же ад генетических экспериментов, экстерминации при помощи огня или газа. В тех же бойнях»³.

В приведенных высказываниях можно увидеть точно выявленную параллель между чудовищными экспериментами над представителями «низших рас» во время Второй мировой войны и над животными, которым надменный человеческий разум отказал в праве на сострадание в нынешнее лишь по видимости «мирное» время. Все тот же «дух уничтожения и небытия», о котором предупреждал Достоевский, действовал тогда, действует и сейчас — уже в глобальном планетарном масштабе.

Женщина, согласно Книге Бытия, была последним из созданий Божиих, и она вместила в себя тайну и красоту всего творения. Адам дал ей имя Ева — «жизнь». И вот сегодня, должно быть, не случайно, именно женщина, русская женщина вышла на передовую планетарной духовной битвы за жизнь, поднялась во весь рост для того, чтобы защитить живое в душе человеческой, в родном многострадальном Отечестве и на Матери — Сырой Земле. Имя Татьяна а переводе с греческого означает «устроительница». Мученицу Татьяну, согласно житию, не тронули благородные львы, которых натравили на нее гонители.

Татьяна Горичева достойна своего святого имени. Она достойна и светлой памяти своего отца, Михаила Ивановича, пролившего кровь за Русскую Победу. В мирное время он работал топографом в Великом Устюге и благодаря профессии был освобожден от военного призыва. Однако Михаил Иванович от лимита отказался и ушел на фронт добровольцем. Сражался в артиллерийских войсках, получил тяжелейшее ранение, и до конца жизни на его теле, на голове у виска оставались следы осколков. Автору этих строк довелось познакомиться с Михаилом Ивановичем в середине 1980-х гг.,

¹ Горичева Т. Молчание животных. СПб., 2008. С. 5.

² Там же.

³ Цит. по: Горичева Татьяна. Блажен иже и скоты милует. Люблина, 2010.

когда он лежал в больнице. Навсегда запомнились его прямая дворянская выправка, мужественное и приветливое лицо с невероятно высоким лбом, искренность и в то же время сдержанность в разговоре, глубоко заботливые интонации, когда он расспрашивал о дочери.

Дочь была далеко, в Париже. В 1980 г. Татьяна Горичева была выслана из нашей страны за участие в женском христианском движении. На Западе (во Франкфурте-на-Майне, в знаменитом Сергиевском институте в Париже) продолжила образование. В отличие от многих диссидентов, она не стала на все лады поносить покинутую Родину. Напротив, свое призвание она увидела в том, чтобы знакомить западных людей, пришедших в ужас от «русской мафии», от мутной волны третьей эмиграции, — с настоящей, глубокой Россией, ее духовными сокровищами, ее мученическим подвигом, ее «всемирной отзывчивостью». Ей поверили. Ее наперебой приглашали в разные страны — и не только Европы, но и Азии, и Южной Америки.

Татьяна Горичева стала *голосом* «молчаливого большинства» своих соотечественников и осознала себя не в изгнании, а в послании со стороны вековой русской Тишины.

На своем участке она выиграла это сражение за Родину. Она была хорошо вооружена: богословской и философской начитанностью, знанием языков, умением искренним и сильным словом достучаться до сердец самых разных людей. Многие из них полюбили Россию и в наиболее трудные годы устремились на помощь нашим старикам, детям, инвалидам, бездомным.

На этом она не успокоилась. И вступила в бой за самых беззащитных, доверчивых, безгрешных, невинно страдающих по нашей вине и терпеливо, беззлобно несущих это страдание — она принялась говорить и писать о великом «молчании животных». Стала их *голосом*.

В последней книге «Блажен иже и скоты милует», вышедшей в 2010 г. в Любляне, Т. М. Горичева обобщает, подытоживает многое из того, что уже было написано ею на эту тему. В книге содержатся настоящие откровения о глубине, жертвенности, красоте таинственной «звериной души».

Автор понимает, что в привлечении всеобщего внимания к такой огромной, кровоточающей планетарной проблеме, как защита живого творения, «один в поле не воин». Поэтому в книге собраны и даже выделены графически очень сильные, емкие цитаты из различных книг, посвященных этой проблеме: начиная со Священного Писания и заканчивая высказываниями современных ученых, писателей, философов. Многие из них мало или совсем не известны у нас в России. Книга Т. М. Горичевой выполняет поэтому еще и важную просветительскую функцию, в ней присутствует дух вселенской соборности. Это роднит ее с уже упомянутыми здесь трудами, созданными лучшими представителями поколения, которое можно было бы назвать поколением детей Победы. Они продолжают сражаться за дело отцов.

«Бой идет не ради славы — ради жизни на земле».

Андрей РЕБРОВ

«ОДЕЯННАЯ В РИЗЫ ЦВЕТЕНЬЯ ПАКИ ПАСХА ХРИСТОВА ГРЯДЕТ!»

Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 году в Ленинграде. В 1993 году стал одним из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских — на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском (где получил благословение на творчество) и других монастырях оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь правления СП России, член Императорского Православного Палестинского Общества, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного государства. Главный редактор журнала «Родная Ладога». **Живет в Санкт-Петербурге.**

СРЕТЕНЬЕ

Пролег по невиским глядам лед,
И по застывшим токам вод
Стремятся люди, как по суше, —
А я тужу — в такую стужу
Ко мне никто уж не зайдет...
Но вспомню — хрупкий небосвод,
Пасхальный, звонкий ледоход,
Стай обдувающий прилет,
И радость навещает душу.

И я уже идти готов,
Чтоб встретить за метельным пенем
Христосование куполов
Со встречным солнышком весенним.

ПРИ ДВЕРЕХ...

Отемнел обесснеженный город,
Расточились блистанные льды,
На краях красных кровельных горок
Отцвели ледяные цветы.

И вечернее солнце на водах
Приглянулось пасхальным яйцом.
Паче снега бела пред народом
Церковь с каменным строгим лицом:

К покаянью отверзла нам двери,
Затворилась в молитву и пост...
Буди шедший безвинен и прост,
Как дитя в этом храмовом сквере...

Но мирской суетой предрержимы.
Мы, сердца не имея горе,
Словно тени проносимся мимо
Тех отверстых церковных дверей.

Да исполнится светом терпенья
Увядающий духом народ, —
Одеянная в ризы цветенья,
Паки Пасха Христова грядет!

* * *

Разверсты двери
в церкви запустелой —
Прообраз запечатанных времен.
Лишь зимний вихрь
поземкой то и дело

Кады во тьме у храмовых икон
Порой тепло доносит из придела
Страстной Андрея Критского канон.

Там в алтаре морозной звездной сканью
Мерцают — утварь, стены и полы,
Там старцы, словно в гуще Мироздания,
Творят канон, чтоб светом покаянья
Исполнить каждый квант греховной мглы.
И паки, паки будут дни светлы,

Светлы, как Рождество в ночной пещере,
Длинны, как путь несения Креста...
И может в срок Пришествия Христа,
Когда времен свершится полнота,
Той церкви распечатанные двери
Преобразятся в Райские Врата.

ЛЮБОВЬ

Выйди ночью за порог
Со свечой в руке —
И увидишь огонек
В дальнем-далеке.

Это я, храня свечу
От семи ветров,
Твоему огню шепчу:
«Выведи под кров».

* * *

«...Время собирать камни...»

Из Екклесиаста (3;5)

Когда с высот нисходит свет землистый
И замирает праздная молва, —
Я зарываюсь в книгах летописных,
Стремясь прозреть заветные слова.
Я отверзаю спудные страницы,
Как земляные древние пласты,
И всею сутью силюсь углубиться
До корневой глагольной высоты.
Но, словно камни — почвою тяжелой,
Сокрыты долгим временем — глаголы.
И кажется — не хватит целой жизни,
Чтоб, даже в самом тонком слое книжном,
Весь вековой пророческий их вес
Собрать в прообраз будущих небес.

* * *

Под небесным омофором
Зарно светятся снега.
На далеких косогорах,
Будто маковки соборов, —
Золотистые стога.

Так и ждешь, что величаво,
В лепоте былинной славы,
Вдруг взойдет из-под снегов,
Как заря былых веков,
Древний город златоглавый.

И над вотчиной той дальней
Запустелого села,
И над всей многострадальной

Русью нынешней, пасхально
Возгорятся купола,
Возгудят колокола.

* * *

Снова бреду по весеннему саду,
Глядя на стылые хляби пруда:
И прилипает к пытливому взгляду
Сочное тесто размякшего льда.

Вот прилетел ко гнездовью родному,
С вербной крошкой в клюве, кулик.
И возвращаюсь я мысленно к дому,
К маме, творящей пасхальный кулич.

* * *

Взбранились тучи над лугами.
Бугрилась пенно гладь озер.
И ветер рушился кусками
На воскресающий собор.

Укрыв за стенами страстными
Озерных птиц и луговых.

А он стоял несокрушимо, —
Ковчег средь хлябей временных —

Стоял — еще не возрожденный —
Небесным полон Бытием,
И стайки птиц, от гроз спасенных,
Уже пасхально пели в нем.

* * *

Дождь изошел, и туч гряда
Сменилась облачною сенью.
И я, пред лужицей весенней,
Забыв о времени тогда,
Глядел — как в горнии строенья
Пресуществляется вода,
Как высыхает навсегда

Промокших зданий отраженье.
И лишь оживший старый клен,
Видавший засухи и грозы,
С проволглых веток сыпал слезы,
Как будто он —
В тот, невозвратный из времен,
Парящий город — был влюблен.

* * *

Душа за птицами взметнулась
Под перезвон колоколов!
Рука невольно потянулась
К высоким солнцам куполов.

Стал на колени... И, наверно,
Заметив слезы на щеках,
Худых, небритых и смиренных,
Старушка с паперти придверной
В ладонь мне сунула пятак...

НЕБОВОДЬЕ

Цветет небесный луг безбрежный
Над затонувшей грядой,
Где, под высокою водой,
Как в первозданной зыби той,
Лучится солнечный подснежник
Сверхновой зыбкою звездой,
Как будто явленной в зените
Всего земного бытия,

И вокруг нее, как по орбите,
Течет к началу жизнь моя.
И в этой вещи круговерти,
В нездешнем росте донных трав,
Я вижу жизнь за кромкой смерти,
Я внемлю:
«...Смертью смерть поправ...»

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 09.03.2012 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 28,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1202143.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.